РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

V Международный симпозиум

Сборник научных статей

ТОМ I

Симферополь
Издательский дом КФУ
2021

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ КФУ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО
ISBN 978-5-6046332-5-0 ISBN 978-5-6046332-7-4
9 785604 633250 9 785604 633274

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени ФЕВЗИ ЯКУБОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

V Международный симпозиум

(8–12 июня 2021 г.)

Сборник научных статей

Том 1

Симферополь
Издательский дом КФУ
2021

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р89

Рекомендовано к печати Научно-техническим советом
Института филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(протокол № 1 от 20 апреля 2021 г.)

Рецензенты:
Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор
(ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск)
Александр Владимирович Петров, доктор филологических наук, профессор
(КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь)

Ответственный редактор:
Е. Я. Титаренко, доктор филологических наук

Редакционная коллегия:
И. П. Зайцева, доктор филологических наук (Витебск)
В. И. Теркулов, доктор филологических наук (Донецк)
Е. М. Шахова, кандидат филологических наук (Симферополь)
Р. Н. Гусейнова (Симферополь) (*технический редактор*)

Р89 **Русский язык в поликультурном мире:** V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.) / Отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. — Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. — 354 с.

ISBN 978-5-6046332-5-0 (т.1)

ISBN 978-5-6046332-7-4

В сборнике представлены научные статьи по докладам участников V Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» (8–12 июня 2021), включенного в программу Международного фестиваля «Великое русское слово» (7–13 июня, Республика Крым). В статьях поднимаются актуальные проблемы государственной языковой политики, роли русского языка в эпоху глобализации, вопросы этнопсихолингвистики и исследования русского языкового сознания с учетом региональных особенностей; анализируются лингвокреативные тенденции в сфере городской коммерческой номинации, концепция междисциплинарности и функционирования русского языка в разных типах дискурсов. На симпозиуме обсуждались аспекты политической, юридической, социо- и медиалингвистики, теории и практики лингводидактики, преподавания русской словесности в средней и высшей школе, лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-6046332-5-0 (т.1)
ISBN 978-5-6046332-7-4

© Авторы публикаций, 2021
© Издательский дом КФУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ДРУГИХ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ

Уфимцева Н. В. Крымский ассоциативный словарь: перспективы исследования 7
Балясникова О. В. Образы советского прошлого в языковом сознании современной молодежи (на материале ассоциативного словаря) 11
Титаренко Е. Я. ‘Свобода’ и ‘воля’ в языковом сознании молодежи 14
Курмакаева Н. П. О лингвокультурной ситуации в Донбассе 21
Гусейнова Р. Н. Структура семантического гештальта *армия* (по материалам ассоциативного эксперимента в Крыму) 27
Полянская А. Г. Представления о семье в языковом сознании жителей Крыма 32
Пильгун М. А. Восприятие речевых репрезентаций представлений о власти: сопоставительный аспект 38
Коновалова Е. А. Семантический гештальт *влияние* (на материале региональных ассоциативных словарей) 43
Стебунова А. Н. Концепт «счастье» в языковой картине мира студенческой молодёжи (по данным ассоциативного эксперимента) 48
Филиппович А. Ю., Черкасова Г. А. Парадигма «человек» в ассоциациях по «Русскому региональному ассоциативному словарю» 54
Хромов С. С., Худоренко Е. А. Языковая политика России: 2007–2021 (некоторые аспекты и проблемы) 60

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

Петрухина Е. В. Идиоэтническая семантика аспектуальных моделей в русском языке на славянском фоне 65
Маркова Е. М. Особенности концепта *толерантность* в русской и словацкой лингвокультурах 71
Чекалина Е. М. Шведские конструкции с аспектуальной семантикой в зеркале русского языка 81

Токарев Г. В. Метапредметная составляющая учебного лингвокультурологического словаря 86
Юрина Е. А. Цифровой полиязычный словарь метафор как средство культурного трансфера 89
Насырова А. Б. Концепт «дом» и его репрезентация в казахском и русском языках 95
Ваджибов М. Д. Дагестанские регионализмы в русской речи: плюсы и минусы 100
Прадид О. Ю., Карабаева Ш. М. Фразеологизмы, характеризующие умственные способности человека, в русском и узбекском языках 107
Юрина Н. Г. Интерпретации древнерусских реалий для иностранных студентов-филологов (материалы для лингвострановедческого словаря) 112

ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глазунова О. И. Флективно-акцентологические особенности склонения в русском языке имен существительных 119
Теркулов В. И. Ономасиологические типы дешифровальных стимулов сложносокращенного слова 126
Бровец А. И. Толкование значений аббреконструктов сложносокращённых слов 133
Емельянова К. Ю. Понятие о гнезде псевдоэквивалентности сложносокращённого слова 137
Меркулова И. А. Системный взгляд на русскую морфемику 144
Михеева С. Л. Экспрессивные высказывания в русском языке (на примере модели *какой* + адъективно-субстантивное сочетание) 150
Нелюбова Н. Ю. Русские паремии как источник актуальной аксиологической информации (на лексикографическом материале) 156
Валеева Л. В., Давыдкина А. С. Оппозиция «свой-чужой» как форма развития пространственной семантики (на материале языка Посланий Ивана Грозного) 162
Вязовик Т. П. Сегментированные структуры с *вот что*: исторический аспект 169

Давиденко Е. А., Крупичко Ю. В. Структурно-семантические особенности окказионализмов В. Высоцкого 175
Соснина Л. В. К вопросу об идиоматичности бахуврихи 181
Щетинина А.В Интенсивное обновление лексики со значением единения и вражды как знак времени 187
Чернобривец С.Г. Роль пресуппозиции в смысловой организации текста 192
Тимченко А.Г. Семантическое поле «лес» в рамках бинарной оппозиции «дом-лес» (на материале русских говоров Красноярского края) 197

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ. МЕДИАЛИНГВИСТИКА. ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ

Радбиль Т. Б. Лингвокреативный потенциал ценностных аномалий в художественной речи 205
Ремчукова Е. Н. Особенности номинаций в сфере культуры 212
Ван Мяо, Титаренко Е. Я. Новые тенденции в коммерческой номинации объектов города Симферополя 217
Юматов В. А., Захаров Р. И. Граффити как медиатекст: поиск оснований в рамках междисциплинарного подхода .. 222
Ачилова Е. Л., Регушевская И. А. Формы речевой агрессии в комментариях пользователей соцсетей..... 228
Гордиенко В. П. Пословица как форма духовной энергии русской языковой картины мира 238
Стародубец С. Н., Тимофеев С. Е. Идеологическая оценочность и идеологическая коннотация составных наименований 246
Прадид О. Ю., Свирская Е. Г. Тавтологические сочетания как способ выражения концептосферы «человек» 251
Вакулова Е. Н. Работа с развернутой метафорой в публицистическом тексте 257
Власкина Т. Ю. Самоидентификация жителей Донбасса по материалам общения в интернет-пространстве. Категория *мы* *262*
Гладкая Н. В. Мемы как неотъемлемая составляющая интернет-коммуникации..... 267
Иванчук И. А. Коммуникативная лингвистика: новые векторы исследования 274

Ильина Е. Н., *Ганичева С. А.* Проект «Говор северной деревни» в контексте осмысления феномена региональной идентичности 279
Иванов П. К., Катышев П. А. Позиция объекта в антисемитском дискурсе: на материале интернет-коммуникации 283
Лешкова Н. В. Изучение языковой личности священника как носителя элитарной культуры 289
Литвинчук И. Н. Природа Крыма и эмотивные морфолого-синтаксические способы ее репрезентации в русскоязычных цифровых медиа 295
Мищенко А. Н., Сегал Н. А. Устойчивые конструкции с интегральным компонентом ʻмузыкаʼ в русскоязычном медиадискурсе 300
Мозговой В. И. Социальность норм онимообразования 306
Новичихина М. Е. Исследование современной медианоминации: об одном из новых направлений современной медиалингвистики 312
*Родина Н. А.*Фрагмент описания языковой личности и коммуникативный потенциал современного военнослужащего (на примере курсантов военного вуза) 316
Сачкова Е. В. Концептосфера русского языка в современном медиапространстве 322
Сегал Н. А., Ядрова О. О. Семантика и прагматика советских лозунгов в русскоязычном медиапространстве начала XXI века 328
Трубина О. Б. Жаргонный дискурс vs языковой театр абсурда ... 336
Чеботникова Т. А. К вопросу о соотношении коммуникативных качеств «правильность» и «точность» 341
Кузьмина Л. А. «Прецедентный мир» Ф. М. Достоевского в современных медиа 348

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ДРУГИХ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ

КРЫМСКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Н. В. Уфимцева
nufimtseva@yandex.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

Крымский ассоциативный словарь к настоящему времени существует в виде электронной базы данных, содержащей прямой и обратный словари. Словари созданы по материалам массовых ассоциативных экспериментов со студентами различных вузов Крыма. В экспериментах приняли участие около 4500 респондентов обоего пола. По времени создания это самый «молодой» региональный ассоциативный словарь, но это не единственная его особенность. По условиям эксперимента в нем могли принимать участие коренные жители Крыма или лица, прожившие в Крыму не менее 10 лет. Учитывая средний возраст респондентов (19 лет), это означает, что они прошли социализацию и получили среднее образование еще в то время, когда Крым входил в состав Украины, и русские жители Крыма представляли собой диаспору, живущую в инокультурном, хотя и близкородственном, окружении. Сбор материала для словаря начался в 2018 году.

Особую ценность материалам Крымского ассоциативного словаря придает тот факт, что он является очередным в серии ассоциативных словарей носителей русского языка/культуры, которые собираются с 60-х годов прошлого века практически на одном исходном списке стимулов (1000 наиболее частотных слов русского языка), ассоциативные эксперименты проводятся с одной и той же социальной и возрастной группой респондентов (студенты разных вузов и специальностей в возрасте от 17 до 25 лет), а результаты интерпретируются с одних и тех же методологических позиций —

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 А «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

спозиций теории языкового сознания Московской психолингвистической школы. Содержание ассоциативного поля рассматривается как специфическое значение, как сумма знаний, которые стоят за словом в сознании носителя языка. При этом само значение рассматривается как социокультурный феномен. Ассоциативно-вербальная сеть, построенная по материалам Русского ассоциативного словаря [3], интерпретируется как модель обыденного образа мираносителей русского языка/культуры определенного поколения (см., например, [6, 8]). Именно такой подход и позволяет отслеживать те изменения, которые происходят в образе мира русских в связи с изменениями, происходящими в обществе.

Итак, первая группа задач, которая может решаться с использованием материалов Крымского ассоциативного словаря [11], это исследование собственно региональных особенностей языкового сознания молодого поколения жителей Крыма по отношению к их сверстникам в России. Задача эта очень интересна, поскольку, как мы уже указывали, до 2014 года русские жители Крыма по отношению к России представляли собой диаспору. И вот эти-то особенности мы и имеем возможность отследить. Таким образом, мы можем исследовать особенности языкового сознания носителей русской культуры, которые получили образование и проходили социализацию в рамках образовательной системы Украины. Показательный пример: на слово-стимул **война** крымчане дают реакцию *Вторая мировая война, Крымская война,* а их ровесники в России (СИБАС [9], ЕВРАС [7]) — *Великая Отечественная*. Можно предположить, что это есть результат отличий украинской образовательной программы и видения истории на Украине. Интересно, что на стимул **гимн** крымчане дают наряду с реакцией *России, Россия* и реакции *Украины, Украина*. С другой стороны, на стимул **чиновники** крымчане и жители России дают сходные реакции (см. [1]) *власть, воры, коррупция* (в Крыму) и *бюрократия, власть, коррупция* (ЕВРАС).

Еще одним аспектом регионального языкового сознания является территориальный, о наличии или отсутствии которого свидетельствуют факты появления реакций — реалий, указывающих на определенные пространственные объекты (например, *Севастополь, Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Ай-Петри, Аю-Даг, Чатыр-даг,*

*море, причал, Черное море, гора, виноградники*и т.п.) и апеллирующих к устойчивой во времени территориальной идентичности, связанной с природной средой и т. н. доместикатами (по Л. Гумилеву).

Заслуживающим исследования является и религиозный фрагмент обыденного языкового сознания молодых россиян. Как показывают первые результаты анализа, мы получаем очень интересный разброс по регионам России. Так, процент реакций на стимул **воскресенье,** которые можно отнестик религиозному сознанию по данным ЕВРАС– 11,5 % от общего числа реакций, по данным СИБАС — 6,0%, а у крымчан — 7,8%.

Традиционным аспектом исследования особенностей языкового сознания по данным массовых ассоциативных экспериментов является гендерный. Электронная база данных Крымского ассоциативного словаря позволяет исследовать особенности языкового сознания респондентов в зависимости от их пола. Эти исследования имеют давнюю традицию. В ассоциативной лексикографической практике имеются даже Ассоциативные словари, составленные по гендерному принципу (см. например, [2]).

Как показывают исследования (см., например, [4]), материал региональных ассоциативных словарей позволяет описать и систематизировать социально-культурные доминанты языкового сознания русских и тенденции их изменения. Для такого рода исследований наиболее продуктивным является понятие ядра языкового сознания. С помощью этого инструмента и благодаря наличию в арсенале исследователей материалов массовых ассоциативных экспериментов, которые проводятся с носителями русского языка/культуры начиная с 70-х годов прошлого века [5, 3 и др.] исследователи получили возможность устанавливать доминанты обыденного русского языкового сознания, исследовать их содержание и иерархию и, тем самым, выявлять его системность. Сравнение разных срезов обыденного языкового сознания демонстрирует устойчивое сходство в составе ядра языкового сознания у русских респондентов на протяжении всего периода наблюдений. Однако существуют и определенные тенденции в изменении ранга входящих в него понятий и их содержания. Это касается, например, содержания понятия **жизнь,** которое изменилось в положительную сторону: в **жизнь** наших русских испытуемых вернулся *смысл,*

присутствует эта реакция и ассоциативном поле крымчан; и содержания понятия **денег,** которые перестали быть *злом*: теперь с ними связывается представление о *власти* и *богатстве,* а также *труд* и *работа.* А вот в Крымском ассоциативном словаре **деньги** — это по-прежнему *зло* (вторая по частоте реакция).

Наиболее интересными и многообещающими, с нашей точки зрения, являются исследования содержания образов обыденного языкового сознания русских в динамике (см., например, [10]), и Крымский ассоциативный словарь открывает новые перспективы для таких исследований. Материалы ассоциативных словарей демонстрируют неразрывную связь содержания обыденного коллективного языкового сознания русских и процессов, происходящих в обществе, и помогают спрогнозировать векторы его развития.

Литература

1. Балясникова О. В. Применение психолингвистических методов для выявления пейоративности (на примере лексемы «чиновник») // Русский язык в поликультурном мире. Материалы III Международного симпозиума, Ялта, 8–12 июня 2019 г. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. — С. 18–23.
2. Дмитрюк Н. В., Молдалиева Д. А., Нарожная В. Д., Молданова Ж. И., Мезенцева Е. С., Сандыбаева Н. А., Абрамова Г. И. Қазақшаассоциациялықсөздік. Казахский ассоциативный словарь (КАС–2014). Алматы-Москва; Медиа-ЛогоС, 2014. — 330с.
3 Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.Русский ассоциативный словарь: [В 2 тт.]. М. : АСТ : Астрель, 2002.
4. Региональное языковое сознание коми, русских татар: проблемы взаимовлияния: Коллективная монография/ Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: РФФИ-ИЯз РАН, 2017. — 246с.
5. Словарь ассоциативных норм русского языка/Под ред. А. А. Леонтьева. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1977. — 192 с.
6. Уфимцева Н. В. Языковая картина мира: проблемы моделирования// Вопросы психолингвистики. 2016. № 1. — С. 238–249.
7. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС). Т. I. От стимула к реакции. − М.: Московская международная академия, 2018. — 560 с.
8. Уфимцева Н. В., Балясникова О. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2019. — Т. 18, № 1. — С. 6–22.

9. Шапошникова И.В., Романенко А.А.Русский региональный ассоциативный словарь (СИБАС). Т. I. От стимула к реакции. − М.: Московскийинститут лингвистики, 2014. — 781 с.
10. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020 — 336 с. — (Studiaphilologica).
11. Крымский ассоциативныйсловарь. Рабочая электронная база данных.

ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)[2]

О. В. Балясникова
o.balyasnikova@iling-ran.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

Информация, представленная в ассоциативных словарях, полифонична с исторической точки зрения. Множество таких ассоциаций — остатки прецедентных текстов, воспроизведенных вместе со стимулом в рамках одной синтагмы, другие — парадигматические и тематические ассоциации, инициируемые стимулом, вызывающим образ-ассоциацию с опорой на индивидуальные знания респондентов.

Образы исторического прошлого в КрАС[3] связаны с представлениями о войне/революции (стимулы **знамя, Ленин, революция, слава**), политическом строе и идеологии (стимулы **буржуазный, советский, КГБ, равенство, рабочий, колхоз**), исторических событиях (стимулы **коммунизм, космос, ракета, развал, победа**) и персоналиях (стимулы **коммунист, Ленин, Сталин, товарищ, площадь, памятник**). Специфика ситуации ассоциативного эксперимента, в материалах которого мы пытаемся обнаружить следы советского прошлого, побуждает сделать два существенных замечания.

1. Ряд стимулов, предлагаемых испытуемым, сам по себе вынуждает последних объективировать какой-либо образ, особенно

2 Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве и власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

3 КрАС – Крымский ассоциативный словарь, составляемый по итогам свободного ассоциативного эксперимента, проводящегося в Республике Крым с 2017 по 2020 гг.

при условии неупотребительности данного стимульного слова в актуальных ситуациях общения. Такие стимулы, очевидно, действуют как историзмы и их интерпретация, при слабом дискурсивном потенциале, возможна лишь в контексте исторического прошлого с опорой на опосредованно полученные знания.

Интересующие нас образы могут быть инициированы стимулом — словом, воспроизводимом в ограниченном числе контекстов; в этом случае в ассоциативном поле активно воспроизводятся синтагматические (текстовые) реакции. Так, со стимулом **буржуазный** предсказуемо образуется множество атрибутивных конструкций, в том числе семантически и грамматически некорректных:

Буржуазный → *строй 72, революция 26, класс 9, тип 5, зажиточный, капитализм, режим, СССР 4, пролетариат 3, пролетарий 2, революционер 2, буржуазная революция, буржуй, Ильич, Ленин, капиталистический, классовость, Россия, рябчиков жуй…*

Состав ассоциативного поля обнаруживает также, что стимул осознается респондентами в связи с прошлыми событиями (*история 8, средневековье 3, 17 век, XIX век 2*) и получает и современное переосмысление: богатый, состоятельный, хорошо одетый и т.д.

В ассоциативных полях, образуемых реакциями на стимулы подобного типа, также содержатся ассоциаты, указывающие на историческое время — оно может быть обозначено как *СССР/советский/социализм*, *прошлое* или *история*, персоналии (это обычно *Ленин* и *Сталин*, иногда *Карл Маркс*) и символику — звезду, красный флаг и т.д. Вообще, указание на *красный цвет* повторяется в ассоциативных полях независимо от стимула. Ниже приведены примеры некоторых ассоциаций рассматриваемого типа с указанием процента реакции по отношению к общему числу неединичных реакций.

Коммунизм→ *СССР* 23,3; *Ленин* 13,6; *красный* 6,3; *Сталин* 6,0; *партия* 5,0; *утопия* 2,3; *социализм* 2,0; *советский* 1,3; *был, давно, патриотизм, Китай* 1,0; *бабушка, беда, в СССР, в стране, звезда, общий, отвращение, система, слава, Советский Союз, тоталитарность, умер, зло, Карл Маркс, Россия, союз* 0,7.

Революция → *Ленин* 14,5; *октябрь* 4,3; *1917* 3,2; *красная* 2,5; *красный* 2,1; *октябрьская* 1,8; *большевики*, *великая, СССР, февральская* 1,4; *Сталин, коммунизм, социалистическая, красный цвет* 0,7.

Советский→ *союз* 33,3; *фильм* 11,7; *старый* 8,7; *человек* 6,9; *режим* 3,3; *красный* 2,7; *СССР* 2,4; *коммунизм, период* 2,1; писатель, *прошлое* 1,8; *прошлый, район* 1,5; *автомобиль, мультик, мультфильм, строй, телевизор* 1,2; *древний, интерьер, качество, надежный, солдат* 0,9; *время, гимн, житель, Ленин, менталитет, народ, развал, разведчик, ребенок, российский, Сталин, учебник, школьник, актер, парфюм, прочный* 0,6.

Товарищ →*Сталин* 6,0; *Ленин* 2,9; *СССР* 2,6; *брат* 2,3; *капитан, майор* 1,1, *коммунизм, командир* 0,9; *союз, союзник, лейтенант, не друг* 0,6.

2. Очевидно, что за образами прошлого закреплены отмеченные выше атрибуты времени, символа, цвета и события. Эта связь подтверждается при ином типе стимулов — актуальных лексем, используемых в широком контексте, с широким значением и обозначающим в том числе реалии настоящего. Ниже приведены некоторые примеры.

Красный→*флаг* 5,0; *октябрь* 1,7; *СССР, кумач, революция, террор, большевик, большевики, герой, знамя, коммунизм* 0,3.

Общий→ *коммунизм* 1,0; *единоличный, народный, социализм, СССР, советский* 0,3.

Победа → *война* 10,5; *праздник, ура* 3,1; *9 мая* 2,7; *за нами* 2,4; *звезда, май* 1,4; *ВОВ, СССР* 1,0; *1945, знамя, красный, флаг* 0,7; деда*, народа, парад, фашизм, 9 мая 1945 год, над Германией, пролетариата, рейхстаг, 75 лет, будет за нами, великая отечественная, вторая мировая, мы помним= родина!* 0,3.

Рабочий →*класс* 19,3; *крестьянин* 2,1; *завод, пролетариат* 1,5; *и колхозница, пролетарий, колхозница* 0,6; *коммунизм, народ* 0,3.

Ракета → *Гагарин* 7,9; *Гагарина, красный, союз, Союз МС, Белка и Стрелка, красная, Ленина, советская, спутник, СССР* 0,3.

Ограничения, накладываемые экспериментальной процедурой, создают определенные трудности для интерпретации знаний о советском прошлом, зафиксированных посредством разнообразных ассоциаций, тем не менее данный ассоциативный пласт представляет интерес для исследования, поскольку дает возможность узнать, обнаруживается ли след исторической памяти в языковом сознании современной молодежи, в каких образах, в какой вербальной форме выражается и в перспективе — существует ли динамика этих образов, модифицируются ли они под влиянием современных реалий и можно ли выявить региональное влияние на содержание этих образов сознания.

‘СВОБОДА’ И ‘ВОЛЯ’ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ[4]

Е. Я. Титаренко
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Концепты ‘свобода’ и ‘воля’ традиционно относят к числу ключевых для русской культуры. Как пишут исследователи, обычно выделяют «четыре базовых значения концепта «свобода»: 1) возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию; 2) отсутствие ограничений, запрещений в политической области; 3) вообще отсутствие ограничений, стеснений; 4) свобода как нахождение не в заключении, рабстве» [4, с. 163]. Слово ***Воля***, по МАС [7], имеет следующие значения: 1. Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений. 2. Желание, хотение, требование. 3. Власть, право распоряжаться по своему усмотрению. 4. Состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода; а также 5. *Прост. устар*. Освобождение крестьянства.

А. С. Солохина на основании собственного социолингвистического опроса утверждает, что самое распространенное понимание свободы — «возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию», является ядерным, а такое значение, как «отсутствие ограничений, запрещений в политической области», опрашиваемые поставили на предпоследнее место, хотя в русских словарях оно идет вторым, что подтверждает ее предположения о том, что элементы политической свободы в сознании россиян не первичны [8].

Е. В. Урысон предлагает следующее толкование центрального значения концепта «свобода»: свобода (словарное толкование) = «положение дел (ситуация), при котором человек может делать то, что хочет, потому что никто его не ограничивает, благодаря чему субъект испытывает очень приятное чувство» [9, с. 696]. Она видит специфику понятийного компонента концепта «свобода» в модификации его основного значения, которая заключается в сдвиге семантического акцента внутри значения лексемы.

[4]Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Н. Д. Арутюнова видит различия понятий «свобода» и «воля» в том, что «воля характеризует природного (естественного) человека, живущего в среде природы, свобода — социального человека, живущего в социальной среде» [1, с. 83]. Общность этих понятий ограничена социомодальным значением: концепт «свобода» соотносится с модальностью необходимости, признающей ограничения, тогда как «воля» ассоциируется с модальностью желания, их снимающей [1, с. 74]. Оба понятия — «воля» и «свобода» — непосредственно связаны с человеком, его внутренним миром и его поведением в среде обитания. Свободу градуирует закон. Волю градуирует сила и власть, которой наделен субъект действия. Свобода ограничена извне, воля также и изнутри. Н. Д. Арутюнова писала о том, что воля имеет «владельца» (*такова моя (его) воля, воля императора*), ***своя воля*** противостоит ***чужой воле***. *Свобода* в таких контекстах не употребляется. Свобода объективна, потенциальна и «пуста», ее валентности не заняты [1, с. 76]. В основании семантики *воли* лежит модальность желания, в основании семантики *свободы* — наличие внешних условий для его реализации. «Свобода социальна, демократична и «горизонтальна», воля личностна, деспотична и «вертикальна». Вертикаль воли-веления направлена сверху вниз. Вертикаль воли к власти — снизу вверх» [1, с. 77].

А. Вежбицкая видит специфику русского концепта «свобода» в том, «что во всех русских словарях слово свобода толкуется с упоминанием слов «стеснять» или «стеснение», производных от «тесно», как если бы свобода состояла, по сути своей, в «освобождении» из своего рода смирительной рубашки, материальной или психологической» [3, с. 35]. Представление свободы, заключенное в русской языковой картине мира, сопровождается, прежде всего, ощущением безмерного счастья, простора. «В свободе ощутимым образом присутствуют … коннотации “простора”, широкого, бескрайнего пространства, где можно ПОЛНОСТЬЮ вытянуться» [3, с. 236].

Н. М. Петровых также утверждает, что воля, отождествляемая со свободой, ассоциируется в русском языковом сознании с *небом, полетом, простором, ветром, птицей, пространством, светом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем*. Таково общее ассоциативное субполе слов, содержащее сему ‘пространство’, связанное

с природой и стихией. Свобода же, по мнению автора, ассоциируется у русских людей с *деньгами, законом, равенством, братством, творчеством, демократией* и включает такие смыслы, как ‘независимость’, ‘выбор’, ‘ответственность’, ‘право человека’. Воля, утверждает автор, как психическое свойство индивида, его способность осуществлять свои желания, стремления, цели ассоциируется с силой, независимостью, характером, поступком, упрямством, решением [5].

А. Д. Шмелев пишет: «Специфическое русское понятие *воли* берет свое начало в архаическом противопоставлении *мира* как «своего», обжитого, устроенного пространства и *воли* как пространства «чужого», неустроенного» [12, с. 55]. В архаичной модели мира *мир* соответствовал привычной норме, а *воля* — непредсказуемым отклонениям от нее, в современной русской языковой картине мира, пишет автор, ассоциативные ряды для *мира* – это *лад, покой, уют*, «тогда как с *волей* ассоциируется скорее *простор* и *раздолье*, которые побуждают человека проявлять *удаль* и могут повести к *разгулу*» [12, с. 56]. Таким образом, А. Д. Шмелев тоже воспринимает *простор* и *волю* как ключевые концепты русской языковой картины мира. Он также пишет о трансформации концепта *воля* в советский период, когда *воля* была противопоставлена миру ГУЛАГа, что было характерно для мировосприятия заключенных (*воля = свобода*). Рассматривая противопоставление концептов *воля* и *свобода* на материале романа Солженицына «В круге первом», автор делает вывод о необходимости их различения: «*Воля* целиком относится к внешним обстоятельствам и противопоставлена заключению; *свобода* же по самому своему существу может быть только внутренней» [12, с. 72].

Попробуем проанализировать результаты свободного ассоциативного эксперимента с целью определения места этих концептов в языковом сознании современных молодых людей из разных регионов.

Семантический гештальт[5] ***свобода*** в языковом сознании молодых крымчан включает 4 зоны: ФЕ (устойчивые словосочета-

[5] Семантический гештальт строится по методу Ю.Н.Караулова, структура и принципы описаны в [2, с.235].

ния, паремии, клише) — более 48%; Объект — около 38%; Локус — примерно 8%; Субъект — около 5%. Не представлены в гештальте зоны Характеристика, Действия и состояния, Эго и Прочие.

Наиболее частотная ассоциация на стимул ***свобода*** — *слова* (*свобода слова* — 30,1%), вторым по частоте является ассоциат *выбора* (*свобода выбора* — 7,8%), далее в зоне ФЕ следуют такие реакции: *мысли, воли, попугаям, статуя, личности, действий, права*. В зоне Объект наиболее частотными являются реакции *жизнь, воля, полет выбор, независимость, счастье, ветер, равенство, слово, воздух, отдых, крылья, рабство* и др. В зоне Локус находятся ассоциаты *поле, небо, тюрьма, улица, Америка, природа, родина, пространство*. И в зоне Субъект всего три реакции: *птица, голубь, человек*.

Наиболее частотными, по данным нашего эксперимента в Крыму, были реакции (цифра показывает количество людей, ответивших данным словом на стимул): слова **97**; выбора **25**; жизнь **18**; воля, полет **13**; выбор **10**; независимость, птица **9**; мысли **8**; счастье **7**; воли, попугаям **6**; небо, поле, равенство, слово, ветер **5**; воздух, личности, статуя, тюрьма, улица **4**; голубь, действий, рабство, человек, отдых, крылья **3**; Америка, вероисповедание, власть, вымысел, деньги, иллюзия, миф, ограничение, одиночество, отсутствие, права, природа, родина, свет, слову, увольнение, совесть, пространство **2.** Общее количество ответов 441, в том числе 119 единичных реакций.

Стимула ***воля*** в проведенном ассоциативном эксперименте не было, однако в обратном словаре мы видим количество стимулов, которые вызвали эту ассоциацию (их 37), суммарная частота реакции (80), причем подавляющее большинство этих реакций вызваны единичными стимулами. На стимулы *жест, победа, сокол, тюрьма* испытуемые ответили ассоциатом *воля* по 2 раза, а первые три места занимают стимулы *сила* 21 (26,25%), *свобода* 13 (16,25%), *свободный* 8 (10%).

По данным обратных словарей ЕВРАС [10] и СИБАС [11], суммарная частота реакции ***воля*** соответственно 102 [10] и 89 [11], при этом первые три места занимают стимулы *свобода* 20, *сила* 14, *стремление* 6 (ЕВРАС); *свобода* 28, *сила* 13, *свободный,*

слабый 4 (СИБАС). Как видим, ассоциации молодых жителей Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока совпадают между собой больше, чем с реакциями жителей Крыма, особенно с учетом количественной разницы опрошенных (в КрАС на данном этапе на 500 анкет меньше, чем в СИБАС и примерно на 900 меньше, чем в ЕВРАС).

Реакция ***воли*** также встречается во всех трех словарях, и здесь носители языка во всех регионах единодушны: *сила* **66** (или 80,5% Крым), **68** (ЕВРАС), **55** (СИБАС); *свобода* **6** (Крым), **3** (ЕВРАС и СИБАС); *жест* **5** (Крым), **3** (СИБАС), **1** (ЕВРАС).

Таким образом, ***воля*** в языковом сознании современной молодежи не ассоциируется с *небом, полетом, простором, ветром, птицей, пространством, светом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем* и т.п. Так, по данным трех словарей (почти 15 000 респондентов), реакцию ***воля*** вызвали стимулы *сокол* 3 раза, *ветер, поле, земля* 2 раза, *орел, море* — 1 раз. По данным РАТ [6], на стимул ***воля*** было получено 111 реакций (из них 66 неодиночных, т.е. 2 и более), в том числе: *вольная* **9**; *свобода, сила, сильная* **8**; *неволя* **6**; *железная* **5**; *ваша* **4**; *Божья, доля, к победе, моя* **3**; *земля, к жизни, твоя* **2**.

Возвращаясь к дефинициям слова ***воля*** в МАС, мы констатируем: вне контекста из четырех основных значений (*1. Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений. 2. Желание, хотение, требование. 3. Власть, право распоряжаться по своему усмотрению. 4. Состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода*) последнее, соотносимое с концептом ‘свобода’, т.е. собственно концепт ‘воля’, не является ядерным для языкового сознания современного молодого человека, не случайно этот ЛСВ стоит последним в ряду толкований, предваряя устаревшее просторечное значение *5. Освобождение крестьянства*.

Стимул ‘свобода’ в анализируемых ассоциативных словарях вызвал следующие наиболее частотные реакции[6] (см. таблицу):

---

[6] В связи с тем, что количество опрошенных в этих трех регионах совпадает не полностью, мы даем частотность в процентном отношении к количеству неединичных реакций в каждом регионе (словаре).

КРЫМ	ЕВРАС	СИБАС
слова 30,1%	слова 26,1%	слова 20,1%
выбора 7,8%	выбора ; жизнь 6%	воля, жизнь 7,9%
жизнь 5,6%	воля 4,8%	выбора 5,4%
полет, воля 4,1%	счастье 3,8	счастье 4,8%
выбор 3,1%	независимость 3,6	независимость 4,2%
независимость, птица 2,8% мысли 2,5% счастье 2,2%		тюрьма 3,4% выбор 3,1%

Эти данные показывают, что для крымчан слово ***свобода*** в большей степени ассоциируется с устойчивым словосочетанием «*свобода слова»*. Возможно, на это повлияла экстралингвистическая ситуация, связанная с тем, что до 2014 года на украинском телевидении было весьма популярно политическое ток-шоу «Свобода слова», созданное сначала Савиком Шустером, затем перешедшее другому ведущему на канале, имевшем авторские права, а С. Шустер основал свою передачу «Свобода слова с Савиком Шустером» (обе программы, кстати, существуют до сих пор и выходят еженедельно), и хоть молодые люди в то время были еще подростками, их родители, очевидно, смотрели эти передачи в силу высокой политизированности крымского общества в тот период и в языковом сознании закрепился устойчивый ассоциат — *свобода слова* как клише, без политической коннотации.

О политизированности молодых крымчан свидетельствует, на наш взгляд, высокий процент реакции *выбора, выбор* (вместе эти реакции составляют 10,9%). Ассоциации *свобода — воля* более выражены в СИБАС (7,9%), меньше в ЕВРАС (4,8%) и в Крыму (4,1%), где, кстати, появляется и ассоциация *полет* (4,1%), которая в других регионах не превысила трехпроцентный порог и не попала в число частотных реакций. *Свобода* у крымчан меньше ассоциируется с *жизнью* (5,6%) по сравнению с Сибирью и Дальним Востоком (7,9%).

Интересным представляется тот факт, что ассоциация *счастье* является довольно частотной в ЕВРАС и СИБАС — 3,8% и 4,8% соответственно, но в два раза реже была вызвана стимулом *свобода* в Крыму (2.2%).

Таким образом, выводы исследователей, опубликованные в начале 2000-х гг. [5; 8], современными данными не подтверждаются.

Вряд ли можно считать значение *«возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию»* ядерным для слова-концепта ‘свобода’, а значение *«отсутствие ограничений, запрещений в политической области»* периферийным. Также трудно согласиться с тем, что «элементы политической свободы в сознании россиян не первичны» [8], анализируя ассоциативные словари и РАТ [6], где мы видим следующие ассоциаты на стимул *свобода*: слова 29,6%, действий 13%, полная, равенство 9,25%, воля 7,4%, счастье 5,5%, выбора 3,7%.

Типичными ассоциациями на стимулы *свобода* и *воля/воли* у носителей русского языка являются клишированные словосочетания *свобода слова* и *сила воли.*

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова М.: Индрик, 2003. — С. 73–99.
2. Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Чулкина Л. Н. Язык, культура и региональное языковое сознание // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 232–250.
3. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
4. Егорова, О. С., Кириллова, О. А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник — 2012 — № 4 — Том I (Гуманитарные науки). — С.161–167
5. Петровых, Н. М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 207–217.
6. Русский ассоциативный тезаурус [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://tesaurus.ru/dict/dict.php (Дата обращения 09.04.2021)
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под. ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981 — 1984.
8. Солохина, А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. — М.: РГБ, 2004. — 191 с.
9. Урысон, Е. В. Еще раз о свободе и воле / Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / Е. В. Урысон. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 880 с.
10. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу / Н. В.Уфимцева, Г. А.Черкасова. М.: Московская международная академия, 2019. — 688 с.

11. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу / Отв. ред. Уфимцева Н. В. М.: Московский институт лингвистики, 2015. — 763 с.
12. Шмелев А. Д. В поисках мира и лада / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова — М.: Индрик, 2003. — С. 54–72.

О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В ДОНБАССЕ

Н. П. Курмакаева
kurmakayeva@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Изучение состояния лингвокультурной ситуации в определенный период развития социума признано одним из актуальных направлений отечественной лингвокультурологии [3, с. 6] (см. также работы В. А. Масловой, Е. В. Терентьевой, Ц. Ц. Огдоновой, И. В. Щегловой и других ученых). У истоков разработки теории лингвокультурной ситуации стоит В. М. Шаклеин, который ввел это научное понятие в лингвистический обиход в лингвокультурологии и дал ему следующее определение: «это динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных средах, … это статический временной срез лингвокультуры» [6, с. 19]. Понятие лингвокультурной ситуации предполагает изучение языка региона «в единстве внешних факторов и внутриязыковых процессов» [3, с. 6], поскольку язык социально обусловлен и подвержен сильному воздействию извне. По В. М. Шаклеину, «сочетание общенационального, группового и индивидуального в языке определенного времени и составляет сущность лингвокультурной ситуации» [6, с.17]. По мнению Л. Н. Михеевой, «теория лингвокультурной ситуации по сей день остается недостаточно разработанной» [3, с. 5], особенно слабо затронутой она представляется в лингворегионоведении. А происходящие социокультурные события в отдельных регионах русскоязычного пространства «обусловливают острую необходимость изучения именно современной лингвокультурной ситуации» [3, с. 5]. Этим обусловлено наше обращение к

исследованию лингвокультурной ситуации в современном Донбассе как неотъемлемой части национального русского языкового пространства.

Тезис о социальной обусловленности языка наиболее зримо подтверждается сегодня теми изменениями, которые происходят в речевом дискурсе жителей Донбасса, в их трансформированной событиями последних лет языковой картине мира.

Наш регион уже седьмой год отстаивает свое право жить и развиваться в русском лингвокультурном пространстве. События последних лет разбудили у живущих на этой земле подлинный интерес к истории своей «малой родины», к ее культурным традициям, к ее топонимии, персоносфере, идиоматике, к особенностям речи потомственных донбассовцев. Активно возрождается краеведение (регионоведение), в том числе лингвистическое. Этим обусловлено появление работ по лингворегионоведению, в частности [2].

От внимательного взгляда специалиста не ускользает тот факт, что в русскокультурном пространстве динамично идут процессы пересмотра сложившихся десятилетиями стереотипов о якобы монолитности русской культуры с центром в Москве; доказывается сила единства русской культуры в ее региональном многообразии (С.А. Кошарная, В. А. Маслова, В. К. Харченко, Р. Р. Чайковский и др.).

Претерпевают изменения образовательные стандарты: в каждом российском регионе в общую программу дисциплин введен региональный компонент. Эти процессы охватили и донецкий регион. Учёные, магистранты, студенты и школьники активно изучают язык региона — регионолект — как в его исторической ретроспективе, так и современном состоянии, в результате чего появились коллективная монография «Донецкий регионолект» (2018) и учебное пособие [2].

Донбасс представляет собой сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен. Около 130 национальностей, населивших его со времен освоения, языком межнационального общения избрали русский язык, который превалировал даже в периоды активных насильственных украинизаций края. В советское время и в домайданный период знание двух языков — русского и украинского — в нашем крае было нормой.

О своеобразии речевой стихии Донбасса еще в 1958 г. Г. И. Рихтер со ссылкой на А. Фадеева писал, что донбассовцы говорят на том смешанном наречии, «которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов» [4, с.4]. К этому следует добавить ещё важный фактор формирования региональной языковой картины мира и ментальности людей, существующих в ее пространстве: историко-экономическая ситуация региона. Миграционные процессы XVIII–XIX вв. совпали с периодом становления Донбасса как мощного промышленного региона; угледобыча и металлургия стали ведущими отраслями производства, становым хребтом последующей индустриализации страны, где, как в большом котле, буквально «выплавлялись» и специфическое сознание индивида как рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя, и особое языковое мышление, и своеобразный речевой дискурс, и ментальность живущего здесь народа [2, с. 40].

Названные процессы и привели к возникновению нового состояния русского языка в наших землях — современному диффузному донецкому региолекту. Ядром любого региолекта как языковой системы является национальный язык, удовлетворяющий коммуникативные потребности населения определённой территории во всех или практически во всех социальных сферах. Для донецкого региолекта таким ядром, безусловно, стал национальный русский язык. Важно подчеркнуть, что «для диффузных региолектов главным характеризующим фактором является **уникальность организации системы** [выделено автором. — Н. К.]: в нем собранные из разных идиомов компоненты сочленяются так, как никогда не сочленялись в исходных языках, диалектах и региолектах» [5, с. 22]. Например, в Донбассе разговорной нормой считаются фразы: *Какой малой большой вырос!* (*малой* — младший ребенок); *Играюсь сама* (играю одна); *На какой марке до Смолянки?* (*марка* = номер городского транспорта; Смолянка — неофициальное название одного из районов Донецка); *Насыпь борщу* (= налей борща); *Что за копёр на голове накрутила?* (*копёр.* 2. Сооружение над шахтой для установки подъемника; здесь — о высокой причёске); — *На Макаронке живешь?* (*Макаронка* — район макаронной фабрики в Донецке) — *Не, возле Чики*

(*Чика* — район ночного клуба «Чикаго») и др. Всё это, с одной стороны, составляющие донецкого регионолекта, а с другой — фрагменты уникальной языковой картины мира дончанина [2, с. 51].

В таких случаях принято говорить о самовыражении (самоидентификации) народа в определенных условиях проживания, о «языке времени» как сущности лингвокультурной ситуации (по В.М. Шаклеину). Донбассовцы самовыразились в словесном творчестве на всех уровнях:

- в бытовой речи: *Ты что, с террикона свалился?* «*У тебя <…> вместо сердца кусок угля*» (В. Гроссман)*; В Донбасс со своим углем; А работать за тебя Стаханов будет? Пашет как Паша Ангелина, Что молчишь, угля в рот набрал? Устал (грязный), как шахтер* и др.;

- в шахтерском жаргоне: *бокопор* (бракодел), *рубать (качать) уголёк, заработать копытные, отнести за террикон* (похоронить)*, тормозок для Шубина; судьба коногона* (погиб в шахте) и др.;

- в молодежном сленге: *кроты* (болельщики ФК «Шахтёр»), *Щетка* (ул. Щетинина в Донецке), *Крупа* (библиотека им. Н. К. Крупской), *утюг* (ТЦ «Грин-Плаза»).

В. В. Колесов выразил глубокую мысль во фразе: «Русское представление о труде осветляется идеей большого дела» [1, с. 422]. По праву труд, а именно шахтерский, всегда был окружен почетом и уважением в Донбассе, поскольку в этом была заключена идея приближения светлого будущего и счастливой жизни. Труд стоит на первых позициях в перечне ценностных категорий Донбасса. Именно потому лингвокультурную ситуацию в этом крае в течение уже нескольких десятилетий маркируют выражения, ставшие классикой: *Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано; Донбасс порожняк не гонит; При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз; Слава шахтёрскому труду!;* шахтерские паремии: *Шахтерский забой — фронт передовой; Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был?; Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Будь в лаве как в бою, прославь родину свою* и др.

Война, пришедшая в регион в 2014 г., внесла новые краски в региональную картину мира, высветив ключевые лингвокультурные феномены Донбасса — человеческую несгибаемость, святость подвига, преклонение перед мужеством выстоявших, что явлено в

рефлексии донецких поэтов на те события: *Звони, Донбасс обетованный, / На самый верх. / Пророки обещали манну, /А выпал снег. / Мужайся, город непорочный, / Где каждый дом / Проверен «Градами» на прочность, /Крещён огнём. / На час открыли херувимы / Ворота в рай. / Гори, Донецк неопалимый, / И не сгорай.* (Д.Трибушный). В идиостилистике одного из самых популярных донецких поэтов библейские мотивы переплетаются с военными, усиливая абсурдность и трагизм ситуации.

Лексикон войны как-то резко и очень зримо заполнил донецкую региональную речь, оттеснив на периферию привычную риторику, он жестко вошел в ядерную часть регионального речевого дискурса:

- в обиходном общении: *бросить на подвал, долбилово, прилет, обратка, бахи, добробаты, сепары, укры, ВСУшники, гуманитарка*;

- в соцсетях: *Пролетарка слышит; Макеевка громко; Октябрь горячо / жесть; Трудовские, куда упало? Слышно прилёты; С Песок работают миномёты; Пошла ответка; На Западном отработал «Град»; Какая инфа с аэропорта? Ушел из бата* (батальона) и пр.;

- в языке масс-медиа под сильным влиянием интернет-общения (языка пользователей соцсетей): *участились прилеты / обстрелы ВСУ; окопное сидение, блокада, ополченцы, линия разграничения, блокпосты, есть попадания, по поселку работали пулеметы / подствольники / минометы, серая зона, пенсионный туризм, ахметовский паёк, попасть/посадить на подвал, укровласти* и др.;

- в художественных текстах: *Битв симфония слышна:/Пуль дискант, снарядов бас прошибает весь Донбасс* (С. Иваница); *Каждый угол… Сотрясается в ритме ада. / В ритме джаза снаряды воют…* (И. Горбань); *Как хочется, чтоб не было войны / И не рвались ракеты где-то рядом. / Не только не уметь, а и не знать / Различий в звуках «исходящих» и «обратки»* (Н. Дмитренко).

При этом наблюдается полная раскрепощенность газетного подстиля, обусловившая расширение нормативных границ языка массмедийного пространства, что спровоцировало в военно-политическом дискурсе произошедшего на востоке Украины противостояния употребление нелитературной лексики — жаргонизмов, регионализмов, просторечия, вульгаризмов, окказионализмов: *расколбасить, отчекрыжить, пораться, подстава, фуфло, не парься,*

банда айдаровцев, булавоносец (о Порошенко времен президентства), *тудатка / обратка, зигующие сообщники Тягнибока; нацики; нелох, турбопрезидент, «Зеля»* (о Зеленском) и др.

В идиолекте поэтов Донбасса региональная военная картина мира создаётся с помощью:

1) регионального культурно-исторического фона: *Бьёт война тебя в центр и в околицы, / моя Горловка, моя горлица* (И. Быковская); *степная израненная Атлантида* (А. Федорова) и др.;

2) вербальной реализации атрибутов войны: *под «Градами» и пулями; Сердце на лоскутки, / Раненым на перевязку* (И. Быковская); *Нас гонят из дома – / Ракетами, минами, / Блокадой, разрухой, / Наветами, «сливами»* (С. Сеничкина).

Как видим, прагматика современного общеречевого дискурса Донбасса вызывает к жизни всё новые и новые элементы, несущие явно выраженную экспрессию и оценочность в репрезентации лингвокультурной ситуации региона. Конфликт на востоке Украины спровоцировал «переоценку ценностей» в сознании социума, что, в первую очередь, отразилось на разговорно-бытовом дискурсе (в том числе в речевом поле соцсетей), во вторую — на языке местных СМИ и региональной поэзии, на их концептуальной базе и лингвокультурных маркерах и эталонах культуры эпохи. Анализ текстов, созданных в пределах исследуемой лингвокультурной зоны, позволяет сделать выводы о серьезном влиянии экстралингвистических факторов на лингвокультурную ситуацию не всего языкового пространства, а лишь его отдельного регионального сегмента, заставляя менять лингвальные приоритеты региональной языковой личности. Подобные массированные сдвиги в языковой картине мира носителей русского национального языка в отдельно взятом регионе в определенное время вызывают необходимость дать оценку состоянию общества на данный момент и сосредоточить пристальное внимание на развитии лингвокультурной ситуации в этом регионе и в целом в пространстве русскоязычного мира.

Литература

1. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб : Петербургское Востоковедение , 2007. — 624 с.
2. Курмакаева Н. П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие. Донецк, 2019. — 191 с.

3. Михеева Л. Н. Лингвокультурная ситуация: теоретические и прикладные аспекты / Л. Н. Михеева // Вестник РУДН, сер. «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». 2013. № 2. — С. 5–9.
4. Рихтер Г. И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г. И. Рихтер. Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. — 30 с.
5. Теркулов В. И. Понятие «регионолект» // Донецкий регионолект : монография / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. — С. 8–23.
6. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: ОЛРС, 1997. — 180 с.

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ГЕШТАЛЬТА «АРМИЯ» (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В КРЫМУ)[7]

Р. Н. Гусейнова
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Регулярная российская армия начала свое формирование еще во времена Ивана Грозного. Отношение к ней сменялось от позитивного к негативному и обратно в период Нового и Новейшего времени.

По данным ВЦИОМ за 2020-й год, 82% россиян положительно относятся к Вооруженным силам РФ. Большинство опрошенных видит в создании сильной армии приоритетную задачу для государства. Разделяют ли подобную точку зрения граждане РФ, возрастной группы 17–26? Рассмотрим данный вопрос, проанализировав результаты ассоциативного эксперимента, направленного на изучение языкового сознания молодых крымчан.

Как известно, слово «армия» имеет латинское происхождение (*armata* — вооружённая», arma — оружие), но в современные языки оно пришло из французского *armée*: *армия* (русс., болг.), *армія* (белор., укр.), *army* (англ.), *armee* (нем.), armija (финск., латыш.).

[7] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

В русском языке слово функционирует с начала XVIII века в формах «армея» и «армейский». Впервые они встречаются в Уставе воинском (1716 г.): *«Во великих **армеях** надлежит целой роте миниров быти, которым держатися при артилерии. ... во время нужды с протчими подкопщиками путь и мост **армейскому** ходу починивать употребляютца.»* [6].

В современном русском языке слово «армия» используется в прямом и переносном значении. В прямом значении в широком смысле оно означает совокупность вооруженных сил государства [3, с.26; 5, с.38; 7, с. 21], например *«Российская **армия** никогда не была так хорошо вооружена, как в это время»* [4]. В узком же смысле армия представляет собой соединение вооруженных сил одного или различных родов войск, сформированных для выполнения определенной задачи. [3, с.26; 5, с.38; 7, с. 21], например, *«5-я танковая **армия** начала наступление с высот в тридцати километрах юго-западнее Серафимовича...»* [2].

В переносном значении армия — большое количество людей, объединенных общим признаком [5, с.38; 7, с. 21], например, *«Против нас не громадная **армия** террористов, а малая кучка отморозков»* [1].

Рассмотрим отношение современной молодежи Крыма к армии, проанализировав семантические поля гештальта слова-стимула *армия.* По материалам, имеющимся на данный момент, выстроим семантический гештальт, который включает в себя ряд зон, некоторые из них разделены на субзоны. Зоны: *Субъект* (номинации, названия общностей); *Объект* (неодушевленное, конкретное и абстрактное); *Характеристика* (положительное, отрицательное и нейтральное описание); *Действие* и *состояние* (их названия); *Локус* (название территориального объекта); *Эго* (местоимения); Время (форма протекания физических процессов*);* ФЕ (устойчивые словосочетания).

По степени частотности использованных реакций зоны рассматриваемого гештальта распределились следующим образом:

Объект	63%
Субъект	17%
Характеристика	9%
Время	4%
ФЕ	3%
Локус	2,3%
Действие	1,7%

Наибольшее количество ассоциатов использовано в зоне «*Объект*», представленной следующими субзонами: «содержание» (50), «сфера» (43), «атрибуты» (34), «причина» (29), «антиценность» (23), «цель» (19), «ценность» (4), «взаимоотношения» (3), «синонимы» (2).

Самая частотная субзона представлена тремя реакциями: *служба (25), сила (22), мужество (3).* И если первую можно отнести к констатации, то последующие наделяют армию физической и нравственной силой.

Субзона «сфера» содержит всего лишь одну реакцию — *война*, т.е. почти 18% респондентов воспринимают армию как средство ведения военных действий.

Третьей по численности использованных реакций является субзона «атрибуты», которая помимо предметов одежды (*форма — 9, камуфляж — 2)*, знаков различия *(звезда — 2)*, оружия (*оружие — 6, автомат — 4)* и техники *(танк — 4)*, включает в себя элемент церемониального торжества *(присяга — 2)* и неофициальное понятие, обозначающее отслуживших *(дембель — 2).*

Следующая по наполнению ассоциатов — субзона «причина». Часть респондентов считает службу в армии *долгом (11)* и *обязанностью (4)*. Одну реакцию можно отнести к констатации — *призыв (3)* и одну к изменившимся реалиям в вооруженных силах — *контракт (2).*

Достаточно многочисленной по количеству реакций, но малочисленной по их использованию является субзона «антиценность» — смерть (4); жестокость (3); принуждение, разлука, тюрьма, кошмар, рабство, бесполезна, бесполезно, тупизм (по 2 реакции).

Шестая по частотности субзона «цель», как и субзона «сфера» представлена всего лишь одной реакцией — *защита.*

Оставшиеся три субзоны малочисленны и по наполнению, и по количественному использованию — «ценность» *(деньги, честь — по 2)*; «взаимоотношения» *(дедовщина — 3)*; *синонимы (войска — 2)*.

В целом можно отметить, что зона «Объект» в большей степени представлена положительными ассоциатами. В сознании крымской молодежи армия — олицетворение силы и мужества, служба в ней является долгом и обязанностью. Незначительная часть анкетируемых считает армию бесполезной, олицетворяя ее со смертью и жестокостью.

Вторая по численности наполнения зона «*Субъект*» составляет 17%. В качестве ассоциатов в ней использованы, в основном, наименования лиц мужского пола: *солдат (14) — солдаты (8), мужчина (6) — мужчины (2), парень (4) — парни (4), брат (3), военный (2) — военные (2).* Безотносительно к половой принадлежности, представлены три ассоциата: *патриот (5), люди (3), человек (2).* Отсутствие реакций женского рода, на наш взгляд, свидетельствует о четкой фиксации в сознании молодежи Крыма мнения, что армия — это «не женское дело».

Третья зона «*Характеристика*» представлена тремя субзонами, причем наиболее наполнена «нейтральная» — *России (18), страны (4)*; в «положительной» использованы реакции — *хорошо, сильная (по 2)*; в «отрицательной» — *плохо (2)*. Другими словами, для молодежи Крыма первостепенное значение имеет принадлежность армии к стране, в нашем случае к России. Характеристика же ее как с положительной, так и с отрицательной стороны — явление для них второстепенное.

Зона «*Время*» характеризуется временем прохождения службы — *год (8)* и абстрактным понятием *время (2).* На наш взгляд, следует обратить особое внимание на ассоциат *год.* Он может быть связан как с российской армией, служба в которой составляет 12 месяцев, так и с украинской, где срок службы для призывников без высшего образования составляет полтора года, а с дипломом специалиста или магистра — год.

Зона «*ФЕ*» немногочисленна, но крайне интересна для рассмотрения. В ней представлены всего два ассоциата — *красная* и *зеленый.* Первая реакция, безусловно, ассоциируется у респондентов с официальным именованием сухопутных сил и ВВС в Советской России и СССР (1918–1946). Вторая же является частью узнаваемого сочетания «зеленые человечки» и связана она с событиями современного Крыма. И если ассоциат *красный* отсылает к коллективной исторической памяти, в чем-то определившей сознание респондентов, не проживавших в советское время, то реакция *зеленый* может быть отнесена к их индивидуальной памяти, поскольку все они были свидетелями крымских событий 2014 года.

Зона «*Локус*» содержит два топонима — название государства и страны: *РФ (4)* и *Россия (2)*. Данные ассоциаты разрешают нашу

дилемму в зоне *«Время»*, косвенно подтвердив выбор респондентов в пользу российской армии.

Самая малочисленная зона «*Действие и состояние*» представлена реакциями, не несущими ни отрицательной, ни положительной коннотации: *ждать (2), ожидание (4); служить (3); не годен (2)*. Отметим, что первые две могут относиться как к несущим службу, так и к ожидающим их, а вот две оставшиеся — непосредственно к призывникам.

В данном гештальте не представлена зона «*Эго*».

Выводы.

Все рассмотренные словесные репрезентации отображают субъективный образ объективного мира опрошенных, раскрывая их языковое сознание. Опираясь на него, можно утверждать, что для большинства респондентов служба в армии является служением конкретной стране, по сути, это долг, возложенный на мужчину, обязанность которого — защищать.

Проведенный анализ ассоциативных полей гештальта *«армия»* позволяет предположить, что в языковом сознании молодых крымчан, сформированном под воздействием индивидуальной и коллективной исторической памяти, доминантой выступает положительное отношение к Вооруженным силам РФ.

Литература

1. Гамаюн А. Северокавказский приговор // «Завтра», 2003.08.06.
2. Гроссман В. Жизнь и судьба, часть 3 (1960).
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — СПб. — 2-е издание исправленное. — 2 Т., 1881. — 807 с.
4. Колоницкий Б. И. Слухи о заговорах опаснее заговоров // «Огонек», 2016
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка Под общ. Ред. проф. Л. И. Скворцова. — 25-е изд., испр. и доп. — М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. — 976 с.
6. Петр 1. Устав воинский. 1716. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека исторического факультета МГУ: [сайт]. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm — (дата обращения: 18.03.2021).
7. Толковый словарь современного русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Аделант, 2014. — 800с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА[8]

А. Г. Полянская
polyanskaya@iling-ran.ru
Институт языкознания РАН
(Москва)

В статье представлены результаты анализа представлений о семье в языковом сознании молодых крымчан. В качестве материала используются данные массового ассоциативного эксперимента, проведенного на территории республики Крым, а также данные ЕВРАС [1]. Для анализа выбраны стимулы **семья, муж, жена, родители, папа, отец, мама, мать, ребенок, дети, сын, дочь, брат, сестра, дедушка, бабушка, дядя, тетя, родственники, любовь, счастье, брак**. В обоих экспериментах участвовали студенты, что позволяет судить о схожей возрастной категории испытуемых. В таблице 1 приведено количество реакций в прямых (ПР) и обратных (ОБР) словарях.

Таблица1.

Общее количество реакций

	ЕВРАС (ПР)	ЕВРАС (ОБР)	Крым (ПР)	Крым (ОБР)
Семья	537	517	308	640
Муж	541	459	305	255
Жена	536	235	306	110
Родители	541	138	306	88
Папа	539	279	307	161
Отец	541	368	310	194
Мама	532	451	308	305
Мать	540	545	305	299
Ребенок	543	1068	308	697
Дети	543	361	306	219
Сын	540	223	309	129
Дочь	542	125	307	67
Брат	536	363	305	212

[8]Выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

Сестра	538	159	307	89
Дедушка	-	193	-	122
Бабушка	541	91	308	91
Дядя	546	116	307	33
Тетя	-	93	-	43
Родственники	-	22	-	8
Любовь	551	1201	306	925
Счастье	538	630	309	552
Брак	-	52	-	25

В обратных словарях наибольшее количество реакций представлено в статьях *любовь* и *ребенок*. Реакция *семья* намного ярче представлена на территории Крыма: 640 реакций по сравнению с 517 в ЕВРАС при меньшем количестве испытуемых в Республике Крым. Если сопоставлять гендерные понятия, то более ярко представлены в обратных словарях понятия *мама, мать, муж, сын, брат, дедушка*, менее ярко — *папа, отец, жена, сестра, бабушка.* Как мы видим, только реакции *папа* и *отец* очевидно уступают гендерным парам. В паре *дядя / тетя* в ЕВРАС большее количество реакций получает *дядя*, а в Крыму — *тетя*.

Проанализируем реакции на стимул **семья**. У жителей Крыма более ярко отражается взаимосвязь между *семьей* и *любовью* (наиболее частотная реакция в Крыму, однако в ЕВРАС лишь на 6 месте). Также важно отметить, что в обоих регионах *семья* в большей степени ассоциируется с детско-родительскими отношениями. В прямом словаре ЕВРАС таких реакций 16%, в крымском эксперименте — 12%, а в обратных — 26% и 25% соответственно. Реакций, связанных с семьей как союзом мужчины и женщины в ЕВРАС 2% (ПР) и 8% (ОБР), в Крыму — 1% (ПР) и 5% (ОБР). Важно подчеркнуть, что реакции типа *муж, жена, брак* на стимул *семья* в прямом крымском словаре отсутствуют вообще, встречается лишь единичная реакция *узы*. Сопоставим с понятием **брак**. Так, *брак* в обратном словаре связан с понятиями *муж, жена, дети* и представляется *расчетливым, совместным, будущим, гармоничным, законным, несчастным, хрупким, чужим,* в то время как семья — *большая, дружная, крепкая, родная, важная, добрая, любимая, счастливая,*

благополучная, дорогая, любящая, неполная, огромная, спокойная, стабильная, традиционная (ПР).

Поскольку представления о **семье** в большей степени представлены во всех словарях позитивными ассоциациями, сопоставим суммарный процент негативных реакций. ЕВРАС: 1% (ПР), 1% (ОБР); Крым: 3% (ПР), 2% (ОБР). Как мы видим, процент негативных ассоциаций в Крыму в 2–3 раза больше. В прямом словаре встречаются реакции *дураков, идиоты, не нравится, нервы, никогда, ошибки, распалась, удавка*; в обратном: *соболезнование (2), бедность, вранье, злоба, изменить, непонимание, неправда, обман, расходы, тащить, тупой, тяжелый.*

Из субъектов, кроме *родителей, мамы, папы, отца, матери, детей, мужа и жены* в реакциях на стимул **семья** упоминаются *родные (19), близкие (6), родня, родственники (5), люди, я (4), все, бабушка, ближайшие родственники, близкие люди, брат, великих врачей, друзья, Ивановых, из 4-х человек, из пяти человек, Комиссаров (1)* — ЕВРАС (ПР); *брат (16); сестра (11), бабушка, друзья, дядя (4), мужчина (3), народ (2), доктор, друг, люди, хозяин, я* (ОБР)*;* в крымском эксперименте: *близкие, родные (7), люди (5), родные люди (2), друзья, родичи, родственники, твои родные, я* (прямой словарь); *брат (20), сестра (17), дядя (10); бабушка (9); женщина, я (2), доктор, друг, житель, интеллигент, люди, мужчина, народ* (обратный). Так, точное наименование родственных отношений используется только для близких родственников. Такие понятия, как зять, свекровь, тесть, теща, племянник, племянница и пр. в реакциях отсутствуют. Однако понятие семьи представляется довольно широким и вмещает в себя не только обезличенных *родственников,* но даже *друзей.*

Посмотрим процент негативных реакций, чтобы проанализировать отношение к членам семьи (см. табл. 2).

Таблица 2.

Процент негативных реакций

	ЕВРАС (ПР)	ЕВРАС (ОБР)	Крым (ПР)	Крым (ОБР)
Муж	8 %	5 %	5 %	6 %
Жена	7 %	2 %	6 %	2 %
Родители	2 %	5 %	1 %	3 %

Папа	2 %	0,4 %	2 %	2 %
Отец	6 %	2 %	3 %	6 %
Мама	0 %	0,2 %	0 %	0,3 %
Мать	0,3 %	0,1 %	0,6 %	0,3 %
Ребенок	14 %	1 %	15 %	11 %
Дети	7 %	2 %	20 %	6 %
Сын	4 %	3 %	1 %	3 %
Дочь	1 %	1 %	2 %	3 %
Брат	0,2 %	9 %	2 %	10 %
Сестра	2 %	3 %	4 %	3 %
Дедушка	-	3 %	-	4 %
Бабушка	2 %	4 %	1 %	1 %

Интересно отметить, что представления о **муже** как о человеке, страдающем алкогольной зависимостью *(алкаш, перегар, пьет, пьяница* — ЕВРАС), в Крыму практически не выявлены (есть лишь единичная реакция в обратном словаре на стимул *пьянство),* однако присутствуют представления о муже как о человеке тираничном и имеющем проблемы с законом *(бьет, деспот, заключенный, злой, тюрьма, жесткий),* отсутствующие в ЕВРАС. Большое количество негативных реакций на стимулы *муж* и *жена с*вязаны с понятием неверности, особенностями характера или нежеланием вступать в брак *(не нужна, не хочу).* Большой процент позитивных реакций на стимул **жена** связан с хозяйственностью: *дом, хозяйка (5), домохозяйка (3), кухня, уют, готовит ужин, приготовила еду, прислуга, стол (Крым ПР);* **муж** — с надежностью и стабильностью *(защита, стена (3), глава семьи, защитник, крепость (2), деньги, опора жены, опора и защита, ответственность, плечо, работа, равновесие).*

В Крыму прослеживается более позитивное и уважительное отношение к **родителям**, отсутствуют такие реакции, как *деспоты, задолбали, запрет, зло, иго, конфликт* (ЕВРАС ПР).

Если наиболее частотной реакцией для многих стимулов является гендерная пара *(папа — мама)*, то в Крыму наиболее частотной реакцией на стимул **мать** является *любовь*. На стимулы **ребенок** и **дети** одной из самых частотных является ассоциация *счастье*, занимающая более низкие позиции в словаре европейской части

России: ЕВРАС: 3,3% (ПР), Крым: 5,5% (ПР) для стимула **ребенок**, ЕВРАС: 3,4% (ПР), Крым: 5,5% (ПР) для стимула **дети**. Для стимулов **дочь** и **сын** реакция *счастье* является намного менее частотной. Также мы видим в таблице сравнительно более негативное отношение к детям в Крыму, это представлено следующими реакциями: *шум войны (6), крик (4), проблемы, шумные (3), вредные, зло (2), агрессивность, ад, бедные, без надобности, беспорядок, беспредел, бесят, боль, бред, глупость, громкие, дьявола, жуть, затраты, кричат, личики, монстры, невоспитанные, ненависть, нервы, ноша, овца, орут, оторвы, проблема, скукота, сопли, спиногрызы, страх, толпа, трудности, тупые, тяжесть, черти, шуметь, шумно (ПР).* В отношении **ребенка** мы находим похожие негативные ассоциативные реакции, преимущественно связанные с крикливостью и плаксивостью.

Сын в языковом сознании крымчан, как и жителей европейской части России, представляется маленьким мужчиной, защитником: *опора (5), защита, защитник (2), добился высот, достойный, своего отца, сила, смелый.* Если в отношении сына ассоциации в большей степени касаются целеустремленности, мужественности и личностных качеств, то в отношении **дочери** — внешних гендерных отличий: *красивая (4), банты, платье, принцесса (2), бант, бантики, девочка с косичками, косы, красавица, красота, свитера, юбка.* Из личностных характеристик особо выделяются ум *(умная, умница)* и прилежание *(хорошая, послушная).* Среди резко негативных в обоих экспериментах характеристики, связанные с распутным поведением: *бесстыжая* (Крым ПР), *проститутка* (ОБР). Также мы видим, что если в ЕВРАС негативные реакции на стимул **дочь** практически отсутствуют, то в Крыму они встречаются чаще. Есть и еще одно различие: в ЕВРАС одним из частотных является субъектное значение «чья-то дочь» *(президента 8, олигарха 5, Путина, царя 2)*, а в крымском эксперименте подобные реакции по большей части единичны, к частотным относится только реакция *капитана (2)*, выходящая за пределы семейного круга.

Для стимула **брат** в Крыму более высокие позиции (по сравнению с ЕВРАС) занимают реакции *друг* и *семья*, но встречается больше негативных реакций. Если в прямом словаре ЕВРАС есть только одна относительно негативная реакция *не хочу*, то в

Крыму — *злость, дурак, заноза, обезглавлен*. Также важно отметить, что при позитивной картине в прямых ассоциативных словарях в обратных встречается довольно большое количество негативных реакций. Так, брат *жадный (3), бездельник, глупый, ленивый (2); безответственный, жестокий, лживый, лодырь, настырный, ничтожный, шумный, эгоист* (Крым ПР).

Для стимула **сестра** выявлено несколько ассоциативных значений: 1) член семьи, 2) сестра милосердия, 3) медицинская *(в больнице, кровь),* духовная *(монах, церковь).* Так как первое значение является основным, сопоставим процентное соотношение реакций к значениям 2-4. ЕВРАС (ПР): 5% / 3% / 0,3%; Крым (ПР): 2% / 2% / 0,7%. Как мы видим, в Крыму значения сестры милосердия и медика представлены менее ярко, а духовной — более ярко.

В реакциях на стимул **бабушка** в Республике Крым отсутствуют реакции, связанные с беспокойством о здоровье, присутствующие в ЕВРАС *(болеет, болезнь, болеть)*, из-за чего складывается образ более позитивный и радушный. Также менее ярко представлены реакции, связанные с возрастом. Сумма «возрастных» реакций в Крыму (ПР) — 6%, а в ЕВРАС (ПР) — 9%. При этом большее количество реакций связано с едой и угощениями: Крым (ПР) — 13,6%, ЕВРАС (ПР) — 5,0%. Стимул **дедушка** в прямых словарях отсутствует. По данным обратных словарей, он часто ассоциируется с советской эпохой: *Ленин, советский, Сталин.* Более высокие, чем в ЕВРАС, позиции занимают характеристики *мудрость и великодушие.*

Тетя, родственники также представлены только в обратных словарях. Для **дяди** 18% (ЕВРАС ПР) и 20% (Крым ПР) реакций связано с семьей. Для **тети**, по данным обратного словаря, данная параллель не выявлена по причине малого количества реакций. **Родственники** устойчиво ассоциируются в ЕВРАС и Крымском эксперименте с семьей и застольем.

Таблица 3.

Процент реакций, связанных с семьей

	ЕВРАС (ПР)	ЕВРАС (ОБР)	Крым (ПР)	Крым (ОБР)
Любовь	4 %	11 %	11 %	25 %
Счастье	3 %	11 %	14 %	14 %

Как можно увидеть из таблицы 3, в Крыму понятия **любовь** и **счастье** более тесно связаны с семьей (любовь — с матерью, счастье — с детьми). В прямом словаре среди частотных реакций на **любовь** *–семья (14), мама (9), матери, мать 2;* **счастье** — *семья (28), в семье (4), дети (3), ребенок (2).* В обратном словаре: **любовь** — *мама (55), мать (39), семья (36), родители (29), бабушка (19), жена (18), отец (12), муж, папа, сын (7), дочь (6), сестра (5), дети (2);* **счастье** — *семья (28), в семье (4), дети (3).*

Литература

1. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/main/publications/evras
2. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. — М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537 с., Т. II. От реакции к стимулу / Отв. ред. Уфимцева Н. В. — М.: Московский институт лингвистики, 2015. — 763 с.

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧЕВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ[9]

М. А. Пильгун
mpilgun@iling-ran.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН,
(Москва)

В докладе представлены результаты сопоставительного анализа особенностей восприятия речевых репрезентаций представлений о власти.

Эмпирической базой для исследования послужили памятники письменности и современные тексты, исторические и современные

[9] Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ "Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)" (19-012-00295 А)

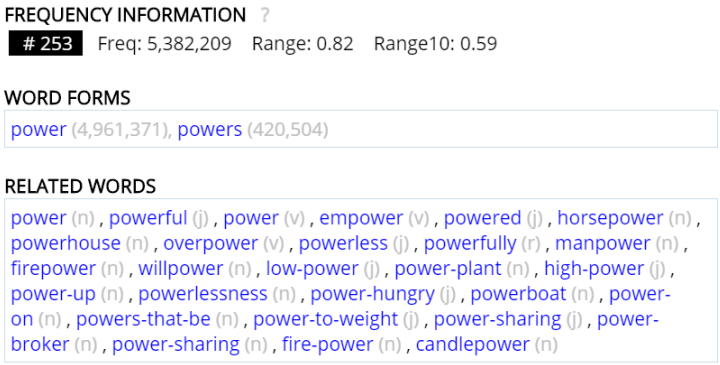
словари, материалы Национального корпуса русского языка, iWeb (BYU corpora), Корпуса испанского языка Марка Дэвиса, Корпуса испанского языка CorpusEye, Корпуса португальского языка Марка Дэвиса, данные Wikipedia и социальных медиа.

Для анализа мультилингвальной базы данных использовались нейросетевые технологии, сопоставительный текстовый анализ, контент-анализ, сентимен-анализ, анализ лексических ассоциаций [5].

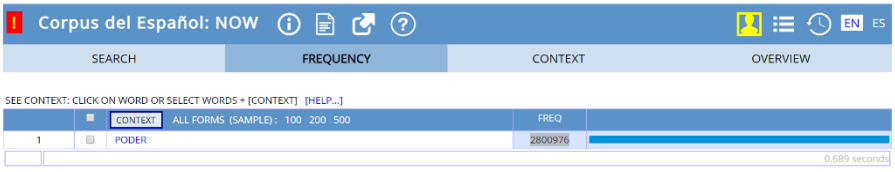
Образ власти является важным компонентом в языковой картине мира, которая определят специфику обобщенных представлений о мире, сформированных у носителей конкретного языка в ходе его развития и выраженных в значении языковых единиц. Различные аспекты теории картины мира изучены достаточно подробно [1–4; 6].

Понятие *власть* занимает базовую позицию в жизни общества, является важным компонентом языковой картины мира. Показателем значимости того или иного понятия в языковой картине мира могут служить данные национальных корпусов, отражающие употребительность слов, место в лексической системе языка.

В iWeb (BYU corpora) версии Британского национального корпуса, выпущенной в мае 2018 года, представлено 14 миллиардов слов, 22 миллиона веб-страниц, 95 000 веб-сайтов. Лексема *power* имеет следующие показатели:



В Корпус испанского языка Марка Дэвиса частотность лексемы *poder* составляет 2 800 976:



В Корпусе испанского языка на сайте CorpusEye в подкорпусе Europarl (ca. 27.2 mill. Words) частотность лексемы составляет

poder 11 892, а наиболее употребительность фиксируется в политической сфере:

corpuseye Help | Grammatical information | Taglist

sort freq rel
Field Word
By Left Context / Right Context / Left Edge / Right Edge / Source (freq/rel)
Offset 0
Freq items 100
Refine search
New search

Searched for: [word="poder" %c]
In corpus: HIS_EUROPARL
Found 11892 results (11892).
1 > 3 4 5 6 7 » .. 60 119 179 238 298

Export All

Export INFO de hacer lo , estamos perfectamente a tiempo para poder restablecer el acuerdo original entre el Parlamento
Export INFO más pobres de Europa , estén en situación de poder operar con éxito dentro_de la nueva zona de el euro
Export INFO una serie de medidas de acompañamiento para poder hacer algo en aquellas . Tales serían , por_ejemplo
Export INFO y de las modalidades de trabajo , a_fin_de poder poner en_consonancia aspectos personales y sociales
Export INFO semana antes_de el debate en esta Asamblea para poder debatir y transmitir nuestros deseos a tiempo a la
Export INFO tribunales nacionales están en condiciones de poder cumplir el papel que la Comisión se propone asignar
Export INFO la Comisión , están demasiado agregados como para poder hacer una evaluación exhaustiva de la política de las
Export INFO se debe , entre otras cosas , a que se espera poder actuar libremente , sin los molestos controles de la
Export INFO y las excepciones autorizadas , a_fin_de poder realizar una evaluación objetiva de las circunstancias
Export INFO eurodiputado novel , es una satisfacción para mí poder intervenir por primera vez en el Pleno , aunque sea
Export INFO transferencia de la ejecución de la norma . Para poder llegar a desarrollar una cultura jurídica europea ,
Export INFO y que se otorgue a la Comisión un mayor poder de investigación para verificar a posteriori la legitimidad
Export INFO esta realidad ? La escandalosa concentración de poder en sectores de importancia estratégica pone en manos
Export INFO . En realidad , la Comisión no sólo mantiene el poder de sustraer un asunto a la competencia de las autoridades
Export INFO la Comisión quiere realizar la sobrecargará a el poder judicial . Y esto iría en detrimento de la seguridad
Export INFO nos en una procesión de Echternach donde antes_de poder dar dos pasos hacia adelante hemos de dar cada_vez
Export INFO si es posible aplicar el artículo 81.1 sin poder aplicar el 81.3 . Era también , por_lo_tanto , necesaria
Export INFO una seguridad social a las personas y mejorar su poder adquisitivo . Como parte de este enfoque , también

corpuseye Help | Grammatical information | Taglist

sort freq rel
Field Word
By Left Context / Right Context / Left Edge / Right Edge / Source (freq/rel)
Offset 0
Freq items 100
Refine search
New search

HIS_EUROPARL (11892)

frequencies:	*rel freq num*
político	935159.00 0.9 [115]
económico	376821.00 0.6 [73]
público	91642.00 0.3 [36]
desempeñar	51548.00 0.2 [27]
oír	31183.00 0.1 [21]
así	22910.00 0.1 [18]
adquisitivo	22494.00 0.8 [104]
también	8556.00 0 [11]
señalar	4525.00 0 [8]
ejecutivo	4105.00 0.6 [81]
jurídico	3464.00 0 [7]
"	3464.00 0 [7]
democrático	2545.00 0 [6]
añadir	2545.00 0 [6]
legislativo	1792.00 0.9 [111]
adjudicador	1767.00 0 [5]
mediático	1767.00 0 [5]
más	1767.00 0 [5]
contar	1704.00 1 [127]
beneficiar	1646.00 0.3 [38]
discrecional	1285.00 0.1 [20]

В Europarl Корпуса испанского языка на сайте CorpusEye (ca. 27.2 mill. Words) частотность *poder* — 11 624:

corpuseye Help | Grammatical information | Taglist

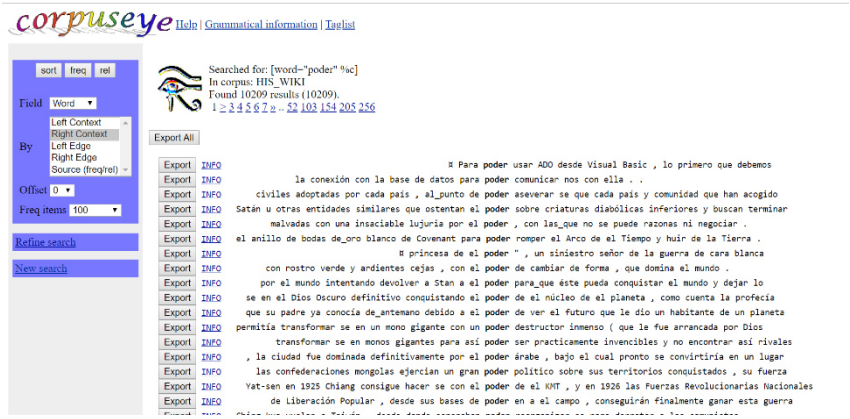
sort freq rel
Field Word
By Left Context / Right Context / Left Edge / Right Edge / Source (freq/rel)
Offset 0
Freq items 100
Refine search
New search

Searched for: [word="poder" %c]
In corpus: HIS_WEB1
Found 11624 results (11624).
1 > 3 4 5 6 7 » .. 59 117 175 233 291

Export All

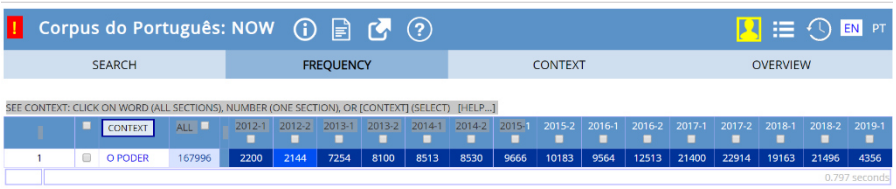
Export INFO que durante las últimas décadas estamos perdiendo poder de manera creciente " , señaló .
Export INFO profesorado que no se ha sumado a la huelga para poder atender , con la máxima eficiencia posible , a el alumnado
Export INFO ¤ Para poder hacer esto bien , será necesario que las decisioners
Export INFO lo cierto es que , después_de casi 50 años en el poder , ninguno de los atentados ni siquiera arañó a el mandatario
Export INFO de Medio_Ambiente del Gobierno de Canarias para poder realizar la actividad , la presencia de un monitor
Export INFO ¤ una de sus ventajas es la de poder abrir más de 1 a_la_vez
Export INFO sociedad civil que realmente pueda desafiar a el poder " .
Export INFO el control de la maquinaria electoral para poder manipular los resultados .
Export INFO tambin que la Iglesia_Catlica la defiende para poder seguir admitiendo sólo hijos de " familiasbien constitudas
Export INFO ¤ Se debiesen otorgar las herramientas para poder razonar y llegar a sus propias conclusiones .
Export INFO pueblo que no se amilana ante la ostentación de poder ni títulos .
Export INFO por el mismo medio pidiendo disculpas por no poder actualizarlo lo .
Export INFO de la competencia y de el publicó , que a el no poder estar representando a el país en la cancha lo alienta
Export INFO ¤ voy a poder ver el match en directo por la 1 de TV ! ! ! ! .
Export INFO , y que tenía un conocimiento cercano de el poder , y que era una fantástica política .
Export INFO ¤ Quiero desaparecer , poder volar . . . .
Export INFO ¤ " No me echéis todavía , espero poder estar en forma , si no hay ningún tipo de lesión ,
Export INFO no se ha despertado . Con ganas de empezar , sin poder ayudar .

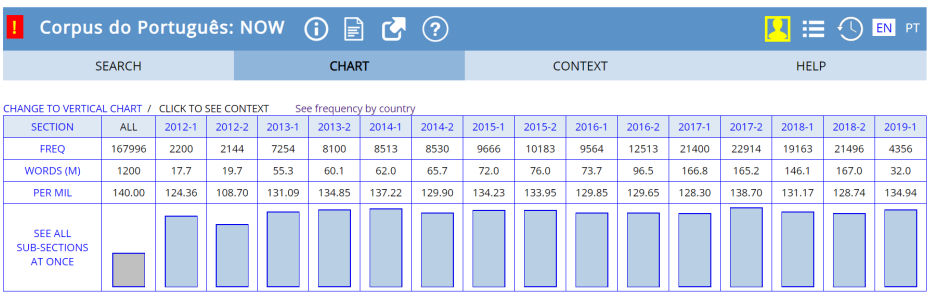
В испаноязычной Wikipedia (ca. 22.3 mill. words) по данным CorpusEye частотность *poder* — 10 209:



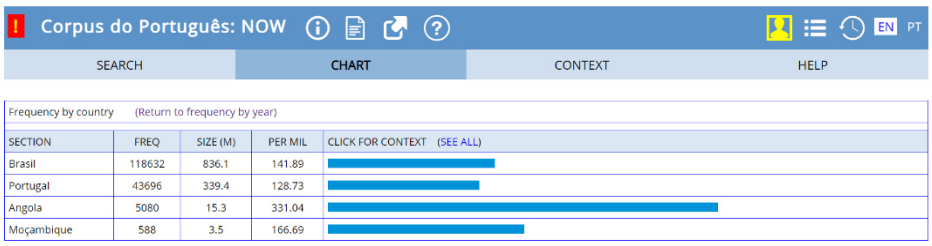
Данные корпусов испанского языка представляют особый интерес, поскольку Испания на протяжении последних столетий была для русских важной частью Романского мира — геополитической, цивилизационно-культурологической и лингвистической общности, некого феноменологического пространства общей истории и коллективной памяти народов, возникших в синергетическом движении от единого центра (Рима) и внутри единого языка (латинского).

В португальском языке в Корпусе Марка Дэвиса частотность лексемы *o poder* составляет 167 996. Любопытным представляется анализ статистических данных, отражающих употребительность данного слова по годам, что может продемонстрировать интерес общества к проблемам власти в определённые периоды:





Частотность употребления лексемы *o poder* в разных португалоязычных странах в определенной мере позволяет судить о различной степени заинтересованности общества в обсуждении проблем, связанных с властью. Максимальная степень — в Анголе, минимальная — в Португалии:



SECTION	FREQ	SIZE (M)	PER MIL	CLICK FOR CONTEXT (SEE ALL)
Brasil	118632	836.1	141.89	
Portugal	43696	339.4	128.73	
Angola	5080	15.3	331.04	
Moçambique	588	3.5	166.69	

Последние контексты с анализируемым понятием в португальском языке по данным Корпуса португальского языка Марка Дэвиса на 28 марта 2019 года представлены ниже:

10	19-01-29 BR	Consultor Jurídico	A	B	C	a investigação criminal defensiva, a a míngua de lei. # Assim como o poder regulamentar de o CNMP (artigo 130-A, parágrafo 2º, I de a CF
11	19-01-29 BR	Terra	A	B	C	agora ninguém veio buscar os equipamentos, mostrando mais uma vez o descaso de o poder concedente com o sistema ", afirma nota de o BRT.
12	19-01-29 BR	Terra	A	B	C	os passageiros, além de a falta de segurança provocada por a inoperância de o poder concedente. Essa negligência de a prefeitura, que não em c
13	19-01-29 BR	Istoe	A	B	C	os passageiros, além de a falta de segurança provocada por a inoperância de o poder concedente. Essa negligência de a prefeitura, que não em c
14	19-01-29 BR	Istoe	A	B	C	agora ninguém veio buscar os equipamentos, mostrando mais uma vez o descaso de o poder concedente com o sistema ", afirma nota de o BRT.
15	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	cresceu em os últimos dias. Nicolás Maduro deve lutar para se sustentar em o poder e ainda desfruta de enorme apoio de os militares, além de r
16	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	últimas semanas: 1) transição para a democracia; 2) militares assumem o poder; 3) Maduro sobrevive; 4) governos paralelos e 5) guerra civil
17	19-01-29 BR	G1	A	B	C	corrigido monetariamente. # A sentença também o proíbe o ex-prefeito de contratar com o poder público ou receber benefícios ou incentivos fis
18	19-01-29 BR	Política Estadão	A	B	C	o cidadão. E, segundo, por o incentivo a o destemor por o Poder Judiciário, propugnando o desenvolvimento empresarial capitalista por o menor
19	19-01-29 BR	G1	A	B	C	tempo os manifestantes estão com o fornecimento interrompido. # Para chamar atenção de o poder público, manifestantes atearam fogo em pe
20	19-01-29 BR	G1	A	B	C	isso é necessário que os moradores fiquem atentos e colaborem denunciando, para que o poder púbico possa cumprir seu papel ", diz a nota. #
21	19-01-29 BR	Internacional Estadão	A	B	C	o subterrâneo de a ultradireita americana. Com a chegada de Donald Trump a o poder, essas teorias conspiratórias saíram de as sombras e ganh
22	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	insatisfação para o alvo errado. # Nossa esperança é que a empresa e o poder público, ambos responsáveis por estes crimes, tenham aprendido
23	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	autorizações de serviços públicos sujeitam-se a o permanente controle e a a fiscalização de o Poder Público, cumprindo- lhes manter adequada e
24	19-01-29 BR	Blasting News Brasil	A	B	C	nisso, os coletores de dados entraram em cena para automatizar diversos processos com o poder de otimizar o trabalho de profissionais e garar
25	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	os passageiros, além de a falta de segurança provocada por a inoperância de o poder concedente. Essa negligência de a prefeitura, que não em c
26	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	seus milhares de passageiros, que não estão recebendo qualquer tipo de atenção de o poder público, seja em a falta de manutenção de as pistas
27	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	que usam o BRT todos os dias não sofram mais com o descaso de o poder concedente. # Para se ter uma ideia, segundo estudos preliminares de
28	19-01-29 BR	Jornal O Globo	A	B	C	agora ninguém veio buscar os equipamentos, mostrando mais uma vez o descaso de o poder concedente com o sistema. Durante essa reunião,

Материалы, представленные в основном корпусе Национального корпуса русского языка (объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов), показали следующие результаты по результатам запроса ***власть:*** найдено 8 611 документов, 32 406 вхождений. Результаты поиска в газетном корпусе Национального корпуса русского языка (Объем всего корпуса: 433 373 документа, 16 669 748 предложений, 228 521 421 слово): найдено 15 962 документа, 23 472 вхождения.

Анализ данных показал, что носителей русского языка отличает негативная динамика восприятия понятия **власть.**

Литература

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф.. докт. филол. наук. Л., 1984. — 44 с.

2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. — 272 с.
3. Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира М.: Языки славянских культур, 2012. — 696 с.
4. Русская языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. — 912 с.
5. Kharlamov A. A., Pilgun M. (eds) Neuroinformatics and semantic representations. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 2020. — 317 p.
6. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992 — 487 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ *ВЛИЯНИЕ* (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)[10]

Е. А. Коновалова
lkon55@list.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.Вернадского»
(Симферополь)

Исследование региональной специфики языкового сознания носителей современного русского языка позволяет описать различия, сформировавшиеся под влиянием исторических процессов и культурных особенностей регионов [3, с. 4]. Описание ассоциативного поля, полученного в результате проведения массового ассоциативного эксперимента, позволяет выявить ядро языкового сознания и периферию, отраженную в региональном сознании [3, с. 12].

В данном исследовании сопоставлены одноименные ассоциативные поля, что позволило описать фрагменты регионального языкового сознания. Ассоциативное поле составляют реакции на слово-стимул ***влияние*** в региональных ассоциативных словарях, составленных на основе проведенных экспериментов в Европейской части России (ЕВРАС) [2], Сибири и Дальнего Востока (СИБАС) [4], Крыму (КрымАС).

[10] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

По материалам ассоциативного эксперимента построены семантические гештальты по методу Ю. Н. Караулова, включающие несколько зон и субзон [1, с.235]. По степени частотности использованных реакций во всех словарных базах совпало распределение четырех зон: Объект, Субъект, Характеристика, Действие и состояние, Эго.

Таблица 1.

Распределение ассоциатов по зонам гештальта ***влияние.***

ЗОНА	**ЕВРАС**	**СИБАС**	**КрымАС**
объект	44%	42,2%	43,8%
субъект	28%	27,5%	45,3%
характеристика	20%	20,9%	9,4%
действие и состояние	6%	5,8%	0,7%
эго	2%	3,5%	0,7%

Словарь русского языка (МАС) дает следующее определение: «**Влия́ние**, -я. *ср*. **1**. Действие, оказываемое кем-, чем-л. на кого-, что-л.; воздействие. **2**. Сила авторитета, власти» [5, с. 236]. Первому значению соответствуют зоны «Субъект» и «Объект», представленные наибольшим количеством ассоциатов.

В зоне «Субъект» представлены обобщенные номинации (*человек, людей*), номинации по социальным, половым, возрастным, оценочным характеристикам (*родителей, мамы, отца, старших, на ребенка, на детей, друзей, сверстников, окружающих, других, СМИ, звезд, президента),* название общностей *(общества, социум, Запада, народа, семьи).* В языковом сознании жителей двух регионов гештальт *влияние* в первую очередь оказывают *родители* (ЕВРАС 6,29%: родителей — 4%, родители — 2,29%; СИБАС: родителей — 4,26%; КрымАС 3,37%: *родителей* — 1,87%, родители — 1,5%) В языковом сознании жителей Крыма наибольшее влияние оказывает *общество* — 5,24%, а не родители.

Общими для трех регионов являются реакции: *человек, на человека, родителей, на людей, друзей, окружающих, общества, общество.*

Общие для двух регионов ассоциаты: *ЕВРАС и СИБАС (мама, других, старших, Запада),* КрымАС и ЕВРАС (*человека, родители, СМИ, звезд, на других, окружения),* КрымАС и СИБАС *(лидер).*

Ассоциаты, которые проявляются только в одном регионе: *ЕВРАС (отца, на ребенка, друга, сверстников, социум, народа, семьи), СИБАС (мамы, люди, на детей, масс, учитель), КрымАС (окружающие, мир, президент, президента, Путин, главный, начальник, босс, политик, на общество, со стороны).*

В Крыму нет ассоциатов *мама, отца, на детей.* В КрымАС много ассоциатов семантической группы «руководство», которая не представлена в других регионах даже единичной реакцией: *президент, Путин, начальник, босс, политик, главный.*

В данном гештальте «Объект» представлен несколькими семантическими группами. Влияние ассоциируется с властью, давлением, воздействием, зависимостью, силой, слабостью.

Общими для трех регионов являются реакции: *власть, давление, воздействие, зависимость, сила, манипуляция, слабость.*

Общие для двух регионов ассоциаты: ЕВРАС и СИБАС *(действие, улицы, покровительство, погоды),* КрымАС и ЕВРАС (*власти, авторитет, политика, управление),* КрымАС и СИБАС *(со стороны).*

Ассоциаты, которые проявляются только в одном регионе: ЕВРАС *(авторитета, контроль, мнение, напор, среды, сфера, внимание, эффект, солнца, мысли),* СИБАС *(надзор, закона, гипноз, погода, господство),* КрымАС *(уважение, природа, успех, важность, ужас, на жизнь, деньги, алкоголя, мир, на мозг, на разум).*

Самая частотная реакция в зоне «Объект» совпала в трех регионах*: власть (ЕВРАС — 9,14%, СИБАС — 11,24%, КрымАС — 13,48%).* В толковых словарях это второе значение слова «влияние».

В зоне «Характеристика» представлено положительное, отрицательное и нейтральное описание, но в регионах они распределены неравномерно. Положительная характеристика в трех регионах описывается ассоциатами *сильное, большое;* в двух регионах: ЕВРАС и СИБАС *(хорошее),* ЕВРАС и КрымАС *(огромное);* в одном регионе ЕВРАС *(широкое),* КрымАС *(положительное)*. Отрицательная характеристика в трех регионах представлена ассоциатами *плохое*; в двух регионах: ЕВРАС и СИБАС *(дурное, негативное),* СИБАС и КрымАС *(пагубное);* в одном регионе ЕВРАС *(отрицательное)*. Нейтральная характеристика отмечена только в ЕВРАС (*чужое, прямое*).

Влияние по-разному оценивают в регионах. В ЕВРАС *влияние* прежде всего *сильное (5,43%)* и только потом *плохое (4%)*; в СИБАС *плохое (8,91%), дурное (4,26%), сильное (3,1%);* в КрымАС *плохое (3%) и сильное (2,62%).*

Зона «Действие» представлена в двух регионах: ЕВРАС (*оказывать, поддаваться*), СИБАС (*оказать, управлять*). Зона «Состояние» ЕВРАС и СИБАС (*извне, плохо*), ЕВРАС (*сверху*), КрымАС (*важно*).

В языковом сознании крымчан *влияние* является важным, но с действием не ассоциируется.

Зона «Эго» представлена местоимением *на кого-то* (ЕВРАС 1,43%), *на кого-либо* (СИБАС — 1,55%, КрымАС — 0,75%), *на меня* (СИБАС 0,78%). Частица *нет* присутствует в языковом сознании, отраженном в ЕВРАС (0,57%) и СИБАС (1,16%).

Особенности языкового сознания гештальта «влияние» выявляются в сравнении частотных реакций.

Таблица 2.

Частотные реакции гештальта ***влияние***.

ЕВРАС	СИБАС	КрымАС
власть 9, 14%	власть 11,24%	власть 13,48%
авторитет 5,71%	плохое 8,91%	авторитет 5,62%
сильное 5,43%	сила 7,36%	общества 5,24%
давление 4,86%	давление 5,04%	человека 4,12%
воздействие 4,57%	на человека 5,04%	на человека 3,75%
плохое 4%	воздействие 4,26%	человек 3,75%
родителей 4%	дурное 4,26%	на людей 3%
дурное 2,86%	родителей 4,26%	плохое 3%

В языковом сознании крымчан *влияние* — это *власть, авторитет,* которое оказывает общество, человек *на людей, на человека,* оценивается как *плохое*. Ассоциативный эксперимент показал, что для жителей Крыма, переживших непростые исторические события, влияние оказывает общество на человека, а малая социальная группа — семья, в которой формируется личность, оказывает значительно меньшее влияние.

В Европейской части России *влияние* — это *власть, авторитет*, которое оценивается как *сильное, плохое и дурное*, приравнивается к *давлению и воздействию*, оказывают его в первую очередь *родители*.

В Сибири и Дальнем Востоке *влияние — власть, сила, давление, воздействие*, которое оценивается как *плохое, дурное*, направлено *на человека,* оказывают его прежде всего *родители.*

Таким образом, в сознании молодых крымчан *влияние* оказывает прежде всего *общество*, а в Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока — *родители*.

Исследование языкового поля позволяет описать ядро и переферию языкового сознания. К ядру языкового сознания мы отнесли ассоциаты, отмеченные в трех ассоциативных словарях. Влияние оказывает субъект (*родители, человек, общество, друзья, окружающие*), на кого влияют (*на человека, на людей*). Объект выражен антонимом *слабость* и абстрактными понятиями (*власть, давление, воздействие, зависимость, сила, манипуляция*). Влияние воспринимают как *плохое, сильное и большое*.

К периферии относим ассоциаты, представленные только в одном регионе. Субъект влияния: ЕВРАС *(отца, народа),* СИБАС *(учитель),* КрымАС *(мир, президент, главный, начальник, босс, политик, на общество, со стороны).* Объект влияние: ЕВРАС *(мнение, напор, среды, сфера, внимание, эффект, солнца, мысли),* СИБАС *(закона, гипноз, господство),* КрымАС *(уважение, успех, важность, ужас, на жизнь, деньги, алкоголя, мир, на мозг, на разум).*

Изучение и сравнение данных ассоциативного эксперимента, проведенного в разных регионах, позволяет описать сходства и различия языкового сознания, выявить актуальные черты языковой картины мира регионов.

Литература

1. Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Чулкина Л. Н. Языковое сознание: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 232–250.
2. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т.1. От стимула к реакции / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: Московская международная академия, 2018. — 544 с.

3. Уфимцева Н. В. Черкасова Г. А., Балясникова О. В., Разумкова А. В, Степанова А. А. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М. — Ярославль : Издательство Канцлер, 2017. — 240 с.
4. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. — 537 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ
(ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

А. Н. Стебунова
alla.stebunova@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Концепт «счастье» является одной из важных категорий философии и этики. Он связан с такими проблемами человеческого бытия, как смысл и цель жизни, добро и зло, удовольствие и долг.

Необычайный интерес к счастью и его воплощениям со стороны великих и мудрейших людей различных эпох наводит на мысль о том, что само представление о счастье лежит у истоков культуры, это своего рода сердцевина индивидуального и национального сознания. А отношение к счастью, в свою очередь, определяет основные характеристикисамой духовной сущности индивидуума [3, с. 67].

Толковый словарь С. И. Ожегова выделяет следующие значения слова «счастье»: *1) Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения; 2) Успех, удача* [5]. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой даёт большезначений: 1) *Состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости; 2) а) Успех, удача; б) Счастливый случай, счастливое стечение обстоятельств;* 3. Предикатив *а) О состоянии, когда очень хорошо; б) О везении, удаче, сопутствующих кому-либо* [2]. Малый академический словарь: *1) Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-*

либо. Внешнее проявление этого чувства; 2) Успех, удача; 3) В значении сказуемого. *Хорошо, удачно; 4)* просторечное. *Участь, доля, судьба; 5) В значении вводного слова выражает удовлетворение по поводу чего-либо* [4].

Таким образом, можно выделить основные, на наш взгляд, компоненты концепта «счастье»: чувство полного душевного удовлетворения, благополучие в жизни, удачливость во всем. Представление о счастье индивидуально, оно базируется на индивидуальных прототипах.

Н. В. Уфимцева отмечает, что «ассоциативный эксперимент является ценным и при понимании индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного исследовательского приема можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека. Ассоциативный метод можно рассматривать также как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [6, с. 147]. По мнению Л. Е. Бессоновой, «построение новой ассоциативной парадигмы концептуальной теории позволяет получить информацию о способах концептуализации языка и мира человека, о содержании и структуре концептов как комплексных мыслительных единиц, выявить не только концептуально значимые когнитивные признаки, но и образные, ценностные составляющие концептов» [1, с. 103].

На основе свободного и направленного ассоциативного психолингвистического эксперимента сделана попытка изучить особенности осмысления концепта «счастье» представителями донецкой студенческой молодежи, установить наполняемость ассоциативного поля со значением «счастье» и определить модели ассоциативной связи между словом-стимулом «счастье» и словами-реакциями. Ассоциативный эксперимент проводился среди студентов 1–2 курса филологического факультета Донецкого национального университета в возрасте от 17 до 20 лет. Всего в эксперименте приняло участие 152 человека: 62 — 17 лет, 65 — 18 лет, 15 — 19 лет, 10 — 20 лет; из них 130 женщин и 22 мужчины. Как видим, априори более всего счастье определяется здесь как женское счастье. Суть опроса заключалась в том, что в ответ на предъявление слова-стимула

«счастье» респонденты должны были привести слова-реакции, вызванные данным стимулом. В ходе эксперимента нами выявлены гендерные и возрастные особенности в восприятии исследуемого концепта, а также его когнитивные признаки.

Определение счастья осуществляется по нескольким параметрам: счастье как фрейм, источник счастья, семантические признаки счастья.

На вопрос «Что такое счастье?» мы получили ответы, которые начинаются со слова *когда,* и далее дается описание ситуации, в которой человек счастлив. Счастье — это *когда родные и близкие рядом; когда тепло и уютно; когда любовь к своему делу и окружающим заполняет твой рассудок;, все вокруг счастливы; когда есть стипендия; когда близкие счастливы, здоровы и спокойны; когда тебя любят; когда есть достаток в семье, есть друзья; когда главное не приобрести новое, а просто не потерять старое; когда твои самые, на первый взгляд, несбыточные мечты сбываются; когда ты смотришь на что-то или кого-то и тебе сложно нормально дышать, появляется улыбка; когда ты радуешься жизни, тому, что у тебя все хорошо, и ты добиваешься своих поставленных целей; когда тебя любят; когда наступила весна; когда к тебе проявляют заботу; когда чувствуешь себя в безопасности; когда рядом любимый человек; когда боевые действия прекращены; когда находишься в кругу друзей.*

Встречаются ответы, которые указывают на источник счастья. Эти ответы можно разделить на тематические группы: физический источник — еда, здоровье, секс, социальный — семья, карьера. Счастье — *семья, дети, еда, карьера, жизнь без войны, любовь, взаимная любовь, деньги, поддержка, материальная самодостаточность, радость от прожитого дня, люди, которые дороги, приятные слова, любимый фильм, здоровье родителей, родных и близких, их улыбки и счастливые глаза; любимый человек; друзья; обычные мелочи в жизни, здоровье, мир, благополучие, дом, где тебя любят и ждут; успех в работе, хорошее настроение, хорошая погода, близкие рядом.*

Значение лексемы «счастье» раскрывается через семантические признаки: *счастье — чувство теплоты в грудной клетке, беспечность и спокойствие, мгновение, когда ты любишь себя и мир, не думая о вечных проблемах; пребывание в полном спокойствии,*

никакого волнения, полная работоспособность; ощущение внутренней стабильности, спокойствия, наполненность любовью, уютом; удовлетворенность жизнью и нежелание что-либо в ней менять, желание жить и наслаждаться каждым моментом; душевное единство с происходящим вокруг тебя внутреннего удовлетворения; состояние, которое приносит удовольствие, дарит радость, окрыляет, дарит смысл жизни.

В свободном ассоциативном эксперименте было зафиксировано 23 единичных реакции на слово «счастье»: *детство, удовлетворенность, отсутствие боли, душевный подъем, благополучие, дети, цветок, рука друга, забота, танцы, просмотр старых фото, гармония, быть настоящим, свежесть, общение, работа по душе, приподнятое настроение, воодушевление, азарт.*

Выделены частотные ассоциации: *любовь (27), семья (15), друзья (15), удача (13), достойная работа (10), здоровье (8), достижения (7), радость (7), достаток (7), смех/улыбка (6).*

Среди менее распространенных реакций выделяем: абстрактные понятия: *свобода (4), мир (4), взаимопонимание (2), уверенность (2), искренность (2).*

Данные свободного ассоциативного эксперимента дополняются материалами, приобретенными в ходе направленного ассоциативного эксперимента, что позволяет ограничить свободу ассоциаций в необходимом для экспериментатора направлении и дать более полную и объективную содержательную характеристику концептов. Направленный ассоциативный эксперимент отличается тем, что испытуемый в ответ на слова-стимулы отвечает не любым пришедшим в голову словом, а так, как этого требует инструкция экспериментатора. В нашем опросе слова-реакции должны быть синонимами и антонимами слова-стимула, а также должны выступать определенной частью речи (глаголом и прилагательным).

Синонимамик слову «счастье» являются: *радость (63), любовь (50), благополучие (9), веселье (8), успех (6), наслаждение (5), удача (4), благодать (3), удовольствие (2), везение, фортуна (2).*

Антонимами выступают: *несчастье (39), горе (37), грусть (29), печаль (20), беда (18), трагедия (5), неудача (4).*

У большинства опрошенных синоним *счастья — радость (63),* антоним — *несчастье (39)*

Было зафиксировано множество глаголов, которые ассоциируются со словом «счастье». Счастье человеку приносят простые действия, которые он может делать каждый день: *жить (10), отдыхать (3), дышать (3), видеть (2), работать (2), танцевать (2), петь (2), плакать (2), быть здоровым (27)*.

Каждый человек — кузнец своего счастья, поэтому счастья нужно добиваться, а не ждать, пока оно само придет, для этого нужно приложить усилия: *создавать (8), творить (7), делать (4), найти (3), обрести (3), мечтать (2), верить (2), достигать, стремиться, грезить, искать, заслужить, сражаться (35).*

Счастливый человек старается сделать все, чтобы люди вокруг него тоже испытывали счастье: *любить (21), дарить (7), заботиться (3), оберегать (3), понимать (2), делиться (2), отдавать (2), обнимать (2), дружить, помогать, поддерживать, переживать, успокаивать (47).*

Счастливый человек испытывает эмоциональные переживания: *радоваться (15), улыбаться (10), веселиться (7), смеяться (4), наслаждаться (3), испытывать, чувствовать (41).*

Однако, к сожалению, счастье может само очень быстро уйти, либо его могут отнять: *потерять, лишать*.

Наиболее частотные прилагательные, которые ассоциируются со словом «счастье», соотносятся с длительностью и масштабностью счастья: *большое (13), вечное (10), абсолютный (8), заоблачное (6), огромное (6), полное (4), длительное, мимолетное, короткое, постоянное, временное, невероятное, всепоглощающее, вселенское (55.)*

Счастье соотносится со светлым, теплым и ярким: *теплое (7), солнечное (6), яркое (4), светлое (4), желтое (2), синее, розовое, золотое, лучезарное (27).*

Счастье не имеет границ, его можно долго ждать, но оно приходит всегда неожиданно, также оно изменчиво: *безграничное (17), беспредельное (12), долгожданное (10), неожиданное (7), нежданное, негаданное, обманчивое (49).*

У каждого человека свое счастье: *женское (13), личное (3), материнское(3), семейное, человеческое (21.)*

В определенное время года человек может чувствовать себя немного счастливее, чем в другое время года. Проведя опрос, мы узнали, с каким временем года у студентов ассоциируется счастье.

Время года, которое ассоциируется со «счастьем»: *весна (71), лето (69), зима (7), осень (5).*

У большинства опрошенных (126) счастье ассоциируется с одним временем года, а меньшинство (26) указали по несколько времен года. Это связано с тем, что счастье не приходит в определенное время года, просто у человека бывают счастливые моменты, воспоминания, которые ассоциируются с каким-то временем года, когда он был наиболее счастлив. Преимущественно счастье ассоциируется с весной, когда начинает все расцветать и у людей поднимается настроение от проснувшейся природы.

Ассоциативный эксперимент позволил выявить некоторые гендерные особенности в восприятии исследуемого концепта. Например, наиболее частотные гендерные реакции на слово-стимул счастье таковы: мужчины (достойная работа — 40%; деньги/достаток — 24%; результат/достижения — 16%; удовольствие — 8%), женщины (любовь — 41,6%, семья — 32%; удача — 15%; везение — 6,4%).

Ядро ассоциативного поля «счастье» представлено в реализации причинных связей, которые определяют ситуацию между стимулом и реакцией и представляют тематические группы. Неоднородность состава той или иной группы является отражением динамических процессов внутри ассоциативного поля «счастье», которые представляют картину ценностей и нравственно моральных норм студенческой молодежи.

Сравнительный анализ данных свободного и направленного экспериментов показывает, что представление о счастье в языковом сознании испытуемых — носителей языка и их личностное восприятие данного концепта не совпадают. Интересным является наблюдение, что женщина является пассивным получателем счастья, в то время как мужчина выступает активным творцом своего счастья. Счастье для мужчины — и процесс, и результат, и признание своего труда.

Таким образом, семантическое пространство концепта «счастье» (на основе ассоциаций) имеет разное наполнение у женщин и у мужчин, что подтверждают количественные и качественные характеристики сем. Данные метод помог получить разнообразный языковой материал, являющийся необходимым для построения ассоциативного слоя концепта «счастье».

Литература
1. Бессонова Л. Е., Зелинская А. Ю. Структурно-семантическое содержание ассоциативного поля концепта «образование» (из опыта проведения экспериментальных методик) // Ученые записки ТНУ, Т.17(56). Филологические науки. Симферополь, 2004. —148 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: 2000. В 2-ух т. — 1209 с.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. — 287 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык,1990.
6. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. — С. 139–162.

ПАРАДИГМА «ЧЕЛОВЕК» В АССОЦИАЦИЯХ ПО «РУССКОМУ РЕГИОНАЛЬНОМУ АССОЦИАТИВНОМУ СЛОВАРЮ»[11]

А. Ю. Филиппович, Г. А. Черкасова
annafil@bk.ru, gacherk@mail.ru
ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана»
(Москва)

База данных (БД) «Русского регионального ассоциативного словаря» первоначально включала три компонента, полученные по результатам ассоциативного опроса 2008–2011 гг. в Европейской части России (ЕВРАС), Сибири и Дальнем Востоке (СИБАС) и на Урале (УРРАС). В настоящее время почти закончен опрос в Крыму и собирается материал на Донбассе. Результаты двух опросов ЕВРАС и СИБАС опубликованы в виде книг прямых и обратных словарей [3, 4]. Электронные ресурсы, базы данных и тексты словарей в PDF см. [1, 2, 5].

[11] Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Сопоставим ассоциативные значения стимула **ЧЕЛОВЕК** для Европейской части России, Сибири и Крыма. В приведенных фрагментах прямых ассоциативных словарей жирным шрифтом выделены повторившиеся в **трех** опросах реакции (из них жирным курсивом ***стимулы***), курсивом — встретившиеся в *двух*, а неповторившиеся (оригинальные) ответы с частотой 1 не представлены, поэтому количество единичных реакций содержит через «/» число приведенных ассоциатов. Статья прямого словаря ЕВРАС дана по адресу hppts://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf на стр. 269; для СИБАС и Крыма см. [2, 5].

ЧЕЛОВЕК

ЕВРАС: разумный 41; ***паук* 31**; **существо 26**; ***личность* 25**; **животное 22**; ***люди* 17**; ***хороший* 14**; ***добрый***, **обезьяна 13**; ***я* 12**; ***умный* 11**; **амфибия 10**; ***жизнь***, **homo sapiens 9**; ***красивый* 7**; ***друг***, *и закон*, **индивид 6**; ***мужчина* 5**; ***живой***, *молекула*, **невидимка 4**; ***глупый***, *гордо*, *загадка*, ***закон***, *общество*, *разный*, **разум**, ***родной***, **слова**, терпимый, **хомо сапиенс 3**; *анатомия*, **волк**, года, гордый, ***гражданин***, дела, дитя, дня, **дождя**, животные, **земля**, ***злой***, *индивидуум*, *лицо*, **любимый**, *молодой*, мудрый, *муравей*, ***плохой***, ***природа***, прямоходящий, развитие, ***ребенок***, *сильный*, смешной, собака, существа, тупой, *уверенный*, ***человек***, **человеку волк 2**; **биология**, *бог*, ***большой***, *будущего*, **вид**, *гуманоид*, **добро**, *дорогой*, ***душа***, *жив*, *живое существо*, *жить*, **зверь**, **земля**, *зло*, *интерес*, *кошка*, *машина*, **мозг**, **один**, *опасный*, *опрятный*, **организм**, *ответственный*, *пароход*, *примат*, *путаница*, *рабочий*, **радость**, *родился*, *с большой буквы*, *свинья*, *система*, **социум**, *страшный*, **творец**, **тело**, *товарищ*, ***ум***, *уникум*, ***честный***, *эволюция* **1**; ***531+199+6+135/42***

СИБАС: **разумный 35**; **существо 22**; **обезьяна 19**; ***личность* 18**; **животное**; ***паук* 15**; ***добрый***, ***друг***, ***жизнь***, ***хороший* 11**; ***я* 10**; **волк**, ***люди***, **тело**, ***умный* 8**; **невидимка 7**; *мир* **6**; ***закон***, *и закон*, **индивид**, *индивидуум*, *общество* **5**; **амфибия**, ***злой***, *молекула*, *пароход*, ***природа***, **разум**, *сильный* **4**; ***большой***, ***живой***, **зверь**, ***красивый***, ***любимый***, *молодой*, ***мужчина***, ***плохой***, *простой*, **творец**, ***ум***, ***человек* 3**; **homo sapiens**, *анатомия*, *венец*, *гордо*, **добро**, **дождя**, ***душа***, *опрятный*, **организм**, произошел от обезьяны, руки, *смелый*, *уверенный* **2**; **биология**, *будущего*, *верный*, **вид**, *всесилен*, *глупость*, ***глупый***, *гордость*, ***гражданин***, *гуманоид*, *дорогой*, *женщина*, *жив*, *живое существо*, *индивидуальность*, *интересный*, *лицо*, *машина*, **мозг**, *монстр*, **один**, *особь*, *ответственный*, *право*, *примат*, *приятный*, **радость**, ***ребенок***, *решительный*, ***родной***, *с бульвара Капуцинов*, *свинья*, *сила*, **слова**, *сознание*, **социум**, *страшный*, *товарищ*, *уникум*, **хомо сапиенс**, **человеку волк**, *человечный*, *чести*, ***честный***, *щедрый*, *эволюция* **1; *498+206+8+152/46***

КРЫМ: ***личность*** **27**; **существо 21**; ***жизнь***, ***паук*** **19**; **разумный 17**; **животное 15**; ***хороший*** **13**; ***добрый*** **12**; ***умный*** **9**; ***друг*** **8**; ***живой***, **индивид**, ***люди***, **обезьяна 6**; **разум 5**; *гордость*, ***душа***, любовь, ***мужчина***, общение, планета, свобода, **слова**, ***я*** **3**; **амфибия**, вежливый, **вид**, **волк**, высокий, *глупость*, двуличный, **добро**, *женщина*, **зверь**, **земля**, *зло*, ***злой***, *индивидуальность*, милый, *мир*, может, наук, *особь*, ***природа***, *простой*, *разный*, *решительный*, свободен, смертный, тайна, **тело**, толпа, **хомо сапиенс**, ***человек***, ***честный*** **2**; **homo sapiens**, **биология**, *бог*, ***большой***, *венец*, *верный*, *всесилен*, ***глупый***, ***гражданин***, **дождя**, *жить*, *загадка*, ***закон***, *интерес*, *интересный*, *кошка*, ***красивый***, **любимый**, **мозг**, *монстр*, *муравей*, **невидимка**, **один**, *опасный*, **организм**, ***плохой***, *право*, *приятный*, *путаница*, *рабочий*, **радость**, ***ребенок***, *родился*, ***родной***, *сбольшойбуквы*, *сбульвараКапуцинов*, *сила*, *система*, *смелый*, *сознание*, **социум**, **творец**, ***ум***, **человеку волк**, *человечный*, *чести*, *щедрый* **1**; ***440+217+1+161/46***

В приведенных фрагментах почти все реакции имеют шрифтовые выделения, так как 52 реакции повторились в трех опросах, из которых 27 слов являются стимулами. Еще добавляются повторы ассоциатов в двух регионах: ЕВРАС и СИБАС — 25, ЕВРАС и КРЫМ — 14, СИБАС и Крым — 22.

Анализируя наиболее частотные ответы, можно заметить разницу в их порядке и значениях частот. Чаще других дана реакция **разумный,** полученная 41+35+17=93 раза, её дали 7.74% респондентов в ЕВРАС и 7.14% в СИБАС, а в Крыму вдвое меньше – 3.86%. А самая частотная для Крыма реакция **личность**, полученная от 6.14% опрошенных, в других статьях стоит четвертой. Ответ **существо,** занимающий вторую позицию в СИБАС (4.49%) и КРЫМУ (4.77%) и третью в ЕВРАС (4.91%), имеет почти одинаковые проценты. Реакция **хороший** также имеет близкие частоты[12] 14, 11,13. Значительную разницу в частотах имеют реакции: **я** — 12, 10, 3; **обезьяна** — 13, 18, 6; **амфибия** — 10, 4, 2; тело — 1, 8, 2; **homo sapiens —** 9, 2, 1.

Полученные от трех и двух испытуемых оригинальные реакции на стимул **ЧЕЛОВЕК** найдены следующие:

ЕВРАС: терпимый **3**; года, гордый, дела, дитя, дня, животные, мудрый, прямоходящий, развитие, смешной, собака, существа, тупой **2**; **14**;

СИБАС: произошел от обезьяны, руки **2**; **2**;

[12]Здесь и далее количественные показатели приводятся в такой последовательности для ЕВРАС, СИБАС, КРЫМ.

КРЫМ: любовь, общение, планета, свобода **3**; вежливый, высокий, двуличный, милый, может, наук, свободен, смертный, тайна, толпа **2**; **14.**

Добавив единичные оригинальные ответы, получаем количество оригинальных реакций в опросах: в ЕВРАС 135–42+14=107, что составляет 53.8% (108/199*100); СИБАС 152–46+2=108 (52.4%); КРЫМ 161–46+14=115 (59.4%). Величины процентов показывают, что множество оригинальных реакций в каждом регионе составляет более половины от количества разных ассоциатов.

Для опрошенного контингента независимо от региона **ЧЕЛОВЕК** — это *существо разумное*, он *личность* и *друг*, при этом скорее *добрый*, *хороший, умный* и *красивый…*, чем *злой* и *глупый...* Хотя такие ассоциации, как человек — *животное*, *обезьяна*, *волк* и т.п. довольно часты, в целом человек оценивается положительно.

Рассмотрим теперь обратные словари, в которых есть не только реакция *человек*, но и парадигма слова и словосочетания. Статья для ЕВРАС дана hppt://iling-ran.ru/library/evras/evras_2.pdf на с. 750; для СИБАС и Крыма см. соответствующие реакции в [2, 5].

Реакцию *человек* породили соответственно 436, 450 и 480 стимулов, из которых 350 повторились в трех регионах, что составляет 80%, 78% и 73%. Среди повторившихся в двух регионах совпадение порождающих стимулов следующее: 373 — ЕВРАС и СИБАС, 384 — СИБАС и Крым, 369 — ЕВРАС и Крым, т. е. только 23, 34 и 19 стимулов добавляются при попарном совпадении.

В табл. 1 приведены 69 стимулов, породивших реакцию *человек* с наибольшей частотой, упорядоченные по сумме трех частот. Почти все они — прилагательные, только на 31 строке стоит ***личность*** и 37 — ***я***.

Таблица 1.

Стимулы, породившие реакцию ЧЕЛОВЕК (фрагмент)

Стимул	ЕВРАС	СИБАС	КРЫМ
общительный	198	171	142
молодой	196	161	124
близкий	173	151	142
деятельный	172	128	120
взрослый	165	131	117
высокомерный	156	114	138
великодушный	149	128	130
безответственный	159	125	100

Стимул	ЕВРАС	СИБАС	КРЫМ
предприимчивый	164	115	96
культурный	146	125	97
энергичный	167	104	88
ничтожный	132	116	105
знакомый	148	111	92
странный	124	112	97
лживый	134	96	95
честный	132	106	80

Стимул	ЕВРАС	СИБАС	КРЫМ
добрый	120	87	109
гордый	138	97	79
свободный	118	91	104
расчетливый	134	93	75
искренний	120	94	85
деловой	124	104	67
инициативный	120	98	74
непредсказуемый	120	94	76
больной	120	76	93
самобытный	114	85	90
религиозный	109	100	78
немногословный	124	87	74
независимый	103	97	84
жадный	100	91	89
личность	118	86	73
одинокий	115	84	76
нужный	99	64	103
талантливый	111	69	83
экономный	97	87	78
стеснительный	100	76	80
я	98	76	82
несчастный	97	65	94
изобретательный	105	75	72
дорогой	100	67	81
решительный	97	72	78
осторожный	95	76	76
умный	103	84	58

Стимул	ЕВРАС	СИБАС	КРЫМ
жестокий	98	71	76
робкий	98	70	72
настырный	99	71	69
напористый	89	74	74
глупый	82	81	74
деловитый	94	74	68
надменный	82	79	75
плохой	92	77	58
застенчивый	86	67	74
хороший	85	69	70
пассивный	87	87	47
грубый	84	62	75
ленивый	79	68	74
открытый	74	69	77
настойчивый	87	64	68
нищий	83	69	64
терпимый	86	69	60
агрессивный	92	49	71
современный	82	69	60
интересный	77	73	61
безрассудный	79	62	64
здоровый	85	70	47
стыдливый	76	64	62
важный	69	61	72
уверенный	67	66	69
уверенный	67	66	69
. . .	. . .	. . .	. . .

Список повторившихся в трех регионах реакций включает 25 слов-стимулов, которые являются реакциями в трех прямых словарях (в табл. 1 выделены жирным шрифтом). Только стимулы **добро** и **радость** не вызвали реакцию *человек*.

Всего в БД ЕВРАС найдено 553 стимула, вызвавших 161 разную реакцию, содержащую парадигму **ЧЕЛОВЕК** и словосочетания, в БД КРЫМ получено 206 таких ассоциатов на 598 стимулов.

Вторым по частоте встречаемости испытуемыми был дан ответ *человека*, затем идет *человеку, человеком, к человеку, молодой человек* и др. (см. табл. 2).

Таблица 2.

Парадигма **ЧЕЛОВЕК** в реакциях испытуемых.

Реакция	**Показатель**	**ЕВРАС**	**СИБАС**	**КРЫМ**
	количество анкет, введенных в БД	5500	5000	4451
человек	суммарное число появления реакции	12172	10012	9809
	кол-во вызвавших стимулов	436	450	480
	повторилосьв 3-х регионах стимулов	350		
человека	суммарное число появления реакции	638	527	655
	кол-во вызвавших стимулов	158	154	178
человеку	суммарное число появления реакции	60	45	79
	кол-во вызвавших стимулов	18	21	19
человеком	суммарное число появления реакции	66	63	86
	кол-во вызвавших стимулов	7	10	12
	повторилосьв 3-х регионах стимулов	4		
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .

При сопоставлении частот ответов в обратном словаре следует учитывать количество введенных в БД анкет. Например, КРЫМ содержит на тысячу меньше анкет, чем ЕВРАС, что составляет ≈20%.

Для примера приведены статьи из обратных словарей для реакции *человеком*, в которых все вызвавшие ее стимулы являются глаголами, а частотные ассоциаты повторяются в трех регионах.

ЧЕЛОВЕКОМ

ЕВРАС← **становиться 24**; **быть 17**; **оставаться 15**; **являться 5**; остаться **3**; остановиться, показаться **1**; ***66+7***

СИБАС← **становиться 30**; **быть 19**; **оставаться 4**; **являться 3**; управлять **2**; великодушный; двигать; остановиться; остаться; увечье **1**; ***63+10***

КРЫМ ← **становиться 25**; **быть**, **являться 18**; оставаться **15**; управлять **3**; глина, двигать, оказаться, остаться, показаться, устойчивый **1**; ***86+12***

Большинство реакций с парадигмой **ЧЕЛОВЕК** являются словосочетаниями и целыми фразами. Например, в Крыму на стимул **талантливый** был получен *на сцене человек поет и танцует*; **друг→** *человек, которому можно довериться.* А пара **труд→** *из обезьяны сделал человека* встретилась в БД КРЫМ и ЕВРАС, при этом в СИБАС ответ дан в укороченном формате: **труд→** *сделал человека* **2**.

В заключение отметим, что форма множественного числа **люди** не рассмотрена в настоящей статье.

В результате сопоставления ассоциативного значения **ЧЕЛОВЕК** по трем регионам можно сделать следующие выводы:

- Ассоциативные значения стимула **ЧЕЛОВЕК** в трех исследуемых регионах отличаются незначительно, а разница в порядке ассоциатов и значениях частот скорее определяется методом, т.е. ассоциативным опросом и небольшим смещением во времени опроса в Крыму;
- Почти полный повтор стимулов повторившихся и в прямых и обратных словарях

Литература

1. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС / Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. В 2-х. т. М., 2014. — URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1. (дата обращения: 25.02.2021). — Режим доступа: свободный.
2. СИБАС — Сибирский ассоциативный словарь русского языка / Романенко А.А., Шапошникова И.В. — URL: http://adictru.nsu.ru (дата обращения: 25.02.2021). — Режим доступа: свободный.
3. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. −М.: Московская международная академия, 2018. − 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. — 688 с.
4. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. − М.: Московская международная академия, 2014. − 536 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2015. — 762 с.
5. БД «Русский региональный ассоциативный словарь (Республика Крым)» / Черкасова Г. А. — URL: http://associations.std-264.ist.mospolytech.ru/dictionary. php?setID=18 (дата обращения: 25.02.2021). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: 2007–2021 (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ)

С. С. Хромов, Е. А. Худоренко
chelovek653@mail.ru, khudorenko@gmail.com
ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»
(Москва)

В предисловии к монографии «Политика и язык», вышедшей в 2007 году под редакцией M. J. Skidmore and Andrew Cline, Max. Skidmore пишет: «The power of words over politics, although

occasionally noted, is too often forgotten or ignored. In ways they are direct or indirect, subtle and obvious, words and language exert influence or political action» [5, p.5]. Трудно не согласиться с этим авторитетным мнением.

Глобализация является одним из ведущих трендов современной коммуникации, которая отражает интеграционные процессы в целом. Определяющее значение здесь принадлежит языку. В нашем случае речь пойдет о русском языке в глобальной коммуникации и на постсоветском пространстве, в частности. Мы разделяем концепцию, согласно которой именно язык является фактором, от которого зависит сохранение единого социокультурного и образовательного постсоветского пространства, а также индикатором, средством активизации или ослабления интеграционных процессов [2].

Как известно, в основе языковой политики Российской федерации за рубежом лежит Конституция РФ, федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации", Концепция внешней политики, "Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом", указ Президента "О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации", "О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации", нормы и принципы международного права, международные договоры и нормативные правовые акты России, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества.

Органы законодательной власти РФ видят в русском языке потенциал надёжной цементирующей основы Евразийского экономического союза. В итоговой резолюции парламентских слушаний «О гуманитарном векторе международной политики Российской Федерации на современном этапе», проведённых Комитетом Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками 24.04.2019 г., заявлено, что русский язык и российское образование являются одними из основных инструментов продвижения внешнеполитических интересов Российской Федерации.

Каково же место русского языка в современной глобальной коммуникации и в странах постсоветского пространства, в частности? Здесь можно выделить несколько негативных тенденций.

Во-первых, отмечается сокращение географии использования русского языка в международном пространстве, а, следовательно, и в глобальной коммуникации. К сожалению, нам не удалось остановить тенденцию сужения ареала русского языка в мире: с конца прошлого, двадцатого века, численность людей, владеющих русским языком, сократилась в мире на несколько десятков миллионов человек [4].

Для наглядности сравним две эпохи: вторую половину XX века, которая была периодом широкого распространения русского языка и русской культуры во всем мире. Общее количество владевших русским языком к концу 1980-ых годов по разным оценкам составляло от 350 до 500 миллионов человек. В настоящее время русский язык по распространенности занимает 8 место. Причем эта тенденция оказывается стабильно понижающейся: в 2011 году он занимал 3 место. По данным А. Л. Арефьева, русский язык относится к тем ведущим мировым языкам, которые утрачивают свои позиции во всех основных регионах мира [1].

Во-вторых, отмечается снижение правового статуса русского языка в странах ближнего зарубежья. Как говорится в Резолюции V Международного гуманитарного Ливадийского форума 2019 г. «Русский язык сегодня становится объектом дискриминации: законы, принятые в некоторых иностранных государствах, фактически направлены на его вытеснение из всех сфер жизни общества».

Участники V Международного гуманитарного Ливадийского форума выражают глубокую озабоченность нарушениями права русских по национальности и русскоязычных граждан ряда стран на получение образования на русском языке и использование русского языка. Русский язык сегодня становится объектом дискриминации: законы, принятые в некоторых иностранных государствах, фактически направлены на его вытеснение из всех сфер жизни общества [3].

Рассмотрим статус русского языка в странах ближнего зарубежья. Русский язык является государственным языком в России и

Белоруссии. В Киргизии и Казахстане русский язык признан официальным языком. Однако он никак не закреплен в Грузии, Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане. В Молдавии и Таджикистане он признан языком межнационального общения. На Украине русский язык — язык национального меньшинства. В Армении, Латвии и Эстонии русский язык является иностранным языком. В Литве статус русского языка законодательно не закреплен.

В-третьих, переход стран ближнего зарубежья, таких как Молдова, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, с кириллического алфавита на латиницу. Самый последний пример — Казахстан. Это может привести к утрате массива документации на кириллице, дублированию многих документов на кириллице и латинице, к ослаблению связей с русской культурой, с русским языком. Интересный факт, что и в СССР в 20-ые годы прошлого века после Октябрьской революции 1917 года была так сильна мода на латинизацию, что даже русский язык планировали перевести с кириллицы на латиницу. В 1929 году была образована комиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита, которая завершила свою работу в январе 1930 года. Однако вскоре работа по латинизации русского алфавита была прекращена.

В-четвертых, сокращение русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья. Изменения в статусе русского языка способствуют росту миграционных процессов в этих странах, оттоку русскоязычных граждан. Факт, что Казахстан, в котором с начала распада СССР проживало наибольшее количество русскоязычного населения, в настоящее время лидирует по миграции русскоязычного населения. Аналогичная ситуация наблюдается в других странах ближнего зарубежья.

В-пятых, статус русского языка в странах ближнего зарубежья во многом зависит от размера русскоязычной общины в той или иной стране. Как показывает официальная статистика, сегодня в ближнем зарубежье проживает около 17 миллионов русских и русскоязычных соотечественников. По убыванию эти страны можно расположить так: Украина, Казахстан, Белоруссия, Узбекистан.

В-шестых, наблюдается повсеместное вытеснение русского языка из общественно-политической, научной и образовательной сферы, из сферы межэтнической коммуникации во всех постсоветских странах, кроме Беларуси и России. Становится популярной

концепция трехъязычия, как, например, в Казахстане, где в 2015 году была представлена «Дорожная карта развития трехъязычного образования на 2015–2020 годы». Посредником, ключом к интеграции республики в мировое сообщество должен стать английский язык.

В-седьмых, пандемическая ситуация с covid-19 негативно сказалась в том числе и на ситуации с русским языком. Отменены, перенесены или переведены в формат Интернет-коммуникации многие важные международные мероприятия, форумы, симпозиумы, встречи на русском языке.

В то же время следует отметить, что русский язык остается одним из самых востребованных языков межнационального, межкультурного, межгосударственного общения среди стран постсоветского пространства. Потребность в русском языке как языке культуры, науки, образования, инноваций проявляется на высоком уровне. Это один из серьезных вызовов, который нужно решать в современной России во благо интересов стран и государств современной Евразии.

Знаменательно, что вопрос о русском языке, о языковой политике России мы обсуждаем сегодня на Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» в Ялте, участники которого вносят большой вклад в дело продвижения русского языка в России и на международной арене.

Литература

1. Арефьев А.Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Вестник российской академии наук. — 2014. — Т. 84, № 10. — С. 31–38.
2. Егоров В., Штоль В. Русский язык — фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. М., 2017. №12. — Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1949 (Дата посещения: 09.02.2020.)
3. Резолюция У Международного гуманитарного Ливадийского форума 5 июня 2019 г. Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/hbWmgVt872u3PAFDGJZLDmD5bsLEIaaP.pdf (Дата посещения 13.04.2021).
4. Шустов А. Ареал русского языка в мире сокращается // Евразия Эксперт. 2017. — 2 марта. — Режим доступа: http://eurasia.expert/arealrusskogo-yazyka-v-mire-sokrashchaetsya/ (Дата посещения: 21.01.2020.)
5. Politics and Language by Max J. Skidmore, Andrew Cline. — Cambridge Scholars Publishing, 2007. — 201 p.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

ИДИОЭТНИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА АСПЕКТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Е. В. Петрухина
elena.petrukhina@gmail.com
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва)

1. Концепт ПРЕДЕЛА и теория фазовости. Действие по своей онтологической природе может быть охарактеризовано по множеству параметров — фазовых (начало / конец, продолжение / завершение), результативности / нерезультативности, мгновенности / длительности, кратности и др., большинство из которых в славянских языках легли в содержательную основу аспектуальных лексических, словообразовательных и грамматических категорий [2, с. 11–33]. В русском языке фундаментальную роль в организации глагольных категорий играет концепт временной границы, или ПРЕДЕЛА, действия, который можно отнести к семантическим доминантам, характеризующимся частотностью и разнообразием форм выражения [7]. Во всех славянских языках на базе данного концепта реализуется разграничение предельных / непредельных (терминативных / нетерминативных) глаголов в их отношении к грамматической категории глагольного вида. При этом актуализация начального и (или) конечного предела действия отличает семантику русского совершенного вида (СВ) в целом, а также нетерминативных глаголов с продуктивными аффиксами (*за-, по-, про-, на- ся, до- ся* и др.) от их формально-функциональных эквивалентов в других славянских языках [3]. Поэтому можно сказать, что известная теория фазовости О. М. Соколова [4, 5] и основанное на ней исследование фазовой парадигматики русского глагола Е. Я. Титаренко [6] представляют идиоэтническую семантику аспектуальных моделей глагола в русском языке.

О. М. Соколов определяет фазовость как ограничение процессности тем или иным пределом в диапазоне от момента возникновения (начала) до завершенности (окончания) [5, с. 128]. При построении фазовой парадигмы Е. Я. Титаренко выделяет четыре вида фазовости: начинательность, ограничительность, финитивность и одноразовость / многоразовость [6, с. 103–133]. В следующем разделе мы покажем, что русскую аспектуальную систему отличает от систем целого ряда славянских языков более последовательная актуализация границ действия при выражении первых трех типов фазовости.

2. Особенности фазовой семантики русского глагола (на славянском фоне)

2.1. В западнославянских и некоторых южнославянских (в частности, словенском) языках в семантике глаголов СВ идея границы действия выражена менее четко, чем в русском языке. В частности отсутствуют словообразовательные модели глаголов со значением начала действия; нет глаголов движения с начинательной приставкой *po-*. Дериваты с приставкой *za-* выражают не начало, а кратковременное проявление действия [3].

В русском языке фазисно-временные дериваты вовлечены в грамматические видовые отношения. Словообразовательные значения, выражаемые приставками, приобретают черты, свойственные грамматическим значениям, а именно свойства обязательности и пониженной интенциональности употребления в некоторых типах контекста, например в повествовательном тексте. Выражение (как приставками, так и фазовыми глаголами) начальной границы действия в русском языке характеризуется высокой степенью обязательности при включении нетерминативных процессов и деятельности в нарративную цепочку в плане прошедшего времени, ср.: *Он встал, поклонился* (*кланялся)*, **засмеялся*** (*смеялся) *и пошел* (*шел) *к выходу*.

2.2. Сопоставим соотношение глаголов СВ и НСВ, рассматривая выраженность / невыраженность границ действия в плане прошедшего времени на материале тождественных с коммуникативно-стилистической и содержательной точек зрения текстов на двух языках, а именно русского текста и его перевода на чешский язык. Ниже приводится отрывок из сказочной повести Н. Н. Носова «Незнайка на Луне»

(URL: http://vseskazki.su/avtorskie-skazki/n-nosov-rasskazi/neznajka-na-lune-chitat.html) и его чешский художественный перевод (переводчик М. Штястна, URL: http://ufoartworks.sweb.cz/ Neznalek/mesic.html). Интересующие нас глаголы и глагольные конструкции в форме прошедшего времени в повествовательной функции отмечены при помощи следующих условных обозначений. Цифрой [1] обозначены глаголы СВ с начинательными приставками, а цифрой [2] — аналитические конструкции с фазовыми глаголами, выражающими начало действия; цифрой [3] отмечены глаголы НСВ, не выражающие границ действия.

В русском отрывке реплики персонажей вводятся приставочными глаголами СВ с начинательным значением: *завопил, закричал* ([1]). В русском отрывке имеются также три фазовых конструкции с глагольными формами СВ *начав, стал, принялся* ([2]). В чешском переводе аспектуальная картина нарратива совершенно иная: прямую речь вводят глаголы НСВ, оставляющие границы действия невыраженными ([3]): *úpěl, křičel,* три формы глаголов НСВ *dělal, přemísťoval, přemýšlel* ([3]) соответствуют упомянутым русским фазовым конструкциям. В отрывке описывается состояние невесомости, которое при невероятных обстоятельствах испытывают сказочные герои. При этом в первом абзаце русского текста трижды выражается начало необычных проявлений такого состояния (формами фазовых глаголов *начав*, *стал, принялся*), тогда как в чешском переводе ситуация представляется как бы изнутри [8, с. 126] при помощи глаголов НСВ:

Начав[2] осторожно **делать** руками и ногами плавательные движения, Знайка **стал**[2] медленно **перемещаться** по воздуху и постепенно доплыл до двери. … Выбравшись наконец из комнаты и очутившись на лестнице (вернее сказать, над лестницей), Знайка **принялся**[2] **раздумывать**, как бы ему спуститься вниз**. …**	Opatrně **dělal**[3] rukama a nohama plavecká tempa a pomaloučku se **přemísťoval**[3] vzduchem, až doplul ke dveřím. … Konečně vyplul z pokoje a octl se na schodišti — lépe řečeno nad schodištěm. Teď **přemýšlel**[3], jak dolů. …
– Знаечка, миленький, помоги! — **завопил**[1] Растеряйка. — Я не пойму, что со мной происходит!	"Všeználku, kamaráde, pomoc!" **úpěl**[3] Civínek. "Namouduši nevím, co se to se mnou děje!"

Слушай, Знайка, мы все почему-то летаем! — **закричал**[1] доктор Пилюлькин.	"Slyšíš, Všeználku, z ničeho nic lítáme!" **křičel**[3] doktor Pilulkin.

Таким образом, при выражении цепочки последовательных действий, в том числе речевых, в русском нарративном тексте преобладает выражение их временн*ы*х границ (в данном отрывке начальной границы). А в чешском повествовании границы действия остаются невыраженными, несмотря на то, что это переводной текст, который в употреблении видов испытывает влияние русского оригинала.

2.3. Показательно также сопоставить фазисно-временные модификации глаголов, а именно их «фазовые парадигмы» [6, с. 117–177], в русском и других славянских языках, что здесь будет сделано на примере глагола *петь* (*песни*), в его безобъектном и объектном вариантах. Наиболее последовательно, по сравнению с другими славянскими языками, фазисно-временные словообразовательные модификации глагола *петь* реализуются в русском языке. Начало действия выражается приставкой *за-*: (1) *Хор тихо и дружно запел* — причем начальный фазис может быть представлен и как процесс: (1а) *Хор тихо и дружно запевает*, что для русского языка является скорее исключением. Окончание данного действия может быть выражено дериватом *отпеть* в нескольких вариантах: как конец действия в конкретной ситуации (2): *Девушки уж песни отпели*; как обобщенный, дефинитивный конец (3): *Я петь уже не могу, я* (*свое*) *отпел*, а также дериватом *допеть*, выражающим конец действия с актуализацией его последней фазы (4): *Девочка допела песню и замолчала*. При этом последняя фаза может быть представлена как процесс (4а): *Она допевала песню со слезами на глазах*. Модификация (5) *допеться до* (*хрипоты*), выражающая нежелательные последствия длительного действия, имеется только в русском языке. Делимитатив (*попеть*) предполагает или небольшую меру действия (6): *Сегодня мы немного попели и рано разошлись*, или его положительную оценку (7): *Сегодня мы хорошо попели*. Делимитативы функционально более активны именно в русском языке. Пердуратив (*пропеть*) обозначает действие, длящееся до какой-либо временной границы (8): *Они пропели до утра*, либо заполняющее весь временной отрезок (9): *Они пропели всю ночь*.

Объектный вариант глагола имеет две результативные модификации — *пропеть и спеть*: (10) *Он пропел одну песню, подхватил другую*; (11) *Она спела новую песню*.

В плане выражения фазисно-временных модификаций данного глагольного действия к русскому языку ближе всего польский, различия следующие. Дериват с приставкой *za-* может иметь в зависимости от контекста как начальную (1'): *Chór cicho i zgodnie zaśpiewał*, так и результативную семантику (11'): *Zaśpiewała nową piosenkę*. Конец действия, как конкретный, так и обобщенный, выражается дериватом с префиксом *od-*, причем чаще при обозначении конкретной ситуации употребляется аналитическая конструкция с глаголом *przestać*: (2') *Dziewczęta już odśpiewały pieśni / przestały śpiewać* (=*перестали петь*). При обозначении обобщенного и дефинитивного конца (то есть невозможности *петь* в дальнейшем) употребляется, как правило, конструкция (3') *odśpiewać swoje*. Пердуратив *prześpiewać* (*пропеть*) (так же как в чешском и словацком языках) не употребляется для выражения действия, длящегося до «правой» временной границы (типа *пропеть до утра*), это значение выражается вне глагола (8'): *Śpiewali do rana*. Результативную модификацию, помимо деривата с префиксом *za-*, выражает также глагол с префиксом *od-* (10'): *Odśpiewał jedną pieśń, podchwycił inną*. В словацком и чешском языках начало действий *spievat'* и *zpívat* выражается только аналитически (1''): (слов.) *Zbor ticho a zohrane začal / začína spievať*; (чешск.) *Sbor tiše začal / začíná zpívat.*

Во всех сопоставляемых языках имеются сходные дериваты, образованные по модели *на- -ся,* имеющие существенные различия в семантике, которые касаются разной представленности предельного момента в состоянии субъекта действия. В русских глаголах он выражен как смысл 'достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения', в семантике западнославянских и некоторых южнославянских языков этот смысл не актуализирован, чтобы его выразить, надо использовать специальные лексические средства. Ср.: *Ну, сегодня я напелась!* — пол. *Dziś się naśpiewałam* (***do woli***)*!* — словац. *Dnes som sa* ***do chuti*** *naspievala!* — чеш. *Dneska jsem se nazpívala* ***ažaž (dost)****!* — болг. *Е, днес се напях* ***до насита****!*

Русско-болгарское сопоставление модификаций действия *пея* выявило существенные различия при выражении конечной границы действия и результата. Конец безобъектного действия может быть передан лишь описательно, конструкциями типа *перестать петь, не могу петь* (2’’’): *Момичета престанаха да пеят / свършиха с пеенето*. (3’’’): *Аз не мога вече да пея, аз своята песен съм си я изпял*. Продолжительность действия до определенной временной границы в болгарском языке выражается не дериватом с приставкой *до-*, а описательно (*Допел до этих слов и засмеялся = Стигна* (букв. дошел) *до тези думи и се засмя*). Заполнение пением временного отрезка, часто оцениваемого как продолжительного, в болгарском языке не выражается приставкой (в русском языке это пердуративная модификация) (8’’’): *Той пя до сутринта*. (9’’’): *Той пя през цялата нощ*. Что же касается начинательной модификации, то она более продуктивна в болгарском языке, чем в русском. Ср.: *зачакам — начать ждать*; *заудрям — начать бить*; *той заяде — он стал есть*; *режа — зарежа / зарязвам — резать — начать / начинать резать*.

Таким образом, несмотря на системное сходство в организации категории вида и внутриглагольного словообразования в славянских языках [2, с. 33–104], аналогичные онтологические типы действий и их параметры протекания во времени в русском, западнославянских и болгарском языках в ряде случаев концептуализируются по-разному, прежде всего различаясь в выражении начальной и конечной границ действия. Поэтому можно сказать, что фазовые парадигмы глаголов реализуются более последовательно в русском языке.

Литература

1. Петрухина Е. В. Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2009. № 5. С. 111–127.
2. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками, 2-е издание. М.: URSS, 2012. 256 с.
3. Петрухина Е. В. Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками // Slavistična Revija, 2019, т. 67. № 1. С. 31–49.
4. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1997. 202 с.

5. Соколов О. М. Имплицитная морфология русского языка. 2-е изд., Нежин: «Гидромакс», 2010. 184 с.
6. Титаренко Е. Я. Имплицитная аспектология русского глагола. Симферополь: «Ариал». 2019. 324 с.
7. Petrukhina E. Categorial aspectual semantics and distinctions in aspect usage between Russian and Czech: the concept of LIMIT // Balkanistic Forum, International University Seminar for Balkan Studies and Specialization (Blagoevgrad). 2018. № 3. С. 88–100.
8. Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse. Amsterdam, 1993.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* В РУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Е. М. Маркова
Elena-m-m@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина»
(Москва)

Одним из характерных языковых процессов новейшего времени является активное проникновение в русский и другие славянские языки иноязычных наименований различных реалий жизни современного мирового сообщества, отражающее процессы глобализации, расширения и углубления международных связей. Интернационализация — это не только процесс, но и тенденция, охватывающая в различной мере все развитые языки. Большинство исследователей разделяет мнение, что это явление не относится к чисто лингвистической проблематике, в первую очередь — это результат цивилизационных, культурных, экономических, политических явлений и технологических процессов [6; 8].

В славянские языки входят не только слова, но и целые концепты англо-американской культуры, ассимилируясь в них в соответствии с системой ценностей конкретного языка. Каждый язык усваивает то или иное чужое слово, понятие, исходя из собственных, выработанных в процессе исторического развития, сложившихся веками представлений. Особенностью семантической природы такого концепта, как *толерантность,* является то, что он

представляет собой смысловое образование, вошедшее в национальную концептосферу на базе иноязычного источника. В подобных случаях говорят о явлении «*импорта концепта*», который понимается как «внедрение в иную культуру концепта — ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [2, с. 253]. При этом смысловое наполнение и семантическая структура концептов не есть нечто неизменное. Концепт выступает как знание определенного социума о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, меняющееся под действием определенных социокультурных условий.

В последние десятилетия лексема *толерантность* получила широкое распространение в большинстве славянских языков, что связано с демократизацией общественных процессов в мире. В переводе с древнего латинского языка, толерантность — *tolerantia* — означает «терпение», «терпимость» к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. Наряду с другими понятиями, оно номинирует явление, принадлежащее к глобальным вызовам современности.

Этот термин активизировался после 1995 г., когда была принята Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО, в соответствии с которой был установлен даже Международный день толерантности (*International Day for Tolerance*) — 16 ноября. Декларация рассматривает угрозы человечеству, которые несёт интолерантность, предлагает методы и программы борьбы с ней. В 2008 г. был учрежден Европейский Совет по толерантности и примирению.

В русском языковом сознании толерантность считается «западным понятием», воспринимается и интерпретируется двояко, но больше негативно, под влиянием собственных культурных представлений. Так, русская церковь призывает прививать детям в школах вместо западного понятия толерантности традиционные русские ценности. В России задаются вопросами: «Существует ли предел толерантности?» «Куда приведет человечество тотальная терпимость — в мир, где запрещены слова «мать» и «отец», традиционные отношения считаются дикостью и варварством, а многоцветие «радужного» будущего давным-давно стало обыденной повседневностью? В мир, где агрессивное нашествие иных культур и идеологий целиком подминает под себя гостеприимных хозяев?» [1].

Толковый словарь объясняет слово *толерантность* как производное от французского *tolerant* — «терпимый». В русском, в отличие от других иностранных языков, *терпимость* — это слово с явно негативным оттенком, обозначающее «терпеть плохое, переносить лишения, страдания». Терпимость и толерантность — это близкие, но все же различные понятия в русском языковом сознании, и если первое скорее негативно, то второе — амбивалентно. В отличие от *терпимости* (*терпеть* — «не противодействуя, не жалуясь, безропотно переносить, сносить что-то бедственное, тяжелое, неприятное»), *толерантность* — «готовность принимать поведение и убеждения, которые отличаются от собственных, даже если вы не соглашаетесь или не одобряете их» (ТСРЯ).

В русском языке понятие, выражаемое этими двумя лексемами, прошло определенный путь эволюции, которую можно проследить по словарям. Вначале в нем функционировало только слово *терпимость*. В словаре Брокгауза и Эфрона *терпимость* сводится только к веротерпимости [ЭСБЕ]. Словарь В. И. Даля трактует *терпимость* как способность что-либо терпеть «только по милосердию или снисхождению» [Даль]. С. И. Ожегов приводит такое определение: «умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению» [Ожегов]. В большинстве словарей существительное *терпимость*, как и глагол *терпеть*, содержит в себе основное значение «пассивное принятие окружающей реальности, непротивление ей, способность «подставить вторую щеку», т. е. в христианском контексте. В «Русском семантическом словаре» Н. Ю. Шведовой отсутствует слово *толерантность*, а *терпимость* стоит в кругу таких понятий, как *беззлобность, всепрощение, добродушие, добросердечие, доброта, жалостливость, мягкосердечие, незлобивость, отзывчивость, приветливость, сердечность, снисхождение, сострадательность, услужливость, участливость, чуткость* [РСС, 3, с. 255–256].

Впервые понятие *толерантность* в научный оборот ввел в XVIII в. Дестют де Траси. Вначале оно трактовалось как «терпеливость», а затем как «терпимость». В России понятие толерантности стало употребляться в либеральной печати с середины XIX в. в позитивном смысле, однако в советское время оно исчезло из политической лексики. Так, в «Большой советской энциклопедии» 1956 г. этот термин отсутствует, а в издании 1977 г. приводится только его

естественнонаучное значение. В российской научной литературе понятие толерантности вновь появилось в начале 90-х гг. XX в. в двух основных значениях: *толерантность* — 1) ‘терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо’; 2) (биол., мед.) ‘полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности’. («Словарь иностранных слов»). В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова понятие *толерантность* отождествляется с понятием *терпимость,* а *толерантный* — с *терпимый* –‘способный, умеющий терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим мнением, характером и т.п.’[ТСРЯ]. В «Советском энциклопедическом словаре» *толерантность* определяется сходным образом: как ‘терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению’. Это же определение повторяется, например, в «Российском энциклопедическом словаре» 2001 г. В «Большом толковом словаре русских существительных» (2005 г.) *толерантность* отождествляется с *терпимостью* и оба слова толкуются как ‘снисхождение’ [БТСРС, с. 208].

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что термин *толерантность* рассматривается в наши дни как способность терпеливо или снисходительно относиться к другому, к его инакодействию или инакомыслию. Толерантность — общественное явление, предполагающее отсутствие у человека вражды, неприязни к другим людям, непохожим на него по разным признакам. Человек внутренне при этом может испытывать сильные негативные чувства и протест. Можно говорить и о толерантности общества в целом как сознательном отказе от открытого проявления ненависти, вражды. В социуме, пестрящем разными культурами и национальностями — это необходимое явление. Об этом свидетельствуют и контексты употребления этого слова: «Толерантность в отношении людей, которые отличаются от нас своими убеждениями и привычками, требует понимания того, что истина не может быть простой, что она многолика и что существуют иные взгляды» [НКРЯ]; «Толерантность связана с отсутствием негативного отношения к иной культуре, а точнее — с наличием позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» [НКРЯ].

Синонимами слова *толерантность* в русском языке выступают такие лексемы с положительной коннотацией, как *уважение, великодушие, сострадание, принятие, приятие, милосердие, мягкость,*

сотрудничество, а также политически заостренные *либерализм, политкорректность.* С другой стороны, близкими к семантике данного концепта являются отрицательно «заряженные» *беспринципность, бесхарактерность, безразличие, равнодушие, холодность, индифферентность, снисходительность, снисхождение,* сюда же можно отнести и *либерализм.* Наличие большого количества слов с негативной коннотацией подтверждают биполярность данного концепта в русской лингвокультуре.

Если рассматривать антонимичные толерантности понятия, то среди слов, их номинирующих, можно назвать *интолерантность, нетерпимость, неприятие, ксенофобия, национализм, антисемитизм, расовая и религиозная дискриминация.* Одним из частотных слов, антонимичных *толерантности*, является *ксенофобия*. Оно часто звучит в СМИ и с греческого языка переводится как ‘боязнь незнакомых’. Мышление ксенофоба отличается четким делением на «своих» и «чужих». Толерантность в современном мире в идеале предполагает отсутствие ксенофобии, мирное сосуществование и развитие разных народов.

Политологи, общественные деятели пытаются развести понятия *толерантность* и *терпимость*, заявляя, что есть определенная традиция понимания последнего слова в русском обществе. Вплоть до середины прошлого века оно трактовалось как пассивная позиция: терпеть — значит, наступать на себя, уничижать себя, сдерживать, уступать кому-то. Слово *толерантность*, хотя и используется как синоним *терпимости*, несёт в себе другие смыслы: *толерантность* — это активное социальное поведение, к которому человек приходит добровольно и сознательно.

Классификацией толерантности занимаются ученые многих специальностей. Разнообразны виды толерантности и ее определители: *религиозная, этническая, гендерная, физиологическая, образовательная, сексуально-ориентационная, географическая, возрастная, маргинальная, межклассовая, межнациональная, расовая, политическая, научная, педагогическая* и др. *Религиозная толерантность* — терпимость к другой вере — залог мирного взаимодействия между людьми. Проявление толерантности по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья — *физиологическая толерантность* — это помощь в адаптации и социализации инвалида как полноправного члена общества.

Межнациональная толерантность — это уважительное отношение к укладу жизни других народов. Проблема толерантности в полиэтнических странах имеет глобальное значение. Обратная сторона — *интолерантность* («нетерпимость») все чаще является поводом для разжигания межнациональной розни. Независимо от половой принадлежности — люди достойны уважения и равных прав — это ответ на вопрос, что такое *гендерная толерантность*. *Политическая толерантность*– это готовность правительства к конструктивному диалогу с другими странами, глобальный процесс, от которого зависит мир на земле.

В последние десятилетия под влиянием других языков в развитии концепта *толерантность* наметилось расширение значения до обозначения примирения с негативным окружающим, отсутствия реакции на что-либо, вызывающее неприятие. Это подтверждают многочисленные примеры: «В транспорте, выражаясь по-современному, абсолютная толерантность: никто никому не делает замечаний» [НКРЯ]; «А толерантность — терпимость к греху, загримированная гуманностью?» [НКРЯ]; «Да не толерантность это, а — вынужденное милосердие, просто-напросто смирение своего «я», — когда понимаешь, что ты не лучше другого, а он — не выше тебя…» (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Под влиянием западных языков появились такие калькированные сочетания, как *молчаливая толерантность* (т. е. отвержение норм при терпимом отношении к ним), *нулевая толерантность* (т. е. отсутствие ее, невозможность принятия): «Нулевая толерантность ЕГЭ».

В отличие от русского, в словацком языке это слово имеет более давние традиции. Словакия — центрально-европейская страна, поэтому, с одной стороны, здесь сохранились некоторые славянские ценности, с другой — развивались общеевропейские. Важным историческим событием в жизни западнославянских народов стало издание в 1781 г. «Патента толерантности», которым император Иосиф II установил свободу вероисповедания на территории Австро-Венгрии, куда в то время входила и Словакия. Этим знаменитым указом о веротерпимости протестанты, евреи, православные и другие верующие уравнивались в правах с католиками, что оказало огромное влияние не только на экономическое развитие империи, но и на уровень образования населения.

Таким образом, на практике демонстрировались преимущества религиозной толерантности. С этого времени слово стало активно функционировать в словацком языке. Поэтому понятие толерантности и на новом витке его развития воспринимается словаками в основном положительно. В «Словаре словацкого языка» лексема *tolerancia* имеет три значения: 1) терпимость (*znášanlivosť*) (напр., религиозная, расовая, национальная); 2) допустимая погрешность (*prípustná odchýlka*); 3) способность организма переносить воздействие вредных веществ (*schopnosť organizmu znášať škodlivé látky*) (SSJ). Следует также отметить, что в словацком языке имеется целое словообразовательное гнездо, представленное вариативным субстантивом *tolerantnosť,* глаголом *tolerovať*, девербативом *tolerovanie,* адъективами *tolerančný*, *tolerantný*, *tolerovaný, tolerovateľný,* наречием *tolerantne* (SSJ).

На основании семантического анализа самых типичных словосочетаний с компонентном *толерантность*, которые мы нашли в Национальном корпусе словацкого языка, попытаемся очертить специфику этого понятия в словацком языке. В отличие от заимствованного *tolerancia* здесь также существует собственный дериват *znášanlivosť* (‘терпимость’), оба понятия очень близки по значению и в некоторых контекстах могут свободно заменять друг друга, например, *náboženská, národnostná, rasovátolerancia / znášanlivosť* [NKJS]. Однако лексическая сочетаемость слова *tolerancia* намного шире, а частотность его употребления несравненно выше, чем у слова *znášanlivosť*, что существенно отличает его от рус. *терпимость*.

Лексема *tolerancia* имеет амбивалентную оценочность, а *znášanlivosť* — только положительную, оно не может сочетаться с лексическими единицами с отрицательной коннотацией. В словосочетаниях *tolerancia k iným názorom (*‘терпимость к иному мнению’*), etnická a sociálna tolerancia (*‘этническая и социальная терпимость’*)* выражена положительная оценка, в отличие от словосочетаний *tolerancia korupcie, vandalizmu, kriminality* (‘терпимость к коррупции, вандализму, преступлениям’, скорее даже речь идет о примирении с этими негативными явлениями, закрывании глаз на них). В русском языке ситуация как раз противоположная, *терпимость* «оценивается в основном неодобрительно, поскольку

преимущественно означает терпение к плохому» [7], а толерантность «не оперирует аксиологическими категориями «хорошо — плохо», так как толерантность — это терпимость к чужому, иному, основанная на противопоставлении «свой — чужой» [4, с. 105].

Толерантность в словацком языке может иметь разную меру интенсивности и наделена определенными ограничениями. С одной стороны, она может быть нулевой, т. е. она превращается в интолерантность или нетерпимость к какому-нибудь нежелательному явлению: *nulová tolerancia k telesným trestom, obťažovaniu, násiliu, plagiátorstvu, drogám* (‘нулевая толерантность к телесным наказаниям, домогательству, насилию, плагиату, наркотикам’), может быть недостаточной или излишней: *nedostatočná, prílišná tolerancia,* но также может понижаться или повышаться: *tolerancia k fajčiarom sa znížila* (‘толерантность по отношению к курящим понизилась’), *tolerancia mizne z politického života* (‘толерантность исчезает из политической жизни’); *tolerancia k migrantom sa zvýšila* (‘толерантность к мигрантам повысилась’) [NKJS].

Положительная коннотация слова *толерантность* у словаков демонстрируется его синонимами, среди которых наиболее частотны *znášanlivosť* (‘терпимость’), *ušľachtilosť* (‘благородство’), *dôvera* (‘доверие’), *úcta* (‘уважение’), *porozumenie* (‘понимание’), *zmierenie* (‘примирение’), *slušnosť* (‘порядочность’), *súcit* (‘сочувствие’), *rešpekt* (‘уважение’), *žičlivosť* (‘доброжелательность’), *odpúšťanie* (‘прощение’), *láska* (‘любовь’), *empatia* (‘эмпатия, сочувствие’), *lojalita* (‘лояльность’), *miernosť* (‘снисходительность’), *interkulturálnosť* (‘интеркультура’), *ústretovosť* (‘способность пойти навстречу’), *ľudskosť* (‘человечность’), *spolupatričnosť* (‘сознание общности’), *ochota ku kompromisom* (‘способность к компромиссам’), *nadhľad* (‘способность смотреть со стороны’), *spolunažívanie* (‘мирное сосуществование’), *ochota spolupracovať* (‘желание сотрудничать’), *demokracia* (‘демократия’), *sloboda* (‘свобода’), *mier* (‘мир’), *rovnosť* (‘равенство’), *solidarita* (‘солидарность’), *pluralita* (‘плюрализм’), *rovnosť pred zákonom* (‘равенство перед законом’), *sloboda tlače* (‘свобода печати’), *politický dialóg* (‘политический диалог’) и многие другие [SSJ]. Как видим, все они положительно окрашены.

В отличие от русского языка, в словацком существует глагол с данным корнем и дериваты от него. Однако слова и словосочетания, употребляющиеся с глаголом *tolerovať* (‘терпеть’), выражают в основном отрицательную оценку и имеют, скорее, значение ‘мириться с какими-либо недостатками, пороками, негативными явлениями’: *porušovanie ľudských práv* (‘нарушение прав человека’), *zločin* (‘преступность’), *nedostatky* (‘недостатки’), *špinavé praktiky* (‘грязные дела’), *nevhodné správanie* (‘некорректное поведение’), *hlúposť* (‘глупость’), *krádež* (‘воровство’), *zabíjanie* (‘убийства’), *práca cez čas* (‘сверхурочная работа’), *nevera* (‘измена’), *bezprávie* (‘беспредел’), *rasové predsudky* (‘расовые предрассудки’), *omyly* (‘заблуждения’), *podvod* (‘мошенничество’), *manipulácia* (‘манипуляция’), *nespravodlivosť* (‘несправедливость’), *klamlivá reklama* (‘недобросовестная реклама’), *neprofesionálny prístup* (‘непрофессиональный подход’), *domáce násilie* (‘домашнее насилие’) и др. [NKJS]. Толерантность к этим явлениям вызывает, к счастью, пока еще негативную оценку в словацком обществе.

Несмотря на неоднозначное отношение словаков к внедрению принципов толерантности в разных областях общественной и личной жизни, все же у них преобладает позитивное восприятие толерантности как важного духовного качества, свидетельствующего о позитивных изменениях в обществе и духовном развитии его членов [3, с. 45]. В словацком обществе толерантность воспринимается как достижение современной демократии, гуманизма, т. е. считается одной из ценностей цивилизационного общества. Если здесь и есть *интолерантность*, то исключительно к негативным явлениям. Такая амбивалентность свидетельствует о том, что современное словацкое общество — это часть европейского сообщества, которое утверждает свои приоритеты и свои принципы общего существования, и в то же время в словацком обществе сильны еще традиционные, уходящие корнями в славянские, ценности, которые не позволяют примириться со многими негативными явлениями в жизни. В русской культуре, в которой всегда ценились искренность, бескомпромиссность, желание четко разделить все на хорошее и плохое, толерантность по большей части граничит с равнодушием или с необходимостью терпеть что-то, смириться с чем-то, а потому более негативно воспринимается и

оценивается обществом. Здесь в большей степени приняты такие понятия, как любовь и уважение, а потому толерантность и терпимость оказываются ниже на шкале ценностей.

Литература

1. Беспощадная толерантность /Дивов О. И., Каганов Л. А., Чекмаев С. В. и др. М.: ЭКСМО, 2017. — 480 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
3. Маркова Е. М., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Brno: TRIBUNEU, 2016. — 187 с.
4. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Коллективная монография. Москва, 2005. С. 99–111.
5. Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с.
6. Романова Т. В., Малафеев А. Ю., Морозова Н. Н., Климова М. А. (Фокина) Толерантность как культурная, политическая лингвистическая проблема / научн. ред. Т. В.Романова. Н. Новгород: Деком, 2017. — 304 с.
7. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000. 110 с. URL: http://uchebilka.ru/literatura/29029/index.html
8. Bosák J. Dynamika subštandardov. // Studia Academica Slovaca. 34. Bratislava: Stimul — Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 2005. C. 21–28.

Словари, тезаурусы и их сокращения

БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных / Под общ.ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2005.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Том IV. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка

РСС — Русский семантический словарь / Под общ.ред. Н. Ю. Шведовой. РАН, Ин.-т рус. языка. В 3-х т. Т. III. М.: «Азбуковник», 2003.

СИС — Словарь иностранных слов. 15-е изд. М.: Русский язык, 1988.

СС — Тришин В. Н. Словарь синонимов русского языка. М.: ASIS, 2013.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. И. Ушакова. В 4-х т. Т. IV. М., 1940.

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: 1890-1907.

KSSJ — Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 1987.

NKJS — Narodní korpus jazyka slovenskoho

SSJ — Slovník slovenského jazyka. IV. Red. Š. Peciar. Bratislava, 1964. 760 c.

SSS –Hochel B. Slovník slovenského slangu. Bratislava, 1993.

ШВЕДСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С АСПЕКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. М. Чекалина
etch1@yandex.ru
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)

Введение. Сопоставительный анализ языков предполагает «двустороннюю» перспективу, которая позволяет увидеть системное устройство и функционально-семантические особенности каждого из них сквозь призму другого, на что неоднократно обращали внимание отечественные языковеды [6, с. 45, 89; 7, с. 12–13]. Такой подход особенно необходим в тех случаях, когда в одном языке имеется грамматическая категория, отдельные значения функционально-семантического потенциала которой выражаются в другом языке описательными средствами.

В шведском языке, в отличие от русского не имеющем категории вида, для выражения некоторых аспектуальных значений используются перифрастические конструкции с предельными результативными глаголами *få* — ‘получать’ и *komma* — ‘прибывать, наступать’. Они могут выступать семантическими соответствиями русских глаголов с приставками, которым принадлежит важная роль в выражении вида и способа действия.

1. *Få* + инфинитив

Сочетания с глаголом *få* и инфинитивом непредельных глаголов чувственного: *se* — ‘видеть’, *höra* — ‘слышать’, *känna* — ‘чувствовать’, рационально-чувственного: *uppleva* — ‘переживать, испытывать’, *erfara* — ‘испытывать, познавать’ — и рационального восприятия: *veta* — ‘знать’ — обозначают предельные процессы. С.С. Маслова-Лашанская отмечала, что в их семантике содержится указание на «эффективность действия» [4, с. 258]: *få se* — ‘увидеть’, *få höra* — ‘услышать’, *få veta* — ‘узнать’, *få känna* — ‘почувствовать, ощутить’, *få erfara* — ‘испытать, изведать’.

В Шведской Академической грамматике семантика таких конструкций однозначно определяется как ингрессивный способ действия — *inträdande aktion* (букв. ‘наступающее действие’) [12, с. 296]. Таким образом, сочетания *få* с глаголами восприятия проявляют заметное сходство с русскими приставочными глаголами

начинательно-результативного способа действия совершенного вида [1, с. 418], которые Ю.С. Маслов называл глаголами «непосредственного, непрерывного эффекта» [3, с. 62]. Они обозначают процессы, в которых «ингрессивное значение смыкается с результативным, а начало некоторой ситуации оказывается равнозначным её осуществлению» [2, с. 110]. Особенно ярко ингрессивная семантика сочетаний *få* с глаголами восприятия проявляется в позиции прямого контраста с различными формами той же лексемы, что инфинитив[13]:

*Historier vi **hör** från andra länder kan vi också **få höra** här hemma.* ‘Истории, которые мы **слышим** из других стран, мы можем также **услышать** у себя дома’; *Men ingen **vet** förstås när vi **får veta** hur många svenskar som verkligen dog i flodvågen i Thailand.* ‘Но никто, разумеется, не **знает**, когда мы **узнаем**, сколько шведов действительно погибло от цунами в Тайланде’; *Så jag **fick känna** hur det **känns**!* ‘Так что я **почувствовал**, каково **чувствовать** это!’; *Jag önskar att alla människor **fick uppleva** det vi **upplevde**.* ‘Я желаю, чтобы все люди **испытали** то, что **испытывали** мы’.

При употреблении с другими непредельными глаголами в семантике шведской конструкции совмещаются модальное значение обусловленной внешними обстоятельствами возможности, которое является одним из ЛСВ глагола *få* ‘получить возможность’, и делимитативное значение «ограничительного способа существования ситуации во времени» [2, с. 111]:

*Vi **fick inte vara** ute och **leka** på kvällarna* [12, с. 295] — ‘По вечерам нам **не разрешали погулять и поиграть** на улице’.

Эту особенность шведской перифрастической конструкции с глаголом *få* отмечали многие авторы шведских грамматик [8, с. 171–172; 9, с. 79; 12, с. 296].

Делимитативная семантика шведской конструкции нередко эксплицируется обстоятельствами, обозначающими «сравнительно-недлительные и неопределённые отрезки времени» [5, с. 189.] — *ett ögonblick* (‘момент, мгновение’), *en stund* (‘некоторое время, недолго, немного’), *lite(t)* (‘мало, немного’):

[13] Примеры без указания источника приводятся из Корпуса современного шведского языка, составляемого на Отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета [www.spraakbanken.gu.se].

Får *jag* ***störa*** *dig ett ögonblick?* [11, с. 334] — ‘Можно мне тебя **побеспокоить** на минутку?’; *Jag* ***fick vara nervös*** *en stund tills jag visste att jag var godkänd* — ‘Мне пришлось немного **понервничать**, пока я не узнал, что меня утвердили’; *Jag* ***fick sova*** *lite inatt* — ‘Я **поспал** немного сегодня ночью’.

В русском языке такие обстоятельства являются диагностическим контекстом для приставочных глаголов делимитативного способа действия, указывающих на «некоторую ‘порцию’ действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем» [2, с. 111].

Важно подчеркнуть, что в шведском языке перифрастическая конструкция с *få* возможна только с инфинитивом глаголов, лексическое значение которых предполагает, что смысловым субъектом процесса является лицо. Это подтверждает, что её семантическим соответствием в русском языке являются глаголы с приставкой *по-*, «которая вносит уменьшительно-ограничительные оттенки (”слегка”, ”некоторое время”) в течение процесса (*посидеть*, *поработать*, *поиграть*) — вне соотносительности с парной формой несовершенного вида» [1, с. 419].

2. ***Komma att*** **+ инфинитив**

Перифрастическая конструкция *komma att* + инфинитив имеет перфективно-результативное значение спонтанного (неожиданного или внезапного) наступления процесса. Как и *få* с инфинитивом, она употребляется только в высказываниях, смысловым субъектом которых является лицо. Аспектуальная семантика конструкции чаще реализуется в сочетаниях с инфинитивом непредельных глаголов, но возможна также и с предельными глаголами.

При употреблении с непредельными глаголами речи конструкция выступает с инхоативной семантикой:

Vi ***kom att tala*** *om hennes hemland.* — ‘Мы случайно/неожиданно **заговорили** про её родину’; *Vi* ***kom att prata*** *om tiden.* — ‘Мы случайно **завели разговор** о времени’; *Vi* ***kom att diskutera*** *politik.* — ‘Мы неожиданно **стали обсуждать** политику’.

Как показывают приведенные примеры, при переводе на русский язык могут, в зависимости от контекста, использоваться как приставочные глаголы, так и устойчивое словосочетание с глаголом *стать*.

При употреблении с инфинитивом других непредельных глаголов *komma att* + инфинитив также выступает с инхоативной семантикой и выражает наступление непроизвольных процессов, сохраняя семантический признак случайности или неожиданности:

Vi ***kom att sitta*** *vid samma bord.* — ‘Мы **случайно сели** (*sitta* — ‘сидеть’) за один стол’; *Jag* ***kom att minnas*** *ett litet experiment.* — ‘Я **неожиданно вспомнил** (*minnas* ‘помнить’) об одном маленьком эксперименте’; *Vi* ***kom att gilla*** *det båda två.* — ‘Это неожиданно **понравилось** (*gilla* ‘нравиться’) нам обоим’.

В ряде контекстов инхоативная семантика совмещается с темпорально-таксисным значением следования. Особенно заметно это при выражении прошлых событий в высказываниях с обстоятельствами *sedan* (‘потом’), *senare* (‘позднее’), *i framtiden* (‘в будущем, в дальнейшем’), *med tiden* (‘со временем’):

Pojken, som ***sedan kom att skriva*** *så mycket sitt liv.* — ‘Мальчик, который **потом стал** так много **писать** в своей жизни’; *Selma hade då gjort ett flerta långa resor och träffat personer som hon* ***senare kom att porträttera*** *i sina böcker.* — ‘Сельма совершила к тому времени много долгих путешествий и встретила людей, которых она **позднее стала изображать** в своих книгах’; *Han gjorde även etnologiska skisser över området, som inte var tänkta att användas akademiskt, men som* ***kom att göra*** *det* ***i framtiden***. — ‘Он делал даже этнологические наброски, которые не планировал использовать в научных целях, но которые **в будущем нашли научное применение** (букв. **стали использоваться**)’; *Ordens ursprung griper tillbaka på något fornsvenskt ord som* ***med tiden kommit att få*** *ett annat uttal* [10, с. 122]. — ‘Происхождение этих слов восходит к какому-то древнешведскому слову, которое **со временем стало произноситься** по-другому’.

Особенно частотной является конструкция с глаголом *tänka* (‘думать’) со значением ‘(неожиданно) подумать, прийти в голову’, которая обычно приводится в шведских словарях как наиболее наглядный пример выражения спонтанного наступления непроизвольного процесса:

Jag ***kom att tänka*** *på en sak här om dagen.* — ‘На днях я вдруг **подумал** об одной вещи’; *Jag* ***kom att tänka*** *på det när jag var i Köpenhamn förra veckan*. — ‘Я **подумал** об этом, когда был в Копенгагене на прошлой неделе’.

На лексико-синтаксическую «избирательность» сочетания *komma att tänka* указывает в приведённых выше примерах преобладающее употребление с грамматическим субъектом в 1 лице единственного числа. По данным Корпуса шведского языка Гётеборгского университета [13], высказывания с сочетанием *jag kom att tänka* составляют примерно одну треть от общего числа отмеченных случаев (689 / 2193).

Заключение. Шведские инфинитивные конструкции с глаголами *få* и *komma* выражают предельные процессы с результативной семантикой различных способов действия, которые передаются в русском языке приставочными глаголами совершенного вида. Как и для русских глаголов, для них характерно ограниченное употребление только в таких контекстах, где смысловым субъектом является лицо. В то же время шведские описательные конструкции имеют сложную семантическую структуру, в которой аспектуальные значения совмещаются с модальным (*få* + инфинитив) или темпоральным (*komma* + инфинитив). Таким образом, различные оттенки семантического спектра русского вида и способов действия при широком использовании словообразовательных ресурсов могут передаваться в шведском языке описательными средствами в результате переосмысления лексического значения предельных глаголов.

Литература

1. Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск II. М.: Учпедгиз, 1938. — 391 с.
2. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. — 221 с.
3. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1984. — С. 48–65.
4. Маслова-Лашанская С. С. Шведский язык. Часть 1. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1953. — 312 с.
5. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы). Таллин: Валгус, 1983. — 215 с.
6. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.-Л.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1947. — 96 с.
7. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. — 111 с.
8. Beckman N. Svensk språklära. Stockholm: Bonniers, 1964. — 318 s.
9. Lindberg E. Beskrivande svensk grammatik. Stockholm: Almqvist & Wiksell Förlag, 1980. — 276 s.

10. Nystedt R.J. Språkbitar. Stockholm: Svenska Förlaget, 2001. — 185 s.
11. Svensk ordbok. Utarbetad av Språkdata, Göteborgs universitet. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999. — 1492 s.
12. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Syntax. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. — 977 s.
13. www.spraakbanken.gu.se

МЕТАПРЕДМЕТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УЧЕБНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Г. В. Токарев
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула)

Включение в образовательный контент российского образования нового учебного предмета «Русский родной язык», ставящего одной из задач изучение взаимодействия языка и культуры, диктует необходимость разработки теоретической платформы курса. Иными словами, участники учебного процесса должны быть вооружены понятийным аппаратом, позволяющим осмыслить данный аспект функционирования языка. Отметим, что рассмотрение интеракции языка и культуры осуществляется новым направлением языкознания — лингвокультурологией, которое сформировалось в конце XX века. За более чем два десятилетия лингвокультурология накопила обширные знания. В то же время понятийный аппарат новой науки характеризуется неупорядоченностью. Большим событием в развитии лингвокультурологии стало создание М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудковым лингвокультурологического словаря [1]. Словарь отражает проблемный характер интерпретации основных понятий лингвокультурологии и включает 25 терминов.

Полагаем, что для учебного процесса должен быть создан учебный лингвокультурологический словарь, включающий основную лингвокультурологическую терминологию и отражающий её доступную интерпретацию. Словарь не может быть зеркальным отражением терминологического языка данной науки в виду её сложности, неунифицированности, новизны. План выражения отдельных терминов должен быть изменён. Необходимо опираться на терминологический аппарат русистики в объёме основного курса школьной программы.

Состав словника словаря можно распределить на следующие группы:

1) общие, базовые (метапредметные) термины;
2) термины, отражающие ментальный аспект культуры;
3) термины, отражающие вербальный аспект культуры.

Словарная статья, помимо дефиниции термина, должна включать пример его употребления, энциклопедическую справку (по необходимости), а также возможную информацию о его системных связях.

Далее проиллюстрируем модель словарной статьи на примере общих, базовых терминов. К ним мы относим следующие: лингвокультурология, культура, лингвокультура, лингвокультурная общность, текст культуры, символарий культуры, знак культуры, картина мира.

Лингвокультурология — наука, изучающая взаимодействие языка и культуры. Лингвокультурология возникла в конце XX века. Большую роль в определении этого научного направления сыграла Вероника Николаевна Телия. Она сформулировала основные задачи лингвокультурологии, основные понятия, продемонстрировала способ лингвокультурлогического описания языковой единицы. Появление лингвокультурологии стало возможным благодаря трудам таких учёных, как Вильгельм фон Гумбольдт, Бенждамин Уорф, Эдвард Сепир и др. Авторы словарей: Владимир Иванович Даль, Мориц Ильич Михельсон, Иван Михайлович Снегирёв и др. — заложили практическую базу лингвокультурологии. Лингвокультурология является одной из разновидностей этнолингвистики, науки, изучающей особенности функционирования языка в обществе. Лингвокультурология связана с науками о культуре и языке (лексикологией, фразеологией, грамматикой и др.).

Культура — проявление духовной жизнедеятельности общества, система взглядов на мир, способов его понимания и объяснения. Культура многообразна, имеет духовную и материальную форму проявления. Духовная культура включает в себя систему представлений о мире, верования, традиции и др. Эти знания отличаются от научных тем, что они приблизительны, основаны на наблюдениях, суевериях. Такие знания называют наивными. Материальная культура представлена разными видами искусства, особенностями поведения, ритуалами. Культура и язык – отдельные, но взаимодействующие, взаимовлияющие явления.

Культура неоднородна. В эволюционном аспекте она представлена различными эпохами (парадигмами культуры). Культура может включать в себя составляющие, которые называются субкультурами. Например, к субкультурам можно отнести молодёжную субкультуру, городскую и сельскую субкультуры и т.д.

Лингвокультура — система наивных знаний, представленных в языке. Синоним: культура.

Русская лингвокультура, немецкая лингвокультура.

Лингвокультурная общность — совокупность людей, использующий один родной язык. В одну лингвокультурную общность могут входить люди разных национальностей, проживающие в разных странах, имеющие разное вероисповедание.

Русская лингвокультурная общность.

Картина мира — система знаний о мире, представленная в языке, отражающая восприятие и понимание мира.

Синонимы: культура, лингвокультура.

Русская картина мира.

Текст культуры — любой материальный объект, отражающий представления о мире, его понимание, интерпретацию. Понятие текста культуры не связано исключительно со словесными произведениями. К текстам культуры можно отнести музыкальные произведения, скульптуры, архитектурные объекты, парки, картины, повести и романы и др. Понятие *текста культуры* позволяет обобщать сходные по содержанию объекты, находя в них общие черты. Текст культуры является основной формой её существования.

Тексты культуры эпохи классицизма.

Знак культуры — материальный объект, который отражает представления о мире, наделяется особой ценностью для членов лингвокультурной общности. Общее понятие для понятий символ, эталон, наивная мера, оберег и др. Из знаков культуры состоит с*имболарий культуры.* Знаки культуры функционируют в текстах культуры.

Символ — знак культуры.

Симболарий культуры (культурный симболарий) — совокупность знаков культуры, извлечённых из текстов культуры.

Культурный симболарий эпохи романтизма.

Полагаем, что учебный лингвокультурологический словарь будет способствовать интересу учителей и обучающихся к проблеме

взаимодействия языка и культуры, формировать предметную компетентность в сфере лингвокультурологии, обеспечит понимание сложных научных текстов.

Литература

1. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. — М.: «Гнозис», 2017. — 192 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 284 с.
3. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — С. 13–24.
4. Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. — 640 с.

ЦИФРОВОЙ ПОЛИЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ МЕТАФОР КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Е. А. Юрина
yourina2007@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина» *(Москва)*
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» *(Томск)*

Полиязычный лингвокультурологический словарь метафор (ПСМ) был создан в период 2018–2020 гг. при финансовой поддержке РНФ (грант № 18-18-00194). Разработчики — Е. А. Юрина (руководитель проекта), С. В. Лесников, М. В. Герасимова, О. В. Авраменко. Цифровая версия словаря представлена на портале https://metdict.ru в режиме ограниченного авторизованного доступа. Обширные словарные базы ПСМ по четырем языкам (русскому, английскому, итальянскому и казахскому) включают образные лексические, фразеологические и паремиологические единицы с метафорическим типом семантики. Представленный на текущий момент объем материала ограничен рамками гастрономической метафоры как системы воплощенных в семантике языковых единиц исходных метафорических образов, транслирующих пищевой код культуры

(рус. ***вареники*** ‘оттопыренные уши’, англ. ***muffin belly*** букв. «живот-маффин» ‘о толстом свисающем животе’, итал. ***gnocco*** букв. «галушка» ‘увалень, неуклюжий или глуповатый человек’, каз. ***май шелпек*** букв. «жирная лепешка» ‘легкая прибыль, удача в каком-л. деле’ и т. п.). Структура цифрового словаря является открытой и пополняемой, что предполагает в перспективе включение материалов по другим языкам и другим концептуальным метафорам.

Источником русских словарных материалов послужил «Словарь русской пищевой метафоры» в трёх томах [8], казахских — лингвокультурологический словарь «Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [11]. Словарные статьи по итальянскому и английскому языкам были написаны Дж. Помаролли и О. В. Авраменко специально для цифровой версии ПСМ и ранее фрагментарно опубликованы в научных статьях этих авторов [1, 6]. Все словарные статьи ПСМ хранятся пофайлово в единой лексикографической базе данных. При этом гиперссылки генерируются при помощи программного комплекса на основе предварительно препарированных и размеченных исходных словарных материалов. Процесс использования ПСМ напоминает работу в системе Интернет в локальном варианте на персональном компьютере. Структура словаря была ранее охарактеризована в ряде публикаций [2, 10].

В данной статье мы подробнее остановимся на вопросе о возможности использования ПСМ в качестве источника материала для контрастивных исследований, средства обучения русскому и иностранным языкам в контексте полиязычия и мультикультурализма, а также в качестве справочника для переводчиков и переводоведов, что в широкой перспективе позволяет рассматривать данный информационный ресурс как средство культурного трансфера. Под культурным трансфером, вслед за основоположниками и последователями этого направления, понимается процесс трансляции знаний между разными культурами и освоения феноменов чужой культуры, сопряженный с их реинтерпретацией, неизбежной трансформацией смыслов и представлений, формированием особого «межкультурного» пространства [9, с. 5].

Один из лингвистических аспектов такого взаимодействия связан с освоением системы метафорических образов чужого языка,

репрезентированных в языковых единицах с иносказательной семантикой (метафорической, символической, аллегорической и т. п.). Эта система носит устойчивый, хотя и вариабельный характер для определенного лингвокультурного сообщества, имеет глубокие культурно-символические, социально-исторические и когнитивно-психологические основания, которые достаточно хорошо исследованы в лингвокультурологии и концептологии, а когнитивные — в теории концептуальной метафоры, теории воплощенного познания и психолингвистике [3–5 и др.].

Распространенной является точка зрения о «непереводимости» идиоматичной образной семантики лексических и фразеологических единиц с одного языка на другой, что неизбежно влечет за собой утрату или замену образности исходного текста в его переводном варианте. Действительно, буквальный перевод метафорических образов чаще всего оказывается неуместным, поскольку не решает коммуникативных задач, особенно при переводе устной речи, поэтому в подавляющем большинстве случаев образность игнорируется переводчиком или компенсируется более-менее адекватной заменой.

Например, итальянский фразеологизм ***essere* / *trovarsi* / *cacciarsi in un pasticcio*** в буквальном переводе звучит как «быть / находиться в запеканке // попасть в запеканку», что означает ‘попасть в переделку, оказаться в тяжелом, затруднительном положении’. Авторы итальянско-русского фразеологического словаря перевели идиоматический контекст “*Eccomi* ***in un pasticcio****” cominciò a pensare “ho scoperto una congiura”* (A. Moravia. La mascherata) с использованием вполне адекватной замены на достаточно близкий по образному основанию метафорический экспрессив ***влипнуть***: *“**Ну и влип же я**”, пришло ему на ум, “ведь это настоящий заговор”* [7, с. 735]. Однако в таком переводе ассоциативно-образный фон исходного текста, подспудно несущий информацию о феномене культуры (в данном случае — блюде итальянской кухни как атрибуте пищевой традиции), нивелируется.

Казалось бы, при чем здесь запеканка? И без неё все понятно. Но только в том случае, если учитывать исключительно коммуникативную, а точнее — информативную, а в нашем примере ещё и экспрессивную, — функции языкового сообщения! Если же рассматривать

язык как хранилище культурных смыслов и отражение народного мировидения, то есть учитывать когнитивную и кумулятивную функции языка, то окажется, что нейтрализация образных смыслов чужого языка приводит к утрате культурологически и этнопсихологически значимого содержания. Межъязыковая коммуникация в этом случае ограничивается информационным обменом на уровне актуальных смыслов, а более глубокое межкультурное взаимодействие с учетом аллюзий, образных и символических ассоциаций не реализуется. Однако современный глобальный мир становится поликультурным в открытом информационном пространстве, и отговорки наподобие «непереводимый фольклор» уже не могут удовлетворить участников межкультурного общения.

Ситуация усугубляется и тем, что в процессе формирования искусственного билингвизма при изучении иностранных языков (или при обучении иностранным языкам — с точки зрения лингводидактики) образный семантический «слой» оказывается на периферии внимания субъектов образовательного процесса, поскольку в приоритете стоят задачи формирования коммуникативной компетенции, а лингвокультурологические и лингвопоэтические аспекты в освоении языковой системы и речевой деятельности затрагиваются фрагментарно и впоследствии «достраиваются» профессионалами самостоятельно или интуитивно постигаются при погружении инофонов в инокультурную среду.

Между тем ***pasticcio*** ‘запеканка’ — образ в итальянском языке далеко не случайный. Во-первых, это традиционное, очень распространенное и популярное блюдо в итальянской гастрономической культуре, а значит, чтобы в более полной мере осмыслить вербализованный метафорический образ, необходимо познакомиться с реалией, хорошо известной всем носителям языка. Во-вторых, становясь знаковым феноменом лингвокультуры, этот образ обретает системный характер, выражает устойчивые смыслы, не тождественные буквальному содержанию, метафорически проецируется на иные концептуальные области: ср. языковые метафоры ***pasticcio*** ‘неразбериха, путаница’, ***pasticcione*** букв. «большая запеканка» ‘безалаберный человек, растяпа, грязнуля, путаник’, идиома ***mettere qualcuno in un (bel) pasticcio*** букв. «поместить кого-л. в (хорошую) запеканку» ‘впутать кого-л. в неприятную историю’ и др. Итальянская запеканка — многослойное, пропитанное соусом

блюдо, состоящее из множества ингредиентов, включая основу из теста или макарон и разнообразные начинки. Сложная многокомпонентная структура блюда ассоциируется с беспорядком, хаосом, проблемными ситуациями. Подобные аналогии обнаруживаются и в русском языке: ***каша в голове, заварить кашу, заваруха, винегрет, сборная солянка***.

Конечно, осмыслить образную систему чужого языка невозможно в ситуации перевода линейных текстов (текстовых синтагм) с одного языка на другой. Здесь перед переводчиком стоят иные задачи: найти наиболее точное смысловое соответствие, на что и ориентированы двуязычные толковые и фразеологические словари. Тем более, сложно осознать и отрефлексировать образы неродного языка в ситуации прямой межъязыковой коммуникации. Образ невозможно перевести с одного языка на другой, его можно только истолковать — объяснить через знакомство с фактами культуры, ментально-психологическими основаниями образных аналогий и языковыми средствами репрезентации. Требуется осуществить выход из линейности языкового оформления определенной мысли в многомерность языкового пространства культуры. Для этих познавательных и дидактических целей необходим специальный инструмент — информационно-справочный лингвистический ресурс, целенаправленно ориентированный на *культурный трансфер* — трансляцию культурных смыслов, заложенных в системе тех метафорических образов, которые представлены в семантике вторичных непрямых номинаций.

Именно такие задачи решает Полиязычный словарь метафор посредством 1) отбора и систематизации единиц разных языков, транслирующих определенный культурный код через систему метафорических образов, 2) полную лексикографическую презентацию образных значений и их текстовых реализаций, 3) словарное изъяснение культурного фона и типовых образных представлений, 4) систему словарных помет, 5) визуализацию исходных прототипических образов, 6) поисковую программу, позволяющую систематизировать материал на разных основаниях: как по семантическим группам исходных образов (сфера-источник), так и по денотативным классам метафорического означивания

(сфера-мишень). Всё это делает словарь незаменимым источником сопоставительных исследований и ценным ресурсом для лингводидактики, теории и практики перевода.

Литература

1. Авраменко О. В., Юрина Е. А. Метафорическое функционирование образов хлебобулочных изделий в русском и английском языках // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 456. — С. 5–15.
2. Герасимова М. В. Культурологическое сопровождение словарных статей в цифровом «Полиязычном словаре метафор» // Вопросы лексикографии. №17. 2020. — С. 90–110.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — 456 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
6. Помаролли Дж. Концепция сопоставительного лингвокультурологического словаря пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 484. — С. 40–49.
7. Рецкер Я. И., Черданцева Т. З., Зорько Г. Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь: Ок. 23 000 фразеологических единиц. М.: Рус. яз., 1982. — 1056 с.
8. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015, Т. 1: Блюда и продукты питания. 2015. — 428 с.; Т. 2: Гастрономическая деятельность. 2017. — 546 с.; Т. 3: Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. 2019. — 454 с.
9. Фещенко В.В., Бочавер С.Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике / Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. — С. 5–34.
10. Юрина Е.А. Принципы систематизации лингвистических баз данных в электронном «Полиязычном словаре метафор» // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8-12 июня 2019 г.). Том 1. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. — С. 135–140.
11. Тілдік бейнелер аясындағы қазақ халқының тағамдық дәстүрі:лингвомәдениеттану сөздігі / Бас ред. Е.А. Юрина. Көкшетау: Ш. Уәлиханов атындағы КМУ, 2014. — 171 б. [Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов. Лингвокультурологический словарь / Под ред. Е. А. Юриной. Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2014. 171 с.]

КОНЦЕПТ «ДОМ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. Б. Насырова
Alya9300@mail.ru
НАО Карагандинский технический университет
(Караганда, Республика Казахстан)

Концепт представляет собой сложную ментальную единицу, которая не существует вне мышления. Концепт является неоднозначной единицей, поскольку имеется двусторонняя связь между языком и сознанием. Сознание и его категории реализуются в языковых категориях, одновременно детерминируясь ими. Концепт в языке выражается словом, которое и передает его общее содержание. Концепт охватывает все содержание слова: и денотативное, и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о явлении, стоящем за словом во всем многообразии его ассоциативных связей. Концепт может быть объективирован в различной знаковой форме (в слове, устойчивом сочетании, дискурсе и т. п.) [2].

Концепт представляет собой сложную единицу, его структура включает несколько неоднородных слоев: центр включает базовые ассоциации языкового коллектива, периферия же, будучи более подвижной и изменчивой, объединяет нестабильные ассоциации носителей языка.

Одним из основополагающих, базовых концептов, по мнению многих исследователей, является концепт «дом».

Русского человека защищает дом, где он мог укрыться от всех невзгод. Дом русского человека был сделан из дерева и имел стабильное положение в пространстве. В отличие от него дом (юрта) казаха сделан из войлока и отличался более мобильной конструкцией. Это позволяло казаху при его кочевой жизни располагать свой дом там, где он находился. Кстати, казахи не называют дом юртой. Это *кииз үй* — дом из войлока. Общее у обоих народов можно найти в том, что дом русского человека, юрта казаха — это символ малой родины, символ семьи. Это можно заметить в тех языковых средствах, которые обозначают и описывают дом или юрту.

В казахском языковом сознании концепт *дом* маркирован такими лексемами как *үй, юрта, шанырақ.* Юрта для казаха имеет сакральное значение. Она является не только традиционным жилищем всех кочевых народов (монголов, калмыков, киргизов и др.), но и представляет собой модель мироздания, наиболее близкую кочевнику.

Центр мира находился всегда там, где стояла юрта казаха. И степь для казахов свою центральную точку имела там, где стояла юрта или аул, но постоянные перекочевки перемещали ее в пространстве. Центр, как неподвижная и в то же время смещающаяся в пространстве величина, был понятен казахам.

Как отмечает казахский режиссер Е. Турсунов, «юрта — это, прежде всего, визуализированное представление степняка о космосе. Его модель мироустройства. Его Вселенная». Конечно, все философы отмечают, что казахи любят размышлять, философствовать. К этому располагает дорога, а ведь кочевники практически всегда находятся в пути: от жайляу к кыстау и обратно [6].

У казахов сохранилась целостность восприятия мира. В связи с этим исследователи писали, что для казаха не было разделения философии мира и быта, они были для него взаимосвязаны. Каждая вещь многозначна, одним из ее обязательных свойств было философское осмысление. Синкретизм казахов проявлялся в том, что быт казахов и был Книгой о Первотворении, Космосе [3].

Юрта для казаха — центр мира. Крохотная точка в бескрайнем просторе. Да и сам степняк — отдельная точка. Не случайно иносказательно казахи называют себя «қара домалақ» — черный кругляшок (шарик, катышек).

Юрта, как сборно-разборное жилище, состоит из нескольких частей: шанырақ, кереге, босаға и др. Центральной и главной частью является шанырак.

Шаңырақ — навершие юрты, был семейной реликвией, символом продолжения рода. Он передавался из поколения в поколение.

Когда умирал последний представитель рода, на его могиле оставляли шаңырақ. Символ шаңырақа — крест в круге — знак вечного движения в природе солнца, символ эволюции, развития жизни.

Фактически можно сказать, что понятие «шанырақ» включает в себя все значения, которые свойственны понятию дом. Шанырак — символ семейного благополучия, мира, спокойствия. Шанырак был семейной реликвией, передавался из поколения в поколение, «қара шанырақ» (букв. «черный остов») юрты отца почитался сыновьями как святыня. В серьезных случаях казах клялся, глядя при этом на шанырак. Родительский дом называют «*қара шанырақ*». По приезде в аул необходимо было зайти туда, отведать угощения [5, с. 182].

Слово «шанырақ» обозначает понятия «дом, семья». О молодоженах говорят, что они подняли шанырак — «*шаңырақ көтерді*». С этим словом связаны как благопожелания, так и проклятия: «*Шаңырағың биік болсын*!» (Пусть будет высоким твой шанырак!), «*Шаңырағың ортасына түссін!*» (Пусть сломается шанырак!). Уважение к шанираку как части жилища выражалось и в обычаях: его нельзя перешагивать, при перекочевке его перевозили отдельно на верблюде, который возглавлял караван. Если хотели указать на то, что в чужом доме необходимо вести себя поскромнее, говорили «*Шаңыраққа қара!*» (Посмотри на шанырак).

В национальном самосознании, мировоззрении казахов «шанырак» является символом очага, продолжением рода, традиций и воспитания, духовной близости. О потомках рода обычно говорили: «*Әкесінің шаңырағын құлатпай, түтінін түтетіп отыр*», что означает «Достойно продолжает отцовский род». Шанырак тесно связывали с понятием семьи, поэтому, когда в семье происходила большая беда или семья распадалась, говорили: «*Шаңырағы шайқалды*» — «Шаңырак покачнулся» [3].

Анализ номинативного поля концепта «Дом» в русском языке указывает на изначальную традиционную связь человека со своим жилищем, родными, прошлым. Для семейного благополучия важны достаток в доме, спокойствие, любовь и уважение. Дом символизирует освоенное пространство, где человек чувствует себя в безопасности. Недаром *В гостях хорошо, а дома лучше; Дома и стены помогают* [1, с. 19].

Элементы дома, как и концепт дом, могут восприниматься как символы. Окно и порог — границы дома. Граница — место наиболь-

шего удаления от центра «своего» мира, место, где ослаблены защитные силы «своего» и начинают действовать законы чужого пространства. Со словом «порог» русский народ создал много фразеологических единиц: *споткнуться на пороге, обивать пороги, с порога, девичий стыд до порога* и т. д. Верхняя граница — крыша или защита сверху. Дверь — средство связи с миром [1].

Для любого казаха его дом — это «*алтын босаға*» (золотой порог). В казахском языке у слова «босаға» есть 2 значения: 1) пространство по обе стороны двери, 2) место возле двери, напротив почетного места [4, с. 139].

В представлении казахов порог — это сакральная граница между внешним и внутренним миром — *ақ босаға, алтын босаға*. Из-за этого ни в коем случае нельзя наступать на порог. Или не дай бог стоять на нем. Это вообще святотатство. Именно на пороге (под порогом) находился хранитель жилища. Дух предков. Он защищал обитателей от всего плохого.

С этим связан запрет в обыденной ситуации вставать на порог и опираться, прислоняться к дверному косяку, держаться за притолоку и т. п. — «*босағаға тұрма — жетім боласын*» (не вставай на порог, осиротеешь).

Для невесты чрезвычайно важно не спотыкаясь перешагнуть порог дома своего мужа. Если невеста ударилась или споткнулась на входе — не к добру: порядок в доме нарушится и невеста навлечет в него неприятностей. И наоборот, если ребенок споткнется о порог, это считалось хорошим знаком.

Для обозначения порога используется и другое слово «табалдырық». О пришедшей в дом невесте говорят: *«табалдырық аттады»* (Перешагнула порог), что является признаком уважения к ней. Уходя из отчего дома, невеста прощалась: *«Алтын да менің босағам, аттап та шығам деп пе едім»* (Золотой мой порог, не думала я, что перешагну через тебя).

Считалось также хорошим знаком, если гость спотыкался о порог, входя в дом. И плохим, если он спотыкался, покидая его. За этим очень следили и выходящих стариков всегда поддерживают под руки. Если же хотели оскорбить или выразить обиду, специально наступали на порог. Тем самым как бы давали понять, что больше никогда не переступят порог этого дома: «*Табалдырықты аттамаймын*».

Нельзя передавать что-либо через порог. Всё дело в том, что в древние времена прах предков хранился под порогом дома, тревожить их, передавая что-либо через порог, считалось крайне опасным. До сих пор порог считается границей между двумя мирами — безопасным домом и враждебным миром, или того страшнее — миром живых и миром мёртвых. Отсюда и пожелание молодым *«Босағаларың берік болсын»* (Пусть крепким будет порог).

Нельзя возвращаться с полдороги. Это суеверие так же связано с порогом и именно с его функцией границы между мирами. Не достигнув цели, человек возвращается домой ослабленный, и именно на пороге-границе его может ждать что угодно — от оскорблённых излишним беспокойством духов предков, до сущностей, мечтающих просочиться в наш мир.

Казахская юрта является не только элементом материальной культуры народа, но и содержит символику, в которой сосредоточена самая разнообразная информация о религиозно-мифологической картине мира. Так, доступные обыденному сознанию внешние признаки окружающего мира (ср. макрокосмос — юрта) и человеческое общество служили моделью в создании языковой картины мира казахов.

Концепт «Дом» относится к числу основополагающих, всеобъемлющих ментальных пространственных констант, с незапамятных времен функционировавших в человеческом сознании.

Дом в сознании русского человека отождествляется в первую очередь с жилищем. Дом представляет собой некое замкнутое пространство, которое ограничено от внешнего мира, способное защитить его от невзгод этого мира. Это место, которое человек может контролировать сам. В этом смысле дом противостоит открытости, неопределенности и хаосу чуждого пространства и является своеобразным средством защиты человека (*чувствую себя, как дома*) [1].

Конечно, в понимании концепта «дом» в казахском и русском языках имеется различие. Для русского народа, как и для и всех оседлых народов, дом — это место, где он чувствует себя в безопасности, где уютно и тепло. У казахов же важно не место, где стоит дом, ибо его можно всегда переместить, а важно ощущение родины, которая всегда с тобой. Ведь, кочуя, казах перевозит самую важную часть дома — шанырак. И поэтому можно сказать, что для казаха дом всегда рядом, всегда с ним. И если для европейца все дороги

ведут домой, то для казаха главное — это чувство, что ты всегда дома, твоим домом может быть бескрайняя степь.

Литература

1. Валеева Д.Р. Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2010. — 23 с.
2. Вардзелашвили Ж. Концепт как лингвистическая категория — «конструктивная сущность» // Сборник научных трудов. Тбилисский государственный университет. Филологический факультет. Тбилиси, 2004. — С. 39–45.
3. Егизбаева М.К. Юрта и особенности мировосприятия казахов // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». № 1 (05). Апрель–июнь. 2020.
4. Казақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Дайк-пресс, 2008. — 968 б.
5. Тасибеков К. Ситуативный казахский (Мир казахов). Алматы, 2014. — 264 с.
6. Турсунов Е. Как казахи построили свой космос // Тенгриньюс. 18 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tengrinews.kz/opinion/kak-kazahi-postroili-svoy-kosmos-876
7. Фатиков Р.Р. К семантике шанырака // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата,1980. — С. 179–185.

ДАГЕСТАНСКИЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

М. Д. Ваджибов
malikvad@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
(Махачкала)

Вначале отметим, что не случайно появилась мысль написать данную работу. В мае прошлого года (2020) мы принимали участие в онлайн-конференции в Московском государственном университете. В своем докладе мы говорили об обогащении русского языка благодаря дагестанским регионализмам [2, с. 157–163]. Модератором нам был задан вопрос о том, не является ли влияние дагестанских регионализмов на русский язык оскудением. И на этот вопрос мы решили ответить новой публикацией, в которой мы сделали попытку отразить как обогащение, так и оскудение русского языка, как положительное, так и отрицательное, т.е. «рискнули» отразить

на письме достоинства и недостатки, плюсы и минусы в употреблении дагестанских регионализмов в живой русской речи.

Дагестанские регионализмы в русском языке, иначе нами называемые дагестанизмами, — это слова, которые проникли в местную русскую речь из автохтонных языков и используются повсеместно прежде всего на территории республики. В русской речи дагестанцев наличествует большое количество местных регионализмов. И мы считаем, что благодаря дагестанизмам русский язык в пределах субъекта обогащается. Вопрос об оскудении или обеднении живого языка можно констатировать, если в публичной речи невозможно подобрать подходящее слово для передачи конкретной информации о дагестанских реалиях. В такой ситуации заимствования из коренных языков — это, бесспорно, один из путей обогащения русского языка.

Фиксация мысли об оскудении живого русского языка в полилингвальном пространстве возможна и при условии, что речь страдает из-за регионализмов. Такого, на наш взгляд, фактически не происходит. Конечно, важной орфоэпической проблемой выступают интерферентные явления, связанные со своеобразием произношения русской речи дагестанцами, которое прежде всего объясняется тем, что русский и дагестанские языки как разносистемные языки характеризуются различными фонетическими особенностями. Возможно, в пределах литературного языка специфический акцент считается недостатком. Для нас же данный аспект скорее всего является достоинством, которое подчеркивает оригинальность, креативность местной русской речи, что, очевидно, подчеркивает субъективность нашего рассуждения.

Разумеется, вопрос о порче живой русской речи на территории Республики Дагестан, жители которой свободно владеют основным государственным языком РФ, исторически ставшим языком межнационального общения, не является актуальным, ибо слова, проникающие в русскую речь, не могут испортить язык, который должен вести себя как живой организм и является изменяющимся явлением. Русский язык, который оказывает влияние на местные языки, также испытывает на себе определенное воздействие. Ярче всего данное воздействие мы наблюдаем в речах местных билингвов и полилингвов. В регионе происходит взаимодействие русского и дагестанских

языков, что является естественным процессом, который мы рассматриваем как положительное явление.

Слова из местных языков в основном начали проникать в русскую речь приблизительно с начала XX века, а в последние годы благодаря Интернету и СМИ этот процесс активизировался, чему способствовала в последние 30-35 лет и способствует в настоящее время официальная отмена цензуры. Она же привела и к изобилию в нашей русской речи жаргонных слов, среди которых мы находим и лексемы и выражения из коренных языков. Некоторые из этих слов используются часто, регулярно, а часть из них — в редких случаях. Конечно, налицо засорение языка, но его мы наблюдаем не только в пределах республики. Такое происходит повсеместно, но разница в том, что в разных субъектах используются разные нелитературные слова в зависимости от культурных традиций того или иного народа (тех или иных народов). В Дагестане же данный процесс реализуется особенно интересно, учитывая то уникальное обстоятельство, что не существует дагестанского языка, но на сравнительно маленькой территории функционируют дагестанские языки или языки народов Дагестана. Таковых более 30, 14 из которых являются письменными, а остальные бесписьменными [2, с. 51].

В живой и виртуальной речи русскоязычных би- и полилингвальных дагестанцев иногда можно обнаружить и обсценные слова из местных коренных и некоренных языков, наряду с русской нецензурной лексикой, что, естественно, мы не одобряем. Примеров для отражения данного недостатка мы сознательно не приводим, т.к. не хотим выступать в роли распространителей негативного. При этом учитываем этическую сторону вопроса и необходимость не нарушать принятые официальные законы РФ и неписаные правила речевого поведения при общении на русском языке в дагестанском поликультурном социуме.

Дагестанские слова используются не только в высказываниях в живой коммуникации и в личной, приватной и групповой переписке, но и в электронных СМИ [4; 5]. Особенно это проявляется не на страницах местной периодической печати, а в комментариях к той или иной статье, хронике, информации и т. д. Разница в том, что в электронной переписке дагестанцы применяют местные жаргонные слова, постоянно употребляемые в русском языке коренными

народами. В официальных же документах и государственных средствах массовой информации, размещенных в Интернете, конечно, стараются часто не прибегать к дагестанским регионализмам.

Русская речь дагестанцев постоянно пополняется новыми словами, ср.: *запредельный уровень* ***хайванизма*** (хайван «животное» + суффикс -изм); *ходить от страха под приказами этих* ***шайтанов*** (*шайтIан* «черт» — восточное слово используется как исконно дагестанское и даже склоняется в местном русском языке); ***стхански*** (лезг. *стха* «брат» + н + наречный суффикс –ски; по аналогии со словом «по-братски») или прилагательное ***стханский*** (братский) *красавчик*; *известный* ***чIандаист*** (*чIанда* (авар.) + суффикс — ист) «болтун» и др.

Те слова из восточных языков, которые дагестанцами уже воспринимаются как исконные, становятся производящей основой для образования новых слов-прилагательных, ср.: *Мы ведь очень* ***сабурные*** (*сабур* «терпение» + суффикс -н); *решение для* ***джамаатовской*** (джамаат «люди, общество, коллектив» + суффикс — овск) *группы* и др. Дагестанские жаргонизмы также выступают в роли производящих основ, ср.: ***хасовские*** (хас — Хасавюрт + — овск) *пацаны* «ребята из Хасавюрта»; ***даговская*** (даг — дагестанец) *музыка* и др. Предлагаем такое нововведение рассматривать как достоинство местного русского языка. Мы, конечно, не призываем включать эти слова в литературную норму, но они делают местную русскую речь более интересной и разнообразной. Эти окказионализмы, возможно, со временем исчезнут из языка. Поэтому мы затрудняемся определить пользу или вред от таких словообразований для носителей русскоязычной культуры.

Многие регионализмы, которые постоянно используются в местной русской речи, воспринимаются адекватно и адаптированы к системе русского языка. Такие слова, возможно, являются стилистически нейтральными и украшают любую дагестанскую русскую речь, делают ее уместной, более яркой и выразительной, ср.: *нух битIаги*! (авар.) «счастливого пути!», *арадеш* (дарг.) «пожелание здоровья», *сагърай* (лезг.) «пожелание здоровья», *хъинсса* (лак.) «хорошо, пожелание здоровья», *чуду* (дарг., кум., лак. и др.) «несладкий толстый или тонкий пирог», *ботIишал* (авар.) «тонкое чуду» и т.д.

В настоящее время регионализмы продолжают адаптироваться к свойствам русского языка. К примеру, выделенное полужирным

шрифтом в предложении «*Такую* ***чIанду*** *несешь*!» слово, в котором дагестанизм из аварского языка «**чIанда**» означает, «вздор, ерунда, чепуха, глупость и т.д.», склоняется как существительное женского рода. Это же слово часто используется в русской речи как эвфемизм, ср. использование эвфемизации как ответ на инвективу: «*Твое мнение можешь свернуть в трубочку и засунуть в ту же* ***чIанду***!». Конечно, само применение данного слова с таким значением в публичной речи не желательно. Этот эвфемизм рассматриваем не как достоинство, а как недостаток, который делает речь вульгарной, грубоватой. Естественно, данное употребление приводит к снижению культуры русской речи, превращая беседу в коммуникативную неудачу. При этом важно подчеркивать желание говорящего не нарушать этические нормы русского языка и соблюдать культурные приличия в использовании местного слова в новом значении. Кстати, давно настало время обсудить на официальном уровне проблему экологии русской речи в условиях дагестанского полиязычия, что подразумевает работу и над речевой этикой. Не случайно в специальной учебной литературе читаем: «*Этический аспект культуры речи предписывает соблюдение правил* ***речевого этикета*** *и накладывает строгий запрет на сквернословие, вульгарность и грубость в речи*» [6, с. 10].

Как специфический сорняк можно рассматривать употребление дагестанцами в русском языковом пространстве таких местных жаргонных слов и выражений, как *жи есть* (общедаг.) «используется как сочетание-паразит» [7], *вуч хьана*? (лезг.) «что случилось?», *гьай-гьуй* (общедаг.) «возглас, шум, веселье, скандал», *ахчахондроз* (кум.) «страсть к деньгам», *чIа*! (авар.) «стой, подожди, остановись, хватит!» и др. Мотив употребления данных слов психологически оправдан речевой ситуацией. Такие креативные слова и сочетания мы считаем стилистически маркированными. При этом если одни слова уместны и обогащают живую русскую речь, то другие ее засоряют и способствуют нарушению прежде всего общепринятых орфоэпических, лексических и стилистических норм современного русского литературного языка.

В зависимости от того или иного региона используются в русской речи слова из местных языков. В пределах Дагестана также имеет место определенная разница в употреблении регионализмов. Если в речи дербентцев много слов из лезгинских языков (*я руш* (лезг.) «обращение к девушке», *стха* (лег.) «брат», *афар* (лег., таб.)

«тонкое чуду» и др.), то в речи буйнакцев можно обнаружить аварские или кумыкские слова (*ле* (авар.) «обращение к мужчине», *вацок* (авар.) «брат», *тохтта* (кум.) «подожди», *ини* (кум.) «брат» и др.), у избербашцев же много даргинских слов (*уци* «брат», *ягъари* «обрати внимание, удивление и пр.», *дерхъаб* «пожелание процветания» и др.). При этом на всей территории республики употребляются такие слова, как *лаваш* (общекавказ.) «лепешка», *хинкал* (авар., кум., лак., лезг. и т.д.), *лезгинка* (общекавказ.) «название танца», *акушинка* (общедаг.) «название танца» и др. Такие слова в русской речи передают особенности менталитета и колоритности дагестанцев, элементы культурных традиций, что очень важно в полиэтническом обществе.

В русской речи не менее интересны, выразительны и образны словосочетания, в которых одно слово из восточного языка воспринимается как дагестанское, а второе является исконно русским, ср.: *делать сабур* «терпеть»; *делать намус* «поступить честно, по совести, поблагодарить человека»; *общий салам* «поздороваться сразу со всеми не за руку»; *бала на голову* «несчастье на голову, неожиданное горе» и др. При этом в данном ряду реликтовой конструкцией в русской речи выглядит словосочетание «*чуду из какаду*», которое образовано согласно рифме и в котором первое слово является дагестанским, а второе интернациональным (проникло в русский язык, очевидно, через голландский язык) [1, с. 229; 3, с. 161]. Такие сочетания в речи применяются спорадически.

Рассматриваемые регионализмы в русской речи в настоящее время используются не только в пределах республики, но и везде, где компактно проживают дагестанцы. Распространению же таких регионализмов в мире способствует Интернет, особенно его медиапространство, благодаря чему в настоящее время формируется современный дагестанский русский жаргон, который в первую очередь реализуется в дискурсе и который пока близок к маргинальной речи.

Регионализмы в русской речи применяются всеми дагестанскими этносами на традиционных мероприятиях, в том числе на свадьбах и семейных торжествах, на национальных и религиозных праздниках и т.д. Эти слова обогащают живой русский язык прежде всего через виртуальное пространство и способствуют распространению в мире информации о коренных языках и народах Дагестана. Функции русского языка таким образом расширяются: он, к примеру,

выступает в роли посредника передачи языковых и культурных особенностей местных этносов для других народов.

Таким образом, мы считаем, что дагестанские регионализмы обогащают современный русский язык прежде всего в пределах кавказского региона. При этом мы не можем утверждать мысль о повсеместном оскудении русской речи посредством таких слов, ибо мы понимаем, что норма стремится к консерватизму: она не принимает случайных дагестанских регионализмов и новых словообразований. В то же время необходимо учитывать то обстоятельство, что имеются слова, которые обогащают живую русскую речь, но есть лексемы, которые ее засоряют. На наш взгляд, в применении дагестанских регионализмов в русской речи больше плюсов, способствующих коммуникативным успехам, и меньше минусов, которые в первую очередь засоряют устно-письменное и виртуальное общение и от которых, естественно, следует избавляться.

Литература

1. Ваджибов М.Д. Дагестанские слова в русскоязычном сегменте Интернета // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29 апреля 2020 г.: в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. — М.: РУДН, 2020. — Т. 1. — С. 225–233.
2. Ваджибов М.Д. Использование русского языка в табасаранской монолингвальной аудитории // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума (9-11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г.Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Том 2. — Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. — С. 51–57.
3. Ваджибов М.Д. Об обогащении современного русского языка в условиях дагестанского полиязычия // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность: Материалы Международной научно-практической конференции в онлайн-формате / МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 мая 2020 г. — М.: Издательство Московского университета, 2020. — С 157–163.
4. Дагестанский словарь (с добавлениями и исправлениями). URL: https://zhevskaya.livejournal.com/77282.html (Дата обращения: 20.02.2021).
5. Лезги газет. URL: https://lezgigazet.ru/ (Дата обращения: 14.02.2021). Табасарандин нурар. URL: https://zoritabasarana.ru/ (Дата обращения: 15.02.2021). Замана. URL: https://zamana.info/ (Дата обращения: 15.02.2021) и др.
6. Магомедова Т.И. Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов юридического профиля. — 10-е изд., перераб. и доп. — Махачкала, 2017. — 230 с.

7. Ресторан «Жи есть». URL: https://yandex.ru/maps/org/zhi_yest/1044919573/?ll=37.591481%2C55.708307&source=wizbiz_new_text_single&z=14 (Дата обращения: 25.02.2021).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

О. Ю. Прадид, Ш. М. Карабаева
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Представители различных культур, носители разных языков видят и отождествляют окружающий мир по-разному, выражают это средствами родного языка, соответствующими различным ассоциациям, актуальным для реальности носителя.

Фразеологизмы по праву считаются наиболее ярким средством выразительности каждого языка, отражающим культурные особенности и менталитет народа. Следовательно, полнота и последовательность группирования фразеологических единиц (далее — ФЕ) являются важными не только в рамках отдельно взятой языковой системы, но и в сопоставительном, методическом, межкультурном и переводоведческом аспектах. Это позволит определить подходы к обучению, выявить трудности усвоения, возникающие у обучающихся на различных этапах изучения языка, в частности русского языка как иностранного.

Отметим, что сходную с ФЕ функцию выполняют паремии, афоризмы и др. средства выразительности, при этом узбекские ученые зачастую рассматривают данные языковые средства в совокупности, как элементы одной системы — фразеологической. Прикладной аспект перевода с одного языка на другой также не предполагает четкого сохранения соответствия групповой принадлежности в выборе языкового средства, на первое место выдвигая потребность смыслового соответствия высказывания при осуществлении перевода. В контексте данного исследования фразеология также рассматривается в широком смысле.

Обучение русскому языку узбекской аудитории, перевод с русского на узбекский язык и наоборот предполагают знание и использование достижений, полученных в ходе сопоставительного анализа фразеологических систем двух контактирующих языков.

Интерес ученых-лингвистов к сопоставлению русской и узбекской языковых систем на различных уровнях возник довольно давно, о чем свидетельствуют научные изыскания Е. Д. Поливанова [7], В. В. Решетова [8], И. А. Киссена [6] и др. Исследования в области сопоставительной фразеологии на современном этапе продолжили З. М. Амиркулова [3], в методическом аспекте — Э. С. Велишаева [4], задачи фразеографии рассматривали Ш. Алимов и Э. Турдикулова [2].

Отметим, что формирование и сопоставление тематических групп фразеологизмов позволяет разрешить проблемы синонимичных и антонимичных связей, толкования и перевода (см. раб.: [5], [1]). Кроме того, знание и понимание фразеологической системы языка является своеобразным критерием для определения степени владения данным языком.

Исследователи теории и практики перевода утверждают, что фразеологизмы занимают лидирующую позицию в списке трудностей переводчика, т. к. следует помнить о существовании не только литературного класса ФЕ, но и фразеологических трансформаций, авторских фразеологизмов, паремий, крылатых выражений, народной речи (в том числе и лексических инноваций, т. е. фразеологических неологизмов).

Чтобы в теоретическом плане говорить о приемах перевода фразеологизмов, необходимо классифицировать всю фразеологию русского языка по какому-то обоснованному критерию на группы, в границах которых наблюдался бы как преобладающий тот или иной прием, тот или иной подход к передаче русского фразеологизма средствами узбекского языка.

Многие теоретики перевода в качестве исходной точки берут лингвистические классификации, построенные в основном на критериях неразложимости фразеологизма, слитности его компонентов, мотивировки значения, метафоричности, в зависимости от которых определяется место фразеологизмов в одном из следующих разделов: сращения, или идиомы, единства, сочетания и выражения.

Также исследователи отмечают, что только по отношению к фразеологическим единствам и фразеологическим сращениям следует применять различные приемы перевода, причем перевод единств должен быть по возможности образным, а перевод сращений может осуществляться преимущественно посредством приема целостной трансформации.

Указанный подход представляется логичным и вполне полным, т. к. степень слитности компонентов, несомненно, влияет на возможность подбора наиболее удачного и содержательного эквивалента. Но следует отметить, что неисследованными остаются целые пласты фразеологизмов, подвергшихся трансформации, что отразилось и на общей семантике единиц, на степени их экспрессии, на внешней форме, также напомним о наличии паремий, или фразеологизмах пословичного типа. Важнейшую роль играет и функциональный стиль, диктующий условия и правила употребления единиц для сохранения общего контекста.

Традиционно устойчивые сочетания переводят с помощью двух подходов: *фразеологического* и *нефразеологического* переводов.

Суть первого (фразеологического) предполагает использование устойчивых сочетаний, близких к переводимым в разной степени, от тождественного эквивалента (полностью дублирующего семантику), среди которых различают полные и неполные, до приблизительного фразеологического соответствия.

Суть второго способа перевода (нефразеологического) состоит в передаче определенного фразеологизма посредством слов и средств языка перевода. В данном случае можно говорить о нескольких типах: *калька, описание, лексические возможности.*

Что касается структурных особенностей фразеологизмов русского и узбекского языков в сопоставительном аспекте, то как доказывают наблюдения ученых, структура ФЕ в русском и узбекском языках характеризуется разнообразием моделей и схожестью со словосочетаниями и предложениями, где различия оформления объясняются спецификой каждого из языков. Таковыми различиями являются: порядок слов; отсутствие предлогов и наличие послелогов (в узбекском языке); своеобразие в управлении.

Во фразеологии узбекского языка многие фразеологизмы являются семантическими эквивалентами ФЕ русского языка. Многие являются полными аналогами из-за наличия одинакового для обоих языков компонента. Например, *задирать (задрать)* ***нос*** в значении «зазнаваться, важничать» — *бурнини (осмонга) кўтармоқ*, букв.: поднять **нос** (на небо).

Зачастую проявление понятия во фразеологизме исходного языка и языка перевода не имеют схожести внешней формы, но имеют эквивалентную семантику. Такое свойство единиц объясняется тем, что часто это стертые и частично стертые метафоры, которые не воспринимаются или воспринимаются лишь подсознанием носителя языка. Например, оборот *остаться с носом*, где носитель русского языка не заметит никакого «носа». Этот фразеологизм в значении «остаться без того, на что рассчитывал» имеет в узбекском языке эквивалент *икки қўлини бурнига тиқибқолмоқ*, т. е остаться с двумя засунутыми в нос руками.

Однако нельзя сказать об идентичности по структуре фразеологизмов узбекского языка русским, так как в них имеются следующие различия, например: вместо множественного числа употребляется единственное число; глаголы заменяются причастием; вместо сложного предложения употребляется простое; в составе фразеологического оборота употребляются несходные по смыслу компоненты; различное месторасположение главных членов, особенно сказуемого (если во фразеологических оборотах русского языка порядок слов свободный, то во фразеологизмах узбекского языка сказуемое всегда находится в конце предложения) [5].

ФЕ, используемые для обозначения интеллектуальных (умственных) способностей человека составляют значительную фразеосемантическую группу как в русском языке, так и в узбекском. Особенно многочисленно представлены фразеологизмы для обозначения негативной характеристики умственных способностей человека. Данные фразеологизмы отличаются не только количеством, но и разнообразием в плане образования.

Процентное соотношение в исследуемом материале, где полное количество анализируемых ФЕ более 300 единиц (в русском и узбекском языках), составляет: негативно окрашенных единиц — 90,5%, а лексем с позитивной семантикой — 9,5%.

В ходе исследования также выделены семантические ряды: ‘дурной (глупый) человек’: *пустая голова (башка)* [8]; ‘быть дурным/глупым (несообразительным)’: *голова садовая* [8]; ‘очень дурной (глупый/тупой)’: *дубовая голова (башка)* [8]; ‘придурковатый, недоумок’: *мозги набекрень* [8]; ‘сумасшедший’: *тронутый мозгами* [8]; ‘сходить/сойти с ума’: *лишаться/лишиться ума/рассудка* [8]; ‘умный/разумный (мудрый) человек’: *голова на плечах* [8]; ‘очень умный/разумный (мудрый)’: *светлая голова* [8]; ‘быть умным/разумным (сообразительным)’: *голова (котелок) варит* [8]. Отметим, что соотношение семантических рядов фразеологизмов, имеющих негативную окраску, и семантических рядов с позитивной окраской единиц — 2:1.

Отдельно отметим фразеологический ряд, в котором представлены ФЕ, обозначающие хитрого, смекалистого, сообразительного человека. Данные фразеологизмы имеют контекстуально-ситуативную оценку, т. е. могут приобретать как негативную семантику, так и позитивную, что зависит от отдельных коммуникативных обстоятельств, межличностных отношений коммуникантов.

Литература

1. Abdurakhmanov M. О понятии безэквивалентной лексики // Theoretical & Applied Science. 2019. — № 12 (80). — С. 465–468.
2. Алимов Ш., Турдикулова Э. Актуальные задачи современной фразеографии // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. — № 4-6 (60). — С. 39–44.
3. Амиркулова З. М. Критерии эквивалентности паремий русского и узбекского языка // Научные горизонты. 2019. — № 6 (22). — С. 13–18.
4. Велишаева Э. С. Применение инновационных педагогических технологий в обучении фразеологии русского языка студентов групп с узбекским языком обучения // Иностранные языки в Узбекистане. 2018. — № 3 (22). — С. 132–140.
5. Жумаева Ш.Д., Каримова Г.Х. О синонимичных фразеологических гнездах русского и узбекского языков // Молодой ученый. 2018. — № 13 (199). — С. 300–302.
6. Киссен И.А. Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка. — Ташкент: Учпедгиз, 1952. — 88 с.
7. Поливанов, Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент: Госиздат, 1933. — 182 с.
8. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под. ред. А.И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.,1987. — 543 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ РЕАЛИЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ)

Н. Г. Юрина
ФГБОУ ВО «Мордовскийгосударственный университет им. Н. П. Огарёва»
(Саранск)

Изучая «Историю древнерусской литературы», иностранные студенты-филологи неизбежно сталкиваются с трудностью осмысления реалий чужого языка. Лингвострановедческая сложность материала не позволяет на должном уровне осмыслять сюжеты текстов древней словесности, их идейное наполнение, поэтику. Так как древние литературные памятники являютсяпрецедентными текстами для многих произведений последующих литературных эпох, важно снимать лингвострановедческие сложности изучаемого материала уже на первом этапе обучения. «Архаизация национально-культурной составляющей произведений литературы предыдущих веков, — справедливо отмечает Р. Х. Хайруллина, — делает настоятельной необходимостью использование лингвокультурологического анализа произведений…» [2, с. 5]. В лингвострановедческом аспекте древнерусская литература практически не изучалась. Информация такого рода существует, но она часто имеет характер попутных комментариев. В современных лингвострановедческих и лингвокультурологических словарях («Россия. Большой лингвострановедческий словарь» (2007), «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» (2004) и др.) данная область знания, столь необходимая студентам-инофонам, обучающимся на филологических факультетах, не выделена особым образом. Всё это делает актуальным постановку проблемы в указанном ракурсе и обоснованным необходимость её последовательной разработки. Задача статьи — на примере «Повести о Петре и Февронии» и «Повести о Карпе Сутулове» проанализировать принципы структурирования лингвострановедческой информации, связанной с древнерусскими реалиями, рассмотреть приёмы работы с ней. Комплексный подход к изучению русского языка, литературы и культуры соответствует современным потребностям общества, науки и активно пропагандируется в гуманитарной среде [3].

Древнерусские реалии, требующие лингвострановедческого пояснения, можно подразделить на имеющие 1) общенациональное, историческое значение и 2) культурное, сугубо литературное. К первым относятся герои летописей, личности, определившие ход развития страны, изображённые в тексте исторические явления общенационального масштаба. Ко вторым — литературные персонажи, термины (например, обозначения жанров древнерусской словесности, отразивших уникальность литературных форм, сложившихся «в результате взаимодействия… устного народного творчества, церковно-письменной и светской литературы» [4, с. 16]). Оба аспекта значимы для будущих филологов: с общекультурной и познавательной точек зрения важно понимание концептов, отражающих сущность национальной картины мира, с профессиональной — знание о произведениях древности, определивших литературную эпоху, сформировавших традиционные для русской культуры сюжеты, образы, особенности языкового выражения.При лингвострановедческом комментировании реалий древнерусской литературы мы ориентируемся на структуру описания имени-понятия, апробированную учёными Института русского языка им. А.С. Пушкина в статьях «Лингвострановедческого словаря „Россия“» (2009). Сначала даётся историческая справка, трактовка понятия. Далее воссоздаётся культурологический контекст явления. Затем имя / понятие представляется в учебно-методическом аспекте. Подобная структура обоснована спецификой лингвострановедческого словаря, о которой Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров писали так: «Соединяя в себе признаки энциклопедического и филологического словарей, он отличается от них своей *учебностью*» [1, с. 212–213]. При трактовке литературныхимён, понятий, текстовсловарная справка должна ориентироваться насведения о произведении (сюжет, историко-бытовые обстоятельства, характер персонажа, авторская оценка), отражать его связи с другими видами искусства, дополняться заданиями на закрепление полученного знания. Считаем также важным привлечение раздела «История страны» указанного словаря, где представлены имена / понятия, связанные с эпохой русской древности (Александр Невский, крещение Руси и др.). Как перспективную рассматриваем инновационную тенденцию к дополнению

печатной версии словаря мультимедийным контентом и интерактивными заданиями. Всё это поможетстудентамусвоить литературный материал, представить историко-бытовые ситуации, осмыслить национальную специфику характеров.

Предлагаем следующие варианты лингвострановедческих статей «Пётр и Феврония» и «Повесть о Карпе Сутулове» (ранее нами были представлены статьи «Князь Игорь», «Мамаево побоище» [5]).

Пётр и Феврония (Муромские).

Энциклопедическая справка. Полулегендарная княжеская супружеская чета. Некоторые исследователи соотносят князя Петра с князем Давыдом Юрьевичем, который правил в Муроме с 1205 по 1228 гг., а Февронию — с его супругой Ефросинией. На церковном соборе 1547 г. Пётр и Феврония были канонизированы как муромские святые. День их памяти — 8 июля. В русской культуре являются символом супружеской преданности, считаются покровителями семьи, любви и верности. О жизни этих святых рассказывает созданная в 40-е гг.XVI в. Ермолаем-Еразмом «Повесть о Петре и Февронии», воспринимавшаяся как житие. Это первое в русской литературе произведение приключенческого плана с острым сюжетом и вымыслом, прославляющее благочестивое супружество и силу женской любви.

Повесть начинается рассказом о том, как Пётр помог своему родному брату Павлу, муромскому князю, избавиться от злого змея, летающего к княгине на свидания. Змей принимал образ князя Павла, но верная мужу жена сумела разгадать обман и выведать тайну: ему суждено умереть от Петрова плеча и Агрикова меча. Петр, услышав об этом, сразу же решил сразиться со змеем. Однажды, когда он молился в церкви, явился ему отрок (мальчик-подросток) и показал Агриков меч, спрятанный в алтарной стене. Князю удалось выследить змея и убить его. Но во время сражения на тело Петра попала кровь змея и вызвала многочисленные язвы. Долго князь пытался вылечить тяжёлую болезнь, но никто из местных врачей так и не смог помочь ему. Стал Пётр искать целителей в Рязанской земле. В одном из домов села Ласково княжеский отрок нашёл удивительную девушку, которая ткала холст, а перед её ткацким станком скакал заяц. Она назвалась Февронией, дочерью крестьянина. Девушка пообещала вылечить князя, если он женится на ней. Пётр решил обмануть Февронию, так как брак был

явно неравный. После лечения он отправил ей дары и уехал в Муром. Однако вскоре опять заболел. Петру пришлось вновь ехать за исцелением к девушке, и на этот раз он исполнил своё обещание. После смерти Павла Пётр стал князем муромским. Бояре и их жёны ревностно отнеслись к новой княгине. Они пришли к Петру и попросили прогнать Февронию, пообещав ей дать то, что она захочет. Феврония пожелала забрать своего мужа. Оставив княжество, Пётр ушёл вместе со своей женой в изгнание. Во время странствий Феврония всегда поддерживала мужа. Наконец, муромцы сами попросили супругов вернуться, потому что в их городе не утихали распри за княжеский престол. Правили Пётр и Феврония кротко и справедливо. Перед смертью оба приняли монашество и завещали похоронить их в одном гробу. Умолили они Бога, чтобы умереть им в один день. Не выполнили наказ люди и положили их в разных гробах, но наутро тела супругов оказались в общем каменном гробу, который они приготовили для себя. Так и похоронили их. С тех пор защищают они Муром, исцеляют приходящих к их мощам людей.

В культуре. Живопись. Серия картин А. Е. Простева «Святые Пётр и Феврония». Литература. Роман П. И. Мельникова-Печерского «В лесах». Музыка. Опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и мудрой деве Февронии», рок-опера А. Ильина «Повесть о Петре и Февронии, или Сказание о великой силе любви». Скульптура. Памятники Петру и Февронии И. Шевченко (Воронеж), А. Скнарина (г. Ейск), В. Суровцева, О. и В. Сягиных (Муром). Театр. Спектакль К. Юдина «Муромское чудо (Сказание о благоверных князьях земли русской)». Кино. Короткометражный фильм «Пётр и Феврония. История вечной любви» (реж. А. Виденмеер, 2008).

В языке и речи. Пословицы о любви и верности: Верная любовь ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Куда иголка, туда и нитка (Жена должна следовать за мужем). С доброй женой горе — полгоря (Хорошая жена всегда разделит с мужем любое горе).

Медиатека. Мультфильм «Сказ о Петре и Февронии» (реж. Ю. Кулаков, 2017).

*Задания.*1. К. Чернявский — автор нескольких памятников Петру и Февронии, установленных в разных городах России.

Сравните работы скульптора, сделанные для Архангельска, Екатеринбурга, Сочи. Почему эти памятники часто размещены у Дворцов бракосочетаний, храмов? 2. Подумайте, почему именно ромашка стала символомрусского праздника семьи, любви и верности. Обратите внимание на очерёдность понятий в названии праздника. 3. Сравните «Повесть о Петре и Февронии» с русскими сказками о мудрой деве, сделайте вывод о сходстве / различиях. 4. Какие эпизоды повести иллюстрируются в серии картин А. Е. Простева «Святые Пётр и Феврония»? Какими представляются художнику герои произведения?

«Повесть о Карпе Сутулове».

Энциклопедическая справка. Бытовая «Повесть о Карпе Сутулове» была создана в серединеXVII в. Авторство — неизвестно. В повести изображается жизнь русского города XVII столетия, уклад купеческого сословия, воспроизводится общественное восприятие вопроса о женской добродетели (верная жена торжествует, её незадачливые поклонники осмеяны, наказаны материально).

В повести рассказывается о богатом купце, который жил в любви и согласии со своей красавицей-женой Татьяной. Когда ему нужно было надолго уехать по торговым делам в Литовскую землю, он попросил своего друга Афанасия Бердова помогать жене во время его отсутствия. Прошло три года, и деньги, оставленные Карпом на пропитание, закончились. Пошла Татьяна за помощью к другу супруга. Тот пообещал дать женщине 100 рублей, если она проведёт с ним ночь. Татьяна пошла за советом к попу, но тот вместо помощи предложил ей уже 200 рублей за ночь с нею. Тогда она пошла к архиепископу, и ситуация повторилась, только теперь Татьяне было предложено 300 рублей. Тогда она назначила архиепископу свидание на 3 часа, попу — на 6, а Афанасию Бердову — на 10 часов (в Древней Руси счёт дневного времени начинался от восхода солнца). Когда архиепископ пришёл к ней и принёс 300 рублей, она велела ему снять облачение, в котором он служил Богу. Так как у того не нашлось мирской одежды, она предложила ему свою сорочку. Когда в ворота стал стучаться поп, Татьяна сказала архиепископу, что приехал муж, и посоветовала ему спрятаться в сундуке. Поп принёс 200 рублей и оказался в другом сундуке, когда пришёл Афанасий Бердов. Друг мужа отдал Тать-

яне 100 рублей, а когда услышал стук в ворота (по приказу Татьяны это делала её рабыня), согласился спрятаться от позора в третьем сундуке. Утром Татьяна пошла к воеводе и попросила его принять сундуки с богатой одеждой на хранение, чтоб уберечь их от воров. Доставленные в дом воеводы запертые сундуки Татьяна попросила открыть, чтобы осмотреть содержимое. Три мужчины, выбравшись наружу только в сорочках, по приказу воеводы, услышавшего рассказ об их похождениях, заплатили в пять раз больше прежнего. Воевода отпустил незадачливых поклонников домой, а деньги разделил с Татьяной. Муж, вернувшись домой, порадовался премудрости жены.

В языке и речи. Выражение «бить челом» — смиренно просить о чём-то. Пословицы о смекалке, хитрости и предательстве: Хитрость и смекалка — родные сёстры (Хитрость и находчивость обычно встречаются вместе). Лиса семерых волков проведёт (Хитрый человек сумеет одолеть более сильных). Лучший случай сохранить друзей — не предавать их (Предательство не прощается).

Медиатека. Аудиокнига «Памятники литературы Древней Руси. XVII века. Повесть о Карпе Сутулове».

Задания. 1.В повести Карп Сутулов назван «гостем богатым». В каком значении используется слово «гость»? Используется ли это значение сегодня? Как называются слова, вышедшие из употребления? 2. В XVII в. «Повесть о Карпе Сутулове» относилась к числу «неполезных» повестей. Как вы думаете, почему? Что сближает её с русской фольклорной сказкой? 3. В имена героев повести автор вложил особый смысл: Бердов — от «бердить» («отходить назад»), Сутулов — от «сътулитися» («скрыться»), Татьяна — с греческого «устроительница». Как называется такой литературный приём? 4. Как проявляется комизм повести на уровне ситуацийи языка героини?

Акцент в словарной статье о Петре и Февронии сделан на исторической справке, отражении общекультурных связей текста, а система заданий призвана закрепить полученные знания. В информации о второй повести представлен в основном сюжет, а цель заданий к ней — развитие профессиональных навыков студентов. Считаем, что раздел «В языке и речи» может содержать не только

высказывания из текста, имеющие афористический или прецедентный характер, но и пословицы, поговорки, тематически связанные с сюжетом.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. — 320 с.
2. Хайруллина Р. Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста. Уфа: Диалог, 2016. — 137 с.
3. Чичина М. О. Комплексный метод в преподавании русской литературы, русского языка и лингвострановедения // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения: сб. статей. М.: МГИМО-Университет, 2007. — С. 209–214.
4. Юрина Н. Г. История древнерусской литературы. М.: Флинта: Наука, 2018. — 280 с.
5. Юрина Н. Г. Реалии древнерусской литературы как лингвострановедческий материал для вузовских занятий с иностранными студентами-филологами // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст.: в 2 т. Т. 2. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. — С. 230–236.

ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ФЛЕКТИВНО-АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

О. И. Глазунова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

Рассмотрим особенности формирования падежных парадигм существительных, которые на уровне морфологии имеют в русском языке разную родовую принадлежность. Если у существительных мужского рода *дом, лес, хлеб, хлев, рог, корм, луг*, оканчивающихся на твёрдую согласную, ударные окончания ***-а***(***-я***) в именительном падеже множественного числа совпадают с окончаниями существительных среднего рода: *дом — дом**а́*** (*те́ло — тел**а́***), то у всех остальных существительных мужского рода на твёрдую согласную окончания именительного падежа множественного числа совпадают с окончаниями существительных женского рода: *зуб — зу́б**ы*** (*ма́ма — ма́м**ы***); *конь — ко́н**и*** (*ба́ня — ба́н**и***); *сын — сын**ы́*** (*тьма — тьм**ы́***), *слой — сло**и́*** (*тля — тл**и́***).

По мнению А. А. Потебни, грамматический род служит «для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли» по антропоморфическому принципу [3, с. 461], т.е. путём адаптации поступающей извне информации с помощью перенесения своих собственных физических и психических свойств на неодушевлённые предметы, растения, животные и мифологические существа из окружающего мира. Таким образом чужое, внешнее, делается «своим», внутренним, и квалифицируется по тем признакам, которые в системе координат человека уже обладают определённым оценочным значением.

«Мужской род, по данным языка, воплощает собой представления о целостности, независимом статусе, активности, динамичности, относительной простоте или нерасчлененности, о связи с внешним проявлением, моноцентризме. Женский род служит репрезентацией статичности, инактивности, притяжательности, сложности организации, связи с внутренним, непроявленным,

скрытым, с полицентризмом. Средний род в противовес языковым репрезентациям мужского и женского начал, являет собой переходную сущность, единство противоположностей (дискретности — недискретности, динамичности — статичности, внутреннего, данного во внешнем, или внешнего, скрытого во внутреннем)» [2, с. 27].

В языке выражение содержания, которое соотносится с мужским, женским и средним (между ними) родовым началом, происходит на формальном уровне — с помощью окончаний, которые присоединяются к основам существительных, задавая их родовую принадлежность. В отличие от физических характеристик объектов действительности (их половой принадлежности), род грамматический выстраивается на основе ментальных принципов обработки информации.

В системе языка морфологические характеристики ‘женский’/‘мужской’ опираются на представления, которые сложились у носителей языка в процессе их восприятия действительности. Существительные обретали родовую принадлежность в соответствии с народными преданиями и представлениями носителей языка относительно объектов наименования. Первый этап противопоставления по грамматическим, а не половым признакам касался представителей животного мира.

Например, существительные *животное, насекомое* относятся к среднему роду, несмотря на одушевлённость представителей данного класса, а существительные *стол, дом, нос*, обозначающие неодушевлённые предметы, — к мужскому. *Зверь* в русском языке — мужского рода, а *птица* и *рыба* — женского. По мнению Ф. И. Буслаева, «грамматический род есть не что иное, как созданное фантазией распространение естественного рода на все предметы <…>. Так, понятие действующее, мощное и самостоятельное, означается родом мужским; понятие, подлежащее действию, слабейшее и независимое — женским или средним; напр. *бог* и *природа*, *творец* и *творение*, *дух* и *душа*; *огонь*, *ветер* и *железо*, *золото* и проч. Между естественным и грамматическим родом занимают середину такие слова, которые, не подлежа ни природному отличию, ни случайной игре фантазии, образовали свой род олицетворением (просопопеею). Таковы мифологические названия богов и божественных стихий и явлений природы» [1, с. 50].

Все вышесказанное относится к содержанию, однако и грамматическая форма, которую обретают существительные в соответствии с представлениями носителей языка относительно мужского или женского начала объектов обозначения, в языке тоже структурировалась. Если в именительном падеже единственного числа формы мужского, женского и среднего рода имели закреплённые за ними особые окончания (за некоторым исключением[14]), то формы родительного падежа объединялись на основе противопоставления окончаний ***-а***(***-я***), свойственных существительным мужского и среднего рода (нет чего? *до́ма, окна́, мо́ря*), и окончаний ***-ы***(***-и***), свойственных существительным женского рода (нет чего? *па́рты, ви́шни, кры́ши*).

Условность принадлежности существительных, обозначающих неодушевлённые предметы, к мужскому и женскому роду подчёркивается тем фактом, что внутри падежных парадигм объединение их по видам флексий варьируется. Если в родительном падеже единственного числа существительные мужского рода соотносятся с существительными среднего рода (имеют одно и то же окончание ***-а***(***-я***): нет кого? чего? *стола́, коня́* как нет *окна́, по́ля*, то в формах именительного падежа множественного числа (за редким исключением) они объединяются с существительными женского рода, т.е. приобретают окончание ***-ы***(***-и***): *стол**ы́**, ко́н**и*** как *ма́м**ы**, тёт**и***, тем самым противопоставляя себя существительным среднего рода, у которых в формах именительного падежа множественного числа — окончание ***-а***(***-я***): *пол**я́**, мор**я́**, дел**а́***.

Стоит отметить, что в формах родительного падежа множественного числа существительным мужского рода с окончаниями ***-ов***(***-ей***) (нет кого? чего? *мост**о́в**, дом**о́в**, кон**е́й**, роял**ей***) противостоят формы женского и среднего рода (с основой на твёрдую согласную) с нулевым окончанием: нет кого? чего? *мам, нянь, ба́нок, о́кон, лиц, блю́дец* (см. Таблицу 1). При этом существительные среднего рода с основой на мягкую согласную (*по́ле*, *мо́ре*) и существительные женского рода на ***-ь*** (*соль, тень*) в родительном падеже

[14] К исключениям относятся существительные мужского и женского (общего) рода на *-а*(*-я*) (*плакса, жадина, тихоня*), а также существительные на мягкую согласную, которые могут быть женского и мужского рода (*соль, рояль*, *ночь, мяч*, *помощь, плащ*).

множественного числа имеют окончание ***-ей***, как и существительные мужского рода на мягкую основу: *поле́й*, *море́й, соле́й, тене́й* (как *коне́й*).

Таблица 1.

Имен. падеж Ед. числа	Род. падеж Ед. числа	Имен. падеж Мн. числа	Род. падеж Мн. числа
Нулевое окончание Мужской род ***-а(-я)*** Женский род ***-о(-е)*** Средний род	***-а(-я)*** Мужской и Средний род ***-ы(-и)*** Женский род	***-а(-я)*** Мужской и Средний род ***ы(-и)*** Мужской и Женский род	***-ов*** Мужской род ***-ей*** Мужской род, Женский род с основой на мягкую согл. и -ь, Средний род (на мягк. согл.) ***Нулевое окончание*** Женский и Средний род (на тв. согл.)

Очевидно, что только в начальной форме именительного падежа единственного числа существительные противопоставляются по роду. В остальных формах их окончания часто совпадают или варьируются.

Так, в современном русском языке присутствуют варианты окончаний форм именительного падежа множественного числа односложных существительных мужского рода. Некоторые формы употребляются как равноправные: *го́ды — года́*, или отличаются значением: *хле́бы* (печёные) — *хлеба́* (злаки). У других только одна из форм является нормативной: *кре́мы* (норм.) — *крема́* (разг.), *перста́* (норм.) — *персты́* (разг.).

Особый тип склонения в русском языке образуют существительные с основой на мягкую согласную. Большинство из них, вне зависимости от рода, в родительном падеже множественного числа имеют одно и то же окончание ***-ей***: нет кого? чего? *коне́й*[15], *море́й*, *тене́й, лыжне́й*.

[15] К ним относятся существительные мужского рода на **ж** и **ш**, которые в древнерусском языке были мягкими: *нож — ноже́й, ковш — ковше́й*. А вот существительные на согласный **ц**, который в древнерусском языке тоже был мягким, в форме родительного падежа множественного числа имеют окончание *-ов* (*-ев*): *жнец — жнецо́в, плац — пла́цев*.

Также особую группу в русском языке составляют существительные женского рода на ***-ья*** (*семь**я́**, лад**ья́**, ке́л**ья***). К ним примыкают немногочисленные существительные мужского и общего рода с окончанием ***-я***(***-ья***) (и с ***-а*** после **ж** и **ш**): дя́дя — *дя́д**ей***, судья́ — *суд**е́й***, ю́ноша — *ю́нош**ей***, ханжа́ — *ханж**е́й***.

Ударное окончание ***-ей*** имеют только те существительные, у которых в именительном падеже единственного числа ударение падает на окончание: *семь**я́** — сем**е́й**, скамь**я́** — скам**е́й**, лад**ья́** — лад**е́й**, бадь**я́** — бад**е́й**, судь**я́** — суд**е́й***. Если окончание в именительном падеже единственного числа безударное, в родительном падеже множественного числа существительные имеют безударное ***-ий***: *го̲́стья — го́ст**ий**, вру̲́нья — вру́н**ий**, ке̲́лья — ке́л**ий**, шалу̲́нья — шалу́н**ий**, прыгу̲́нья — прыгу́н**ий***.

То же самое правило работает и для существительных среднего рода на ***-ье/-ьё***. В конкретном (не собирательном) значении встречается не так много таких существительных: *ружьё, пла́тье, у́стье, верхо́вье, низо́вье*. При ударном окончании в форме именительного падежа единственного числа данные существительные имеют безударное окончание ***-ей*** в родительном падеже множественного числа: *ру́ж**ей***; в случае безударного окончания — безударное ***-ев*** с возможным вариантом ***-ий*** для некоторых из них: *пла́ть**ев**, у́сть**ев**/у́ст**ий**, верхо́вь**ев**/верхо́в**ий**, низо́вь**ев**/низо́в**ий***.

По тому же принципу склоняются собирательные существительные с гипотетическими вариантами родительного падежа множественного числа: комарьё — **комар**е́й***, вороньё — ***ворон**е́й***, офицерьё — ***офицер**е́й***, рваньё — ***ван**е́й***, бельё — ***бел**е́й***, рваньё — ***ван**е́й***, гнильё — ***гнил**е́й***. Исключением в этом ряду является существительное среднего рода *копьё*, которое, в отличие от существительного *ружьё*, в родительном падеже множественного числа имеет окончаний ***-ий***. Окончание ***-ий*** даёт возможность развести формы родительного падежа множественного числа существительного среднего рода *копьё* и существительного женского рода *копь* (‘рудник’). Ср.: *копьё — копья́ — ко́пья — **ко́пий***; *копь — ко́пи — ко́пи — **ко́пей***.

Из вариантов существительных с собирательным значением: *ли́стье/ли́стья, кло́чье/кло́чья, лохмо́тье/лохмо́тья, стру́чье/стру́чья, хло́пье/хло́пья*, в современном русском языке

остались формы множественного числа на ***-ья***. Формы единственного числа на ***-ье*** ушли в прошлое. В родительном падеже множественного числа (*ли́сть**ев**, кло́чь**ев**, лохмо́ть**ев**, стру́чь**ев**, хло́пь**ев***) они стали изменяться по типу существительных мужского и среднего рода: *бра́тья — бра́ть**ев**, кры́лья — кры́ль**ев**, коре́нья — коре́нь**ев***.

Тот факт, что в русском языке более широкое распространение получили падежные формы именительного падежа множественного числа со значением собирательности (*друзья́, сыновья́, бра́тья*), указывает на особенность ментального восприятия действительности его носителями, которые в большей степени осознают себя частью некой коллективной общности.

К вариативным в древнерусском языке относятся и чередования ***-ья/-ия, -ье/-ие*** в существительных единственного числа женского и среднего рода: госпо́дья — госпо́дия, ке́лья — ке́лиѧ, мо́лнья — мо́лния, свинья́ — сви́нїа — сви́нїѧ; проклятье́ — проклятие, у́стье — оу́стїе, сумнѣ́нье — сꙋ́мнѣ́нїе, уча́стье — оуча́стїе, сча́стье — сча́стїе, дѣ́янье — дѣѧ́нїе, отча́янье — ѿчаѧ́ние. Варианты с **ь**, как правило, использовались для выражения собирательного значения у существительных множественного числа: дружья́ (собир.), мужья́ (собир.), дя́дья (собир.), или в отношении единичных предметов в бытовой сфере.

Для слов, которые в древнерусском языке имели особый смысл или сакральное значение, вариантов на ***-ья*** не было: Би́блия́ (Библі́а, Би́блїя), стихия́, вѣтия́ (вѣті́ѧ, вітї́а), житие. Показательным в этом отношении выступают существительные *житие́* и *житьё*. В отличие от существительного *житие́*, служащего для описания жизни человека, причисленного церковью к лику святых, *житьё* употребляется в языке для обозначения существования обычного смертного (разг. *житьё-бытьё*). Варианты на ***-ие*** не встречались у отглагольных существительных из разговорной сферы. Древнерусские существительные би́тье, челоби́тье (‘поклон до земли с прикосновением лбом к земле’), *хло́панье, то́панье, што́панье* вариантов на ***-ие*** не имели.

Чередование окончаний ***-ие***/***-ье*** дошло и до нашего времени. Из вариантов *расписа́ние — расписа́нье, дунове́ние — дунове́нье, рве́ние — рве́нье, пе́ние — пе́нье* и др., которые встречаются в современной русской речи, предпочтение отдаётся более нейтральному

варианту на ***-ие***. Однако для утративших связь с глаголом существительных типа *зда́ние* (от древнерусского глагола здать) вариант на ***-ье*** встречается только в поэтической речи: *Историческое* ***зданье*** *Над рекой стоит убого;* ***Зданье*** *знатно по преданью, Стариною* ***зданье*** *строго* (И. Северянин).

Вернёмся к Таблице 1. Попарное объединение существительных мужского, среднего и женского рода по флексиям в формах именительного и родительного падежей единственного и множественного числа укрепляет грамматическую систему языка, делая её более гибкой и взаимосвязанной. При этом стоит отметить, что мужской род в русском языке наделяется особым базовым статусом, так как именно существительные мужского рода в составе падежных парадигм обладают флексиями, которые используются в формах существительных женского и среднего рода.

Исходя из минимальной формы односложных существительных мужского рода и их содержания, соотносящегося с востребованным в Древней Руси активным мужским началом, можно предположить, что именно эта группа слов оказала влияние на типы ударений в базовых формах русских имён существительных.

Хотя в современном русском языке просматривается и обратная тенденция. У целого ряда существительных мужского рода нормативные формы родительного падежа множественного числа образуются с нулевым окончанием (как формы женского и среднего рода). Это существительные, обозначающие: 1) парные предметы — *боти́нки, ва́ленки, пого́ны, чулки́*, 2) некоторые национальности (преимущественно с основой на **н** и **р**) — *англича́не, армя́не, башки́ры, буря́ты, осети́ны, ту́рки, хаза́ры, румы́ны*, 3) членов воинских объединений — *солда́ты, партиза́ны, драгу́ны, ула́ны*, 4) единицы измерения — *ампе́ры, микро́ны, ге́рцы, во́льты, ва́тты*.

Из двух вариантов: нет кого? чего? *солдатов — *солда́т,* *бурятов — *буря́т,* *ботинков — *боти́нок* и т.д., нормативными в современном русском языке являются формы с нулевым окончанием. При этом у слов-омонимов формы родительного падежа множественного числа расходятся: *рожки́* (пищевой продукт) — нет чего? *рожко́в*; *ро́жки* (уменьш. от *рога́*) — нет чего? *ро́жек*; *гла́зки* (уменьш. от *глаза́*) — нет чего? *гла́зок*, *глазки́* (у картофеля) — нет чего? *глазко́в*.

Литература
1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Изд. 7-ое. М.: КомКнига, 2006. — 344 с.
2. Голованова Е. И. Категория рода как когнитивная матрица // Челябинский гуманитарий. Филология и искусствоведение. 2013. № 3 (24). — С. 25–30.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 3-х тт. Т. 3. М., 1968. — 551 с.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА

В. И. Теркулов
terkulov@rambler.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Целью предлагаемой статьи является описание ономасиологических типов дешифровальных стимулов (далее — ДС), обнаруженных при синхронном анализе текстовых эквивалентных дешифровок сложносокращенных слов. Для дальнейшего повествования определим базовые принципысинхронного подхода к исследованию аббревиатур, принятые в Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета.

1. Объектом изучения и лексикографирования Лаборатории являются **сложносокращённые апеллятивы**, то есть «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращенным эквивалентом)» [3, с. 104], например *вещмешок*, *детдом*, *музсалон* и под. В отличие от инициальных аббревиатур типа *вуз*, *ДК*, *ДНК* и под., возникающих в результате реального сокращения до первого звука или первой буквы слов производящих словосочетаний, при образовании сложносокращенных апеллятивов используется морфематизированный компонент — абброконструкт, который выступает стереотипным средством замещения компонентов эквивалентного словосочетания: слово *авиационный* в любом словосочетании

имеет все шансы быть замещенным аббоконструктом *авиа*, а слово *механический* — аббоконструктом *мех*. В отличие от сложносокращенных онимов, конструирующихся номинаторами, апеллятивы возникают в результате «стихийной», автоматической универбализации, при которой очевидно стремление сохранить эквивалентность структур слова и словосочетания. Например, структура апеллятива *музтовары* эквивалентна структуре словосочетания *музыкальные товары*. В то же время требование эквивалентности не является обязательным при создании онимов. Например, слово *Рособрнадзор*семантически эквивалентно словосочетанию *Федеральная служба по* ***надзору*** *в сфере* ***обр****азования и науки*, которое невозможно развернутьна базе аббревиатуры. Таким образом, существует три ономасиологически различных типа аббревиатур: инициальные аббревиатуры, сложносокращенные онимы и сложносокращенные апеллятивы, каждый из которых имеет свои механизмы образования и функционирования.

2. Сложносокращенные слова обычно рассматриваются только в аспекте **диахронии** — с точки зрения способа их образования. Считается, что аббревиация — это «способ *создания* номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, *с помощью атрибутивных словосочетаний*» [1, с. 107]. Однако наш анализ показал, что бóльшая часть слов, которые трактуются носителями как аббревиатуры, образовалась не в результате универбализации (трансформации словосочетания в слово), а либо путем прямого присоединения аббоконструкта к производящему слову, либо в результате других процессов. Например, таковыми являются слова *авиабилет, автозаправщик, танцпол*. Появление у них дескриптивных эквивалентов обусловлено действием псевдоуниверБализации — покомпонентного развертывания слова в словосочетание, имеющего своей основой действие стереотипа: если в состав слова входит аббоконструкт, это слово — аббревиатура, и у него должно быть эквивалентное словосочетание. При очевидном различии диахронной истории указанных слов с точки зрения **синхронии** они воспринимаютсяносителями языка как аббревиатуры, поскольку на актуальном срезе языка в их составе есть аббоконструкт и им соответствуют активно употребляемые в текстах мотивационно связанные с ними

словосочетания. Нами рассматриваются именно **синхронные сложносокращенные апеллятивы**.

3. Анализ текстов показал, что чаще всего аббревиатура рассматриваемого типа имеет несколько синхронных эквивалентов, выступающих в качестве ее дешифровок. Например, для слова *евробензин* нами обнаружены дешифровки *бензин из Европы*, *европейский бензин*, *бензин европейского качества*, *бензин евростандарта*, *бензин европейского стандарта.* Данные дешифровки представляет разные трактовки значения аббревиатуры, формируя эквивалентностную полисемию. В этом случае мы говорим о **множественной мотивированности сложносокращенного слова**, которая обеспечена наличием у абброконструкта нескольких ДС — стереотипов дешифровки: слов или словосочетаний, которые связываются в сознании носителей языка с данным абброконструктом.

Определение ономасиологических типов ДС позволяет создать методики прогнозирования эквивалентностных отношений для создаваемого нами Толкового словаря сложносокращенных слов.

В работах А. И. Бровца обосновано существование двух ономасиологических типов ДС: презентативного и интерпретативного [2], каждый из которых выступает в ряде разновидностей.

Презентативный ДС (презентатив) — это простое прилагательное, которое может свободно взаимозаменяться в текстах как с абброконструктом, так и с другими ДС.

Обычно именно презентатив приводится в дешифровальной части словарных статей словарей сокращений. Такой презентатив мы называем **основным**. Например, основным презентативом для абброконструкта ***вет*** — являются словоформы слова *ветеринарный*, а ***борт*** — *бортовой*.

В некоторых случаях для дешифровки используются **синонимичные презентативы**. Например, для ***ветро*** — *ветровой* и *ветряной*, для ***абон*** — *абонентский* и *абонентный* и т.д. Разновидностью синонимичного презентатива является **причастный презентатив**, который появляется у абброконструктов, прямо или опосредованно связанных с глаголами. Например, ***агло*** — ***агло****мерационный* связан с глаголом *агломерировать*, поэтому он дешифруется при помощи ДС *агломерированный*: *аглогранит — агломерированный гранит*.

Часто аббоконструкту эквивалентны **симультантные ДС**, то есть презентативы-паронимы. Например, аббоконструкту ***электро*** эквивалентны *электрический* и *электронный*, ***вибро*** — *вибрационный* и *вибрирующий*, ***броне*** — *броневой* и *бронебойный* и т.д.

Интерпретативные ДС конкретизируют семантику аббревиатуры. Они выступают в двух разновидностях: релятивной и модификативной.

Релятивный ДС (релятив) — это простое существительное в какой-либо падежной форме, которое указывает на роль референта аббоконструкта в ситуации. Например, дешифровка слова *автовольтметр* как *автомобильный вольтметр* является **презентативной** (здесь даётся обобщённое определения вольтметра как прибора, как-то связанного с автомобилями). **Релятивными** являются дешифровки *вольтметр* ***автомобиля*** (посессив — «принадлежащий автомобилю»), *вольтметр* ***для автомобиля*** (дестинатив — предназначенный для автомобиля), *вольтметр* ***в автомобиль*** (локативно-дестинативный — предназначенный для установки в автомобиль) и под.

Чаще всего релятив — это трактовка презентатива и аббоконструкта через производящее существительное. Например, презентатив *автомобильный* трактуется обычно через *автомобиль*, которое в своих словоформах становится релятивом аббоконструкта ***авто***.

Часто у релятива есть абсолютные синонимы, которые могут и не быть связаны с презентативом. Например, у аббоконструкта *авто* помимо ДС *автомобиль* есть релятивы *авто* и *автомашина*.

Релятивы могут быть двух типов: **актантные** и **актантно-числовые**.

Актантные — это релятивы, употреблённые в какой-либо падежной форме и не участвующие в числовом противопоставлении, например *агитбаннер*, имеющий релятив *баннер с агитацией* (при отсутствии **баннер с агитациями*).

Актантно-числовые — это релятивы, которые выражают актантное значение во всех формах числа, например *велоаксессуары*, имеющие в качестве эквивалентов как*аксессуары для велосипедов*, так и *аксессуары для велосипеда*.

Релятивы могут быть **самостоятельными** и **припредложными**.

Например, для слова *автодеталь* отмечаются:

актантно-числовые самостоятельные ДС: *детали* ***автомобиля***, *детали* ***автомобилей***;

актантно-числовые припредложныеДС: *детали* ***в автомобиль***, *детали* ***в автомобили***.

Модификативный ДС (модификатив) — это словосочетание, простое или сложное слово, которые уточняют лексическую семантику аббревиатуры и отличаются значением от базового релятивного стимула. Например, *автозаправка — заправка для автотранспорта*, *заправка для автомобильного транспорта*. Если релятивная интерпретация *заправка для автомобилей* трактует слово как предприятие по обслуживанию автомобилей, то *заправка для автотранспорта*, *заправка для автомобильного транспорта* указывают на то, что на заправке обслуживаются не только автомобили, но и мотоциклы, тягачи и т.д.Нами отмечено несколько типов интерпретативов.

Презентативные модификативы — сложные слова или словосочетания адъективного типа (прилагательные или причастия).

Однословный презентативный модификатив — это прилагательное или причастие аббревиатурного типа (первичная аббревиатура или сложнопроизводное, образованное от аббревиатуры), содержащие в своём составе абброконструкт. Например, для абброконструкта *вибро* нами обнаружены презентативные модификативы *вѝброакусти́ческий, вѝбро́ва́куумный, вѝбромагни́тный, вѝбромасса́жный* и *виброударный*, которые использовались в качестве эквивалентов в интерпретациях входящих в данную группу слов: ***вибро****инструмент* — ***вибр****ационный инструмент*, ***вибро****ударный инструмент.*

Развёрнутый презентативный модификатив — это композит или словосочетание, которые являются эквивалентами однословного презентативного модификатива. Нами обнаружены два типа развёрнутых презентативных модификативов:

1) композитный; например, для ДС *авиатехнический* обнаруживается эквивалент *авиационно-технический*: *авиаколледж —* ***авиатехнический*** *колледж —* ***авиационно-технический*** *колледж*;

2) синтаксический, то есть сочетание слов; например, для ДС*авиатехнический* обнаруживается эквивалент *авиационный технический*: *авиаколледж —* ***авиатехнический*** *колледж —* ***авиационный технический*** *колледж*.

Релятивный модификатив — это простое или сложное существительное, которое осуществляет альтернативную интерпретацию аббревиатуры.

Простой релятивный модификатив — это простое существительное, отличающееся от того, которое предполагается презентативным ДС. Например, конструкт ***авто*** может иметь в качестве релятива не только слово *автомобиль*, которое очевидно связано с презентативным ДС *автомобильный*, но и слово *автомобилист*: *автожурнал –журнал* ***об автомобилях*** и *журнал* ***для автомобилистов***.

Сложный релятивный модификатив — это аббревиатура или композит, осуществляющие альтернативную семантическую трактовку аббоконструкта.

Обычно сложные однословные релятивные модификативы являются производящими для презентативных однословных модификативов (**эквивалентные сложные релятивные модификативы**). Например, ***авто*** имеет презентативный однословный модификатив *автодорожный* и являющийся для него производящим сложный релятивный однословный модификатив *автодорога*, который обнаружен нами в формах *автодорог*; *на автодороге; у автодороги.* Слово *автоатлас*, например, имеет как презентативный однословный модификативный эквивалент ***автодорожный*** *атлас*, так и сложный релятивный однословный модификативный эквивалент *атлас* ***автодорог***.

Часто отмечаются сложные однословные релятивные модификативы, не имеющие презентативного интерпретативного эквивалента (**безэквивалентные сложные релятивные модификативы**). Например, ДС *аллергопроба* выступает в форме *на аллергопробы* (аллергоанализ — *анализ на аллергопробы*). Но прилагательное *аллергопробный* в нашей картотеке как ДС не отмечается.

Сложные релятивные модификативы, как и собственно релятивы, могут быть:

1) актантными самостоятельными, например *боезапас — запас* ***бое****припасов*;

2) актантными припредложными, например *автоинструктор — инструктор по* ***авто****вождению*;

3)актантно-числовыми самостоятельными, например *авиасервис — сервис* ***авиа****компаний*, *сервис* ***авиа****компании;*

4)актантно-числовыми припредложными, например *арт-вода — вода из **арт**скважины*, *вода из **арт**скважин*.

Развёрнутые релятивные модификативы — это многословные эквиваленты сложного релятивного модификатива. Потенциально любой из синтаксических эквивалентов сложного релятивного модификатива может заменить его в эквиваленте аббревиатуры. Иначе говоря, если в качестве ДС используется аббревиатура *бандгруппа*, например в паре *бандлидер — лидер бандгруппы*, можно прогнозировать использование в качестве ДС и эквивалентов слова *бандгруппа* (*группа бандитов*, *бандитская группа*). Анализ текстов показал, что только одна из этих дешифровок обнаруживается для слова *бандлидер*: *лидер **банд**итской группы*.

Различаются **эквивалентный развёрнутый релятивный модификатив** и **безэквивалентный развёрнутый модификационный релятивный интерпретатив**

Эквивалентный развёрнутый релятивный модификатив употребляется в качестве ДС параллельно с эквивалентной ему аббревиатурой. Например, использование в качестве ДС сложного релятивного модификатива *аромамасло* (токены: *с аромамаслами; с аромамаслом*) сопровождается параллельным использованием его эквивалентов *с ароматизированными маслами* и *с ароматическим маслом; с ароматическими маслами*: *аромамассаж — массаж с аромамаслами*, *массаж с аромамаслом*; *массаж с ароматическим маслом*, *с ароматизированными маслами*, *массаж с ароматическими маслами*.

Имплицитный эквивалентный развёрнутый релятивный модификатив употребляется в качестве ДС без эквивалентной ему аббревиатуры; например, в текстах в качестве ДС обнаруживаются только дешифровки аббревиатуры *биоочистка — биологической очистки* и *биохимической очистки*, а сама аббревиатура в этой роли не используется: *биоблок — блок **био**логической очистки; блок **био**химической очистки* при отсутствии *блок биоочистки.*

Развёрнутые релятивные модификативы, как и собственно релятивы, могут быть:

1) актантными самостоятельными, например *архпроектирование — проектирование **арх**итектурных конструкций*;

2) актантными припредложными, например *бензопистолет — пистолет для **бенз**иновой колонки*;

3) актантно-числовыми самостоятельными, например *бардвечер — вечер* ***бард****овской песни*, *вечер* ***бард****овских песен;*

4) актантно-числовыми припредложными, например *аллергоанализ — анализ на* ***аллерг****ические реакции*, *анализ на* ***аллерг****ическую реакцию*.

Итак, нами обнаружено три ономасиологических типа ДС, выступающих в 12 разновидностях. В дальнейших работах мы предполагаем описать методики использования типологии ДС при создании словарных статей словаря сложносокращенных апеллятивов.

Литература

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Сарат. ун-т, 1979. — 328 с.
2. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова. Наука и мир в языковом пространстве. Макеевка: ДонНАСА, 2016. — С. 51–57.
3. Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур. Русистика. 2020. Т. 18. № 1. — С. 97–112.

ТОЛКОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ АББРОКОНСТРУКТОВ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ

А. И. Бровец
brovec@mail.ua
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Составляемый под редакцией В. И. Теркулова «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» (далее — Словарь), объектом описания в котором выступают сложносокращённые апеллятивы с неинициальным абброконструктом, является первым лексикографическим описанием аббревиатур, учитывающим две характерные особенности представленных единиц.

Во-первых, многие сложносокращённые слова обладают **идиоматизированным значением**, не эксплицируемым посредством приведения аббревиатурной пары. Такие единицы нуждаются в отдельном толковании лексического значения, в то время как в большинстве словарей сокращений семантизация осуществляется через парафразу, подбор эквивалента. Так, В. И. Теркулов отмечает, что

«отсутствие толкования значения, фонетических и грамматических характеристик и перечня частотных эквивалентов данных единиц делает словарное описание малоинформативным: мы можем узнать из него только то, например, что *автозапуск* — это автоматический запуск, но этого недостаточно, потому что *автозапуск* — это не любой автоматический запуск, а либо ‘устройство, позволяющее управлять силовым агрегатом транспортного средства на расстоянии’, либо ‘самостоятельная загрузка программ компьютера после запуска операционной системы’. Как видим, описание значений таких лексем необходимо как минимум для устранения иллюзии правильности толкования “от словосочетания”» [3, с. 68].

Во-вторых, сложносокращённым словам в текстах часто соответствует не одно, а несколько эквивалентных словосочетаний, формирующих гнездо эквивалентности вместо традиционно описываемой аббревиатурной пары. Так, в гнездо эквивалентности аббревиатуры *велобагажник* входят эмпирически отмечаемые в текстах словосочетания *багажник для велосипеда*, *велосипедный багажник*, *багажник на велосипед*, *багажник велосипеда*. В. И. Теркулов обосновывает существование гнезда **эквивалентностной полисемией**: «Презентация данного явления в традиционных толковых словарях, возможно, жанрово не обоснована. В специализированном же толковом словаре сложносокращенных слов приведение частотных эквивалентов СА (сложносокращённых апеллятивов — А. Б.) просто необходимо, хотя бы потому, что показывает возможные способы текстовой интерпретации значения аббревиатуры» [3, с. 68].

В создаваемом словаре обе обнаруживаемые особенности сложносокращённых слов получают описание в блоке толкования и блоке эквивалентов, способствующих семантизации сокращения. В блоке эквивалентов содержатся все соответствующие аббревиатуре словосочетания, разница между которыми определяется дешифровальными стимулами — словами или словосочетаниями, выступающими в качестве расшифровки сокращённого компонента (аббро-конструкта) сложносокращённого слова. Так, с аббревиатурой *армкомитет* в эквивалентных отношениях находятся словосочетания *армейский комитет* и *комитет армии*, формирующие гнездо эквивалентности и включающие дешифровальные стимулы *армейский* и

армии. Среди дешифровальных стимулов ранее нами были выделены презентативные, представленные адъективными формами (*альпбаза — альпинистская база*), интерпретативные релятивы, представленные субстантивными предложно-падежными формами (*бардгруппа — группа бардов*), и интерпретативные модификативы, включающие дополнительное слово, отсутствующее в структуре аббревиатуры (*веломагазин — магазин велодеталей*) [1, с. 493].

Дешифровальный стимул, с одной стороны, является формой представления абброконструкта в словосочетании, а с другой стороны, служит источником при толковании аббревиатуры — более непосредственным, чем само словосочетание, поскольку именно дешифровальные стимулы определяют функционально-семантическую разницу между всеми единицами гнезда эквивалентности. В этом смысле значимым представляется семантическое описание дешифровальных стимулов, определение их «локальных» значений, которые обусловлены соседством с базисным компонентом аббревиатуры. Последний принципиально важен в семантическом отношении, поскольку, например, в случае омонимичных дешифровальных стимулов является источником и средством разграничения значений. Так, дешифровальный стимул *с велосипедом* в словосочетании *авария с велосипедом* (*велоавария*) реализует агентивно-комитативную семантику, значение актанта, участника ситуации, тогда как тот же дешифровальный стимул в словосочетании *альпинизм с велосипедом* (*велоальпинизм*) демонстрирует медиативную семантику, значение средства.

Словарные статьи располагаются по аббревиатурным группам, под которыми понимается «совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [2, с. 114]. Так, аббревиатуры *велоарена*, *велобайк*, *велозамок* входят в аббревиатурную группу *вело*. Семантическое описание дешифровальных стимулов представляется наиболее логичным в пределах конкретных аббревиатурных групп, включающих уникальные наборы базисных компонентов, семантически специализирующих дешифровальные стимулы. Экспликация значений всех отмечаемых для конкретной группы дешифровальных стимулов также имеет целью толкование, но не конкретных аббревиатур, а самих абброконструктов.

При описании семантики дешифровальных стимулов конкретных аббревиатурных групп в качестве организующих могут приниматься как сами значения, реализуемые в различных дешифровальных стимулах, так и перечень форм, для каждой из которых определяется значение. Одна форма может соотноситься с несколькими значениями, что объясняется омонимией дешифровальных стимулов. А также различные формы часто соотносятся с одним значением. Так, в эквивалентных аббревиатуре *велоаллея* словосочетаниях *аллея* ***для велосипедов***, *аллея* ***для велосипедистов***, *аллея* ***велосипедов*** выделенные дешифровальные стимулы реализуют дестинативное значение, семантику цели, предназначения.

Для аббревиатурной группы *вело* нами отмечаются следующие значения, реализуемые дешифровальными стимулами:

1) **значение средства** (**медаитив**): *авария на велосипеде*, *альпинизм с велосипедом*, *трюк на велосипеде*, *тренировка на велосипеде*, *травма на велосипеде*, *полиция на велосипедах*.

2) **значение агента, соучастника** (**комитатив**): *авария с велосипедом*, *авария велосипедов*, *авария велосипеда*, *тренировка велосипедистов*, *состязание велосипедистов*.

3) **значение цели**, **предназначения** (**дестинатив**): *академия велоспорта*, *академия велосипедистов*, *звонок для велосипеда*, *экипировка велосипедиста*, *школа велосипедистов*, *центр велоспорта*, *сезон велоспорта*, *педаль велосипеда*, *завод по производству велосипедов*, *завод велосипедов*, *завод по изготовлению велосипедов*, *фирма по производству велосипедов*, *мастерская по ремонту велосипедов*.

4) **значение места и предназначения** (**локатив**, **дестинатив**): *аксессуары на велосипед*, *звонок на велосипед*, *фестиваль велосипедистов, компьютер на велосипед*.

5) **значение принадлежности** (**посессив**): *аксессуары велосипеда*, *звонок велосипеда*, *экипировка велосипедиста*, *трюк велосипедиста*, *спица велосипедного колеса*, *секция велоспорта*, *прокат велосипедов*, *производитель велосипедов, педаль велосипеда, механизм велосипеда.*

6) **значение распределения** (**дистрибутив**): *базар велосипедов*, *велосипедная барахолка*, *фирма по продаже велосипедов*, *торговля велотоварами*, *рынок велоаксессуаров*, *продажа велозапчастей*, *магазин запчастей для велосипеда*.

7) **значение причины** (**каузатив**): *травма на велосипеде*, *соревнования в велоспорте*.

8) **значение объекта описания** (**делиберативе**): *новости велоспорта*.

9) **значение объекта действия** (**аллатив**): *мойка велосипеда*.

Значение презентативных дешифровальных стимулов практически не масштабируется, они содержат обобщённую, квалификативную семантику, что делает их немаркированными членами привативной оппозиции по отношению к интерпретативным релятивам и интерпретативным модификативам.

Литература

1. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания / А. И. Бровец // Русистика. Т. 17. № 4. 2019. — С. 487–501.
2. Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. — Серия Д. Филология и психология. № 1. Донецк, 2020. — С. 114–122.
3. Теркулов В. И. Основные принципы отбора и презентации материала для «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» / В. И. Теркулов // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. №2 (1). СПб, 2020. — С. 63–75.
4. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова и др./ Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». — Донецк, 2020.

ПОНЯТИЕ О ГНЕЗДЕ ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА

К. Ю. Емельянова

ksyu_emelyanova@mail.ua

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Данная статья посвящена гнезду псевдоэквивалентности — относительно новому понятию в теории аббревиации, которое было обнаружено и впервые описано не так давно [2]. Однако работа, в которой появился термин «гнездо псевдоэквивалентности», затрагивает лишь основные теоретические установки, позволяющие

говорить о необходимости выделения этой категории. Цель предлагаемой статьи — определение границ гнезда псевдоэквивалентности. Для достижения поставленной цели нужно соотнести понятия «эквивалентность» / «псевдоэквивалентность» и «гнездо эквивалентности» / «гнездо псевдоэквивалентности».

Исследование выполнено в рамках работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета. Основная задача Лаборатории — составление Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка (далее — Словарь) [6].

Работа над Словарём предполагает нахождение и включение в словарные статьи всех словосочетаний, которые являются действительными эквивалентами аббревиатур. Анализ мотивационных отношений между аббревиатурой и её текстовыми эквивалентами положен в основу **синхронного подхода**, который впервые описал руководитель Лаборатории — В. И. Теркулов. Учёный выделяет и другой подход — **диахронный**, целью которого является определение отношений производности между сложносокращённым словом и эквивалентным ему словосочетанием. Результатом этого анализа стало разграничение **собственно аббревиатур** и **квазиаббревиатур**. Собственно аббревиатуры — это сложносокращённые слова, которые появились в результате **универбализации** («процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [3, с. 21]). Квазиаббревиатуры — это сложносокращённые слова, которые стали результатом **квазиунивербализации** («образование единиц, имитирующих структуру универбатов» [3, с. 18]). Иными словами, при универбализации первичной единицей является словосочетание, а при квазиунивербализации — слово, которое вследствие присоединения абброконструкта трансформировалось в аббревиатуру и у которого в результате процесса **псевдоунивербализации** («развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [3, с. 20]) появились вторичные текстовые эквиваленты (например, *авто- + мойка → автомойка → автомобильная мойка*). Но псевдоунивербализация «возможна не только на базе квазиаббревиатур, но и на базе аббревиатур: во всех случаях она может формировать

упомянутую выше множественность эквивалентов сложносокращённого слова» [5, с. 79]. Например, у сложносокращённого слова *автотормоз*, которое появилось в результате трансформации словосочетания *автомобильный тормоз,* существуют такие вторичные эквиваленты, как *тормоз авто* и *тормоз автомобиля*.

Таким образом, как аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры имеют на актуальном срезе языка текстовые эквиваленты. «Разрыв в данном случае между результатами применения диахронного (наличие словосочетания-источника) и синхронного (дублетность слова и словосочетания) требований и побуждает нас говорить о двух типах аббревиатур» [4, с. 142].

Первый тип — **диахронные аббревиатуры**, то есть слова, реально возникшие на базе словосочетаний и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам, которые появились в результате присоединения абброконструкта к слову. Второй тип — **синхронные аббревиатуры**, то есть слова, которые имеют на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты. В их число входят как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, у которых в результате псевдоунивербализации появляются эквивалентные словосочетания.

Именно на синхронном срезе языка стираются различия между диахронными и синхронными сложносокращёнными словами. Так как в основе составляемого Словаря лежит синхронный анализ, то в нём представлены как собственно аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, у которых вследствие действия процесса псевдоунивербализации появляются вторичные эквиваленты.

Чаще всего у сложносокращённого слова обнаруживается не один текстовый эквивалент, а несколько. Так, для аббревиатуры *авиаальянс* был найден только один эквивалент — *авиационный альянс*, а у аббревиатуры *авиадетали* насчитывается 14 эквивалентов: *детали для авиации*, *авиационные детали*, *детали для авиационных двигателей*, *детали для авиационной техники*, *детали для авиадвигателей*, *детали для авиатехники*, *детали для гражданской авиации*, *детали для авиамоделей*, *детали авиационного двигателя*, *детали авиатехники*, *детали авиационных конструкций*, *детали для авиапромышленности*, *детали для авиамоделирования*, *детали авиалайнеров*.

Существование не одного эквивалента, а множества позволяет говорить о **гнезде эквивалентности** (далее — ГЭ), которое определяется как «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [3, с. 17].

Понятие «гнездо эквивалентности» соотносится с понятием «гнездо псевдоэквивалентности», которое является периферийным явлением в теории аббревиации, однако это не исключает его значимости.

Прежде чем дать толкование термину «гнездо псевдоэквивалентности», необходимо описать явление **псевдоэквивалентности**.

При анализе аббревиатурных групп («группа гнёзд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный аббраконструкт» [3, с. 15]; аббраконструкт — сокращённый элемент аббревиатуры) было обнаружено, что некоторые словосочетания, формально эквивалентные сложносокращённому слову, имеют иное значение. В связи с этим возникла необходимость говорить о псевдоэквивалентности, определяемой как «"фиктивное" тождество аббревиатурных слов соответствующим эквивалентам, основывающееся на номинатемном несоответствии глосс» [1, с. 18]. Псевдоэквиваленты определяются как «фиктивные» дублеты. Например, с помощью дешифровальных стимулов (стереотипы расшифровки аббраконструкта) композитного конструкта *бело-* для сложного слова *белокитаец* был найден предполагаемый эквивалент *белый китаец*. Однако при анализе эквивалентных текстов («Текст, в котором подтверждается эквивалентность аббревиатурного слова деривационно или лексически связанным с ним единицам» [3, с. 22]) обнаружилось, что слово *белокитец* и словосочетание *белый китаец* относятся к разным лексико-грамматическим разрядам. *«Белый китаец»* — это оним (обозначение наркотического средства), в то время как *белокитец* — апеллятив (китаец, воевавший в Белой армии): «*На Южном Урале резко растёт число жертв от передозировки новым для региона наркотиком, получившим название* ***"Белый китаец"*** *(карфентанил)*» (https://ura.news/articles/1036271559); «*Тогда к Тазову подкрался* ***белокитаец*** *и бросил гранату. Так погиб красный командир И. Г. Тазов, до конца выполнив свой долг перед Родиной*» (Федюнинский И. И. «На Востоке»)

Таким образом, в паре *белокитаец — «Белый китаец»* отмечается явление псевдоэквивалентности. Для сложного слова *белокитец* был найден только один псевдоэквивалент, однако иногда обнаруживаются случаи, когда одной аббревиатуре соответствует несколько псевдоэквивалентов, что позволяет говорить о формировании **гнезда псевдоэквивалентности** (далее — ГПЭ) — «совокупность единиц, которые формально тождественны возможным эквивалентам сложносокращённого слова и которые формируют небинарную псевдоэквивалентность с абброаффиксоидной квазиаббревиатурой» [1, с. 9]. Например, у сложносокращённого слова *бакфермент* (закваска для теста) отмечается два псевдоэквивалента — *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент*, которые определяются как добавки к молоку или сыру: «*Некоторое время назад я уже пекла на бакферменте Столичный хлеб.* ***Бакфермент*** *из холодильника использовала в качестве закваски*» (https://lena535.livejournal.com/4692.html); «*Сразу три точки на карте 🗺 14-15 декабря 🛒Экспофорум 🛒Севкабель 🛒Ленполиграфмаш Где вы можете попробовать наши монастырские сыры, сделанные из цельного коровьего молока, заквасок и* ***бактериологического фермента*** *(а значит, что наш сыр могут есть вегетарианцы, так как мы не используем животный сычуг)*» (https://vk.com/wall-166640107_293); «*Уже через пару часов* ***бактерицидный фермент*** *разрушается, и молоко превращается в идеальную питательную среду для размножения бактерий*» (https://life.nv.ua/food-drink/molochnoe-dose-kak-vybrat-kachestvennoe-moloko-1679974.html).

ГЭ и ГПЭ имеют как сходства, так и различия. В. И. Теркуловым были определены требования для вхождения словосочетаний и слов в гнездо эквивалентности аббревиатуры [4]. Для соотношения понятий «гнездо эквивалентности» и «гнездо псевдоэквивалентности» необходимо рассмотреть эти требования в рамках сравнения данных аббревиатурных единиц.

Первое требование: «такие словосочетания и слова должны включать в свой состав компоненты, могущие трактоваться как формальные эквиваленты компонентов аббревиатуры» [4, с. 143]. Данное требование актуально как для ГЭ, так и для ГПЭ.

Как уже было сказано, псевдоэквиваленты формально совпадают с реальными текстовыми дублетами аббревиатур. Например,

в ГЭ слова *гидродавление* входят такие текстовые эквиваленты, как *гидравлическое давление* и *гидростатическое давление*, а ГПЭ слова *еврощит* («это деревянная плита, которая состоит из склеенных по специальной технологии реек, брусков или ламелей древесины определённой породы дерева» (http://www.ekomodern.com.ua/mebelnuj-shchut.html)) формируют псевдоэквиваленты *европейский щит* («название типа щитов, применявшихся западноевропейскими рыцарями с XIII по XVI век, по другим данным с XIV по XV» (https://kartaslov.ru/карта-знаний/Тарч+%28европейский+щит%29)) и *щит Европы* (1. *Щит* (прямое значение) — «защитное вооружение»; 2. *Щит* (переносное значение) — «человек, которого считают защитником территорий, или страна, которая защищает определённые территории»).

Второе требование: «компоненты ГЭ должны употребляться как абсолютные синонимы в эквивалентных текстах, то есть в текстах, в которых подтверждается эквивалентность аббревиатурного слова мотивационно связанным с ним единицам» [4, с. 144]. Данное требование относится только к словам и словосочетаниям, формирующим ГЭ. Для компонентов ГПЭ обнаруживаются только неэквивалентные тексты, которые и являются доказательством того, что сложное слово и формальный дублет (словосочетание) — разные единицы (см. примеры текстов выше).

Третье требование: «компоненты ГЭ должны употребляться в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы» [4, с. 144]. Однако не всегда все элементы ГЭ имеют вне текста абсолютно совпадающее значение. Это обусловлено действием дешифровальных стимулов. Например, в ГЭ сложносокращённого слова *авиаагент* входят такие эквиваленты, как *агент по продаже авиабилетов*, *агент по бронированию и продаже авиабилетов*, *агент авиакомпании*, *агент по авиаперевозкам*, *агент по организации обслуживания авиаперевозок*, *авиационный агент*, *агент авиаперевозок*. Только одно словосочетание формально и семантически воспроизводит аббревиатуру — *авиационный агент*. Такие дешифровальные стимулы в теории Лаборатории называют презентативными. Остальные синтаксические эквиваленты распространяют структуру аббревиатуры и «специализируют» ее значение (ср. *агент по авиаперевозкам*, *агент по продаже авиабилетов* и т. д.). Такие дублеты

относят к интерпретативным дешифровальным стимулам. Естественно, что третье требование не может быть применено к компонентам ГПЭ, т.к. само определение данной аббревиатурной единицы деактуализирует его.

Таким образом, в результате исследования можно сделать следующие выводы: 1) ГЭ и ГПЭ — единицы, которые можно обнаружить только при синхронном анализе; 2) ГЭ и ГПЭ формируют структурно связанные с аббревиатурой словосочетания; 3) ГЭ составляют слова и словосочетания, которые являются синонимами и могут функционировать в одном и том же тексте как дублеты, а в ГПЭ входят слова и словосочетания, которые имеют разную семантику и поэтому, следовательно, не могут взаимозаменяться в текстах.

Литература

1. Емельянова К. Ю. Абброаффиксоиды в русском языке // Конкурсная работа. 2018. — 32 с.
2. Емельянова К. Ю. Типологические черты абброаффиксоидов как сокращённых конструктов аббревиатур // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. — С. 207–213.
3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016. №3. — С. 13–25.
4. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 140–147.
5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология : Научный журнал. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Издательский Дом). 2017. № 6. — С. 73–97.
6. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др.; Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». — Донецк, 2020.

СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ МОРФЕМИКУ

И. А. Меркулова
igel1@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж)

Современные исследователи рассматривают морфемику как часть словообразования. “Предметом изучения в морфемике является весь состав морфем, имеющихся в том или ином языке и реализующих в нем разные значения. В настоящее время морфемика представляет собой особую лингвистическую дисциплину, изучающую морфемную структуру слова и инвентарь морфем в разных языках” [10, с. 6].

Начало учению о морфеме в русском языкознании, как известно, было положено И. А. Бодуэном де Куртенэ, который ввел и сам термин “морфема” [2]. От Бодуэна современная лингвистика унаследовала и идею системного подхода к языковым явлениям.

С тех пор сложилась обширная литература вопроса и накопились противоречия теории морфем и расхождения в интерпретации некоторых морфемных явлений.

Рассмотрим некоторые из них.

Морфемный анализ представляет собой разбиение словоформы на элементарные далее не делимые значимые части. При этом признак минимальности, как один из основных для морфемы, не всегда выдерживается последовательно, поэтому первая проблема, возникающая перед исследователем, существование в русском языке морфемных блоков. По определению А.И. Кузнецовой, “морфемные блоки представляют собой такую устойчивую последовательность суффиксов, которая, с одной стороны, легко распадается в сознании говорящих на отдельные суффиксы, с другой стороны, функционирует как единое целое, как расширенный формант, с помощью которого образуются новые слова” [8]. Таким образом, морфемные блоки можно рассматривать с двух сторон: с точки зрения структуры и с точки зрения функционирования. Первая сторона является основной при проведении морфемного анализа. Общее количество морфемных блоков в “Словаре морфем русского языка” А. И. Кузнецовой, Т. Ф. Ефремовой, по нашим

подсчетам, — 218 (собственно-русские, заимствованные, сочетания части заимствованной основы и русского суффикса, остатки древних корней).

Естественно, что морфемное членение слов в некоторых случаях приводит к выявлению в составе слов таких отрезков, которым трудно приписать статус морфемы. В связи с этим возникает вторая проблема — проблема всевозможных унификсов, квазиморфов и т. п. Подобного рода элементы анализировались в статье А. С. Герда с оригинальным названием “Неморфемная морфемика” [3] и даже попали в “Словарь уникальных морфем современного русского языка” [11]. Проведенный нами анализ слов, содержащих единичные морфемы (*попадья, почтамт, аптекарша, курносый, бахвалиться*), позволяет сделать вывод о том, что унификсы в большинстве случаев представляют собой либо заимствованные морфемы, либо морфемные блоки, либо элементы предшествующего состояния языковой системы, следовательно, выделять их нецелесообразно [9].

Если разделить корневые и аффиксальные морфемы по происхождению на русские и иноязычные, то получится 4 комбинации корня с аффиксом, неравноценные в своем отношении к русскому словообразованию: 1) русский корень + русский аффикс (*нож-ик, бел-ок, пере-би-ть*); 2) русский корень + иноязычный аффикс (*сен-аж, звон-арь*); 3) иноязычный корень + русский аффикс (*тетрад-к-а, помидор-чик*); 4) иноязычный корень + иноязычный аффикс (*театрал, неолит, журналист, революционер, драматург* и др.).

В современном русском языке сосуществуют две разнородные принципиально нетождественнные по набору элементов и правилам их комбинаторики морфемные системы: «своя» — исконная, общенародная, славянская, унаследованная от предыдущих эпох и «чужая» — интернациональная, составленная из иноязычных морфем, которые и ведут себя соответственно своим системам.

Подходить к столь разнородному материалу с одинаковых позиций — значит нарушать один из принципов системности — принцип генетической однородности.

Различение этих систем не только не исключает, но напротив — делает возможным исследования их взаимодействия и взаимопроникновения.

Второй важный системный принцип — принцип хронологической однородности, согласно которому нельзя приписывать одной системе свойства другой системы. Синхрония — это самотождественноесостояние системы. Элементы системы не могут изменяться сами по себе, они могут изменяться только с изменением системы. Диахрония состоит в последовательной смене качественно различных систем, объединенных отношениями преемственности. Следовательно, резко противопоставлены они быть не могут.

Мы можем анализировать слова любого хронологического среза, но деривационная история унаследованных слов останется неизменной — такой, какой она была на момент образования этих слов.

Сравнивая слова *учитель* и *учительница* некоторые исследователи (А. Н. Тихонов, З. А. Потиха) считают, что второе образовано от первого прибавлением суффикса *-ниц*, на том основании, что в современной речи не употребляется слово *учительный*, хотя оно и зафиксировано в 17-ти томном “Словаре современного русского литературного языка”.

Подобные рассуждения, на наш взгляд, нарушают принцип системной однородности языковых явлений, о котором мы говорили выше и согласно которому нельзя приписывать одной системе свойства другой. Тот факт, что большинство слов русского языка образованы не сегодня и даже не вчера, а в глубокой древности, как будто бы не вызывает никаких сомнений. Но то, что возникли они в другой системе, не всегда учитывается. Следовательно, нельзя слово, образованное, например, в индоевропейском праязыке, анализировать по тем же критериям, что и неологизм.

По нашему мнению, неточность и непоследовательность при установлении морфемной структуры слова в значительной степени объясняется членением слова на морфемы в его орфографической записи. Именно об этом в свое время так писал И.А.Бодуэн де Куртенэ: “Конечно, все подобного рода попытки изображать на письме разделение и сцепление живых морфологических частей произносительно-слухового слова являются более или менее топорными и далеко не удовлетворительными. Известные простейшие, дальше не разложимые произносительно-слуховые элементы … морфем частью морфологизированы, частью семасиологизированы. А определить все это можно только тогда, ко-

гда, не стесняясь вовсе написанием, все равно обычным ли написанием данной письменности или хотя бы даже тем или другим транскрипционным “научным” написанием, мы или опишем аналитически все морфонологические и семасиологические ассоциации, свойственные отдельным произносительно-слуховым элементам разбираемых морфем, или же придумаем особый, строго аналитический способ письменной передачи всех произносительно-слуховых элементов” [2, с. 231]. Некоторые современные исследователи также предлагают “использовать в синхронных морфемариях помимо орфографической записи алломорфов еще и условное, схематическое представление морфемной структуры слова, при этом условные единицы синхронического описания будут воссоздавать реальные единицы прошлого” [4].

Решением этой проблемы является предложенная А. А. Кретовым этимологическая транскрипция, которая нашла практическое применение в “Морфемно-морфонологическом словаре языка А. С. Пушкина” [7].

Морфемный анализ является первым и необходимым этапом словообразовательного анализа.

Е. А. Земская пишет: “Задача синхронного словообразовательного анализа… — установить, является ли анализируемая основа непроизводной или производной; в последнем случае следует выяснить, какая основа является производящей по отношению к изучаемой и с помощью какого словообразовательного средства и каким способом она произведена.

Чтобы найти основу, которая послужила производящей для анализируемого слова, надо соотнести анализируемое слово с двумя рядами слов: 1) включающих ту же основу (или тот же корень), 2) включающих те же аффиксы (или тот же аффикс). Слово, непосредственно мотивирующее данное и по смыслу, и по форме, и будет производящим” [5, с. 11–12].

Из изложенного следует, что еще до начала словообразовательного анализа мы должны знать, где у анализируемого слова основа, какой у нее корень, есть ли у нее аффиксы и какие. Как мы можем это узнать? Только с помощью морфемного анализа.

Это в свою очередь означает, что, во-первых, словообразовательный анализ до и вне морфемного анализа невозможен, и, во-

вторых, что морфемный анализ — это начальная, но обязательная стадия словообразовательного анализа.

В учебниках неоднократно отмечалось, что при морфемном членении важно учитывать исторические чередования, но на практике исторические причины тех или иных чередований, как правило, не принимаются в расчет.

Можно сформулировать следующие принципы морфемного анализа: а) морфемный анализ осуществляется на фоне общенационального языка, включая все его территориальные и социальные разновидности; б) морфемный анализ каждого слова осуществляется на фоне всей системы языка, и не ограничивается только однокоренными словами; в) морфемный анализ стремится к вычленению максимально дробных значимых частей слова; г) морфемный анализ контролируется принципом этимологической коррекции: его результаты не должны противоречить данным диалектов, истории языка, этимологии; д) при морфемном членении могут восстанавливаться формы, не встречающиеся в современной речевой практике, если они и их семантика не противоречат системе языка; е) ведущим приемом в выделении морфем является членение по аналогии; ж) при морфемном членении учитываются чередования звуков, отражающие фонетические процессы.

Описание словообразовательной системы осуществляется в собственных категориях словообразования: *суффиксация* и *префиксация*. Предшествующее (праиндоевропейское) словообразовательное состояние характеризуется нулевой аффиксацией отглагольных существительных: в тот период в суффиксации не было необходимости, так как частеречная принадлежность основы маркировалась чередованием гласного в корне: Е — у глаголов, О — у существительных (*везу — воз, теку — ток, поднесу — поднос и т. д.*). К текущему состоянию словообразовательной системы относится только суффиксация и префиксация. Все остальные способы словообразования следует отнести к функциональному синтаксису (изменение синтаксических функций готовых слов), морфологии (лексикализация тех или иных грамматических форм), фразеологии и лексикологии (сращение словосочетаний в единую функциональную лексико-семантическую единицу). Все безаф-

фиксные способы, а также образование аббревиатур и интернационализмов следует рассматривать в особом разделе — *основообразовании* или *корнеобразовании*.

Мы попытались проанализировать некоторые “нестыковки” традиционного взгляда, отраженного в большинстве вузовских учебников по словообразованию и морфологии, и нетрадиционного подхода, представленного в работах А. И. Кузнецовой [8], С. И. Богданова [1], А. А. Кретова [6] и некоторых других исследователей.

Подводим некоторые итоги. Системный взгляд на русскую морфемику означает:

- описание морфемики и дериватологии в их собственных категориях;
- различение самостоятельных морфемных подсистем: исконной, интернациональной, онимической, праиндоевропейской;
- соблюдение генетической и хронологической однородности анализируемых единиц и явлений;
- использование морфемного анализа как первого этапа анализа словообразовательного.

Литература

1. Богданов С. И. Форма слова и морфологическая форма. СПб.: Изд-во С-Пб. ун-та, 1997. — 248 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Общее языкознание. Избранные труды / И. А. Бодуэн де Куртенэ. Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 329 с. — (Антология мысли).
3. Герд А. С. Неморфемная морфемика // Славистический сборник. СПБ., 1998. — С. 45-48.
4. Зализняк А. А. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: "Языки славянской культуры", 2002. — 752 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование.М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
6. Кретов А. А.Методические указания по курсу “Проблемы теории деривации” для слушателей ФПК.Воронеж, 1995. — 32 с.
7. Кретов А. А. Матыцина Л.Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А. С. Пушкина: Ок. 23000 слов. Воронеж: Центр.-Чернозем. книжное изд-во, 1999. — 208 с.
8. Кузнецова А. И.Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем // Словарь морфем русского языка.М.: Русский язык, 1986. — С. 3–19.

9. Меркулова И. А. Сколько же можно членить попадью? // Седи нехоженных путей. Сб. научных статей к юбилею А. А. Кретова.Воронеж, 2012. — С. 163–172.
10. Николина Н. А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика: учеб. пособие М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 144 с.
11. Рацибурская Л. В. Словарь уникальных морфем современного русского языка / Л. В. Рацибурская.М.: Флинта: Наука, 2009. — 160 с.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ *КАКОЙ* + АДЪЕКТИВНО-СУБСТАНТИВНОЕ СОЧЕТАНИЕ)

С. Л. Михеева
mikhsveta@rambler.ru
Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары)

Богатство и разнообразие синтаксических конструкций, предназначенных для передачи в речи неисчислимого количества экспрессивных оттенков, является одной из визитных карточек русского языка. Среди них представлены междометные фразы, высказывания-частицы, высказывания фразеологизированного, идиоматического характера и т. п. — эти единицы часто имеют уникальный характер, собственную историю возникновения и бытования в живой речи [4; 5]. Грамматика их не всегда поддается строгому ранжированию и систематизации. На фоне такого разнообразия отчетливо проявляются синтаксические конструкции с регулярным предсказуемым набором компонентов и достаточно строгим порядком слов — подобные структурно-семантические единства рассматриваются в разряде односоставных номинативных качественно-бытийных предложений [2, с. 175, 176]. Это, к примеру, восклицательные по эмоциональной окрашенности обороты типа «*что за* + существительное с оценочным значением + *этот (эта, это, эти)* + существительное» (*Что за прелесть эти сказки!*) и его редуцированный вариант «*что за* + существительное с оценочным значением» (*Что за чушь! Что за бедствие такое! Что за странность!*).

Объектом рассмотрения в настоящей статье является конструкция «*какой* + адъективно-субстантивное сочетание в И. п.»: *Какой теплый день! Какой матерый человечище!* (В. И. Ленин о Л. Н. Толстом); *Какое яркое солнце!* и т. п. Данная модель с инициальным местоименным словом, распространенная и продуктивная в русском языке, может быть представлена несколькими вариантами. Прототипическим следует считать полное высказывание, рассматриваемое в данном случае. Производные от него: «*какой* + существительное в И. п. (часто с оценочным компонентом семантики» (*Какой день! Какая мощь!*); сочетания с инверсивным порядком «*какой* + существительное в И. п. + прилагательное» (*Какое небо голубое! Какой пирог вкусный!*); модель «*какой* + прилагательное в И. п.» (*Какой добрый! Какой хороший!* — контекстуально или ситуативно неполные высказывания). Целью в данном случае является рассмотрение некоторых аспектов функционирования вариантов, содержащих в своем составе имена прилагательные.

Включение экспрессивно-оценочных предложений в художественный текст придают ему черты разговорности, поскольку сферой бытования этих синтаксических образований является именно живая разговорная речь. Это свойство подобных предложений рассматривается в работах Г. А. Золотовой [3], Г. Н. Акимовой [1], Н. Ю. Шведовой [6] и др. Характеризуя особенности семантики и функциональную нагрузку экспрессивных высказываний, Г. Н. Акимова отмечает, что такие «конструкции становятся синтаксическим элементом художественной речи, который имеет целью не столько имитировать устную речь, сколько воздействовать на читателя» [1, с. 100].

Экспрессивные высказывания функционируют в качестве коммуникативных единиц особого рода. Если иметь в виду, что предложение — это основная единица сообщения информации, то очевидно, что эти синтаксические конструкции предназначены для сообщения специфической информации. Они не столько информируют об объективной ситуации, сколько о субъективном отношении говорящего к ней, которое складывается у него под влиянием множества факторов. Одним из ведущих среди них следует признать нормативный комплекс, существующий в сознании любого человека, — иначе говоря, систему ценностей и ценностных установок, которой он — говорящий — руководствуется в своей повседневной жизни. Фразы типа *Какой теплый день!* — это, во-

первых, констатация названного факта; во-вторых, выделение данного объекта в ряду подобных на основе обозначенного признака-качества; в-третьих, выражение положительного или отрицательного оценочного отношения говорящего к названному факту — передается интонационно; в-четвертых, это призыв к слушателю / собеседнику разделить переживание говорящим эмоционального состояния — если можно так сказать, это приглашение к сочувствию, к сопереживанию.

Примечателен в этом смысле такой эпизод из рассказа А. Грина «Слепой Дей Каннет». Некто Юс, один из персонажей, насмехаясь над слепотой Дея, «приглашает» его полюбоваться прекрасной погодой, великолепным видом на горы. Фраза *Какая кошечка хорошенькая пробежала!* сказана Юсом с намерением подчеркнуть невозможность для Дея испытать даже в малой мере — от созерцания животного — того наслаждения, которое доступно ему — Юсу.

Сравним следующий фрагмент из другого рассказа — «Акварель»: *Перед картиной стояло несколько человек. <…> Дама сказала: — Самая прекрасная вещь сезона.* ***Как хорош свет! Посмотрите*** *на плющ!* (А. Грин. Акварель). Здесь эксплицируется собственно приглашение обратить внимание на какие-то детали живописного полотна. Появление в подобном контексте такого высказывания-приглашения ожидаемо и закономерно. В другом фрагменте наблюдаем похожую ситуацию: *Нок вышел из кустов с длинным прутом в руках. Гелли, переполненная восхищением, громко сказала: —* ***Какое дивное утро!*** (А. Грин. Сто верст по реке). Героиня *громко сказала* именно для привлечения внимания своего спутника, чтобы передать свое настроение, вызванное созерцанием восхода солнца.

Рассмотрим далее несколько иллюстраций — фрагментов из Национального корпуса русского языка:

1) *И Кларе открылся его затылок: как у мальчика слабый затылок, но обработанный терпеливым умелым парикмахером. —* ***Какое чистое кладбище!*** *— удивлялась Клара. — Скотом не загажено, мазута не налито. — Да, — с наслаждением выдохнул Иннокентий. — Вот бы где похорониться! Ведь потом не удастся, пропустишь.* [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990];

2) — *А вторая часть, правда, тяжеловата. Но зато* ***какая глубокая идея!*** *Ты же знаешь уговор Фауста с Мефистофелем: только тогда получит Мефистофель душу Фауста, когда Фауст воскликнет: "Остановись, мгновенье, ты прекрасно! "Но всё, что ни раскладывает Мефистофель перед Фаустом — возвращение молодости, любовь Маргариты, лёгкая победа над соперником, бескрайнее богатство, всеведение тайн бытия — ничто не вырывает из груди Фауста заветного восклицания. Прошли долгие годы, Мефистофель уже сам измучился бродить за этим ненасытным существом, он видит, что сделать человека счастливым нельзя, и хочет отстать от этой бесплодной затеи.* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990];

3) *Брюки на ней были смяты под коленками, но и в этих мятых брюках было что-то изящное. Главное, как-то просто стояла она на земле — просто и твёрдо. «****Какая самодовлеющая женщина****», — подумал Скворцов* [И. Грекова. На испытаниях (1967)];

4) *Надя не знала, что Державин жил когда-то в Казани, что жили в ней Аксаков, Толстой, Ленин, Зинин, Лобачевский, что Максим Горький работал когда-то в казанской булочной. —* ***Какое старческое безразличие,*** *— говорила Александра Владимировна, и странно было слышать этот упрёк старухи, обращённый к девочке-подростку. Людмила видела, что мать продолжала интересоваться людьми, новой работой. Одновременно с восхищением перед душевной силой матери в ней жило совсем другое чувство, — как можно было в горе интересоваться гидрогенизацией жиров, казанскими улицами и музеями* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

В примере 1 — 4 представлены случаи включения номинативных оценочно-бытийных предложений в контексты, так или иначе описывающих речевое поведение персонажей: 1 — диалог, 2 — развернутая реплика-рассуждение одного из участников диалога, 3 — внутренняя речь, 4 — фраза, представленная как типичное для данного персонажа высказывание, характеризующее его отношение к определенного типа ситуации. В линейной текстовой последовательности эти предложения выполняют роль связующего звена между информативными блоками. С одной стороны, экспрессивно-оценочное высказывание — это некий вывод наблюдателя о ситуации, явлении, событии (примеры 1, 3), часто перцептивно

воспринимаемых. С другой — это вывод из предварительного размышления, более общая оценка не единичного случая, а обобщение более широкого рассуждения (примеры 2, 4). Естественно, что в любом случае само оценочное высказывание должно сопровождаться контекстуальной «расшифровкой — тем окружением, которое помогает читателю понять суть и причину той или иной оценки.

Эта функция — роль связующего звена в тексте — у экспрессивно-оценочных высказываний в наиболее чистом виде проявляется в монологической авторской речи, где одной из задач создателя текста является расстановка оценочных акцентов, ср., в частности: *Стадо обезьян, научившихся ходить на задних ногах и одеваться в платье, в упоении собой поёт хором: «достигнем мы освобожденья — своею собственной рукой».* ***Какое жалкое, смешное зрелище!*** *Да ведь первый ливень разгонит этих обезьян, заставит их выть от холода и страха, и ничего они не «достигнут», кроме того, что подохнут, как дохнет в положенный срок всё на свете, и мировой вихрь из их костей и праха родит новых обезьян, которые снова будут горланить свои песни, пока в свою очередь не подохнут. Нет, кто не только болтает про своё уважение к науке, а кто действительно проникнут духом, образующим существо науки, — духом умственной честности и умственного бесстрашия, готовности до конца продумывать свои мысли, не прячась ни от каких выводов, если они логически необходимы, — тот скоро придёт к неотразимому убеждению* [С. Л. Франк. Религия и наука (1929)]; *Люди лежали, притворяясь спящими, натягивая на головы ватники, стараясь не кашлянуть, не слышать, как метался в беспамятстве умирающий.* ***Какая подлость, какая овечья покорность!*** *Но ведь и он не спал, ведь и он молчал, покрыл голову ватником… Он отлично знал, что покорность не от пустяков, рождена опытом, знанием лагерных законов* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Особого внимания заслуживает редуцированный вариант предложений рассматриваемого типа — «*какой* + прилагательное в И. п.»: *Когда дядя взялся за клетку рукой, тот же злой и солидный щегол с раздражением ущипнул его за палец, и сейчас же дядя подставил ему свой длинный, полупрозрачный и почти перламутровый ноготь и с удовольствием сказал: — Ишь ты,* ***какой сердитый****!* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1

(1943–1958)]; — *Из-за чего вы ссоритесь, я не понимаю!* ***Какие странные!*** *Давайте лучше сыграем во французского дурака. — Блестящая идея, — вяло откликнулся Шурик* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]; — *Что такое? Ничего не понимаю, — сказал один офицер. — Я не люблю "Полонез" Огинского, — сказал второй, — в зубах он у меня застрял. — Что вы, обеднеете от полтинника? — возмутился Сергей. —* ***Фу, какие жадные!*** *Он встал и пошёл к музыкантам. Труба, наклонившись и иронически улыбаясь, кивнула ему и забрала деньги* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]; *Она всё сгибала-разгибала в руке конспект, а потом бросила его на стол, ухватилась одной рукой за стержень микрофона и говорила-говорила, щекой к микрофону, и эта щека у неё покраснела, словно микрофон был горячий… «Милая моя, ну можно ли так волноваться? — думала Валентина Степановна. —* ***А какая хорошенькая!*** *Что-то в ней старинное, эпохи Возрождения, что ли. Где это я видела такую картину: девушка с лилией в руке?»* [И. Грекова. Летом в городе (1962)].

Эти фразы имеют еще более ярко выраженный разговорный характер, что объясняет их появление либо в диалогических единствах, либо во внутренней речи персонажа. Разговорность может быть подчеркнута специфическими частицами или междометиями (*ишь, фу, а* и т.п.). Как правило, это предложения с особой эмоционально-экспрессивной окраской — на письме этот момент передается восклицательным знаком. Данное свойство можно объяснить тем, что в тексте описывается быстрая спонтанная реакция наблюдателя на какое-либо явление, то есть это описание текущего (с точки зрения действующих лиц) наблюдаемого момента. Еще один значимый момент — отсутствие опорного существительного — названия оцениваемого явления, которое известно из контекста. Данное свойство также позволяет соотносить темпоральную ориентацию высказывания с актуальным настоящим временем субъекта речи. Возможно включение и в план прошедшего — в ситуации воспоминания.

Экспрессивные высказывания — одно из ярких явлений синтаксической системы языка, не всегда поддающееся однозначному толкованию. Придавая книжной письменной речи черты

разговорности, они вместе с тем становятся особым стилистическим приемом, с помощью которого формируется оценочное поле художественного текста и цепочка причинно-следственных связей.

Литература

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. — 168 с.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка : учебник. М.: Агар, 2000. — 416 с.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. — 368 с.
4. Лу Бо. Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы : автореф. … канд. филол. наук. Воронеж, 2015. — 24 с.
5. Омаева З. Я. Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций (на материале художественных произведений В.В. Набокова) : автореф. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 30 с.
6. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском языке. М.: Просвещение, 1966. — 156 с.

РУССКИЕ ПАРЕМИИ КАК ИСТОЧНИК АКТУАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Н. Ю. Нелюбова

nat.nelubova@mail.ru

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

(Москва)

В рамках современной антропоцентрической парадигмы интерес представляю таксиологические лингвистические исследования, основу которых может составить, в частности, материал современных паремиологических словарей, объединяющих паремии в рамках тематических классификаций. Несмотря на определенную долю субъективности, присутствующей в номинации рубрик иих выделении, их названия всегда представляет своеобразный «концентрат» ценностных ориентаций этноса. Важность распределения паремиологических единиц по тематическому принципу при исследовании отражения в них реалий окружающего мира и основных

концептов национальной и общечеловеческой культурыподчеркивал В.М. Мокиенко: «концептные доминанты<…> были детально уложены в прокрустово ложе собраний пословиц и поговорок» [4, с. 13]. Паремиологические единицы, в первую очередь пословицы, являются важным источником информации о жизненных и культурных установках этноса. Они представляют собой самые яркие «фразеологизированные структуры, сохраняющие, благодаря образной их составляющей, часто доносящей из глубины веков скрытые культурные смыслы» [10, с. 683], включающие, безусловно, и ценностную составляющую. Учитывая комплексность и неоднозначность понятия «ценность» в науке в целом и в лингвоаксиологии, в частности, отметим, что, вслед за Л.Б. Савенковой, мы определяем его как «объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [9, с. 120].

В качестве источника материала нами был выбран словарь «Народная мудрость» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [5] в связи с группировкой в нем единиц по тематическому принципу. Основываясь на идеео том, что «количественное превосходство паремий, представленных в той или иной рубрике, говорит о месте определённой ценности в системе ценностных констант нации» [3, с.80], в рамках каждой темы мы произвели подсчет единиц, и на основе численного преимущества пословиц выстроена иерархия тем и соответствующих им ценностей. Полученные результаты отражены в Таблице 1.

Таблица 1.

Соотношение тематики рубрик словаря В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной с ценностями и их иерархия

№	Темы рубрик	Ценности
1	«брак и семья», «мужчина и женщина»	**брак и семья**
2	«время и возраст»	**время**
3	«богатство и бедность»	**богатство**
4	«ум и глупость»	**ум**
5	«вера и религия»	вера
6	«добродетели и пороки»	добродетельность
7	«труд и безделье»	работа, **труд**
8	«счастье и горе», «радость и печаль»	**счастье**
9	«правда и ложь»	правда
10	«жизнь и смерть»	**жизнь**

11	«дружба и вражда»	**дружба**
12	знание и невежество	знание
13	«война и мир», «доблесть и слава»	честь, доблесть, слава, победа, **мир, дисциплина**
14	«красота и несовершенство»	красота
15	«добро и зло»	добро
16	«гость и хозяин»	**гостеприимство**
17	«любовь, ревность и ненависть»	**любовь**
18	«здоровье и болезни»	**здоровье**
19	«государство и власть»	**власть**
20	«сила и слабость»	сила

Аналогичное исследование было проведено на материале «Словаря-Тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина [2], в котором также представлены разные тематические группы, объединяющие разнообразные устойчивые языковые единицы. Полученные результаты представлены в Таблице 2. Совпадающие в двух словарях ценности выделены в Таблицах 1 и 2 жирным шрифтом.

Таблица 2.

Соотношение тематики рубрик словаря В. И. Зимина с ценностями и их иерархия

№	Темы рубрик	Ценности
1	«человек», «годы и люди», «глаза и уши»	человек
2	«язык и речь», «слово о словах», «написано пером»	слово
3	«труд», «крестьянский труд»	**труд**
4	«свои люди», «дети»	**семья, брак**
5	«еда», «вино»	еда, пища, трапеза, трезвость
6	«ум — глупость»	**ум**
7	«счастье»	**счастье**
8	«преступление и наказание»	совесть
9	«жизнь», «смерть»	**жизнь**
10	«время»	**время**
11	«достаток»	**богатство**
12	«воля», «две воли»	воля
13	«чин»	**власть**
14	«про солдатское житье-бытье»	**мир, дисциплина**, смелость

15	«дети»	дети
16	«здоровье»	**здоровье**
17	«свои люди» (подрубрика «гость»)	**гостеприимство**
18	«пути-дороги»	путешествия
19	«свои люди» (подрубрика «любовь»)	**любовь**
20	«свои люди» (подрубрика «дружба»)	**дружба**

Таким образом, в материале двух специальных словарей было обнаружено достаточно большое количество аналогичных тем, позволяющих выявить ценностные ориентиры носителей русского языка. К ценностям, получившим отражение в обоих словарях, относятся **брак и семья, время, богатство, ум, труд, счастье, жизнь, дружба, мир, дисциплина, гостеприимство, любовь, здоровье, власть**. Их иерархия выглядит в двух словарях по-разному:

Таблица 3.

Иерархия ценностей (по результатам анализа словарей В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и В. И. Зимина)

Общие ценности	**Место на ценностной шкале (словарь В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной)**	**Место на ценностной шкале (словарь В. И. Зимина)**
Брак и семья	1	4
Время	2	10
Богатство	3	11
Ум	4	6
Труд	7	3
Счастье	8	7
Жизнь	10	9
Дружба	11	20
Мир	13	14
Дисциплина	13	14
Гостеприимство	16	17
Любовь	17	19
Здоровье	18	16
Власть	19	13

Сопоставление данных двух словарей позволило получить следующую иерархию ценностей: **семья и брак, ум, труд, время, богатство, счастье, жизнь, мир, дисциплина, дружба, гостеприимство, здоровье, власть, любовь.**

Таким образом, по данным количественного анализа тематических групп паремиологических сборников, ценностной доминантой представителей русской лингвокультуры является **семья**, что подтвердилось также в ходе проведения анкетирования носителей русского языка (около 100 человек) в возрасте от 14 до 90 лет, обоих полов, занимающихся различными видами деятельности. Несмотря на наличие в словаре В. И. Зимина рубрики «человек», анализ подтвердил данные, полученные нами ранее [6] о сосредоточенности не на человеке как индивидуальности, а на человеке как части сообщества, в данном случае семьи, где основными действующими лицами являются родители и дети (причем в словаре В. И. Зимина выделяется отдельная тематическая группа «дети», а ценность семьи отражена в различных подрубриках темы «свои люди»). Показателен и тот факт, что мужчина и женщина в пословицах воспринимаются в большей степени как супруги, чем как отдельные личности. Наш подробный лингвокультурологический комментарий ценности **семья** в русских пословицах был также приведен ранее [7].

Обратим внимание на то, что вторую позицию в словаре В. И. Зимина занимает **слово**. В контексте ценностей Т. Е. Владимирова подчеркивает бережное отношение к слову [1, с. 74], а **совесть** (см. также словарь В. И. Зимина, позиция 8) и **правда** (см. также словарь В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, позиция 9) относит к фундаментальным ценностям [1, с. 83–84].

Отметим также, что на полученной ценностной шкале из человеческих отношений **дружба** является более приоритетной, чем любовь, которая занимает последнюю позицию. Однако по результатам анкетирования, она находится на третьем месте после **семьи** и **мира**. Общая характеристика восприятия ценности **любовь** в русской лингвокультуре также представлена нами в предыдущих работах [8, с.93], где, согласно анализу, проведенному на материале русских пословиц соответствующей рубрики словаря В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, в целом можно констатировать достаточно позитивное отношение к любви (однозначно позитивное отношение прослеживается примерно в 1/3 случаев) и негативное — к ненависти и ревности. Таким образом, исследованиепаремий о любви демонстрирует ее амбивалентность в русском языковом сознании. Подобная амбивалентность касается и восприятия других важных понятий, что объясняет представление тем в виде диад в

словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной и показывает, с одной стороны, единство противоположностей, а с другой, возможность перехода одной крайности в другую, духовные метания, свойственные русскому человеку, которые могут привести к трансформации ценности в антиценность и наоборот, что показывает и более детальный анализ содержания единиц в рамках различных рубрик, в частности таких, как «ум и глупость», «богатство и бедность», «жизнь и смерть», «счастье и горе», «радость и печаль» и др.

Изучение оценочности в содержании паремий данных рубрик позволит получить более подробные данные о соотношении в них ценностных и антиценностных характеристик и внести уточнения в полученную ценностную иерархию, что представляется нам возможной перспективой проведенного исследования. Той же самой цели послужит и следующий этап анкетирования с элементами ассоциативного эксперимента.

Литература

1. Владимирова, Т. Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД. 2018. — 320 с.
2. Зимин, В. И. Словарь-Тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. 2020. — 736 с.
3. Комова, Д. Д., Ломакина, О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3(103). ч. 1. — С. 78–86.
4. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. — С. 6–20.
5. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 201. — 416 с.
6. Нелюбова Н. Ю. Проблема выявления ценностных ориентиров этноса на основе изучения их языковой репрезентации средствами паремиологии (на материале французского и русского языков). IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках. М. 2019. — С. 154–161.
7. Нелюбова Н. Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. — С. 50–59.
8. Нелюбова Н. Ю. Любовь как ценность и ее отражение во французской и русской национальной картине мира (на материале пословиц). Язык и

мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы XIX-й Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Кодухова. Покров. 2019. — С. 92–93.
9. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 239 с.
10. Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов знаков-микротекстов. Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 674–684.

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО)

Л. В. Валеева, А. С. Давыдкина
lv_valeeva@mail.ru, nastya280798@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Целостное и объемное восприятие мира человеком невозможно без осмысления пространственных категорий. Расположение объектов в системе пространственных координат обрабатывается человеческим сознанием в виде таксонов: место, протяженность, близость, вертикальность/горизонтальность, север/юг, запад/восток, ориентация, движение, виды передвижения, положение человека в пространстве, направление, границы пространства, сила притяжения [12, с. 19]. Когнитивный анализ окружающего мира происходит при помощи универсальных категорий и оппозиций, которые позволяют говорящему структурированно закрепить в языковом сознании модель пространства.

Пространство — одна из естественных категорий человеческого бытия, которая репрезентирована в языке как часть этого мира и как инструмент миропознания. Язык — комплексная, но гибкая система, способствующая максимально точной реализации множества образов различного типа, которые неизменно находят отражение в вербализации универсальных оппозиций. По словам Р. Н. Порядиной, «глубинное и в то же время естественное, данное

в ощущении физическое пространство служит своеобразной гносеологической основой познания других аспектов бытия человека и мира, человек формирует умозрительное пространство души и пространство мысли, социальное и духовное пространство» [4, с. 5]. Освоение пространства происходит на основе архетипических оппозиций «верх-низ», «право-лево», «близко-далеко», которые формируют в сознании носителя языка модель окружающего его мира и определяют его место как в собственно географической системе координат, так и в социальной иерархической структуре.

Проецирование пространственных отношений на сферу социальных отношений обусловливает применение базовых пространственных моделей в социальной среде. Одним из важнейших в этом аспекте является противопоставление «близко-далеко», интегрированное в оппозицию «свой-чужой» для вербализации социальных отношений. Как отмечает Ю.М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). Как это бинарное разбиение интерпретируется — зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [7, с. 258]. В работе Т.В. Топоровой «Об оппозиции “темный мир” / “светлый мир” в древнегерманской космогонии» представлены три аспекта данной оппозиции:

1) социальный: свой/чужой фиксируют принадлежность к разным социальным группам;

2) этнический: оппозиция свой/чужой тождественна оппозиции друг/враг, которые в течение времени могут меняться;

3) зооморфный: свой/чужой обозначает человеческое/нечеловеческое» [11, с. 39–47].

Пространственная модель, спроецированная на социальные отношения, таким образом, может принимать различные формы в зависимости от субъективной позиции говорящего и интенций речи.

Послания Ивана Грозного в аспекте данной проблемы представляют большой интерес: автор этих текстов — государь Руси, могущественная фигура в политической и общественной жизни народа, что обусловливает особое тематическое и лексическое

наполнение Посланий. Тексты Грозного обладают особой структурой, которая заставляет читателя принять точку зрения царя по острым, значимым для того времени вопросам.

Исследователи отмечают, что «произведения Грозного принадлежат эпохе, когда индивидуальность уже резко проявлялась у государственных деятелей и в первую очередь у самого Грозного, а индивидуальный стиль писателей еще не был развит и проявлялся очень слабо <…> Грозный есть прежде всего отражение его индивидуального поведения — властно заявленной им жизненной позиции» [6, с. 361].

Тексты дипломатической направленности, доступные широкой публике, были чрезвычайно важны для формирования общественного мнения, а следовательно, и для достижения больших результатов действий внутриполитического характера: «важная заслуга Грозного как публициста заключается в том, что он раньше большинства современников обратился в своих посланиях не только к обозначенным в них адресатам, но и к широкому кругу других читателей. Публицистическое значение дипломатических посланий монархов той эпохи доказывается тем, что, помимо списков реальных посланий, широкое хождение имели и послания апокрифические, например приписываемые Ивану Грозному и Сигизмунду II Августу. Такие послания были призваны формировать общественное мнение в отношении каждого из правителей» [2, с. 159–160].

Ввиду дипломатической направленности писем Ивана Грозного возникает оппозиция ‘автор как политик’ и ‘автор как член социальных отношений’, то есть столкновение объективного и субъективного отношения к адресату: «сложность Грозного-писателя — вот что, пожалуй, делает его фигурой уникальной в истории русской книжности. Сам поглощенный борьбой внешней, он тем не менее постоянно связан борьбой внутренней. Отсюда диалогическая полемичность и ярко выраженный обличительный пафос его творчества, с одной стороны, и глубокая раздвоенность, присущая образу автора — с другой. Здесь сталкиваются два принципа, два традиционных взгляда на человека, концепции “абсолютного” и “внутреннего”» [3, с. 79]. Итак, дипломатический характер Посланий осложняется ярко выраженной полемической силой, которая и выступает одной из основных специфических черт языка Грозного.

М. Китанова говорит о том, что «противопоставление внутреннее — внешнее маркирует освоенное (свое) и неосвоенное (чужое) пространство, что всегда связывается и с осознанием определенной границы. Это граница между Я и другими» [5, с. 151]. Следовательно, оппозиция «свой–чужой» является важным компонентом мировосприятия Грозного.

Рассматриваемая оппозиция в Посланиях Ивана Грозного вербализуется лексикой с локативным значением, которое базируется на пространственных координатах «близко–далеко» и в сознании автора данных текстов связано с социальным положением объекта речи:

Тебе же следовало к нам прислать ***своего ближнего человека****, а с ним Антона или одного Антона. И нам неизвестно, передал ли эти дела тебе Антон или нет; про Антона года полтора не было известий* [8, с. 330]. Прилагательное *ближний* параметризирует пространство по характеристике отдаленности от центра (при этом центром является тот, о ком идет речь). В лексикографических источниках закреплено следующее значение: «Ближний — находящийся неподалеку, на небольшом расстоянии» [9, с. 239]. В данном контексте семантика атрибутива расширяется с помощью прономинатива *свой*, формируется за счет вербализации контактного окружения человека *свой человек* и демонстрирует процесс трансформации семы близости в сему доверия.

Таким образом, закрепление значения *ближний* — «свой человек» позволяет сделать вывод об авторском моделировании социальных отношений с опорой на универсальные пространственные отношения. В языке Ивана Грозного это прилагательное формирует оппозицию *ближний-дальний*, или *свой-чужой*. Интересно, что Грозный определяет такую оппозицию, говоря о другом социальном пространстве и, следовательно, проводя границу не между собой и адресатом, а между адресатом и окружающими его людьми.

В языке Ивана Грозного параметр пространственной близости, включающий семантику рассматриваемой оппозиции, представлен и описательными конструкциями:

Могут же догадаться ***находящиеся возле тебя*** *и способные к размышлению, что в тебе — злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради* [8, с. 291] — семантическая структура приведенного высказывания отражает модель пространственной

семантики предыдущего контекста: центром моделируемого социального пространства является объект речи; «свои» для объекта речи *люди находятся возле него* не только пространственно, но и мировоззренчески; однако использованные Грозным языковые средства в большей степени сохраняют локативную семантику и менее обусловлены контекстом.

В Посланиях частотно употребление локативных лексем, обозначающих административно-территориальное деление пространства, со значением «свои» и «чужие» государства и города. Социальное положение Ивана Грозного обусловливает восприятие Руси как «своего» государства, а других земель — как «чужих». Например:

А когда в ***вашем государстве*** *были благочестивые христианские государи — от Казимира до нынешнего Сигизмунда-Августа — они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры, и их королевские послы в раде с нашими послами вели предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы невинная христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, — вот к чему стремились паны в прежней раде* [8, с. 403] — субстантив *государство* имеет согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» следующие значения:

«Государство — 1. Страна, земля, государство. 2. Правление, царствование; власть государя» [10, с. 108]. Дипломатическая направленность Послания обусловливает использование этого субстантива не в значении абстрактного компонента географического деления мира, а в качестве факта существования «вашего государства» и государства «своего» по отношению к адресанту. Этой же цели подчинена дистрибуция локативной лексемы (*в* ***вашем государстве*** *были благочестивые христианские государи*), формирующая в высказывании названную семантическую оппозицию. Таким образом, пространственная семантика расширяется с помощью контактно расположенных распространителей.

Деление пространства на «свое» и «чужое» сопровождается семантическими надбавками оценочности: близкое всегда оценивается положительно, далекое же символизирует нечто негативное. Это нашло отражение в языковой картине мира, начиная с мифологического мировоззрения: «При всем многообразии применяемых в различных

обрядах пространственных схем общим является деление актуального пространства ритуала на две сферы: свое и чужое. В самых общих чертах свое — принадлежащее человеку, освоенное им; чужое — нечеловеческое, звериное, принадлежащее богам, область смерти. Равновесие между этими сферами поддерживается постоянным обменом различными ценностями: людьми, урожаем, продуктами питания и т. п. Ситуация нарушения равновесия между ними разрешается с помощью (и в ходе) ритуала, в котором устанавливается прямой контакт между представителями своего и чужого» [1]. Поэтому далекое пространство отображено в сознании как пространство опасное и губительное; туда отправляли в качестве наказания:

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя ***в дальноконные города*** *как бы в наказание посылали, — так теперь мы со своими сединами и дальше твоих дальноконных городов, слава Богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были* [8, с. 386] — при рассмотрении данного контекста стоит обратить внимание на комплексную структуру номинации пространственных отношений: перемещение и местоположение здесь представлены в равной степени. Значение перемещения выявляется дистрибуцией локативных лексем — предложно-именным сочетанием *в города* и глаголом *посылали*. Признак пространственной параметричности выполняет функцию показателя отдаленности описываемой пространственной зоны от той, в которой в прошлом находился объект, — прилагательное *дальноконные* образовано от корней *дал'*- и *кон'*-, первый из которых в своих значениях заключает сему расстояния. В рассматриваемой лексеме эта сема оказывается основной; при этом отдаленность можно рассматривать как указание на месторасположение какого-либо города. Нетипичное сочетание корневых морфем создает образность, которая детерминирует равное функционирование сем атрибутивности и местоположения в семантике слова и, далее, расширение пространственной семантики: *далекий — опасный — чужой*, что подтверждается семантикой цели субстантива *в наказание*.

Особую роль оппозиция «свой-чужой» играет в сфере духовных отношений. Так, при аргументации своих взглядов на религиозные догмы царь позиционирует себя как истинного христианина:

И тут мы, как подобает государям ***христианским****, милостиво оказали им честь, приняли их за государевыми парадными столами* [8, с. 332] — прилагательное *христианский* условно делит все государства на христианские и нехристианские, что равноценно позициям диады «свой-чужой». В этом случае противопоставление приобретает, кроме дифференцирующего, оценочный характер: христианский («свой») — безусловно положительно оцениваемый, нехристианский («чужой») — отрицательно. Представленный контекст интересен полисемантичностью рассматриваемой лексемы — оценочность и социальность совмещаются с пространственным значением — различением государств по религиозному признаку.

Таким образом, модель «свой-чужой» в языке Ивана Грозного вербализуется пространственными лексемами с первичным значением оппозиции «близко-далеко», которое трансформируется в нескольких типах:

1) взгляд со стороны на «другой» социум. Центром описываемого социального пространства в данном случае является объект речи, но не адресант. Важно, что при этом между адресантом и адресатом Посланий не проводится граница «своего-чужого»: Иван Грозный выражает свое понимание устройства социальной иерархии другого государства, но не противопоставляет ему структуру «своего» государства, поэтому он занимает периферийное положение, являясь «сторонним наблюдателем»;

2) противопоставление «своего» социального и географического пространства «чужому» — выражается в четкой дифференциации политических и мировоззренческих установок между адресантом и адресатами Посланий;

3) синтез оценочной, социальной, пространственной и религиозной семантики в оппозиции «свой-чужой» при описании сакрально-духовных отношений, базирующийся на представлениях о праведности своего вероисповедания.

Литература

1. Байбурин А.К. Свое и чужое (пространственный аспект) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://folk.spbu.ru/Reader/bajburin1.php?rubr=Reader-articles (дата доступа: 29.04.2019).
2. Бачинская Н.А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст (послание Стефану Баторию 1581 г.) // Вестник РГГУ.

«История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2011. №6 (68). — С. 159–165.
3. Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: проблема творческой индивидуальности: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01. М., 2001. — 390 с.
4. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др.; отв. ред. — проф. З. И. Резанова. Томск: UFO Plus, 2007. — 384 с.
5. Китанова М. Семантическая оппозиция «свой — чужой» в болгарской терминологии родства // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. № 8–2. — С. 150–193.
6. Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. (Царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков; отв. ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1979. — С. 183–213.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с.
8. Послания Ивана Грозного / подг. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. — 552 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. А–Б / сост. Н.Б. Бахилина; гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. — 375 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Г–Д / сост. Н.Б. Бахилина; гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. — 403 с.
11. Топорова Т. В. Об оппозиции «темный мир» / «светлый мир» в древнегерманской космогонии // Вопросы языкознания. М., 1998. № 6. — С. 39–47.
12. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) М.: Языки славянской культуры; Гнозис, 1994. — 344 с.

СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ С *ВОТ ЧТО*: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. П. Вязовик
Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологии и дизайна
(Санкт-Петербург)

Сегментированные структуры — одно из явлений экспрессивного синтаксиса, отражающее актуальные процессы в современном русском языке. Среди них особое место занимают структуры,

включающие местоимения с неизменно ударной частицей *вот*, которые представляют систему указательных местоимений, частные функции которых определяются характером вопросительных слов, на базе которых они образованы: указание на лицо («вот кто»), место («вот где»), признак («вот какой»), количество («вот сколько»), причину («вот почему») и т. д. Будучи указательными, «пустыми словами», «шифтерами», они, подобно другим указательным местоимениям, выполняют в тексте преимущественно анафорическую функцию, устанавливая отношения кореферентности с предшествующим или последующим текстом.

Вместе с тем они являются коммуникативным центром высказывания, поскольку на них всегда падает ударение, которое можно рассматривать как грамматикализованное, поскольку даже при изолированном произношении оно способно дифференцировать местоимения по разрядам: ударение на частице *вот* свидетельствует, что мы имеем дело с указательным местоимением, ударение на базовом местоимении — свидетельство его вопросительного характера, сравни: *вОт что,* но *вот чтО?* [3]. Благодаря этому свойству они остаются в любых позициях акцентоносителями, а их функция (рема высказывания) имеет постоянный коммуникативный статус [2].

Особенность функционирования этих местоимений в том, что они формируют структуры, в которых местоимение с частицей *вот* и соотносимая с ним информация всегда являются ремой высказывания, а часть, содержащая местоимение, за исключением его самого, — темой. Рема носит расчлененный характер, что порождает сегментированность самого высказывания, например: *И ведь* ***вот что*** *всего обидней, оскорбительней: весь пыл страсти истрачен даром (Островский)*. Эта сегментированность проявляется не столько в логическом противопоставлении темы и ремы, сколько в расчленении последней, осуществляемом благодаря обобщенно-указательной семантике местоимения. Таким образом, местоимения с частицей *вот* выполняют две функции: анафорическую функцию и функцию актуализации той информации, с которой местоимение соотносится. Местоимение благодаря своей рематичности приспосабливает структуру к выражению коммуникативного задания, так как любая информация, с которой соотносится местоимение, неизменно становится целью высказывания, его ремой.

Расчлененность данных структур проявляется и в четком противопоставлении модуса и диктума: часть, содержащая такое местоимение, выражает пропозициональные отношения (эксплицитно или только имплицитно), в то время как соотносимая с ней часть — саму пропозицию. Например: *Маланья Сергеевна охотно помирилась бы на этих напоминовениях и похвалах, как горьки они ни были... но Федю у нее отняли:* ***вот что*** *ее сокрушало (Тургенев).* При этом у конструкции появляется скрытая пропозициональная установка, которая эксплицируется предикатами мнения «думаю», «считаю», «полагаю», в связи с чем могла бы иметь такой вид: ***Я считаю (думаю, полагаю), что...***. Значения этих предикатов характеризует некоторая неопределенность, допускающая разную степень уверенности субъекта речи в истинности установленных отношений: от безусловной уверенности до сомнения в правильности выделенных связей [5, с.10]. Однако особенность неизменно рематичных местоимений с частицей *вот* приводит к тому, что эксплицируя субъективную модальность в высказываниях, их содержащих, мы наряду с пропозициональным предикатом мнения обнаружим и значение, присущее акцентному выделению: ***именно это, а не*** — значение подчеркивания, контрастивности [6, с.14]. В связи с этим модальную часть высказывания мы можем интерпретировать как «**Я считаю, что именно это ее сокрушило**...» В этом случае пропозициональная установка лишена неопределенности и указывает на безусловную уверенность автора в истинности высказывания, что сближает предикаты мнения с предикатами знания. Абсолютная уверенность, которую демонстрируют авторы таких структур, позволяет выявить наиболее полно авторскую оценку факту, явлению, событию, лицу, а значит придать структуре дополнительную экспрессию. Местоимения не просто актуализируют соотносимую с ними информацию, но придают ей статус истинной, при этом эмфатически выделяя ее.

Впервые на сегментированные конструкции такого рода обратила внимание Г. Н. Акимова [1, с.91-98]. Анализируя динамический аспект русского экспрессивного синтаксиса, автор выделил три этапа функционирования в языке экспрессивных структур: первый — в виде разговорного субстрата (диалогические структуры, имитирующие разговорную речь в речи персонажей), второй — использование данных конструкций в художественной и публицистической речи в

качестве стилистического приема (авторская речь), третий этап — это нейтрализации экспрессивного оттенка, переход в нейтральные стили — научный, научно-популярный (авторская речь) [1, с. 85–91]. Употребление местоимений типа *вот что,* по мнению автора, демонстрируют «основные этапы вхождения синтаксических конструкций разговорной речи в письменный язык» [1, с.98].

Вместе с тем существующий на сегодня языковой материал не позволяет однозначно говорить о последовательности стилистических изменений, происходивших в структурах, формируемых местоимением типа *вот что*. Дело в том, что данные местоимения впервые появляются в литературе только с XVIII в.: ни в Историческом подкорпусе НКРЯ, ни в Словаре русского языка XI–XVII вв. в 17 тт. подобные единицы не представлены. В то же время в литературе XVIII в. они уже активно и виртуозно используются во всех трех формах: и в виде имитации разговорной речи (вопросно-диалогические единства как маркеры стиля), и в качестве стилистического приема, способного выразить многообразие задач, которые ставит перед собой автор, и как вполне нейтральные сегментированные построения.

XVIII в. — время формирования литературного языка, выработки его норм и выразительно-изобразительных средств в ходе взаимодействия, взаимопроникновения двух языковых стихий — архаичной книжной, восходящей к церковнославянской традиции, и разговорной. Одним из наиболее значительных, на наш взгляд, является вклад в этот процесс И. А. Крылова, который «стремился использовать в языке прозы все исторически сложившиеся выразительные ресурсы русского литературного языка, широко привлекая в то же время и средства языка разговорного» [4, с. 155]. Именно в его произведениях мы обнаружим значительный материал, свидетельствующий о функционировании в этот период всех трех динамических форм данных сегментированных структур.

Уже в первой пьесе И. А. Крылова — комической опере «Кофейница», автор в целях имитации разговорной речи использует вопросно-ответные единства с местоимениями типа ВОТ ЧТО. Приведем несколько примеров:

(1) [Петр] *А я покамест спою, да кое-чего с собою покалякаю. Да,* ***что ж*** *бы мне спеть-то? а* ***вот что****:*

Во всем нашем околотке
Нет прекраснее Анют…

(2) [Анюта] ***Так что ж***? [Приказчик] *А* ***вот что***: ***что*** *этот жених совсем не под стать.*

(3) [Кофейница] *Что ты говоришь!* ***да как*** *это?*

[Приказчик] *А* ***вот как****. Барыня моя, когда живет в деревне, то всегда берет к себе крестьян и крестьянок сказки сказывать под вечер…*

Подобные употребления характерны для всех комедий и комических опер И.А. Крылова. Наряду с этим употребляются и штампы: *Вот каковы вероломные мужчины! Вот еще какая дьявольщина!* («Проказники») и др. Подобные формы имитируют эмоционально окрашенную разговорную речь. Но встречаются в этом разговорном контексте употребления вполне нейтральные: [Вспышкин] *Нет, нет, просто у березовой рощи… да что до этого за нужда?* — ***А вот в чем дело****: я приготовил там попа…* («Пирог»).

Эта практика позволяет предположить, что до появления в художественных текстах и публицистике такие расчлененные структуры, действительно, использовались исключительно в разговорной речи. Однако в XVIII в. данные местоимения употребляются в художественной литературе сразу у многих авторов и систематически, разнообразно проявляя свои конструктивные и текстообразующие возможности. Проза И. А. Крылова оказывается крайне интересной с точки зрения использования таких местоимений. Это касается прежде всего «Почты духов» в силу того, что именно в этом тексте мы встречаем системное употребление данных языковых единиц. Стиль этого произведения демонстрирует смешение высокой лексики, пародирующей «одический» стиль, с разговорной, обиходной лексикой. Наблюдения над особенностями функционирования местоимений с частицей *вот* свидетельствуют, что их употребление в разных стилях определялось в первую очередь художественной целесообразностью.

Основная коммуникативная установка в данном произведении, его текстовая доминанта, или «фокусирующий компонент художественного произведения» [7, с. 59] — разоблачение общественных пороков — в соответствии с идеями Просвещения. Именно этой доминанте подчинено системное употребление данных местоимений как в «книжном», так и «разговорном» стиле. «Книжный» стилевой пласт характеризуют конструкции, имеющие достаточно устойчивую структуру: первая часть сегментированной конструкции — это

всегда развернутый текст, состоящий из нескольких предложений и большого количества слов (в среднем — 410), раскрывающих тот или иной общественно значимый порок. Вторая — часть, содержащая актуализатор типа *вот что,* представляет некий «вывод», оценку этого порока. Например, в первой части описываются порочный государь, порочные придворные, порочное духовенство и т. д.: *Вот сколь велико человеческое ослепление, мудрый и ученый Маликульмульк!*

Наряду с этим мы встречаемся и со структурами, экспрессия которых явно снижена прежде всего за счет второго компонента, в котором может содержаться не оценка, обращенная к эмоциям, а констатация факта: *«Вот что я тебе дарю», — сказал мне милостивый Маликульмульк.* Вместе с тем и в такой полунейтральной структуре автор выделяет и актуализирует важную с его точки зрения информацию, подчеркивая ее коммуникативную ценность.

В «разговорных» пластах, разоблачающих обычаи, привычки, свойственные дворянству, структуры иные: они небольшие по объему, наряду с анафорой, используется и катафора. Например*:* ***Вот какое*** *дурачество — щадить мать*. При этом местоимение *вот какой,* употребляемое и в «книжном», и в «разговорном» блоке, является семантически избыточным, что усиливает экспрессивность конструкций, их содержащих.

Надо отметить, что, в отличие от комедий и прозы, в баснях И. А. Крылова сегментация подобного типа встречается эпизодически. При этом экспрессивность таких построений снижена: оценочная часть, содержащая местоимение, лишена эмоциональной оценки: ***Вот что*** *о том я слышал стороною* («Лев и комар») ***Вот что*** *в ребячестве читал я про скупого* (Скупой и курица). Пожалуй, только в басне «Разборчивая невеста» оценка используется для обличения порока:

Невеста-девушка смышляла жениха:
Тут нет еще греха,
Да вот что *грех: она была спесива.*

Надо сказать, что данные структуры характерны не только для текстов И. А. Крылова. Пожалуй, самые ранние примеры использования можно обнаружить у Феофана Прокоповича. В трактате «О поэтическом искусстве» он пишет*: Тебе надо хорошо запомнить* ***вот что:*** *намереваясь что-либо писать…* Мы видим, что автор применяет вполне нейтральную структуру с ослабленной экспрессивностью. В то

же время как средство выразительности эти структуры использует А. П. Сумароков: *Ныне, сударь, во всем только об одной поверхности стараются, а о важности мало думают; так* ***вот отчего*** *у нас пустоголовых людей много.* Такие конструкции мы можем встретить у многих авторов XVIII столетия, включая Н. М. Карамзина (преимущественно в «Письмах русского путешественника»).

Таким образом, можно констатировать, что путь вхождения сегментированных структур с местоимениями типа *вот что*, несмотря на их очевидное происхождение из разговорного субстрата, остается не прояснённым, поскольку уже в момент их появления в письменной речи они используются и как средство имитации разговорной речи, и в качестве стилистического приема, способствующего наиболее полному раскрытию авторской интенции, и как вполне нейтральные построения.

Литература

1. Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. — 130 с.
2. Апресян Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря [электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-88.htm (дата обращения: 11.02.2020)
3. Вязовик Т. П.Указательные местоимения, включающие в свой состав частицу ВОТ// Русский язык в школе. 1980. № 1. С.82-86.
4. Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. — М.: Наука, 1982. — 241 с.
5. Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. — С. 6–17.
6. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. — 104 с.
7. Якобсон Р. О. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В. ВЫСОЦКОГО

Е.А.Давиденко, Ю.В. Крупичко

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

(Симферополь)

Статья посвящена особенностям использования окказиональных единиц в лирике и прозе Владимира Высоцкого.

Актуальность темы обусловлена интересом лингвистов к изучению окказионализмов в системе современного русского языка в целом и исследованию индивидуально-авторского языка В.Высоцкого в частности.

Цель статьи — описание типологии и семантико-деривационной структуры окказиональных образований и определение специфики их функционирования в авторских текстах.

Изучению явления окказиональности в системе современного русского языка посвящено значительное количество научных работ (см. труды Н. Г. Бабенко, А. А. Брагиной, Е. В. Говердовской, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Л. Г. Лыкова, Е. В. Сенько, Н. И. Фельдмана, Н. М. Шанского и др.). В то же время интерес к изучению окказиональной лексики не ослабевает, поскольку динамика появления окказионализмов непрерывна. Возникающие в языке окказиональные единицы нуждаются в разностороннем описании, поэтому исследования в данной области всегда относятся к разряду актуальных и открытых для изучения.

В лингвистической литературе используется множество терминов, определяющих подобные новообразования. Так, например, в трудах В. А. Звегинцева приводится понятие авторского неологизма, у А.Г. Лыкова — случайные слова, у Л.А. Новикова — существа и т. д. Наиболее распространенным является термин, предложенный Э. И. Ханпиром — окказионализм [10]. Именно он вошел во многие словари лингвистических терминов русского языка и получил свою интерпретацию. В «Словаре — справочнике лингвистических терминов» Д. Е. Розенталя и М. А. Теленковой приводится следующая трактовка: «Окказионализм (от лат. «occasionalis» — «случайный) — индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем, согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры» [9]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой есть иная интерпретация термина «окказиональный» — «не узуальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления» [1].

Наиболее общие черты окказионализма, признанные большинством исследователей, — это привязанность к контексту, необычная форма и разнообразные случаи образования. Случайные слова обычно представляют собой единичные языковые новшества отдельных лиц, чаще писателей и журналистов. Поэтому окказионализмы иногда называют отдельными авторскими словами, подчеркивая их оригинальность, уникальность и соответствие индивидуальному стилю писателя. В этом случае слово отдельного автора противоположно национальному, языковому. Однако отличительной чертой окказионализмов является не их индивидуальный характер, а то, что при их формировании произошло нарушение действующих в языке законов образования лексических единиц. Каждая новая морфема вносит свою окраску в семантико-деривационное значение слова, тем самым делая его стилистически окрашенным и индивидуальным.

Окказионализмы представляют собой важный составной элемент творчества Владимира Высоцкого, а также служат ярким художественным средством раскрытия авторского замысла.

Новые прозаические образования создаются разными способами создания слов:

- суффиксацией;
- префиксацией;
- сложением основ;
- усечением основ;
- приставочно-суффиксальным;
- заменой одного сегмента другим и др.

Анализ материала текстов В. Высоцкого показал, что наиболее частотными в его поэзии являются:

1) **суффиксация**.

Например, ***лгуниха***. Лгун ← лгун — **их —** а.

“Так отгуляй же, галя, за двоих -/ Ну их совсем — врунов или ***лгуних****! / Вовсю педаля, Галя, / Не прозевай Пигаля, -/ Потом расскажешь, как там что у них!” (Мы с мастером по велоспорту Галею...)*. Окказионализм обозначает то же самое, что и лгун, т. е.“человек использующий ложь в качестве средства общения с другими людьми”, но уже со сниженной стилистической окраской, а также указывает на женский род (флексия -*а*).

Значение суффикса *-их-* — при добавлении к основе (варианту основы) названия мужчины по какому-либо свойству, занятию, чину и пр. образует существительное женского рода (обычно — *разг.*) со значением «женщина, обладающая тем же свойством, имеющая то же занятие, тот же чин, либо жена этого мужчины».

Спиртик. Спирт ← спирт-**ик**.

Я пил чаёк из блюдца, / Со ***спиртиком*** *бывал... /Мне не пришлось загнуться, / И я довоевал («Тот, который не стрелял»).*Окказионализм означает "ласкательное название органического соединения — спирт".

Значение суффикса *-ик-* — при добавлении к основе существительного образует уменьшительно-ласкательное существительное мужского рода.

Гетерочка. Гетера← гетер — **очк**- а.

"Я ей дом оставлю в Персии -/ Пусть берёт сестру-мегерочку, -/ На отцовские сестерции/ Заведу себе ***гетерочку"*** *(Семейные дела в Древнем Риме).* Окказионализм означает "свободную женщину, которая ведёт независимый образ жизни; публичная личность".

По аналогии образовано и ***самобраночка***, где суффикс *-очк-* придает уменьшительно-ласкательное значение.

2) **Префиксация.**

Приобидеться. Обидеться ← **при**-обидеться.

"Было время приуныть да ***приобидеться*** *-/ Повезли меня, а сам и рад стараться -/ Как за тридесять земель, за триодиннадцать/ Уму-разуму чужому набираться" (Купола, черновик).* Окказионализм означает "не совсем обидеться, а только слегка".

Значение префикса *при-* — при добавлении к основе глаголов или производных означает совершение действия не в полном объеме или на ограниченный срок.

Поукрощать. Укрощать ← **по**-укрощать.

Сегодня жители, сегодня жители / Не желают больше видеть укротителей. /А если хочется ***поукрощать*** *— / Работай в цирке, — там благодать! («У домашних и хищных зверей...»).* Окказионализм означает " заняться смирением".

Значение префикса *по-* — при добавлении к основе глаголов или их производных образует соответствующую часть речи, указывающую на завершение действия с полным или частичным охватом объекта действия.

3) Сложение.

Товарищ-дискобол. Сложение основ (товарищ и дискобол).

Два приятеля моих — копьеметатели — / И ещё один ***товарищ-дискобол —*** */ Показали неплохие показатели... / Я в гостинице позвал их в нижний холл («Песенка про метателя молота, черновик»).* Окказионализм означает “человека по совместительству товарища, который бросает диск — дискоболом”.

К данному образованию (сложение основ) мы можем отнести такие окказионализмы, как: **агитатор-дельфин** (то есть дельфин, который является еще и агитатором), **водитель-ротозей** (то есть невнимательный водитель), **друг — дерматолог** (то есть человек, который совмещает в себе две личности такие, как: друг и дерматолог), **дьявол — сатана** (самый главный из главных противник небесных сил).

Наиболее характерным способом создания окказионализмов для языка В.Высоцкого являются:

1) сложение основ + суффиксация.

Междувластие. Между властью ← междувласт-**ij**-э.

“И однажды взглянули они вокруг себя: тьма кругом тьмущая, только что кончилась мезозойская эра и не начался ещё третичный период и никакого просвета впереди, эдакое ***междувластие****” (Жизнь без сна (Дельфины и психи)).*Окказионализм означает “между властью”.

Специалист-песенник. Специалист по песням ← специалист-песен-**ник**.

“Я считаюсь очень крупный ***специалист-песен-ник****, во всех областях этого жанра: блатной, обыкновенной и Окуджавы” (Письмо Л. В. Абрамовой, 4 марта 1962 г.).*Окказионализм означает “человека, который хорошо разбирается в песнях”

Значение суффикса *-ник-* — в безударной позиции при добавлении к корню существительного образует существительное муж. р. со значением "тот, кто связан с указанной в основе деятельностью, профессией, орудием или материалом труда".

Пустокарманный. Пустой карман ← пустокарман-**н**-ый.

“Ах, люди странные, / ***пустокарманные****, / Вы, постоянные клиенты ресторанные...”(Баллада о маленьком человеке).*Окказионализм “карман, в котором ничего нет”.

Значение суффикса *-н-* — при добавлении к основе существительного образует прилагательное со значением общей характеристики.

Заметим, что данные способы образования являются общими как для поэзии, так и для прозы, но есть еще и частные. В лирике это: антонимичность основ (***солоно-да горько-сладкое***), комбинация (***лешевелюра***), транссегментация (***мурлывчивый***). Для прозы это: обратное сложение (***гамно***), замена нулевой флексии (***старожила***).

Окказионализмы В.Высоцкого раскрывают деривационный потенциал языка, отражают особенности писательского стиля, присущий ему динамизм, свободу конфронтации, богатство ассоциаций.

Изучение новообразовательных творческих слов Владимира Высоцкого позволяет нам приблизиться к пониманию литературного мира писателя. Использование автором окказионализмов обусловлено их особой стилистической функцией (в целях создания ярких образов), номинативная функция реализуется в обозначающих новое понятие окказионализмах, передача авторского мира достигается при помощи экспрессивности, метафоричности окказионализма. Окказионализмы В. Высоцкого не только раскрывают индивидуально-авторский стиль, но и демонстрируют словообразовательный потенциал и выразительные возможности русского языка.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 2004. — 569 с.
2. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — М.: Высшая школа, 2001. — 202 с.
3. Высоцкий В. С. Кони привередливые: Песни, стихотворения / В. С. Высоцкий. — М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1998. — 480 с.
4. Высоцкий В. С. Сочинения в 2 т. / В. С. Высоцкий — Екатеринбург: У-Фактория, 1998.
5. Высоцкий В. С. Великие поэты мира / Владимир Высоцкий. — М.: ЭКСМО, 2013. — 448 с.

6. Высоцкий В. С. Выйти живым из боя…: стихотворения / В. Высоцкий; сост., авт. примеч. П. Е. Фокин, подгот. текста С. Жильцов. — Санкт-Петербург: Амфора, 2012. — 127 с.
7. Высоцкий, В. С. Где же наша звезда? : песни / В. С. Высоцкий. — М. : ЭКСМО, 2009. — 431 с.
8. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. — Мн., 1997.
9. Розенталь, Д. Е. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Е. Розенталь, М. А. Теленкова. — М. : Просвещение, 2008. — 187 с.
10. Ханпира, Э. И. Окказиональные элементы в современной речи. Стилистические исследования /Э. И. Хампира. — М. :Моск. ун-т, 1972. — 374.

К ВОПРОСУ ОБ ИДИОМАТИЧНОСТИ БАХУВРИХИ

Л. В. Соснина
ludmilasosnina@gmail.com
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В современной лингвистике существуют множественные и весьма противоречивые концепции лексического значения бахуврихи. Представители Донецкой школы дериватологии уже рассматривали бахуврихи с точки зрения структурного и ономасиологического анализа, что нашло отражение в статьях ученых указанной лингвистической школы (В. И. Теркулов, Л. В. Соснина). Актуальность нашего исследования определяется вполне объективными причинами, среди которых особое место занимает неоднозначность толкования самого термина идиоматичность.

Вопросами идиоматичности языковых единиц в разное время занимались такие отечественные лингвисты, как Л. А. Булаховский, В. Н. Телия, В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, С. И. Ожегов и др. По мнению В.М. Савицкого, в самых общих чертах современная концепция идиоматической единицы складывается из следующих аспектов:

1) семантическая целостность (слитность значений лексем), под которой понимается невыводимость (или неполная выводимость) общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов;

2) глобальность номинации, роднящая идиоматичное сочетание слов с отдельным словом;

3) буквальная непереводимость на другие языки [3, с. 85].

Разделяем мнение Л.И. Швыдкой о том, что «идиоматичность, являясь свойством языковой единицы, способна привести к двусмысленности в результате одновременной реализации в рамках одного текста буквального и фигурального значений составляющих» [7, с. 307]. Автор трактует идиомы как «единицы с непрозрачным значением, не выводимым непосредственно из значений составляющих» [там же, с.307].

Предметом нашего исследования являются бахуврихи, относящиеся к классу сложных имен, у которых «отношение между двумя компонентами выходит за их пределы». Вслед за Э. Бенвенистом считаем, что «это сложное имя основывается на атрибутивной конструкции» [1, с. 251], при этом на атрибутивность бахуврихи указывает суффикс. Бахуврихи можно рассматривать как двуплановую номинативную единицу, манифестирующую сочетание синтаксической и семантической функций [там же, с. 253].

А. Г. Садыкова полагает, что бахуврихи составляют незначительный корпус сложных наименований, но обладают эмотивно-экспрессивными особенностями и высоким коннотативным характером. Она пишет, что «идиоматичность в бахуврихах достигается за счет семантического усложнения деривационного акта метафорическими и метонимическими переносами значения сочетающихся основ» [4, с. 47]. Обращаясь к проблеме ассоциативных связей, которые реализуются в процессе экспрессивно-оценочной номинации, автор оценивает их как культурно-специфичные и создающие широкие возможности для передачи субъективной оценки.

О. Н. Кравченко и Ж. Багана предлагают выделить в отдельную группу имена прилагательные, раскрывающие фразеологическое, переносное значение и формирующие так называемые идиоматические прилагательные. Такие единицы имеют «антропоцентрическую направленность и раскрывают свое метафорическое значение посредством ассоциаций, возникающих у языковой личности носителя языка» [2, с. 149]. Занимаясь вопросами сравнительного и типологического языкознания, авторы указывают на существование в русском языке прилагательных с явным идиоматическим значением, например: *твердолобый*, *дубинноголовый (упрямый, глупый);*

кислолицый (*уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие* (*разговорный стиль*)), *сопленосый* (*молодой, неопытный человек* (*пренебрежительный оттенок*)).

Сложное наименование, возникшее на базе предметно-логических ассоциаций в акте номинации, рассматривается носителями языка как один из способов отражения окружающей действительности, как синтез понятий о реальности [6, с. 89]. А. Г. Файзуллина обращает внимание на существование термина экзоцентрические композиты (бахуврихи и императивные слова), который был введен А. Александровым и позднее заимствован К. Бругманом для отграничения данной группы образований от других сложных слов, центр значения которых находится в них самих. Так, наименования *сорвиголова, держиморда, чистоплюй* характеризуют человека, а не являются грамматической формой повелительного наклонения. Автор также отмечает, что в бахуврихи происходит «переосмысление объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления», а их важнейшими свойствами являются «эмоционально-циничная или грубая экспрессивность, презрительно-пренебрежительная оценочная образность» [там же, с. 91]. Будучи последователем концепции Э. Бенвениста, А. Г. Файзуллина полагает, что «важная характеристика бахуврихи — это признак двуплановости номинации, основанной на двух типах предикации — качества и атрибуции, что свидетельствует об асимметрии их плана содержания и плана выражения» [там же, с. 91].

Следует заметить, что вслед за Э. Бенвенистом многие ученые-лингвисты трактуют бахуврихи как неидиоматичные единицы. В наших предыдущих работах мы описывали бахуврихи *двухэтажный* как производное наименование на базе трех тождественных синтаксических конструкций — *на два этажа, в два этажа, с двумя этажами*, что позволяет говорить о возможности рассмотрения отдельных составляющих частей композита. Более того, мы отметили, что не существует вполне определенного мнения о статусе бахуврихи *черноротый*. Своеобразие прилагательного *черноротый* заключается в том, что композит реализует себя в трех направлениях — как универбализационный композит (*черноротый — с черным ртом*), как деривационный композит (*черноротый — черный рот*), наконец, как сложнопроизводное прилагательное,

уже образованное от сложного слова *черноротость*. Используя метод квантитативного анализа, мы пришли к заключению, что 78% словоупотреблений приходится на долю прилагательного *черноротый*, демонстрирующего признак идиоматичности в значении «грубый, скандальный, завистливый человек» [5, с. 472]. Можно предположить, что в современном русском языке существует группа прилагательных-бахуврихи с явными признаками идиоматичности.

В нашем исследовании все номинативные единицы обладают одинаковой частеречной принадлежностью, являясь именами прилагательными. В структурном отношении мы относим бахуврихи к универбализационным композитам, которые реализуются в пределах ономасиологических классов *физический признак человека, социальный признак человека, характеристика предмета или объекта.* Для ситуации преобразования словосочетания *с узким лбом* в слово *узколобый* абсолютная тождественность подкрепляется возможностью свободной взаимозамены словосочетания и слова в одном и том же окружении.

Опираясь на данные Национального корпуса русского языка, мы выделили в отдельную группу бахуврихи с признаками идиоматичности:

высоколобый — с высоким лбом; умный, развитый, с высоким уровнем интеллекта; в ироничном смысле о человеке, принадлежащем к культурной элите: *Узкое лицо* ***с высоким лбом*** *озаряется вдохновением* (Геннадий Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013); *Кто бы мог подумать:* ***высоколобый*** *интеллектуал, один из основателей экзистенциализма — и в одной из самых кондовых книжных серий!* (Юлия Рахаева. Новый режим в борделе для депутатов. Книги // «Известия», 2002.10.10). Заметим, что прилагательное *высоколобый* едва ли не чаще употребляется в переносном значении, чем в прямом (когда характеризует внешность человека), например, имена существительные *фильм, журнал, гений, читатель, ботан, эксперт, скептик, интеллигент, литератор, гордыня, культура* встречаются в сочетании с прилагательным *высоколобый*. К числу окказионализмов, содержащих в своем составе конструкт *лоб*, можем отнести адъективы *гигантолобый и нормальнолобый.*

низколобый — имеющий низкий, небольшой лоб; умственно ограниченный: *Это был огромный молодой человек* ***с низким лбом***

и вялым подбородком (Сергей Довлатов. Компромисс (1981–1984); *Татарский покосился на водителя — это был* ***низколобый*** *мужчина с мощными надбровными дугами, практически вся кожа которого была покрыта густой черной шерстью* (Виктор Пелевин. Generation «П» (1999); *Какой самый захудалый, самый* ***низколобый*** *публицист не писал о живой литературе, о реальности произведений искусства?* (Л. Н. Лунц. Почему мы серапионовы братья (1922));

желтолицый — с желтым лицом, с кожей желтого цвета; субстантивированное прилагательное содержит коннотативный смысл и является заменой номинатемы *китайцы*: *Это был обросший черными волосами человек* ***с желтым лицом*** *— итальянец смешанной крови* (А. С. Грин. Дорога никуда (1929); *Невесело усмехнулся, проходя,* ***желтолицый*** *горбун в подрезанной шинели без погон и фуражке путейца* (Дмитрий Быков. Орфография (2002); ***Желтолицые*** *освоили еще не распаханные степи, возведя на крепких травах свои жилища и народив в короткое время целое полчище косоглазых детишек* (Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1996);

чернокожий — с черной кожей; субстантивированное прилагательное *чернокожий/-ие*: *Оказывается, этой фразой он выражал удивление тому, что человек* ***с черной кожей*** *мог так хорошо говорить по-английски* (Елена Ханга. Про все (2000*); Кстати,* ***чернокожий*** *портье у нас в гостинице был добродушен, предупредителен, расторопен и, на мой слух, отлично говорил по-итальянски* (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011– 2015; *Скажут, что какие-нибудь* ***чернокожие*** *им мешают — и уничтожат несколько миллионов* (Сергей Ястребов. Лунная соната (2007);

толстопятый — с толстыми, мясистыми пятками; бранное слово грубый, неотесанный: *Откуда взять сил, чтобы бросить свой богоспасаемый град, променять его на какой-нибудь* ***толстопятый*** *Тамбов?!* (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1–2 (1983); *Яшка Бровкин– мужик* ***толстопятый****, зол и груб, — командует кораблем…* (А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга вторая (1933);

тупорылый — с тупым рылом, с широкой мордой; тупой, глупый, ограниченный: *Высоченный охранник* ***с тупым рылом*** *смотрит на меня сверху вниз* (Владимир Козлов. Крым (2002); *Гладкой шерсти, большеголовый,* ***тупорылый****, низко опустив голову, выискивал святой пес занесенные снегом провалы*! (Борис

Евсеев. Евстигней // «Октябрь»,2010); *Бывает реализм Бэкона, Гоголя, Менделеева, Репина, а бывает* ***тупорылый*** *и душный реализм лабазника, реализм самоваров, тараканов и гривенников* (К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965); *Платит* ***тупорылый*** *народ своими ничтожными жизнями* (Катастрофа // lenta.ru, 2015.11.02);

узколобый **—** с узким лбом; отличающийся узким кругозором, недалекий, ограниченный: *Настоящий громила* ***с узким лбом****, с лохматыми бровями над близко сведенными черными глазами* (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»); *Урезонивала себя Елизавета, вспоминая* ***узколобый*** *и анемичный соседкин анфас* (Дарья Симонова. Шанкр (2002); *Конечно, такой* ***узколобый*** *пуризм всегда обращается против самих же пуристов* (К. И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке) (1962).

Наше исследование привело нас к выводу о том, что в современном русском языке бахуврихи демонстрируют признаки идиоматичности в том случае, когда значение наименования не вытекает из значений составляющих его компонентов. Прилагательные *твердолобый, меднолобый, голоштанный, желторотый, мягкотелый,* напоминающие по структуре бахуврихи, мы относим к единицам квазикомпозитостроения, так как для них не определяется производящее словосочетание. Вполне возможно, что признаки идиоматичности могут быть обнаружены еще у целой группы прилагательных-бахуврихи. Перспективы исследования видятся нам в изучении сложных адъективных единиц типа *шишконосый, веероусый* и т.п. с целью составления структурно-семантической классификации композитов.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
2. Кравченко О.Н., Багана Ж. Сложные и сложнопроизводные прилагательные: способы и модели словообразования в антропологических характеристиках // Научная мысль Кавказа, 2013. № 2. — С. 146–150.
3. Савицкий В.М. Языковая идиоматичность и языковой идиоэтнизм // Поволжский педагогический вестник, 2016. № 3(12). — С. 84–88.
4. Садыкова А.Г. Универсальный характер организации семантического сложения композитов // Филология и культура. Philology and Culture, 2003. № 1. — С. 41–48.

5. Соснина Л.В. Ономасиологический подход к изучению бахуврихи // Русский язык в поликультурном мире. Сб. материалов Международного симпозиума «Великое русское слово», Ялта, 9– 13 июня 2020 г. — С. 468–473.
6. Файзуллина А.Г. Словосложение как способ образования инвективной лексики в разноструктурных языках // Юрислингвистика, 2007. № 8. — С. 87– 91.
7. Швыдкая Л.И. Когниция и идиоматизация // Проблемы истории, филологии, культуры, 2014. №1 (43). — С. 305–311.

ИНТЕНСИВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЕДИНЕНИЯ И ВРАЖДЫ КАК ЗНАК ВРЕМЕНИ[16]

А. В. Щетинина
anna-73.schetinina@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
(Екатеринбург)

Открытость информационного пространства обусловливает участие в коммуникационных процессах огромного количества людей со своими интересами, мировоззрением, установками на конфликтное или конструктивное общение, что находит отражение в языке взаимодействия. Значительный пласт новых слов в русском языке составляет лексика со значением единения и вражды, активно функционирующая в разных видах дискурса: средствах массовой информации, интернет-общении, повседневном устном взаимодействии. Новые факты языка постоянно получают освещение в работах лингвистов [2, 3, 4, 6, 8 и др.].

Политические события, такие как присоединение Крыма, последовавшие за этим санкции со стороны западных стран, реакция на политические события России и другие факты современной жизни, породили большое количество новых слов и выражений, в основе создания которых находятся разные языковые процессы: семантические преобразования уже имеющихся в языке единиц;

[16] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

прямые заимствования слов с их дальнейшей адаптацией к системе русского языка; лексико-словообразовательные процессы, под которыми понимаются «явления вхождения неолексем в русские модели узуального или окказионального словообразования, а также использования деривационных механизмов для создания неодериватов» [6, с. 66]. Так, у всех на слуху выражения *вежливые люди* и *Крым наш!* (последнее путем контаминации превратилось в лексему *крымнаш*, что в свою очередь запустило образование дериватов, например, *крымнашист, крымнашизм*), слова *импортозамещение, санкционка*, *запрещенка* и др. При этом новая лексика, зачастую разговорного или жаргонного типа, социально-политической и экономической тематики активно используется как в официальных средствах массовой информации, так и в коммуникации пользователей социальных сетей, в блогах, на форумах и других современных платформах обсуждения актуальных вопросов, сравним: *Как в Россию попадает* ***санкционка****? Исследование Национального рейтингового агентства действительно показало, что на смену европейским поставщикам пришли компании из других стран. Причём иногда речь идёт о реэкспорте* ***запрещёнки*** (АиФ, 09.12.2020); (орфография и пунктуация автора) oleguer777: *Про тухляк все понятно. А вот с* ***санкционкой*** *не убедительно. Вчера было норм, сегодня отрава какая. Че дурака валять. Уничтожать* ***санкционнку*** *только потому что так надо политикам пустая трата ресурсов* (https://pikabu.ru/story/pochemu_davyat_pishchevoy_kontrafakt_i_sanktsionku_na_paltsakh_7901447#comments) [1].

Социальные потрясения, связанные с распространением COVID-19, также обусловили появление новой лексики со значением единения и вражды, где в первую очередь сам вирус выступает как враг человечества, поскольку он наносит удары: ***Пандемия коронавируса нанесла удар*** *по двум грандам отечественного баскетбола* («Коммерсантъ» от 11.10.2020); у него есть жертвы: *Насколько достоверно можно говорить о том, что это* ***жертвы коронавируса****, не попавшие в официальную статистику?* («Коммерсантъ», 22.05.2020); с ним необходимо бороться: — ***Борьба с коронавирусом*** *— это проверка на прочность* («Коммерсантъ. Приложения», 29.06.2020); от него нужна защита: *Как ранее заявляли власти, во время пандемии есть две панацеи — это вакцина и коллективный иммунитет, когда большинство людей переболеет*

и, таким образом, получит ***защиту от коронавируса*** («Коммерсантъ FM» от 12.10.2020); для борьбы с вирусом принимаются меры: *Сергей Меняйло призвал власти Хакасии принять исчерпывающие* ***антиковидные меры*** («Коммерсантъ. Сибирь. Новосибирск», 13.11.2020) [1].

В то же время наряду с лексикой вражды в сферах политики, социальной жизни, культуры, экономики в последние десятилетия появилось большое количество слов со значением единения людей как ‘тесной связи, союза; сплоченности’ [7, с. 461]. Например, от лексемы *ковид* носители языка уже образовали дериват *ковидик*: ***Ковидик*** *вновь подбросил злую шутку* (https://zen.yandex.ru/media/id/5dfc9c51d4f07a00b03093ac/kovidik-vnov-podbrosil-zluiu-shutku-601fd3 9586f4e22208b2db59); *«И* ***ковидик*** *по степени патогенности очень слабенький»: доктор рассказал о массовом психозе во всем мире* (https://yandex.fr/news/story/I_kovidik_po_stepeni_patogennosti_ochen) [1], которые вошли «в мир говорящего, это уже что-то родное и близкое, присвоенное им, но уж никак не чужеродное, отстраненно-страшное и угрожающее» [6, с. 72].

Большое количество слов обозначают различные контакты между людьми с целью сотрудничества, например, *краудсорсинг* ‘привлечение широкого круга лиц, обладающих творческими способностями, знаниями и опытом в определенной сфере на безвозмездной добровольной основе или за небольшую плату к решению каких-либо задач инновационного производства’[17] и *краудфандинг* ‘сотрудничество людей, организованное обычно посредством Интернета, добровольно объединяющих свои финансовые и/или иные ресурсы с целью поддержки других людей или организаций’; места встреч людей для делового и частного общения, например, *антикафе* ‘общественное заведение для приятного времяпрепровождения (игр, общения, мастер-классов, прослушивания музыки и др.), где взимается поминутная плата за проведённое время, а не за питание’ и *коворкинг* ‘зона, организованная для свободного взаимодействия людей одной или разных профессий либо объединенных общими интересами, которые решают каждый свою задачу или занимаются общим проектом’; самих участников коммуникации,

[17] Здесь и далее дефиниции сформулированы автором для создаваемого словаря «Толковый словарь лексики единения и вражды в русском языке 2000–2020 годов».

например, *амбассадор* ‘человек, который по найму или безвозмездно занимается продвижением бренда, создавая его позитивный образ посредством демонстрации приверженности продукту’ и *тиктокеры* ‘создатели блогов в формате коротких видеороликов в социальной сети Tik Tok’.

В сфере частной жизни людей также активно появляется новая лексика со значением единения и вражды. Пласт слов посвящен конфликтным межличностным отношениям как в коллективе, в первую очередь в школьном или молодежном, например, *буллинг* ‘агрессивное преследование с целью унижения одного из членов коллектива или нескольких лиц другим его членом или группой лиц (чаще всего в школьном коллективе); травля’, так и в публичном интернет-пространстве, что обусловлено новым форматом взаимодействия людей. Например, глаголы *хейтить* ‘активно открыто выражать свою ненависть по отношению к кому-либо, оскорблять по национальному, гендерному, религиозному и другим признакам преимущественно в интернет-пространстве; порочить’, *канселить* ‘публично, обычно в интернет-пространстве, осуждать человека за какие-то действия или высказывания, бойкотировать его в средствах массовой информации, пытаться удалить из публичной сферы, требовать его наказания, например увольнения; осуждать явление, событие, идею’, *шеймить* ‘выражать публичное осуждение в адрес кого-либо или чего-либо за особенности внешнего вида или поведения, отклоняющихся от принятой какой-либо группой нормы; позорить, стыдить’ и другие единицы, а также их дериваты с семантикой осуждения, выражения ненависти являются номинациями действий, свойственных, как правило, молодежи, общающейся в социальных сетях и на других платформах коммуникации. Не случайно многие слова являются заимствованиями из английского языка, которые благодаря активному употреблению в русской речи мотивируют появление дериватов (*хейтить, хейт, хейтинг, хейтер, хейтспич; канселить, канселинг, заканселить; шеймить, шейминг, бодишейминг, слатшейминг, фэтшейминг*).

Лексика со значением единения людей в частной жизни также имеет место среди неологизмов. Если значение лексемы *нетковоркинг* связано прежде всего с профессиональным и социальным взаимодействием людей — это ‘выстраивание полезных связей путем нахождения друзей и знакомых, с помощью которых можно решать

определенные задачи социального или профессионального характера (устройство на работу, нахождение новых партнеров, сотрудников, инвесторов и др.)', то слово *вписка* связано с номинацией неформальных отношений молодых людей — это 'шумная вечеринка в частной квартире, на которую приглашают знакомых и незнакомых людей с целью весело провести время'.

Как мы отметили в начале статьи, новые факты языка со значением единения и вражды, как и другие неологизмы, появляются разными путями:

– посредством прямого заимствования, при этом функционируют как термины, жаргонизмы, варваризмы (*Брексит* от англ. *Brexit*: от *Britain* (Британия) + *exit* (выход) 'выход Великобритании из Европейского Союза на основании решения референдума, проведенного в 2016 году, и связанная с ним процедура'): ***«Брексит»*** *должен состояться 29 марта 2019 года. Переговоры между Британией и ЕС по условиям, на которых Великобритания выйдет из Евросоюза, проходят с июня 2017 года* («Коммерсантъ», 2018) [1];

– через переосмысление уже имеющегося значения (*ватник* 'человек, патриотично настроенный, поддерживающий политику власти, ориентированную на укрепление государственности, на позиционирование России в мире как державы': *Точно так же и главная проблема 2014 года, которая в откровенной форме выражается вопросом: «Имеют ли право "ватники" выбирать, в какой стране им жить?», дискутируется только в элите* («Коммерсантъ. Власть», 01.12.2014) [5]; слово образовано как единица с новым значением, омонимичная уже существующему слову, обозначающему русскую одежду 'разг. стеганая ватная куртка или безрукавка' [7], которую носили в России в XX веке, ср.: *Он выдал мне сухое белье (гимнастерку, шинель и* ***ватник*** *кое-как просушили у костра), натер меня водкой и дал стакан водки внутрь, приговаривая: «Водка не роскошь, а гигиена!»* (Н.Н. Никулин. Воспоминания о войне, 1975) [5]);

– путем деривации по имеющимся в русском языке словообразовательным моделям: *коворкинговый, абьюзивный, заканселить, триггерить, френдить, френдосбор* и др.

Таким образом, современная коммуникация, одной из основных особенностей которой является публичность, доступная не

только известным людям, но и рядовым носителям языка, демонстрирует как уже известные виды и формы общения людей, называемые новыми словами, в том числе связанные с единением и враждебными отношениями, так и новые феномены коммуникации со своими наименованиями.

Литература

1. АА — Архив автора.
2. Вепрева И. Т. Об актуальной лексеме Крымнаш // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII съезда МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). — С. 31–352.
3. Иссерс О. С. От серьезного — до смешного: игровой потенциал российского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). — С. 25–31.
4. Кошкарова Н. Н. Новообразования русского языка как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13, № 4. — С. 40–45.
5. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new/search-main.html.
6. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Палоши И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. — С. 63–79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. — 702 с.
8. Щетинина А. В., Семёхина А. С. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе // Вестник ТПГУ. 2021. № 1 (213). — С. 18–27.

РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИИ В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

С. Г. Чернобривец
filologtnu@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Текст — сложная структура, состоящая из разных типов передачи информации, которые соотносятся между собой для выражения

его коммуникативных качеств. Поэтому изучение текста привлекает лингвистов прежде всего с точки зрения содержания и формы его выражения. Текст — это высшая коммуникативная единица, цельное произведение, созданное автором как способ воздействия на адресата. Следовательно, текст создаётся с определённой целью и в определённых коммуникативных условиях. Любой текст имеет двойную направленность: на автора, создающего текст, и на реципиента, воспринимающего этот текст.

Текст — это не механическое соединение предложений или словоформ в предложении. Он представляет собой последовательность соединения предложений-высказываний и словоформ в них при помощи разных текстовых категорий, порождающих в совокупности образование, отличное от суммы составляющих его отдельных единиц.

Коммуниканты, создавая или воспринимая текст, независимо от их лингвистической или культурной принадлежности, опираются прежде всего на свой опыт и знания о мире и кодируют или декодируют заложенный в тексте смысл.

Правильность восприятия текста, таким образом, обеспечивается, помимо знания графических и языковых средств, общим фондом знаний у адресата и адресанта, т. е. пресуппозицией (от англ. presupposition — предложение). Следовательно, при коммуникации должны присутствовать три уровня знаний — языковой, национально-культурный и когнитивный. Последний включает в себя пресуппозицию.

Целью данной статьи является рассмотрение пресуппозиции как одного из средств организации текста для выражения его смысла.

Пресуппозиция — такой компонент высказывания, который когнитивно ему предшествует. Пресуппозиция составляет имплицитную информацию и используется для того, чтобы проявить фонд внеязыковых знаний участниками коммуникации при оформлении содержательной связности.

В. Я. Шабес предлагает такую классификацию фоновых знаний:

- социальные, т. е. известные всем участникам речевого акта до начала сообщения;

- индивидуальные, т. е. известные только двум участникам диалога до начала сообщения;

- коллективные, т. е. известные только членам определённого коллектива, связанным с профессией, социальными отношениями (например, специальные медицинские знания, политические и др.) [1, с. 16].

Фоновые знания могут быть классифицированы и со стороны содержания на житейские, донаучные, научные, литературно-художественные [1, с. 16].

Коммуникативные намерения автор текста реализует, находясь в конкретных коммуникативных условиях и в конкретной ситуации. При этом должна учитываться коммуникативная компетенция реципиента о предмете и обстоятельствах речи. Таким образом, пресуппозиция — это компонент общих знаний адресата и адресанта, то, о чём в предложении не говорится прямо.

Исследователи текста различают пресуппозицию смысловую (предшествующая информация, фоновые знания) и лингвистическую, выражаемую неполнозначными словесными знаками, однако словесно выраженную [2, с. 16]. Такая пресуппозиция чаще всего оформляется при помощи местоимений, указывающих на связь с предыдущим (или последующим) текстом: *Это случилось в апреле* — местоимение *это* только указывает на какое-то событие, но не называет его. Указания подобного типа заставляют читателя обратиться либо к предыдущей словесно выраженной информации, либо к дальнейшему изложению. В такой же функции могут употребляться некоторые союзы, частицы, производные предлоги, наречия: *Спортсмен снова включился в игру* — семантика наречия *снова* предполагает некий предшествующий перерыв. В тексте пресуппозиция может быть неявной, смысловой, содержательной, когда автор учитывает знания партнёра по коммуникации. В этом случае у адресата и адресанта должны быть общие знания о предмете речи. Так, из высказывания *Закройте дверь!* следует предположение, что до этого дверь была открыта.

Журналисты часто используют пресуппозицию в заголовках газетных статей, используя прецедентные тексты, тем самым побуждая читателя обратиться к последующей полной публикации и проверить свои когнитивные ожидания. Заголовок-прецедент сжато характеризует ситуацию, изложенную в публикации, а если некоторые компоненты такого заглавия маловыразительны, то создатель текста

изменяет прецедентный заголовок с тем, чтобы наиболее полно выразить свою позицию по поводу сказанного в дальнейшей публикации. Такие трансформации дают возможность читателю проверить собственную компетентность и понять цель использования прецедента. Однако достижение запланированной цели будет успешным только тогда, когда адресату известна исходная фраза и он может сопоставить её с предложенным текстом. Столкновение двух планов — эксплицитного и имплицитного — позволяет выразить авторскую позицию и создать необходимый эффект — «зацепить» взгляд читателя, задержать его на названии публикации, а тем самым и побудить адресата к прочтению. При этом происходит столкновение привычного, известного и неожиданного [4, с. 163–167].

На пресуппозиции также строятся анекдоты, вопросы кроссвордов, некоторые рекламы [3, с. 123–126].

Любой заголовок (как краткий текст) призван осуществлять презентационную функцию по отношению к последующему тексту. Приведём примеры из заголовков газет, построенных на словесно выраженной лингвистической пропозиции: *В таком участие не принимаем* (Крымская правда, 06.12.18) — местоимение *таком* побуждает читателя обратиться к основному тексту, из которого следует, что речь идёт о нежелании В. В. Путина разговаривать с Порошенко по телефону, т. к. В. В. Путин не хочет участвовать в «нехитрых комбинациях» украинского президента; *Это ещё проверять надо…* (Крымская правда, 21.12.18) — о необходимости правительства разобраться в том, какие компании не могут или не хотят заниматься разработкой месторождений полезных ископаемых.

На смысловой пресуппозиции построен следующий заголовок: *Весна до четверга* (Крымская правда, 06.02.19) — читателям газеты сообщается, что после четверга произойдёт понижение температуры в Крыму, погода значительно ухудшится (до этого сообщения было очень тепло, уже начали расцветать плодовые деревья).

Ещё пример. Предварительное знание диалога Татьяны Лариной и няни из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина помогает понять заголовок статьи *Не спится, няня* (Российская газета, 14.12.18), предваряющий публикацию о нарушениях ритма сна во время смен времён года.

Пресуппозиция в тексте может быть и неявно-смысловой. В этом случае также для адресата и адресанта обязательны общие знания о предмете речи. Такая пресуппозиция часто является основой анекдотов:

Извините, мужчина. Вы что-нибудь выбрали? А то Третьяковская галерея закрывается.

Данный анекдот основан на событии воровства картины А. Куинджи из Третьяковской галереи.

Следующий анекдот предполагает у коммуникантов знания текста романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», без чего коммуникация не состоится:

1.Подойти к незнакомому человеку в парке.

2.Сказать: «Аннушка уже разлила масло».

3.Уйти.

Используют пресуппозицию и составители кроссвордов, при разгадывании которых иногда от читателя требуются знания двух зашифрованных смыслов, например:

Вопрос: *таджикский бард*. При разгадывании необходимо знать, кто такой бард (сочинитель песен и их исполнитель), а также именование такого человека у таджиков (хафиз). То же в задании: Вопрос: *амиго у осетин*, где амиго — друг по-итальянски, а друг у осетин — кунак.

Приведём пример использования пресуппозиции в рекламе:

Только яркие впечатления! До встречи на ATAN! (Крымская правда, 15.01.20) — реклама призывает водителей к покупке топлива рекламируемой фирмы, поскольку в пресуппозиции оно характеризуется как качественное

Таким образом, для успешной коммуникации необходимо, чтобы любой текст, даже одно предложение, был осмысленным, соответствующим параметрам общения, представлял собой не только грамматическое и по смыслу соединение речевых единиц, но ещё и включал некое знание, не выраженное вербально, однако участвующее в формировании общего смысла текста, дающего возможность коммуникантам участвовать в своеобразной языковой игре и позволяющего проверить собственную компетентность, понять цель создания текста. Однако во всех случаях для достижения поставленной цели автору следует учитывать фонд знаний, мнений,

взглядов большинства представителей лингвокультурного сообщества на то, что закодировано в тексте, поскольку только при верной оценке пресуппозиций каждым из коммуникантов возможно полноценное общение.

Литература

1. Валгина, Н. С. Теория текста: Учебное пособие / Н. С. Валгина, М.: Логос, 2003. — 280 с.
2. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 368 с.
3. Чернобривец С. Г. Роль пресуппозиции в смысловой организации газетного заголовка / С. Г. Чернобривец. // Межкультурные коммуникации : Русский язык в современном измерении. Тезисы докладов участников Международной научной конференции. — Симферополь, 2019. — С. 123-126.
4. Чернобривец С. Г. Газетные заголовки как средство достижения коммуникативно-прагматических целей / С. Г. Чернобривец // Истоки крымской лингвистической школы : (К 100-летию образования кафедры русского языка и Таврического университета : в 2-х ч.). Сост. Л. А. Орехова, А. В. Петров, Н. А. Сегал. — Саки : ИП Боровко А. А. — Ч. 2, 2018. — С.163-167.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛЕС» В РАМКАХ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ДОМ-ЛЕС» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)[18]

А. Г. Тимченко

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»

(Красноярск)

Материалом наблюдений явились лексические единицы русских говоров Красноярского края (семантическое поле «лес»), извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских говоров северных (ССГ), центральных (СЦГ) и южных (СЮГ) районов Красноярского края.

[18] Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках участия в мероприятии: V Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» в рамках XIV Международного фестиваля «Великое русское слово».

Географически большая часть территории Красноярского края расположена в таежной зоне. Лес всегда являлся для человека чужеродным местом, незнакомым. Неспроста жители Красноярского края отличали тайгу и границу с ней от простого леса, особо именуя, поскольку она в сознании старожилов представляла большую опасность. В толковом словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой встречаем: *«Тайга — 1) Полоса диких, труднопроходимых хвойных лесов умеренного пояса, преимущественно состоящих из ели, пихты, лиственницы (иногда с примесью немногочисленных лиственных пород), занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки. 2) разг. Любой непроходимый лес»* [3].

Что примечательно, в сознании современных жителей края тайга уже не является столь пугающим и особенным местом, многими отождествляется просто с лесом. Приведем здесь данные Ассоциативного словаря Приенисейской Сибири. Среди 68 реакций на слово-стимул тайга: лес (34 респондента), густая (2), глухая (2), ель (2), непроходимая (2), остальные реакции (менее яркие семантически) — по одному респонденту [2]. Такое изменение оттенка значения в сознании произошло, вероятно, в связи с цивилизационными процессами отдаления человека от естественного, природного начала, от той первозданной общности, когда человеку приходилось один на один бороться с реалиями природы.

Лес для людей всегда был и остается чужой, неосвоенной территорией, скрывающей опасности. Поэтому, чтобы почувствовать себя защищенным, человек ограждал себя, свое жилище, свой скот, возводя заборы, отвоевывая территорию у леса, осваивая ее. В говорах Красноярского края лексемы **«дом»** и **«лес»** обладают характерной оценочной коннотацией: первый связывают с положительным началом, второй — с отрицательным.

Со вторым членом семиотической оппозиции **«дом-лес»** соотносятся мифологические существа, враждебные человеку: ***леснОй*** *(СЮГ, ССГ, СЦГ),* ***лешАк, лешачИха*** *— леший (СЮГ, ССГ);* ***шилЮкин*** *— чёрт (СЮГ);* ***шулИкин, шуликУн*** *— водяной, нечистый (Вот нечистик-шуликин вылезет из болота и заберёт тебя (СЦГ));* ***шулекУн*** *— демоническое существо, сочетающее в себе признаки и функции лешего, водяного, черта (ССГ).* Однако некоторых существ особо уважительно именуют, добавляя указание на старшего

в роду: ***дЕдушка-боровой*** *— леший (ССГ)* (прямая связь с оппозицией **«старший-младший»**). Примечательно, что встречаются именования демонической силы как мужского, так и женского рода (*лешачИха*). Данная категория актуализируется также в оппозиции **«сакральный-профанный»** (подробнее об этом см. в соответствующем разделе). «Все эти существа, обитающие в лесу, характеризуются отрицательными атрибутами …; ср., например, связь лешего с левым: у лешего левая пола запахнута за правую, левый лапоть надет на правую ногу…» [4, с. 173]. Поскольку лесные духи в сознании старожилов устойчиво связывались с негативным, возникли и бранные и экспрессивные выражения (относимые к людям) от дериватов, указывающих на них: ***лешакОвый*** *— 1. принадлежащий лешаку, лешему 2. трудный, тяжелый (о жизни) 3. никудышный, плохой хозяин (ССГ);* ***лешачИха*** *(бран.) (ССГ);* ***поведи тебя лешак*** *— ругательство (ССГ);* ***чтоб тебя леший унес*** *(бран.) (ССГ); где тебя лешАк носит (гоняет, околачивает) — где ты ходишь, где ты был? (СЦГ)*; ***лешАктебя возьми (задери, побери)*** *— бран. выражение негодования, обиды (СЦГ)*. Актуализация в речи имени или явления, воздействие на изображение предмета приравнивалось к воздействию на сам предмет, что является одной из универсалий мифологического мышления, лежащей в основе многих заговоров.

Начало, противопоставленное дому, — все, что находится вне дома, двора. Любопытной представляется этимология наречия *вОнки — «на улицу, наружу» (СЦГ)*: «Скорее всего, родственно др.-инд. vánam «лес», местн. п. ед. ч. vánē «в лесу», подобно лит. laukè «снаружи», laũkan «наружу», букв. «в поле» [15, с. 328]. Отсюда и чуждость всего, что «вне» домашней территории.

Ко второму члену оппозиции — **«лесу»** — относятся «так называемые выморочные места» [4, с. 174]. В реальности территориально они могут не относиться именно к лесу. К ним могут быть причислены лесные чащи, стоячие воды (болота, пруды, омуты, озера, трясины), трущобы, овраги, перекрестки дорог, границы полей, распутья и т.п. [4, с. 174]. Дериваты с подобным значением рассматриваются в рамках оппозиции пространственной оппозиции **«верх-низ»**. Следует заметить лишь, что среди лексем данной лексико-семантической группы встречается мало именований с положительной коннотацией.

Отобранные для лексико-семантического анализа лексемы, встретившиеся в русских говорах Красноярского края, можно разделить на лексико-семантические группы: ***территориально относящийся к лесу, перекрестки дорог/дороги, границы поля***.

Территориально относящийся к лесу:*бор1* *— 1. лес из хвойных пород с примесью березы, осины 2. отделившаяся от тайги часть соснового леса (СЮГ);* ***густАрник*** *— густой лес или кустарник (СЮГ);* ***елшнИк*** *— мелкий ельник (СЮГ);* ***таЁжка*** *— небольшой массив тайги (СЦГ, СЮГ);* ***дубрОвина*** *— сенокосное угодье в лесу (ССГ);* ***кедрАч*** *— кедровник (ССГ);* ***болОтнистый*** *— густой, труднопроходимый (о лесе) (СЦГ);* ***гремУчий*** *— дремучий (СЦГ);* ***тайгАорЕховая*** *— место в тайге, где растут кедровые деревья (СЦГ);* ***щЁтка*** *— 1. густая поросль молодых древесных растений 2. разновидность низкорослой луговой травы с мощным корневищем и стелющимися по земле жёсткими гладкими стеблями (СЦГ)* и др.

Лексемы данной лексико-семантической группы несут информацию:

- о свойствах (преимущественно, каков лес по составу: хвойный, лиственный, смешанный — *бор, елш-, разн-, пихт-, листв-, кедр-, сосн-, рям*(вероятно, «из карельск. rieme «болото, поросшее лесом» [1, с. 468]), *таёж-;* пригодный для постройки дома, сельскохозяйственных нужд — *стро-, амб**а**р-, тын-, кось-;* промысловое использование — *орех-, лес-, кулём-* (от одноименных ловушек), *дубр-, курень, лав-, крад-, кулиг-/кулиж-*; вырубленное пространство, срубленное дерево — *руб-, сек-/сечь-, дерев-, долг-;* расчищенное место — *лап-*);

- признаках объекта (редкий, тонкий — *част-, тонк-, мелк-, менд-* (от мя́нда «вид сосны» [16, с. 30]), *чепыж-*; густой, труднопроходимый — *зарост-, трещоб-, щёт-, толст-, куст-, чапыг-* (ср.: болг. чеп «сук» [17, с. 316]), *грем-* (фонетическое искажение *дремучий*), *бодолож-* (вероятно, от *будылья «сухие стебли»*), *болот-, кизиль-* (от основного растения в данном месте — кизила), *вертеп-, урман* (заимствование «из тат. urman «лес» [17, с. 168]), *сузём* (из фин. sysmä «лесная глушь» [16, с. 797]),*шехр-* (от чагра «мелкий густой труднопроходимый лес на сухом месте» [1, с. 650]), *чепур-* (от *чепать* «цепкая растительность» [17, с. 333]); молодой —

рощ-/рос-, чагар-; поваленный, старый — *вал-, дупл-, колод-;* кудрявый — *шуб-;* цвет — *зелен-*);

- его расположении (*за-, под-, кол-, круж-, кос-, болот-*), что выражается в их составных единицах.

Н. А. Криничная отмечает при анализе фольклорно-мифологических текстов, что важную роль космологических знаков-символов при изображении такой экзистенциальной стихии, как лес, играет связь с «началом времен». Лес мифический не только находится *далеко* за пределами жилища человека (актуализируется второй член оппозиции «далеко-близко»), но и приобретает следующие характерные черты первозданности: «густой, дикий, старый, непроходимый, дремучий лес» [5, с. 114]. Кроме того, лес связывался с инобытием, смертью, духами предков: с представлениями о гробовине (колодине) соотносят такое именование леса в говорах, как *колОдник* [5, с. 115]. Отсюда и столь экспрессивная характеризация тайги в центральных районах края: *Страшенна тайга была круг этой деревни. Ач.: Кур. (СЦГ)* (в знач. «очень страшная»).

Перекрестки дорог/дороги, границы: *крестЫ* *— место, где скрещиваются дороги, улицы (ССГ, СЦГ, СЮГ);* ***рОсстань, росстАнье*** *— перекресток двух или нескольких дорог, распутье (СЮГ);* ***рОзверть*** *— развилка дорог (СЦГ)* и др.

Словарные дефиниции заключают концептуально важные особенности объекта: дорога в горной местности (реализуется в очевидных по своей этимологии дериватах *подугОрье, тянИгус*); труднопроходимая, дорога через болото (реализуется в лексемах *убрОдина* — от *бреду*; ср.: в Приамурье уброд «любая непроходимая дорога» [7]*; лежнЁвка* — от *лежень* «горизонтально расположенные бревно, брус, труба или какое-л. устройство» [3]); охотничья (промысловая) тропа (легко вычленима семантика деривата *пУтик*; в словаре Брокгауза и Ефрона встречаем: *«Такими П. изрѣзана вся громадная лѣсная площадь промысловыхъмѣстностейнашихъсѣверныхъгуберній, а отчасти и Сибири»* [19, с. 814]); тропинка в лесу (на что указывает корень деривата *дресв-*); пересечение дорог (*крестЫ, рОсстань, росстАнье, рОсстаЛь, на росстАнье, на рОсстаньях* — от *стан* «место стоянки, остановки»);ответвление дорог (*развИлки, развИлье* — метафоризация от *вил*, что, в свою очередь, образовано от *вить* по основному действию,

происходящему в данном случае с дорогой; *рОзверть* — от *развертывать*«раскручивать что-либо»); дорога вообще (*стЕжка/стЁжка* — общеславянский дериват образован «от *стьга* — «тропа, дорога» [6, с. 376]; *стернЯ* — метафоризация по аналогии с оставшейся на поле стернёй; *стамовАя* — связывается со стамой «постоянный», «основание» [16, с. 744-745]); границы направления (*тёс, тесИнка, рубЕж, рУбка* — по основным действиям, производимым с деревом — *тесать* и *рубить*).

Все пути-дороги в лесу, конечно же, знал тот человек, который их прокладывал, осваивая новое опасное пространство. Это были промысловики и охотники, чему есть прямое подтверждение: *Этот охотник все дресвянкизнат, никогда не заплутат. Кежем. (ССГ)*.

Дорогу отчасти можно считать местом освоенным, поскольку человек по ней уже ходил. На ней он «обладает пространством, она его приводит к цели (в отличие от дикой природы, синонимом которой может быть хаос). Поэтому, при встрече ночью на дороге с нечистой силой, которая предупреждает, что ночь принадлежит ей, человек хитро отвечает: «Nućtva, potjema» (Ночь твоя, но дорога моя) (Matičetov 1968: 225)» [11, с. 72].

Однако, находясь в удалении от дома, человек всё же соотносит в своем сознании дорогу с пространством «лес». Как символ дорога может выступать связующим звеном между **«чужим» лесом** и **«своим» домом**. Это средство попадания человека в другой мир — «темный», «чужой», который часто связывался в сознании старожилов с миром загробным [8; 18]. В исследовании В.Я. Проппа на материале русской волшебной сказки встречаем указание на то, что лес был окружен «иным царством», а «дорога в иной мир ведет сквозь лес» [10, с. 41]. Важная роль распутья, перекрестков дорог «отражена в былинах и сказках, где с ними сопряжена необходимость выбора между жизнью-смертью, долей-недолей» [4, с. 174]. Как отмечает С. Ю. Неклюдов в своей работе, посвященной рассмотрению таких универсальных единиц, как дорога и путь, дорога рассматривалась не только с точки зрения возможности передвижения [9, с. 206-222]. В связи с тем, что перекрестки связывались с местом обитания нечистой силы, на перекрестки девушки ходили гадать: *И идем мы на кресты гадать: по какому проулку из четырех пойдет конь, в ту сторону и замуж уйдешь. Мотыг.; На святки девки уехали на росстани и гадали. Мотыг. (ССГ)*.

Восприятие дороги как потустороннего мира или перехода между «тем» и «этим» мирами не чуждо как фольклорной традиции, так и представлениям современным, например, в упомянутом выше Ассоциативном словаре встречаем следующее: из 70 реакций на слово *дорога* большее число пришлось на слово *домой* (12) [2]. Следовательно, в сознании современных людей все-таки наличествует связь между двумя этими образами-символами.

Вышеприведенные лексемы, входящие в семантическое поле ***«лес»***, включают в себя семантику бинарных оппозиций типа ***«свой-чужой», «близкий-далекий», «освоенный-неосвоенный»***. Следовательно, это противопоставление «может быть истолковано в социально-экологическом плане как противопоставление освоенного человеком, ставшего его хозяйством, неосвоенному им» [4, с. 168]. Анализ данного семантического поля позволяет не только представить специфику знаковой организации пространства носителей русского говора Красноярского края, но и многие аспекты их традиционной жизни и бытового уклада.

Литература

1. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. — 768 с.
2. Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири, 2015 [Электронный ресурс]. — URL: http://react.ftn24.ru/ (дата обращения: 07.06.2020).
3. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка, 2000 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.efremova.info (дата обращения: 11.04.2015).
4. Иванов, Вяч. В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы.М., 1965.
5. Криничная, Н.А. «Тот дикий лес, дремучий и грозящий...»: к семантике мифологического образа // Русская речь. 2011.№ 4. — С. 110–117.
6. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Виктория плюс, 2004. — 432 с.
7. Мельников, А.В. Топонимический словарь Амурской области, 2009 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.litmir.co/br/?b=231971 (дата обращения: 05.08.2015).
8. Невская, Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста: сборник статей.М.: Наука, 1980. — С. 228–238.
9. Неклюдов, С.Ю. Движение и дорога в фольклоре // DieWeltderSlaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten —

Reiserouten in der russischen Kultur.München: Verlag Otto Sagner, 2007. — С. 206–222.
10. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки.М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. — 336 с.
11. Раденкович, Л. Опасное время в народных представлениях славян. Balcanica XXXV.Belgrade, 2005. — С. 71–90.
12. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: изд-во КГПИ, 1992. — 348 с.
13. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. Красноярск: РИО КГПУ, 2003-2011.
14. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1988. — 488 с.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем.2-е изд., стереотип. — М.: Прогресс, 1986.Т. 1.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем.2-е изд., стереотип.М.: Прогресс, 1987.Т. 3.
17. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. — 2-е изд., стереотип.М.: Прогресс, 1987.Т. 4.
18. Чистяков, В. А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX-XX вв. Обряды и обрядовый фольклор. Москва, 1982. — С. 114–126.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.СПб., 1890–1907.

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕННОСТНЫХ АНОМАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Т. Б. Радбиль
timur@radbil.ru
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
(Нижний Новгород)

В развиваемой нами концепции языковых аномалий особое место занимают аномалии языковой концептуализации мира, среди которых мы обратили внимание на такой нетривиальный вид языковой девиантности, как аномалии в сфере ценностей [1; 3; 5]. Вне всякого сомнения, исследования языковой аномальности могут быть востребованы в самых разных прикладных областях, в частности, для изучения явлений коммуникативных провалов, вербальной агрессии и языкового манипулирования в лингвоэкспертных исследованиях [2; 4]. Одно из главных положений нашей теории аномальности заключается в указании на значительный лингвокреативный потенциал языковых аномалий разного типа. Здесь нас будет интересовать, как языковых механизмы ценностных аномалий используются авторами художественных произведений как средство художественной выразительности в целях языкового воплощения сложного и нетривиального, подчас внутренне противоречивого содержания.

Итак, осознание объективно существующей в коллективных представлениях говорящих некой системы ценностей как своего рода точки отсчета означает возможность осознанного или невольного нарушения указанных конвенций. Если есть норма, всегда найдутся и отступления от нее. Как уже было сказано ранее, мы постулируем наличие аномалий особого типа — аномалий ценностных, которые выступают как видовой коррелят аномалий языковой концептуализации мира [1]. Эти аномалии искажают некий «прототипический мир ценностей», существующий в коллективном сознании этноса в качестве системы идеалов, норм и ценностей, воспринимаемой как эталон. Они часто воспринимаются как

странные, порою эпатирующие, шокирующие, поскольку остраняют «прототипический мир», актуальный дл всех носителей языка по умолчанию.

Необходимо различать ценностные девиации на уровне собственно концептуальном, которые не затрагивают устройство единиц и категорий самого языка, и ценностные девиации, возникающие в результате семантических преобразований ценностного компонента в самой единице языка — собственно языковые аномалии ценностей. Это различие имеет вид вид дифференциации между ассертивным смыслом, актуализованном в эксплицитном суждении, которое так или иначе имеет отношение к дескриптивному выражению ценностей, и смыслом неассертивным, имплицитным, который присутствует в языковом выражении на уровне его коннотации, модальной рамки, пресуппозиции или импликации.

Аномалии на уровне дескриптивных высказываний, экпслицитных выражений (ассертивные). Классическим примером такой ценностной аномалии является эпатирующая фраза в одном из стихотворений раннего Маяковского: *Я люблю смотреть, как умирают дети*. Обратим внимание, что при трансформации высказывания от первого лица в высказывание от третьего лица (так сказать, в нормальный нарратив) аномальность снимается: *Он любит смотреть, как умирают дети.* Кстати, сама возможность такой трансформации, при которой снимается аномальность, как раз и доказывает, что данный пример реализует аномалию не на уровне собственно языка.

К явлениям переходного от концептуального к собственно языковому типу мы относим случаи, когда ценностная аномалия «включается» благодаря метаязыковому показателю (вводному слову, частице, вставной конструкции и пр.). Такие выражения в своем толковании, согласно Е. В. Падучевой имеют компонент ʻя скажу, я говорю’, а субъектом выражаемой ими пропозициональной установки по умолчанию здесь является говорящий. Например, в финале «Сонета» Д. Хармса читаем: *Мы спорили бы очень долго, но,* ***по счастию,*** *тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти.* — Здесь в мире Повествователя как благоприятное оценивается событие, которое в «прототипическом мире ценностей» этноса не может иметь позитивной оценочности. Аномальный ценностный сдвиг

осуществляется за счет ввода неожиданного в данном контексте метаязыкового показателя с модальной рамкой оценочного типа ‘Хорошо, что’ *тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти* + обязательная импликация ‘я (= говорящий) считаю изображаемое событие счастливым’.

Собственно языковые аномалии на уровне неассертивных компонентов (коннотаций, модальных рамок, пресуппозиций слов и выражений). Они выражаются в контекстах, в которых по тем или иным причинам погашаются положительно оценочные коннотации, так или иначе дезавуируется заложенный в прототипическом мире ценностей этноса позитивно-оценочный компонент смысла. Например, в художественной речи А. Платонова выразителем отрицательной оценки становится высокое русское слово *хлебопашцы*: *Что же до расточки цилиндров, то* ***трудовые армии*** *точить ничего не могут, потому что они* ***скрытые хлебопашцы*** («Сокровенный человек»). — Лексема *хлебопашцы* в узусе имеет очевидную положительно-оценочную коннотацию, за счет своего книжно-славянского происхождения и возвышенной стилистической марикрованности. Однако в данном контексте актуализован потенциальный семантический признак ‘неквалифицированность крестьянского труда (в глазах, разумеется, не-крестьян)’, поскольку истинную ценность в мире платоновского героя, Фомы Пухова, имеет *мастеровой, рабочий.* Так, слово *хлебопашцы* приобретает контекстную отрицательную оценочность, в противовес его «стереотипной» позитивной ценностной коннотированности.

В наших работах по «наивной аксиологии» естественного языка обосновывается понятие репрезентативных (диагностических) контекстов, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной. Такие репрезентативные контексты и будут служить «тестами» как на само наличие языковой оценочности, так и на ее «знак» («плюс» или «минус»). Ниже, на материале поэтического корпуса в Национальном корпусе русского языка, мы рассмотрим ряд таких контекстов, репрезентативных для художественной актуализации собственно языковых аномалий ценностей. Это прежде всего контексты неожиданной, странной **атрибутивной сочетаемости**, когда в семантике прилагательного эксплицируется оценочность противоположного

знака по отношению к знаку имплицитной оценочной коннотации определяемого слова.

В моделях такого рода интересны случаи, когда эксплицитное позитивно-оценочное значение прилагательного входит в противоречие с глубинной семантикой определяемого слова, например, со словообразовательной: *Грог* — ***пойло превосходное*** [Саша Черный. «Однажды в мглу осеннюю...» | Кому в эмиграции жить хорошо (1931-1932)]; ***Замечательная статьишка****», // а в статьишке — // листов триста! // Начинающего унимают диалектикой нечеловечьей* [В. В. Маяковский. «Рабочий / утром / глазеет в газету…» | Газетный день (1923)]. Как видим из приведенных выше примеров, возможны две оппозитивные когнитивные модели: (1) прилагательное с эксплицитной негативной оценочностью сочетается с существительным с имплицитной позитивной оценкой; (2) прилагательное с эксплицитной позитивной оценочностью сочетается с существительным с имплицитной негативной оценкой

Первая когнитивная схема, в которой в контексте элиминируется позитивная оценочная коннотация определяемого существительного посредством употребления прилагательного, в котором эксплицитно представлена негативная оценка, широко востребована в художественном дискурсе в качестве яркого художественного приема оксюморонного типа. Широко представлена эта когнитивная модель в русской поэзии (классической и современной). Можно провести любопытные наблюдения над тем, какие положительно коннотированные номинации могут попадать в русской поэзии в зону негативно-оценочного переосмысления: *Как пред* ***ужасною святыней*** *алтаря // Обет наш перед ней: всё в жертву за Царя* [В. А. Жуковский. «Когда летящие отвсюду шумны клики...» | Императору Александру (1814)]; *Я сейчас пришел из представленья, // Где Краснова Теодор катал… // Публика — в* ***ужасном восхищенье****: // Зарычали все, как он упал!* [А. А. Григорьев. «Замолчи, о критик с речью строгой!..» | Послание к критику «Якоря» (1863)]; *«Пусть мы несчастны, размечает, // Должны подруг мы охранить // И вопль* ***гармонии ужасной*** *// Сияньем света охватить»* [К. К. Вагинов. «Ангел ночной стучит, несется...» (1924-1926)]; *Я здесь учусь* ***ужасному веселью****: // Постылый звук*

тех песен обретать, // которых никогда и никакая мать // Не пропоет над колыбелью [В. Ф. Ходасевич. «Измученные ангелы мои!..» | Ночь (1927.10.11)].

Аналогично ведут себя контексты с прилагательными *отвратительный, мерзкий, кошмарный*: *Их* ***отвратительным теплом*** *// И я согретая невольно, // Несусь в пространстве голубом, // Твердя старинное «довольно»* [Н. С. Гумилев. «Меня терзает злой недуг...» | Больная земля (1908)]; *И долго длится пляс ужасный, // И жизнь проходит предо мной // Безумной, сонной и прекрасной // И* ***отвратительной мечтой****…* [А. А. Блок. «Когда-то гордый и надменный...» (1910.07.11)]; *В* ***отвратительной неге*** *прозрачные скалы // Фиолетово тают под ложным лучом, // А во льду спят замерзшие девы акулы, // Шелковисто сияя покатым плечом* [Б. Ю. Поплавский. «Надо мечтать! Восхищаться надо!..» | Дон-Кихот (1926)]; *Там — брошены зияющие маски; // Там — старцем соблазненная жена, // И наглый свет застал их в* ***мерзкой ласке****…* [А. А. Блок. «День догорел на сфере той земли...» | Песнь Ада (1909.10.31)]; *Из стихов* ***кошмарной совести*** [И. Ф. Анненский. «Если ночи тюремны и глухи...» | Старые эстонки (1906)].

Вторая, противоположная когнитивная схема в которой, наоборот, в контексте уже элиминируется негативная оценочная коннотация определяемого существительного посредством употребления прилагательного, в котором эксплицитно представлена положительная оценочность, также широко востребована в художественном дискурсе. Посмотрим, какие отрицательно-коннотированные концепты могут переосмысляться в русле положительной оценочности в русской поэзии, употребляясь в контекстах атрибутивной сочетаемости с прилагательными типа *милый*, *прекрасный, очаровательный, замечательный, превосходный*?

Это прежде всего — тема смерти: *Этим — жить, расти, цвести, // Этим —* ***милый гроб*** *нести…* [Н. В. Крандиевская. Perpetuum mobile | «Этим — жить, расти, цвести...» (1959)]; ***Милый ад****: ни пушек, ни ружей… // Старый ад с хромым сатаной!* [И. В. Елагин. «Одеялом завешены стекла...» (1939–1953)]; *Синий сквозит самолет — и в* ***прекрасную гибель****, // словно морская звезда с бугреватым излучьем, — воздета! [*В. Б. Кривулин. «Крошево или судьба? украшение праха...» | Стихи на День авиации и космонавтики (1975)]; *Развертывается вокруг // Давно седая —*

(в цветах) — сила, // Жеманный — (в цветах) — продукт: — // ***Очаровательная могила*** *[*Г. Н. Оболдуев. «Ночное утро блещет…» | Утреннее размышленье (1925.04.12)]; *Но знаю: впереди, средь океана скуки, // Одно лишь* ***замечательное****:* ***смерть*** [И. Л. Сельвинский. «Ах, что ни говори, а молодость прошла...» (1958)].

Не менее значима тема несвободы: *Не силен жар ланит твоих младых // Расшевелить певца уснувшей воли; // Не мне просить у прелестей твоих // о****чаровательной неволи*** [А. А. Фет. «Не силен жар ланит твоих младых...» | Откровенность (1840)]; *Пусть счастья нет. Есть долгие заботы. // И этой жизни* ***милый гнет*** [Д. Самойлов. «Действительно ли счастье — краткий миг...» (1985)].

Очень часто в поэтической речи встречается положительная характеристика понятий, связанных с негативно оцениваемой ненужностью, бесполезностью вещи или вообще — чего-то бесполезного, ненужного: *Друзья, родные,* ***милый хлам****, // Вы времени пришлись по вкусу!* [Б. Л. Пастернак. «Друзья, родные, милый хлам...» (1957)]; *Ну что ж, ты прав. В альбомах у девиц, // средь* ***милой дребедени*** *и мороки //* в *сообществе интимнейших страниц // мои навряд ли попадутся строки* [Я. В. Смеляков. «Ты мне сказал, небрежен и суров...» | Разговор о поэзии (1961)].

Аналогично активно переосмысляется в позитивно-оценочном контексте тема нарушения порядка, хаоса, беспорядка: *И как хозяйский сумрачный ребёнок, // в окно глядел на* ***милый кавардак*** *//флакончиков, купальников, гребёнок // с беззлобным превосходством Карадаг* [Е. А. Евтушенко. «В той комнате полынью пахло с пола...» | В той комнате (1969)].

Имеются примеры позитивно-оценочного переосмысления состояний природы, оценивающихся как чрезмерное, превышающее норму: *Хоть пыли нет и комаров, // Дыханье холода сквозное // Гораздо хуже вечеров //* ***Очаровательного зноя*** [Н. И. Глазков. «Наш прошлый и не пошлый опыт...» | По глазковским местам (1946)]; *На другой же день, с утра* ***— замечательная жара //*** *воцарялась ловко и ладно* [Б. А. Слуцкий. «Хорошо было уезжать...» | Хорошо! (1973)].

Также позитивно-оценочному переосмыслению может подвергаться негативно-оцениваемая местность: *Нет сил воспеть тебя,* ***прекрасная помойка****!* [Е. А. Шварц. «Нет сил воспеть тебя,

прекрасная помойка!..» | Свалка (1983)]; *Все взращено* ***прекрасным пустырем*** [А. А. Сопровский. «Когда-нибудь, верша итог делам...» (1974)]; *Как просто в* ***прекрасную глушь*** *листопада // Уводит меня полевая ограда* [Н. М. Рубцов. «Когда приютит / задремавшее стадо...» | Жар-птица (1965)].

Позитивно переосмысляться могут и отрицательные чувства: *И с* ***прекрасной завистью****, с порывом // тем, которым юные живут, // назовут они тебя счастливым, // сотни раз героем назовут* [О. Ф. Берггольц. «Будет вечер — тихо и сурово...» | Твоя молодость (1943.10.29)]; *Он, как пень, оголен, как ветви, обижен //* ***Превосходным презреньем*** *грозы* [Н. С. Тихонов. «Вот комиссары в штаб идут...» (1927)].

В заключение отметим, что в речевой практике, видимо, самим устройством языка как-то предусмотрены паттерны, модели аномальной языковой концептуализации ценностей, разного рода нарушения конвенциональности в этой области. Особенно это ярко проявляется в художественном дискурсе, в котором механизмы языковых нарушений используются в качестве осознанного художественного приема, отражая установку на эстетически значимое разрушение языкового автоматизма для выражения нетривиальных и внутренне противоречивых смыслов. Иными словами, в художественной речи вырабатываются модели остранения обыденных ценностей, носителем, выразителем и ретранслятором которых является язык в его стандартном, нехудожественном употреблении. Состыковывая в языковых выражениях ценностно противоречивые смыслы, авторы таким образом ищут новые средства художественной выразительности.

Литература

1. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. №1 (13). — С. 239–265.
2. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. — С. 146–149.
3. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. — 375 с.

4. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). — С. 18–21.
5. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: кол. мон. / Под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. — 325 с.

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Е. Н. Ремчукова
remchukova_en@rudn.ru
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Одно из важных направлений современной русистики связано с изучением *номинативной деятельности*, направленной на выбор и изобретение имён собственных — антропонимов, эргонимов, прагматонимов, геортонимов — в разных коммуникативных сферах современной жизни. Эта деятельность активна, разнообразна, многогранна, поэтому она вызывает устойчивый интерес лингвистов: в русистике ей посвящено значительное число научных работ — от студенческих курсовых до кандидатских и докторских диссертаций, монографий, научных статей (в частности, М. С. Голомидовой, Л. Р. Замалетдиновой, О. С. Иссерс, Е. С. Кара-Мурзы, И. В. Крюковой, Е. Н. Ремчуковой, Т. П. Соколовой, Т. В. Шмелевой и мн. др.).

Изучение номинативной деятельности привлекает исследователей ещё и тем, что она имеет ярко выраженный творческий характер: в русистике широко употребляется также термин *креативный* или *лингвокреативный*. «Искусственная» номинация представляет собой «преднамеренное словотворчество» (М. С. Голомидова), которое «лично», «безлично» или «обобщённо-лично» воплощается в самых разных областях наименований коммерческих или социальных объектов. Изученные в большей или меньшей степени разные типы «рекламных имен» (И. В. Крюкова) — прагматонимы, эргонимы, коммерческие урбанонимы и геортонимы — представляют собой постоянно развивающиеся и активно обновляющиеся языковые пласты современной коммуникации. Кроме того, они рассматриваются в качестве «модных», то есть отражающих в той

иной степени языковую моду сегодняшнего дня [1]. Отметим, что «языковая мода» обусловлена доминирующей в нейминге тенденцией к лингвокреативности вербальной номинации, а также к креативным техникам (графика, цвет, шифр, видео и др.) невербальных составляющих в случае её поликодового характера. Современные геортонимы существуют как поликодовый семиотический комплекс, однако проанализировать их невербальные составляющие в рамках данной статьи технически невозможно.

Особое внимание в последние два десятилетия было приковано именно к коммерческим рекламным именам — прагматонимам, эргонимам и коммерческим урбанонимам [см., например, 2, 5 и мн. др.]. В наименьшей степени изученными представляются *геортонимы*, которые называют не материальные коммерческие объекты, а результаты интеллектуальной деятельности. К ним относят названия газет и журналов, а также названия торжественных мероприятий фестивалей, конкурсов, выставок [1]. Описывая этот ономастический разряд, О. В. Врублевская относит его к «ономастической периферии», анализируя в основном названия фестивалей, в наибольшей степени подверженные языковой моде и карнавализации [1, с. 295–303].

Геортонимы сегодня проявляют высокую активность, поскольку одной из основных форм коммуникации является *проектная деятельность* разного рода, если под *проектом* в широком смысле слова понимать ‘целенаправленное, ограниченное по времени и ресурсам мероприятие, ориентированное на создание уникального продукта или услуги’. Чтобы существовать, проект должен получить имя. Для нас особый интерес представляют выставочные проекты в области культуры, в фокусе данной статьи — художественные. Отметим, что слово «проект» используется нами как синоним словосочетания «выставочная деятельность», подчеркивая многоаспектный характер современной выставки, в которой экспозиция — центральная, но не единственная составляющая. В то же время М. А. Кронгауз прав в своей оценке этого слова, семантически неопределённого и акцентированного с точки зрения отношений «купли-продажи» [3].

Объектом анализа в рамках нашего исследования служат номинации выставок последних лет Государственной Третьяковской галереи (https://www.tretyakovgallery.ru/) и Музея современного искусства «Гараж» (кроме того, это и Центр современной культуры): музей был открыт в 2008 (https://garagemca.org/ru).

Креативная стратегия заложена уже в номинации: первоначально музей был создан в здании автобусного гаража — памятника архитектуры советского авангарда, но в названии можно увидеть и другие, метафорические, смыслы: ‘место хранения чего-либо’, ‘место встречи людей общих интересов’, то есть некий клуб единомышленников — ценителей современного искусства.

Лингвокреативные тенденции в выставочной деятельности проявляются уже в жанровой дифференциации самих выставок. Использование способа словосложения позволяет выделить их специализацию и подчеркнуть креативный характер выставочного проекта: *монографические* выставки, выставки-*исследования*, выставка-*путешествие*, выставка-*ретроспектива*, выставка-*размышление*, выставка-*атлас*, выставка-*арт-эксперимент* и даже выставка-*мистификация.*

По отношению к исследуемым нами *геортонимам* выделяются аттрактивная и суггестивная функции, совместно обеспечивающие функцию рекламную [1, с. 303], которые нуждаются в дальнейшем уточнении для геортонимов этого подтипа. Но прежде всего остановимся на информативной функции геортонима, который часто включает антропоним, указывающий в первую очередь на *персону* (художника). Эта информация может быть дополнена указанием на конкретный период творчества (юбилейную дату, эпоху в истории искусства) или на место (топоним), с которым связано творчество художника.

Интересно отметить, что классические номинации художественных выставок, состоящие из двух компонентов — имени и фамилии, сегодня достаточно редки и возможны, если речь идет о выставке очень известного художника. Как правило, они представляют собой комбинацию полного имени и фамилии: *Зинаида Серебрякова. Роберт Фальк. Эдвард Мунк. Василий Верещагин*. Иногда она уточняется указанием на род занятий (***Скульптор*** *Александр Рукавишников*) или жанровую специализацию (***Акварели*** *великой княгини Ольги Александровны Романовой*). В последнем случае указывается полная формула антропонима — с отчеством, подчёркивающая вместе с титулом особый статус художника.

Использование инициалов встречается достаточно редко и указывает, очевидно, на академический статус мастера, что подчёркивает и характер даты: *П. Д. Корин. К 125-летию со дня рождения*. Интересно, что в названии другой выставки этого художника (*Павел*

Корин. Палех — моя родина), в которое включена дополнительная информация при помощи топонима, отчество уже отсутствует, так как номинация в целом является не только информативной, но и эмоционально-экспрессивной за счёт использования местоимения *мой* и существительного *родина*, что позволяет говорить здесь о суггестивной функции. Она реализуется при включении оценочных лексем (*Клод Моне.* ***Гений*** *импрессионизма*) или метафор (*Эдвард Мунк.* ***Танец жизни***; *Дмитрий Жилинский. Ближний круг).* Информативную функцию выполняет именительный темы, поэтому антропоним реже используется в постпозиции (*V-A-C Live: Тино Сегал*). В данном случае подчёркиваются отношения общего и частного: V-A-C (Фонд «Виктория» — искусство быть современным) — это аббревиатура международного некоммерческого фонда, в рамках которого проводится выставка художника и хореографа.

Использование латиницы (аббревиатуру невозможно расшифровать без информации на сайте) в данном случае совершенно мотивированно, то есть информативно, а следовательно, не преследует креативной цели, как можно было бы подумать. В номинации выставки Лазаря Лисицкого (*Эль Лисицкий. EL LISSITZKY*) латиница также используется как информативное средство: художник представлен в Википедии не только как русский, но и «как еврейский художник-авангардист» и архитектор. На графическом уровне графогибридизация с помощью «параллельных» антропонимов выполняет и аттрактивную функцию.

Наименования художественных выставок могут оцениваться с точки зрения выразительности (1), образности (2) или *креативности* (3, 4, 5):

1. *Русская сказка: от Васнецова* ***до сих пор —*** использовано стилистически окрашенное разговорное наречие.

2. *Илья и Эмилия Кабаковы****: в будущее возьмут не всех*** — метафора.

3. *Андрей Красулин.* ***Без названия —*** парадокс, эффект «обманутых ожиданий».

4. ***Ненавсегда****: 1968–1985.* — потенциальное наречие.

5. ***ПРОявление*** (медиапроект Павла Каплевича на тему картины Александра Иванова «Явление Христа народу») — актуализация полисемии слова и предложно-падежной формы с помощью графогибридизации.

Подобные названия можно разделить на номинации традиционно-образного характера и номинации с «креативным заданием» (об образности и текстах с креативным заданием см. в статье О. А. Крыловой [4]). При создании номинаций второго типа креативность входит в намерения номинатора, является целеполаганием, но при этом отличается от креативности в сфере коммерческой номинации последовательной мотивированностью и лингвистическим «качеством». Она может быть также связана с тщательно отобранными прецедентными феноменами, которые выступают как знаки высокой культуры и в сфере коммерческой номинации, например городской [5], в своей же, культурной, среде они обладают особой выразительностью, сохраняя символическое звучание «подлинника». Например, в 2017 году в Третьяковской галерее прошла выставка «*Некто 1917»,* название которой представляет собой цитату Велемира Хлебникова из сборника «Пощёчина общественному вкусу». В названии выставки, которая сейчас проходит в музее «Гараж», «*Настоящее время, несовершенный вид»* можно видеть метаязыковую функцию и, возможно, отсылку к известной в культурной среде книге мемуаров художника Гриши Брускина «*Прошедшее время несовершенного вида*».

Детальный анализ особенностей геортонимов — названий современных проектов в сфере культуры, в частности художественных выставок, безусловно, невозможен в рамках отдельно взятой и небольшой по объему статье. Однако отмеченные в ней особые формы информативности (обусловленные в том числе и синтаксической структурой — именительным темы, парцелляцией), языковая выразительность, образность и символизм, а также мотивированная и эстетически значимая креативность вербальной и невербальной составляющих позволяют говорить о реализации в этих геортонимах не только информативной, аттрактивной и суггестивной, но и эстетической функции «рекламного имени» в сфере культуры.

Литература

1. Врублевская О.В. Языковая мода в ономастике // Дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Врублевская Оксана Валентиновна. Волгоград, 2017. — 430 с.
2. Иссерс О.С. Нейминг в медиапространстве сибирского региона // Коммуникативные исследования. 2016. №4. — С.77–91.

3. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. АСТ, Corpus, 2019. — 504 с.
4. Крылова О.А. Образность и тексты с креативным заданием // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2013. № 3. — С. 21–25.
5. Соколова Т.П., Ремчукова Е.Н., Замалетдинова Л.Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Ценности и смыслы. М. 2017. № 6. — С. 94–108.
6. Commercial Naming and Creative Speech Activity (Based on Urbanonyms in Russian Megacities) // Naming in different areas of communication field: Collective monograph [Editors: Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova]. Ottawa: Carleton University, Centre for Governance and Public Policy, 2018. — 180 с.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ ГОРОДА СИМФЕРОПОЛЯ

Ван Мяо, Е. Я. Титаренко
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)

Вслед за И. В. Бугаевой, Е. Н. Ремчуковой, Т. П. Соколовой и другими лингвистами мы ставим своей целью изучить целесообразность использования латиницы и графогибридизации в коммерческой номинации, в частности, на улицах крымских городов.

И. В. Бугаева [2] проанализировала вывески на городских коммерческих объектах с двух сторон: с позиции адресанта (номинатора, владельца бизнеса) и с позиции адресата (целевой аудитории «потребителей» этой информации). Для первых важна маркетинговая и рекламная функция наименования, для вторых — коммуникативная функция.

По итогам проведенного социолингвистического эксперимента (см. [2]) И. В. Бугаева сделала вывод о том, что коммерческие наименования с использованием латиницы довольно успешно выполняют маркетинговую и рекламную функции, но часто не соответствуют требованиям коммуникации. В тех случаях, когда заимствованное иноязычное название транснациональной компании (даже если оно пишется латиницей на языке оригинала), свободно функционирует в речи носителей языка — в силу своей освоенно-

сти и фонетической адаптации — оно употребляется в «русифицированном» виде, приобретая падежные словоформы, а иногда и формы множественного числа. Например: Ашан (*покупаем все в Ашане*), Billa (*зайди в «Биллу»*), ZARA (*завтра в «ЗАРЕ» распродажа*), Coca-Cola (*не пей кока-колу!*) и др.

Однако, по подсчетам И.В. Бугаевой, только 20 % коммерческих названий на латинской графике соответствует критерию воспроизводимости в русской речи городских жителей. При этом активно используются в речи те коммерческие названия, которые изначально были транслитерированы на кириллицу или одновременно представлены в двух вариантах (типа: *Кока-кола; Леруа Мерлен* и т. п.). В большинстве же своем латинизированные коммерческие названия «трудно произносимы и редко воспроизводимы» [2, с. 76], что вызывает сомнения в целесообразности их применения.

Рассмотрим свежий пример наименования кафе в центре города Симферополя. Ранее в наших публикациях [5] фигурировало наименование *БуLка & Coffee*. Недавно это же кафе получило новое название: БУХAREZ (см. фото 1 и 2). Семантика и фонетика данного наименования темны.

Следует отметить, что исчезнув в одном месте, подобная вывеска — конструкция с *Coffee & …* — сразу же появляется в другом (фото 3), однако неизменным остается фон: обшарпанный фасад и осыпающаяся штукатурка (фото 4: «Бутик PERSONA»).

Коммерческие урбанонимы «относятся к сфере *массового лингвокреатива*» и подчинены «реализации коммуникативной и волюнтативной функций языка» [4, с. 348–349]. Как отмечают авторы, «внедрение заимствований и латиницы в городскую среду не создает серьезного дисбаланса между «своим» и «чужим» [4, с. 352], смешение «латиницы и кириллицы в рамках одной номинации — активный процесс, реализующийся в разнообразных формах», и всё это направленно именно на усиление креативности урбанонима [там же].

В Симферополе проявляются те же тенденции, что и в других регионах, в частности, за последний год появились коммерческие наименования в виде высказываний, небольших предложений разной структуры. Как отмечает И.Н. Пономаренко, «в языке современного города появляется все больше эргонимов со сложной структурой» [3, с. 318] — эргонимы-словосочетания и эргонимы-предложения. «Это абсолютно новое явление в нейминге» [1, с. 314]. Например: «***Я перезвоню***» («пиво, спорт, музыка еда» — молодежное заведение в центре города); «***Галя поёт***» (кальянная и, очевидно, караоке, которое ранее именовалось «KVADRAT») и рядом «***Галя гуляй***» (пунктуация оригинала; предшествующее название «LETO ROOM»), здесь же красивая реклама «*Я* (красное большое сердце) *Галя гуляй*»; армейский магазин «***Честь имею***». Ср.: в Киеве — заведение «*Тут вам не там*», подзаголовок “*we create mood*”; рестомаркет «*Мама рядом*!» (Краснодар); в Москве: ресторан «*Лепс. Рюмка водки*»; «*Атмосферный бар «СЛЕПОЙ ПЬЮ» для голодных людей»*. В данном названии содержится целое распространенное предложение, вывеска расположена на разных частях фасада (см. фото 5).

Формат букв не позволяет понять, является ли «Пью» именем собственным (как Хью или Сью — американо-английские имена) или это глагол в 1 лице единственного числа. Конечно, такое наименование является необычным, аттрактивным и креативным.

Хочется отметить, что во всех последних примерах нет латиницы и графогибридизации, что в любом случае вызывает наше одобрение. Креативными вполне могут быть коммерческие наименования и без применения латиницы. Хороший пример — название фирмы ***Консоль***, возникшей еще в 90-е годы в Симферополе. Здесь содержится несколько смыслов: слово «консоль» (специальный строительный термин — «выступающая в стене в качестве опоры часть балки») включает первые буквы фамилии основателя и гендиректора фирмы (Константинов). Сеть кондитерских «*Крендель*», где вторая буква ***Е*** оформлена в виде кренделя, в результате вывеска выглядит ярко, «вкусно» и привлекает внимание.

Применение же латиницы в нашем городе чаще вызывает недоумение и неприятие, хотя, конечно, выполняет функцию привлечения внимания. Что означает название «БУХAREZ», о котором шла речь выше? Как читается это слово? Что значит «#par_bar»? Или названия сети крымских магазинов «STILLAGIO» (обувь и сумки), «SSERA» (мебель), стилизованные под «что-то импортное»? Медицинская лаборатория «Миррамеd» — как читается ее название? Вторая часть (*med*) дает потребителю представление о том, что это заведение связано с медициной и что это латинская графика, но на каком языке, каким буквами написана первая часть слова? Кириллицей читается [м'ирра], если латиницей — [маппа] или [муппа]? Такие языковые факты представляются нам крайне негативными.

Более понятными являются вывески, написанные латиницей с использованием приема транслитерации: «Simferopol —

podguznik.ru», «dorogoidom», напоминающие интернет-адреса или ссылки; «moy Lvenok» (магазин товаров для детей), «SvoY» (клубный дом, ресторан в Москве). Однако гораздо более устойчивыми и вполне привычными для жителей города Симферополя стали наименования с применением обратной транслитерации — с иностранного языка на кириллицу: кафе «Амиго» и «Амиголенд»; сеть букмекерских контор «Фонбет»; сеть кондитерских «Чао!».

Выводы. Использование латиницы в нейминге городских объектов города Симферополя выполняет аттрактивную функцию, т. е. вывеска привлекает внимание потребителей, однако нередко вызывает обратную реакцию — негативную, вступает в диссонанс с общим видом зданий и сооружений, на которых эта вывеска размещена; не выполняет функцию информативности и коммуникативности, поскольку является либо труднопроизносимой, либо непонятной.

Новые тенденции употребления в коммерческой номинации объектов коротких высказываний, синтаксических конструкций различной структуры, написанных к тому же по-русски (правда, к сожалению, без знаков препинания) являются более привлекательными как для потребителей, так и для наблюдателей и выполняют аттрактивную и рекламную функции, на наш взгляд, более эффективно. Задача изучения их возможности выполнять коммуникативную функцию остается актуальной.

Литература

1. Бугаева И.В. Активные процессы в коммерческой номинации // Русский язык в поликультурном мире: сб. научных статей IV Международного симпозиума (9–11 июня 2020 г.)/ отв. ред. Г.Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. — С. 312–317.
2. Бугаева И.В. «Свое» и «чужое» на городских вывесках: экспериментальное исследование // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. — С. 69–81.
3. Пономаренко И.Н., Багдасарян Т.О. Новое в языке города: реклама или эргоним // Русский язык в поликультурном мире : сб. научных статей IV Международного симпозиума (9–11 июня 2020 г.)/ отв. ред Г.Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. — С. 317–321.

4. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П. Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации // Русский язык в поликультурном мире: III Международный симпозиум (8–12 июня 2019 г.): сб. научных статей / отв. ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Т. 1. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. — С. 348–353.
5. Титаренко Е.Я. Графогибридизация: языковая игра или манипуляция? // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.): сб. научных статей / отв. ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Т.1. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. — С. 147–159.

ГРАФФИТИ КАК МЕДИАТЕКСТ: ПОИСК ОСНОВАНИЙ В РАМКАХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

В. А. Юматов, Р. И. Захаров
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского»
(Нижний Новгород)

В последние годы в связи с увеличением роли медиа в жизни общества активно проводятся лингвистические исследования медиасреды. Термины «медиалингвистика» и «медиа» относятся к разряду многозначных и понимаются в широком и узком значениях [5, с. 53–54, 61]. Авторы специализированного издания «Медиалингвистика в терминах и понятиях» отмечают, что их работа — попытка систематизации лингвистических представлений о медиалингвистических явлениях с точки зрения узкого их понимания. Согласно С.Г. Корконосенко медиа—это средства массовой коммуникации, они не эквиваленты СМИ (газеты, журналы, радио-, телеканалы, сетевые издания), обладающим рядом строго очерченных организационных и институциональных признаков [5 с. 54]. Л.Р. Дускаева определяет медиалингвистику как науку о речевой деятельности в медиа. Объект — поток медиатекстов, функционирующий в медиасреде. Медиатекст понимается как социально-коммуникативное действие, осуществляемое в рамках определенного вида речевой деятельности. Медиатексты классифицируются с учетом условий создания и среды обитания [5, с. 61, 74]. В аспекте данного исследования значимыканал, продолжительность, способы трансляции, коммуникативный статус адресанта и адресата.

В рамках проблематики медиалингвистики мы предлагаем уточнить перечень объектов под влиянием экстралингвистических факторов: рассмотреть в качестве медиатекстов граффити. Актуальность темы обусловлена прежде всего теоретически: необходимо осмыслить новый феномен массовой коммуникации, определить его место и роль в жизни современного общества. Граффити активно изучаются в рамках различных дисциплин: психологии, социологии, искусствоведения, политологии, экономики и др. Следует проанализировать объект и с позиций медиалингвистики; к тому же в таком специализированном издании, как «Медиалингвистика» информации по этой теме не выявлено [4]. Изучение граффити значимо и с практической точки зрения. В ходе расследования административных и уголовных дел о ненадлежащей рекламе, порнографии, оскорблении, экстремизме задействованные в массовой коммуникации граффити-тексты, представленные в буквенной русскоязычной транскрипции, могут быть исследованы в рамках судебно-лингвистической экспертизы, судебно-почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов [8]. То есть исследования в этой области окажут существенную помощь в борьбе с различными преступлениями и правонарушениями, в том числе и речевыми.

Массовую коммуникацию отличает прогресс информационно-коммуникативных технологий и, как следствие, умножение каналов и средств передачи и получения информации. Согласно Н. Б. Кирилловой, культуртипология Маклюэна позволяет предположить, что новые медиа каждый раз возникали как способ реализации важнейших потребностей человека: они обещали большую свободу выбора и свободу взаимодействия в окружающем его мире; различные медиа изобретались и совершенствовались с целью доставки разнообразной информации массовой, пространственно рассредоточенной аудитории [3, с. 39].

Исходя из положения о непрерывности развития медиа, методологически правильным ипродуктивным будет подход к рассмотрению медиатекстов как потенциально открытого перечняс целью внесения уточнений и изменений в номенклатуру. Кроме того, такое сложное явление, как медиакоммуникация следует рассматривать с позиции междисциплинарного подхода, позволяющего

лучше изучить и описать специфику объекта; поэтому мы задействовали положения медиалогии, коммуникологии, социальной философии и т.д. Обоснование дано в рамках триады «коммуниканты–сообщение–канал трансляции». Формат статьи не позволяет проиллюстрировать каждое положение конкретными примерами, но эта информацияв избытке имеется на различных объектах населенных пунктов и в сети Интернет.

Граффити как сообщение отличают: 1) количественный рост и расширение области распространения (весь мир), что связано со спецификой их создания и трансляции; 2) задействованность в различных коммуникациях: обиходно-бытовой, общественно-политической, образовательной, эстетической, рекламной, легальной и нелегальной и т. д.; 3) как следствие, разнообразие видов и тематики сообщений: продвижение товаров и услуг, в том числе запрещенных (наркотиков); отражение политической борьбы; материалы экстремистского содержания; материалы, содержащие негативно-оценочную информацию, в том числе в неприличной форме, в отношении как рядовых граждан, так и общественно-политических деятелей; 4) разнообразие используемых знаков и кодов. Например, согласно терминологии почерковедения, надписи могут быть представлены в форме буквенной (кириллица, латиница), цифровой, символьной и смешанной транскрипций. Значительная часть граффити-текстов рекламной и общественно-политической тематики созданы с использованием буквенной русскоязычной транскрипции либо полностью (монокодовые вербальные тексты), либо частично (поликодовые тексты); 5) разная информативность и коммуникативный эффект. Информативность объекта в виде набора штрихов — проблематична, объекты street-art'a, приближающиеся к произведениям искусства, сообщения общественно значимой тематики и материалы экстремистской направленности напротив способны влиять на общественное и индивидуальное сознание, выполнять функцию социального научения — влиять на умы и настроения аудитории, формировать и поддерживать определенные образцы поведения.

Антропоцентры комммуникации. Адресантом граффити-текстов может быть — если не принимать во внимание профессиональных райтеров, создающих, в основном, объекты street-art'a, — практически любой человек, что обусловлено самой технологией

выполнения простых сообщений. Адресат соотносим массовой аудитории как компоненту массовой коммуникации в понимании коммуникологии, социальной философии и медиалингвистики. Так, И.А. Гобозов определяет массовую аудиторию как численно большую, рассредоточенную, имеющую социально-культурную неоднородность и анонимность [2, с. 145]. Ф.Н. Шарков отмечает, что она характеризуется неоднородностью, рассредоточенностью и анонимностью. СМК направляют информацию в безадресную аудиторию (в массу), в которой нельзя выделить отдельные единицы [7, с. 339–342]. С.Г. Корконосенко дает дефиницию только для группы людей, вступающих во взаимодействие со СМИ, но показательна его интерпретация понятия массовости: существенность признаков не столько количественных (множество), сколько качественных (особенности происхождения и проявления), ориентированность на формулировку «Закона РФ о СМИ» о предназначенности разнообразных материалов для неограниченного круга лиц; неограниченный — это неопределенно широкий, не поддающийся точному исчислению и, главное, не имеющий строгих параметров по составу, настроениям, предпочтениям и т.п. [5, с. 50].

Потенциальная аудитория граффити-текстов соответствует признаку массовости. Этому способствуют специфика транслирующего канала, объекта-носителя информации, обусловленные ими особенности восприятия и постоянное перемещение населения; действие этого фактора особенно значимо в крупных городах и туристических центрах. Даже при крайне редкой персональной адресованности сообщение предназначено кроме целевого и для фактического адресата. То есть адресат граффити-текстов — численно значительная, территориально рассредоточенная, неоднородная и анонимная (неперсонифицированная) аудитория.

Специфика транслирующего канала прежде всего в том, что это письменный и визуальный тип коммуникации [3, с. 10, 42–45], использующий в сообщениях различные вербальные и невербальные (визуальные) средства. Технология создания и транслирования сообщений предполагает использование любого пишущего прибора. Основной приоритет — быстрота, качество (яркость, броскость) нанесения и возможность сохранения в неизменном виде на протяжении длительного времени (сложность стирания). В качестве объекта-носителя могут быть использованы абсолютно любые

горизонтальные и вертикальные, плоские и объемные, гладкие и шероховатые поверхности из любого материала [8]. Такого рода стены (название условное) широко представлены населенных пунктах, адресант стремиться разместить сообщения так, чтобы они были видны большому числулюдей. В ряде случаев размещение информации в виде граффити имеет преимущества перед Интернетом: она всегда на виду, ей труднее «затеряться».

Граффити, в основном, — медиасреда локальная, но обладающая возможностями расширения границ своего бытования. Так, доступнее информация, расположенная вдоль автомобильных и железных дорог, обладающих повышенной пропускной способностью. Кроме того, стены могут быть не только стационарны (локально закреплены), но и подвижны, т.е. обладают свойством постоянного изменения своего местоположения: поезда, автофургоны и т.п., что придает мобильности и граффити-текстам, обеспечивает их перемещение на значительные расстояния. То есть любое сообщение может быть включено в коммуникацию, расширяющуюся территориально, охватывающую количественно большую и качественно разнородную аудиторию. Значимы также факторы доступности транслируемой информации и времени трансляции. Поиск информации, например, в Интернете предполагает наличие заинтересованности в определенной информации, знаний, где и как искать, усилий, тогда как восприятие граффити осуществляется непроизвольно в процессе перемещения адресата в пространстве и созерцания окружающей обстановки. Сложность стирания увеличивает время трансляции сообщения и формирует потенциально неограниченную аудиторию. В этой связи представляет интерес замечание Ф.Н. Шаркова об особенностях распространения медийной информации: выпускаемая минимальным тиражом районная газета в исторической перспективе может быть прочитана большим количеством людей [7, с. 342]. Ученый также подчеркивает, важность того, что, во-первых, аудитории отправляется одна и та же информация через неперсонифицированные средства доставки, в принципе не позволяющие направлять информацию по конкретным адресам, во-вторых, главным является не столько выполнение условия обязательного получения информации всей аудиторией, сколько предоставление равновероятностной возможности ее получения каждому, попадающему в зону досягаемости данного СМК

[7, с. 339–342]. Сказанное справедливо и по отношению к граффити-каналу: информация транслируется не по выделенным адресам, а для всей аудитории. Для каждого индивида из этой совокупности, попадающей в зону действия медиаканала, имеется равная вероятность получения транслируемой информации.

Таким образом, граффити-коммуникация, относится к массовой коммуникации, которая отличается от межличностной и групповых коммуникаций, происходящих в количественно ограниченных сообществах, т.е. лицом к лицу, при возможности идентификации участников и оперативной обратной связи [5, с. 51–52]. Она сохраняет ее качественные характеристики, производные от признака массовости, относится к широкоохватным способам передачи информации. Конечно, эта коммуникация не такая массовая как Интернет и не является лидирующей формой создания и трансляции информации, тем не менее занимает свое место в структуре массовой коммуникации и еедоля, как показывает время, не уменьшается; достаточно посмотреть на инфраструктуру городов во всем мире: граффити покрывают разнообразные поверхности и значительные площади.

Исходя из положения о неэквивалентности медиа и СМИ, следует сказать, что граффити не относится к СМИ, т.к. не обладает рядом строго очерченных организационных и институциональных признаков [5, с. 51], но это не основание не включать егов медиа (СМК), а сами граффити — в медиатексты. Мы согласны с В.В. Савчуком: «Медийность — это экзистенциальный проект жаждущих пробиться и достучаться поверх и через газетную полосу, теле- и радиоэфир» [6, с. 21]. Данный вид медиа обладает значительными возможностями для создания и транслирования различных медиа-текстов и получения информации, отражает настроения определенных лиц и групп, формирует визуальную и смысловую среду города и оказывает воздействие на массовое сознание. Распространению граффити способствует то обстоятельство, что, как и Интернет, новый медиаканал — пространство свободной коммуникации, способ реализации через свои специфические медиатексты потребности человека в большей свободе выбора и свободе взаимодействия [8]. Как отмечает А.И. Белкин, понимание этого поведения связано с выражением «интенциональности сознания к свободе и коммуникации» [1, с. 36]. Возможности граффити-канала

осознаются как адресантом, так и адресатом речи: в целом ряде граффити-текстов этот канал именно как медиа противопоставлен СМИ как системе культурно-информационных монополий; а общество пытается нормировать и регулировать этот вид коммуникации, влиять на него посредством смены условий функционирования. В заключение следует сказать, что граффити как феномен активно обретает медийные характеристики, а изучение граффити как медиатекстов имеет перспективы в теоретическом и практическом аспектах.

Литература

1. Белкин А.И. Исследование граффити в психологии и интенциональность сознания авторов граффити // Креативная экономика и социальные инновации. 2012. Т. 2. № 1 (2). — С. 36–54.
2. Гобозов И.А. Социальная философия: Учебный словарь. М.: Академический Проект, 2008. — 367 с.
3. Кириллова Н.Б. Медиалогия. М.: Академический проект, 2015. — 424 с.
4. Медиалингвистика. 28 выпусков. 2013–2020 гг.
5. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой ; редколл. : В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. — 440 с.
6. Савчук В.В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. — 288 с.
7. Шарков Ф.Н. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Дашков и К, 2009. — 768 с.
8. Юматов В.А., Захаров Р.И. Граффити как объект комплексной судебно-почерковедческой и лингвистической экспертизы// Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2021. (Сдано в печать.)

ФОРМЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В КОММЕНТАРИЯХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТЕЙ

Е. Л. Ачилова, И. А. Регушевская

elena-achilova@yandex.ru; regushevskayaia@cfuv.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

(Симферополь)

Конец XX и начало XXI века стали временем больших экономических, политических и социальных перемен, связанных как с научно-техническим прогрессом, так и с военными конфликтами,

терактами, информационными войнами и природными катаклизмами. Распространение сети Интернет позволило каждому желающему стать популярным, расширить круг общения, при этом оставаясь невидимым, анонимным. Отсутствие цензуры и физического контакта на дискуссионных площадках часто позволяет пользователям сети вести себя так, как они вряд ли решились бы в реальной жизни. Социальные сети, создававшиеся как место для обсуждений интересных и волнующих вопросов, становятся полем брани для коммуникантов, в чем мы убедились, исследовав комментарии в группах «Типичый Симферополь» [https://vk.com/tsimf] и «Черный список Симферополь» [https://vk.com/black_list_simferopol] сети «ВКонтакте».

Актуальность. Комментарии участников групп представляют особый интерес для лингвиста, так как позволяют изучать разговорную речь реальных граждан (не профессиональных журналистов и государственных деятелей, пишущих на заказ), зафиксированную в письменном виде. В ходе подобного анализа возможно выявление и описание актуальных процессов в современном русском языке, в частности, речевой агрессии. Ю. В. Щербинина отмечает, что «всестороннее изучение феномена речевой агрессии — необходимое условие, обеспечивающее коммуникативную безопасность как отдельной языковой личности, так и общества в целом» [9, с. 6-7]. В свою очередь В.В. Антропова отмечает, что социальные медиа часто становятся зоной «перекрестного огня со своими негласно принятыми интолерантными формами речевого общения, а между тем именно они находятся в эпицентре социальной напряженности» [1, с. 77].

Цель статьи — анализ форм речевой агрессии в комментариях в социальной сети.

Агрессия как психический и лингвистический феномен давно стала объектом изучения ученых. Как известно, в психологии представлены психоаналитическая (З. Фрейд), этологическая (К. Лоренц и Н.Тинберген), фрустрационная (Дж. Доллард) и бихевиористическая (Э. Торндайк и Дж. Уотпсон) концепции агрессии. Лингвистические исследования деструктивного речевого поведения направлены на изучение средств вербальной агрессии в СМИ (Е. Н. Петрова, Л. В. Рацибурская), в общении подростков (Л. В. Шипова, Ю. В. Щербинина), в Интернет-коммуникации

(А. А. Алексеева, В. В. Антропова, Л. А. Козловская, А. В. Курьянович). Языковеды анализируют жанры агрессии (В. А. Ефремов, С. Мисисян, Н.Б. Итжанова), а также инвективу как специфическое психолингвистическое явление (В. И. Жельвис, С. Г. Воркачев, С. Н. Засыпкин, Г. Н. Салимова, Р. А. Газизов, Т. А. Золотаренко). Агрессия как вид речевого воздействия комплексно представлена в работах К. Ф. Седова.

Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская под речевой агрессией понимают «жестокое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [6, с. 24]. Речевая агрессия напрямую связана с конфликтом, враждебностью, отрицательной оценкой, манипулированием мнением слушателя или читателя, но не тождественна им.

По мнению К. Ф. Седова, речевая агрессия — это «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [7, с. 2]. Анализируя виды речевой агрессии, автор выделяет агрессию вербальную и невербальную, прямую и непрямую, инструментальную и неинструментальную, инициативную и реактивную, активную и пассивную, непосредственную и опосредованную, спонтанную и подготовленную, эмоциональную и рациональную, сильную и слабую, враждебную и невраждебную [7]. Среди речевых тактик агрессии могут быть использованы оскорбление, угроза, колкость, насмешка, отсыл и т.д.

Участники электронной коммуникации, осознавая собственную безопасность, обеспеченную анонимностью, часто прибегают к грубости с целью возвысить себя, унизить оппонента, выразить негативное отношение к кому- или чему-либо, а в некоторых случаях просто самовыразиться. При этом следует сказать, что в отличие от реального общения, когда у агрессора и его «жертвы» не всегда есть возможность до конца сориентироваться в ситуации и нет возможности изменить сказанное, у пишущего агрессора и его «жертвы» есть время на обдумывание и осознанный выбор языко-

вых средств. Следовательно, пишущий агрессор сознательно не понижает уровень своей агрессии, часто заражая ею оппонента. Причем оппонент, не обязанный отвечать на агрессивный комментарий, в большинстве случаев предпочитает ответить, сохраняя такой же грубый тон.

Особой формой агрессии является инвектива — «сознательное оскорбление, выраженное различными вербальными и невербальными средствами, нарушающее ценностные представления другого человека и мотивированное желанием говорящего оскорбить или унизить собеседника» [4, с. 144].

Одним из наиболее распространенных способов проявления речевой агрессии является употребление обсценной лексики, направленной на оппонента / оппонентов, третьих лиц или ситуацию. В.И. Шаховский замечает, что «в нашей стране в последние годы сквернословие приняло поистине угрожающие размеры, стало национальным бедствием» и требует особого внимания со стороны юристов, лингвистов, социологов, культурологов и т.д. [8, с. 116 — 120]. В силу этических убеждений мы не будем иллюстрировать факты употребления непристойностей носителями русского языка. Отметим лишь, что мат становится всё более агрессивным, что «ведет к экоциду, т.е. к убийству духа народа, который и есть его язык» [8, с. 121].

Как правило, инвективное речевое поведение осуществляется в конфликтных ситуациях с высоким экспрессивно-оценочным фоном и реализуется посредством инвективной лексики.

К инвективной лексике относятся стилистически нейтральные слова, обозначающие виды деятельности, осуждаемые обществом (*жулик, проститутка*), слова с высокой негативной оценкой, которая составляет основной смысл их употребления (*антисемит, предатель*), профессиональные и зоосемантические метафоры (*палач, мясник; корова, свинья*), лексика с негативной оценкой личных качеств человека (*мерзавец, подонок*), эвфемизмы (*ночная бабочка*), жаргонизмы (*бабло, крыша*) и др. [6]. Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская к инвективной относят также и обсценную лексику. Инвектива характеризуется яркой пейоративной эмоционально-оценочной окраской и воспринимается собеседником как оскорбление. Т. А. Золотаренко рекомендует при анализе инвективной лексики учитывать ситуацию

речевого акта, мотив говорящего, его социальное положение и социальные роли коммуникантов [4, с. 143], однако два последних фактора не могут быть установлены при виртуальном общении в силу анонимности участников коммуникации.

Инвективная лексика может быть эксплетивной, т.е. направленной на ситуацию и выражение эмоций, и агрессивной, употребляемой с целью причинить вред адресату. Как правило, агрессивная инвектива употребляется в речевом жанре оскорбления.

В ходе анализа комментариев выявлены следующие группы инвективной лексики:

- слова с яркой негативной оценкой, составляющей смысл их использования: *шваль, рукожопы, жлоб, дебил, дебилка, ублюдки, лох, дуралей;*

- слова и словосочетания, содержащие негативную оценку моральных и интеллектуальных качеств оппонента: *нелюди, дурачок, балоболка, тошнотик, лошара, даун, затупок, кретин, терпилка, малолетка, болтун, клоун, балбес, недоумок, халявщик, нытики, неуч, истеричка, идиоты, сцыкло, биомусор, завистник, жмур моральный; тупой, конченый, тупорылый, тупоголовый, невменяемый, ущербные*.

Часто такие слова сопровождаются определениями, усиливающими унизительный эффект: *Александр, этот ход маркетинговый я знаю.... тут и дураку понятно... но этим* ***жадным ублюдкам*** *все равно…*; ***Лживым болтуном*** *ты всегда был* (заявление, претендующее на истинность, усиленное наречием *всегда*); *Герман,* ***эксклюзивный даун*** (определение с положительной семантикой усиливает негативное значение инвективы);

- зоосемантизмы: *овца, клуша, олень, баран, шакаленок, шавка, мышь, баклан, животное, петух, скунс, псина, свиньи, скотина*. Такие лексемы в переносном значении в реальной коммуникации регулярно употребляются с целью оскорбить и унизить адресата.

Некоторые пользователи предпочитают зоосемантические аллюзии, инвективная сила которых ничуть не уступает «зоосемантическим» метафорам (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация оригинала): *Владислав, ты правильно все сделал ..зачем читать..* ***хрюкнул*** *и в кусты!! — Валерий, я прочёл статью.* ***Хрюкаете****, вы* 🐽 *Причём я посмотрел, давно* (намек на принадлежность адресата к животному миру подкреплен графическим изображением);

Юлия, страдалица ты бедненькая. Видно все действительно у тебя хреновенько. И лучше не будет раз ***пятак*** *свой суешь куда тебя не просят. И* ***харю*** *свою на мою страницу больше не суй — сломаешь*;

- жаргонная лексика, в том числе жаргонные «профессиональные метафоры»: *урки галимые, хабалка*; *разводняк; базар фильтруй; чё ты лечишь*.

В качестве вербального средства агрессии могут выступать и словообразовательные неологизмы: *либерастня* (*Этот флешмоб уже организовала* ***либерастня***), *либерасты* (*Александр, даже если случайность — теперь любая беда будет вызывать бурление г*вен у* ***либерастов***), *водятлы* (*Мы даже не раз с тобой пересекались в темах, где* ***водятлы*** *жаловались, что эвакуируют слишком интенсивно*) — как видно, слова образованы по принципу телескопа — *либерал* и *педераст; водители* и *дятлы*; *дэрьмокар* (*Рашн* ***дэрьмокар***) — экспрессивно-оценочная лексема, образованная путем сложения основ и интерфикса и заменой гласного для более грубого звучания. Встречаются случаи оскорбительного обыгрывания фамилий собеседников: *Олег, свинько …* (фамилия адресата Минько).

Иногда собеседники завуалировано проявляют агрессию, прибегая к использованию эвфемистических выражений, содержащих намек на интеллектуальную ущербность собеседника: *Александр, ты* ***головой не бился*** *сегодня?*; *Борисфен, ты пошто такой злой?* ***Кислороду не хватает****?; А где найти эти мелочи, аффтор?* ***Вы из дурдома пишите****?*

Как известно, лексика любого языка наиболее оперативно отражает события, происходящие в жизни общества: «Лексика как наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро» [2, с. 46]. Так, репертуар инвективных лексем пополнили *бот, кремлеботы, кремлеботский, фэйк, ждун, кастрюля, майдаун, хохлосвинячая*, *переможець* (укр., но в ироничном звучании, в значении, противоположном словарному), возникшие в результате развития информационных технологий и непростых российско-украинских отношений: *одним словом* ***ждун****.. когда ему сделают дороги.. когда кто то во дворе уберет мусор на детской площадке, который они вчера с друзьями после себя оставили..!!!*; *Виталий, ..дурака включил* ***кастрюля****..!!??* (так противники майдана называют его участников и последователей); *Самурай,* ***Майдаун***

ты!...(тут наблюдаем агрессивный лингвокреатив, образованный путем контаминации частей *майдан* и *даун*).

В обсуждениях злободневных тем оппоненты используют такой запрещенный в риторике метод, как навешивание ярлыков, позволяющий им выразить негативное отношение ко всем людям вообще: *Ника*, ***люди идиоты;*** к жителям страны или региона: *я возле своего дома территорию только уберу так через 5 минут какая то тварь то пачку бросит то бутылку.* ***люди у нас конченные****; Виктор, вот это плохо.* ***одна из паскудных черт менталитета. каждый думает о себе****; Почитаешь ленту —* ***страна нытиков****, аж противно!;* представителям какой-либо национальности: *че вы* ***вредные как хохлы****, чего постоянно недовольные?; Ayshe,* ***все крымские татары как цыгане. Никчёмный народ****.*

Агрессивные высказывания могут быть выражены с помощью иронии, т.е. насмешки, когда слова в речи приобретают значение, противоположное буквальному: *Мария, ну объясните* ***нам неграмотным в чем правда, только вы ее знаете))))*** (автор комментария считает Марию неграмотной, в отличие от себя и своих единомышленников; ироничный тон подчеркивают графические обозначения улыбки); *Юра, сколько-же тебе лет,* ***умник****?*; *Василий, аж* ***прослезился*** *от вашего пруфа ...таки хомячки в коментах ух!!!*; *Андрей, сначала почитал твои кометы.. думаю кто же это* ***умудренный жизненным опытом человек.. наверное работает уже долго налогов заплатил уйму****.. а посмотрел что это простой диванный нытик 27 лет*; *Герман, чепуха, ты в курсе что* ***таких как ты единицы? в реале ни одного не встречал****.* Насмешка может быть злой, саркастичной: *Не раз видел мам с колясками убаюкивающих своих чад матерными словами. Разумеется, если этот* ***биомусор*** *будет убран Богом с лица Земли посредством какой нибудь техногенной катастрофы* ***обещаю люто скорбеть и наплакать 200 граммовый стаканчик с горкой*** (непрямое пожелание адресату погибнуть от техногенной катастрофы усиливает наличие инвективы *биомусор* и сарказм); *Vladimir, ты смотрю* ***даже взрослые слова знаешь? Тебе то видимо вообще никто не даёт****, раз у тебя страница полная всякого г*вна.*

Речевая агрессия может быть выражена в форме злопожелания. В культуре речи жанр пожелания относится к формулам речевого этикета, однако в межличностном общении может приобретать

агрессивный тон и преобразуется в лжепожелание: *Олег, ну тогда* ***камней тебе с неба побольше и покрупнее****!)) Удачи в счастливом будущем!))* (вторая часть пожелания носит иронический характер). Как потенциальное лжепожелание воспринимается и следующая реплика: *Могу предложить пойти молочка* ***попить из клея для обоев или водички*** *из скважины* ***с соседскими испражнениями***.

Речевая агрессия часто реализуется в форме посыла с употреблением обсценной лексики. Целью такого поведения может быть оскорбление адресата либо желание прервать контакт: *Скачи* ***нафиг*** *на свой Запад!*; *Михаил, я написала, разуй глаза, доип*ться больше не к кому?* ***Свали к зеркалу****!!!!*; ***Да пошел ты пошел ты пошел ты***.

Грубое прерывание общения также расценивается как проявление речевой агрессии: ***захлопнитесь уже*** *наконец*; *Надежда, да когда же вы уже* ***гавкать прекратите****?*; *от твоего* ***пука*** *тоже* ***пахнет провокацией****..так что* ***не хрюкай****..!!*; *И* ***язык свой "объективный" втяни между ног***; ***Засох,*** *короче* (реплики содержат сниженную лексику, которая в контексте становится инвективной).

Угроза в виртуальной коммуникации отличается от угрозы в реальности тем, что остается неосуществленной: *Либо напишите в лс адрес,* ***приеду сам захлопну*****;** *Хотите на эту тему поспорить, добро пожаловать в группу хотя бы вк, посвященную творчеству Высоцкого. Вот там* ***вас разорвут за такие слова*** (понятно, что обещанное действие произойдет тоже виртуально). Угроза, даже непрямая, может содержать высокий градус ненависти: *Яков,* ***Освенцим ждет тебя****. Там все в рабочем состоянии. Немецкое качество, спроси у дедушки* (автор реплики напоминанием о страшных исторических событиях прошлого века проявляет антисемитизм).

Агрессивным является речевое поведение, содержащее вербализацию физической агрессии или призыв к насилию: *А если нет выбора, то* ***можно "пробить с колена в ухо"*** *"безинтеллектуальному"* ;) (предлагается вседозволенность в шутливой форме); ***Линчевать нужно*** *этого* ***недоумка****, чтобы другим неповадно было*; *Ох и му*ило, если реально такой мастер,* ***руки завернуть туда откуда они выросли****!*; ***Лишить хозяйства!!; На кол!!!; Камень на шею ему и в море!*** Такая форма речевой агрессии особенно опасна, так как может служить спусковым крючком к деструктивным действиям в реальности.

В редких случаях коммуниканты используют подчеркнутую вежливость для выражения негативного отношения к адресату. По-видимому, иначе высказаться им мешает табу на обсценную и инвективную лексику, т.е. воспитание и / или образование: *Лёня, я бы сказала многое, но* ***переживаю****, что вряд ли* ***ваш ограниченный разум*** *осознает и примет эту информацию*; *Александр, Обязательно* ***помолюсь за тебя чтоб Бог тебе разуму подкинул трошки.***

Для придания реплике агрессивного тона коммуниканты прибегают к избыточной экспрессивности, нагнетая враждебную ситуацию интенсивным употреблением инвектив и других эмоционально-оценочных средств. В таком случае речевая агрессия может представлять собой комбинацию названных форм: *Валерий,* ***дырка****, а ты все* ***воняешь****. как* ***шакаленок тяв, тяв. шавка смотри догавкаешься*** (оскорбления, выраженные инвективной лексикой, в сочетании с угрозой усиливают враждебный тон); *Виктория,* ***пшла ты вон, балоболка****! Ещё мне будешь указывать,* ***недоразумение человеческое****..! Ты обычная* ***мышь серая****,* ***сиди попивай водочку и смотри свою порношку****...:)* (автор комментария унизил достоинство собеседницы путем грубого посыла, употреблением инвективной лексики, в том числе зоосемантической, и косвенно обвинил ее в употреблении алкоголя и осуждаемом обществом образе жизни с помощью навешивания ярлыка).

Исключительно виртуальной формой речевой агрессии является интернет-троллинг. Интернет-тролль включается в обсуждение или комментирование, чтобы разрушить общение или обидеть, оскорбить собеседников. Р.А. Внебрачных характеризует троллинг как «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» [3, с. 49]. Троллинг является средством манипуляции, порождающим ответную агрессивную реакцию. Так, в группе «Черный список Симферополь» пользователь разместил пост-приветствие с пожеланием хорошего дня, на что последовала следующая реакция участника:

Александр: *Да пошел ты*

и далее он же: *Да пошел ты пошел ты пошел ты СТАРЫЕ друзья бывают у стариков-пошел ты*

МАЛЕНЬКИЕ радости у неудачников-пошел ты РАБОТА у тормозов и мужичья-пошел ты.

Тролль достиг своей цели: во-первых, выплеснул негативные эмоции, во-вторых, «втянул» в беспочвенный конфликт по отношению к себе и автору поста других участников, испортив всем настроение:

Алиса:*Александр, да пошёл ты-2*

Джафер: *И чашку ароматного кофе, сваренного не нами , выпьют тоже не мы- пошел ты*

Александр*: Алиса, да сама иди туда же. Без кофе*

Кирилл: *Злые вы все! Пошли вы!*

Полилог иллюстрирует взаимодействие инициативной агрессии (две первые реплики) и реактивной и доказывает, что любая реплика участника соцсети может стать поводом для включения в агрессивную коммуникацию: «… в сетевой переписке отправной информационный повод часто становится неактуальным, а пользователи «переходят на личности», демонстрируя опыт ведения неэффективной дисгармоничной коммуникации» [5, с. 31].

Таким образом, враждебность пользователей социальных сетей проявляется в формах оскорбления с употреблением инвективной и обсценной лексики, а также эвфемистических выражений, навешивания ярлыков, иронии, иногда переходящей в сарказм, злопожеланий, враждебных упреков и замечаний, посылов и грубого прерывания общения, угрозы, призывов к агрессивным действиям, подчеркнутой вежливости, избыточной экспрессивности и интернет-троллинга. Разнообразие форм речевой агрессии свидетельствует о том, что, несмотря на общественное порицание такого речевого поведения, пользователи с его помощью не только достигают экспрессивности речи, но и получают психологическую разрядку путем оскорбления и унижения собеседников. Однако речевая агрессия в сети, не ограниченная запретами и защищенная анонимностью, может выйти за рамки Интернета и стать угрозой для общества. Кроме того, такое речевое поведение «размывает» этические нормы поведения социума и негативно влияет на нормы языка, в связи с чем необходимым представляется дальнейшее исследование речевой агрессии.

Литература
1. Антропова В. В. Речевая агрессия в текстах социальных сетей: коммуникативный аспект / В.В. Антропова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 4. — С. 77 — 80.
2. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления / А. Д. Васильев. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 224 с.
3. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. — 2012. — Вып. 1. — С. 48–51.
4. Золотаренко Т.А. Уровни инвективной сущности / Т.А. Золотаренко // Вестник Волгоградского ун-та. Серия 2, Языкознание. — 2013. — № 1 (17). — С. 142 — 145.
5. Курьянович А.В. Правовые аспекты речевого поведения носителей в сфере современной электронно-медийной коммуникации / А.В. Курьянович // / Юрислингвистика: научно-практический журнал. − № 4 (15). — 2015. — Саратов: Амирит. — С. 25-33.
6. Петрова Н.Е. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2014. — 160 с.
7. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К.Ф. Седов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/sedov_dic.doc (дата обращения — 12.08.2018).
8. Шаховский В.И. Голос эмоций в голосовом круге homosentiens. Изд. стереотип. / В.И. Шаховский. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. — 144 с.
9. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. — 2-е изд. — М.: ЛКИ, 2008. — 360 с.

ПОСЛОВИЦА КАК ФОРМА ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В.П. Гордиенко
v.gordienko@donnu.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Одной из актуальных тем в русском языкознании в последнее время стала языковая картина мира — упорядоченная система

представлений об окружающем мире, которая сформировалась в сознании определённой общности людей и отражается в их менталитете и в национальном языке. Существуют разные определения этого понятия.

Согласно научным взглядам Ю. Д. Апресяна, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка <...> С другой стороны, языковая картина мира является “наивной" в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от “научной” картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные» [1, с. 187].

Многие современные лингвисты различают понятия "картина мира" и "языковая картина мира" Так, В. А. Маслова считает, что «термин “языковая картина мира” — это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую “окраску” этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое рождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [13].

Языковая картина мира — это отраженный средствами языка образ сознания-реальности. Языковую картину мира принято разграничивать с концептуальной или когнитивной моделями мира, которые являются основой языкового воплощения, словесной концептуализации совокупности знаний человека о мире [12, с. 12].

Таким образом, картина мира любого индивидуума, как и картина мира целого сообщества, находится в тесной связи с языком. Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в языке результаты познания

Цель данной работы — попытка изучения роли пословиц в формировании языковой картины мира.

Задачи: провести сравнительный анализ русских и английских пословиц о дружбе и товариществе; на примерах русских пословиц обосновать функцию языка как скрепы русского самосознания, как инструмента защиты в информационной войне; наметить пути формирования этнокультуроведческой компетенции студентов.

Пословицы, как разновидность фольклора, — это концентрированное выражение народной мудрости и народного мировоззрения, народных нравственных ценностей, народного менталитета, народного характера, народной духовности.

По словам Фрэнсиса Бэкона, гений, дух, характер народа проявляются в его пословицах [2].

Как и отдельно взятое слово, пословица — это мыслеобраз, психоэмоциональная составляющая, которая резонирует с информацией окружающего мира, вызывая своеобразный отклик в виде улучшения или ухудшения душевного состояния человека. Ничто так не связано с душой, как язык. Поэтому наши идеологические и политические противники так активно и агрессивно разрушают русское психоэмоциональное пространство в ходе современной информационной войны против всего русского. Конечная цель этой войны — искажение и уничтожение русской языковой картины мира вместе с её создателями, то есть нами.

Каким оружием пользуются наши оппоненты? Словесными манипуляциями. Всем известно, что «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». Одни и те же слова формируют и позитивную идентичность сознания, и гордость за свою страну, и продажность, и патриотизм, и ненависть, и ложь, и готовность к подвигу, к самопожертвованию ради высокой цели, и готовность к предательству ради власти и материальных благ. Всё зависит от поставленных целей.

Характер этноса и система его нравственных ценностей более важны, чем тип мышления, при сравнении с другим этносом. Например, русских людей обычно характеризуют как дружелюбных, терпеливых, гостеприимных, готовых помочь друг другу, совестливых, патриотичных, религиозных. Англичан — как рациональных, трудолюбивых, свободолюбивых, жёстких, независимых, сдержанных.

Исторические судьбы, культура, природные условия, влияющие на национальную картину мира, у этих народов весьма различны. Но, несмотря на это, их пословицы и поговорки имеют много общего. Убедимся в этом, сравнив некоторые русские народные пословицы из раздела «Дружба, товарищество, взаимопомощь» с пословицами из английского языка.

Русские пословицы	***Английские аналоги***
Лучше горькая правда, чем лесть врага. *Недруг поддакивает, а друг спорит.*	A friend's frown is better than a foe's smile. Досл. перевод: *Хмурый взгляд друга лучше, чем улыбка врага*.
Были бы пирожки — будут и дружки. *Был Филя в силе — все други к нему валили, а пришла беда — все прочь со двора*	No longer pipe, no longer dance. Досл. перевод: *Нет дудки — нет и танцев.*
Старый друг лучше новых двух. *Вещь хороша, пока новая, а друг — когда старый.*	Old friends and old wine are best. Досл. перевод: *Старые друзья и старое вино — самые лучшие*.
Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. *С кем хлеб — соль водишь, на того и походишь*.	A man is known by the company he keeps. Досл. перевод: *Человек узнается по своей компании.*
Всем брат — никому не брат. *Приятелей много, да друга нет.*	A friend to all is a friend to none. Досл. перевод: *Друг всем — друг никому.*

Особая роль в формировании национальной картины мира принадлежит пословицам, которые не имеют прямых соответствий у других народов. Например, русская пословица *«Сам погибай, а товарища выручай»* имеет только очень приблизительные по значению пословицы в английском языке:

— A friend in need is a friend indeed**.** Досл. перевод: *Друг в нужде — настоящий друг.*

— It is better to be in chains with friends, than to be in a garden with strangers. Досл. перевод: *Лучше быть в цепях с друзьями, чем в саду с незнакомцами.*

— A friend is never known till needed. Досл. перевод: *Друг никогда не известен, пока не понадобится его помощь. Без беды друга не узнаешь.*

В приведенных английских аналогах, а также, например, в японском варианте *«Друг, помогающий в беде, — истинный друг»* речь идёт о взаимопомощи, о достоинстве человека, о том, каким должен быть друг (но не «я»).

Нам не удалось найти прямые аналоги и в других языках. Французское *«Один за всех и все за одного»* — это о дружбе и взаимовыручке. В латинской пословице *«Служа другим, себя трачу. Светя другим, сгораю»* — самолюбование, даже жалость к себе. Литовский и киргизский варианты звучат как-то по-торгашески: ты мне, я тебе: *«Другу не поможешь — сам пропадёшь» (лит.); «Кто не заботится о друге, попадает к врагу» (кирг.)*

Таким образом, сопоставив русские и английские пословицы о дружбе, можно сделать вывод, что, несмотря на различия культур русского и английского народов, в народных пословицах отражены одни и те же общечеловеческие ценности — дружба, взаимовыручка, взаимопомощь.

Но есть и отличия: русские относятся к друзьям бескорыстно, готовы поделиться с ними последней рубашкой, прийти на помощь в любую минуту и даже принести себя в жертву ради друга: *хороший друг что брат; лучше друг верный, чем камень драгоценный; не имей сто рублей, а имей сто друзей; нет уз святее товарищества.*

Англичанину друг нужен для того, чтобы весело провести время, использовать его для своей выгоды, например, стать богаче, подняться по карьерной лестнице: *друг на рынке лучше, чем деньги в сундуке; друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке.*

Но такой самоотверженной готовности погибнуть за друга, отдать за него самое дорогое, что у тебя есть, не рассчитывая на то, что друг тебе отплатит тем же, не с целью показать своё моральное превосходство, а совершенно бескорыстно, потому что ты сам и есть настоящий друг — такой пословицы нет ни у одного народа.

Пословицей «Сам погибай, а товарища выручай» ещё генералиссимус А. В. Суворов, которому приписывается авторство этой и

некоторых других пословиц [11, с.169], наставлял своих солдат перед боем.

При этом стоит принять во внимание замечание А. Вежбицкой о том, что слова *друг, приятель, знакомый, товарищ,* которые в русском языке значительно различаются, в английском языке, как правило, заменяются всеобъемлющим словом *friend* [4, с.345].

Слово *товарищ,* используемое в данной пословице, является синонимом к английскому слову *friend* (*друг, приятель),* а не *comrade (товарищ),* которое не используется в английских пословицах.

Л. Боровой считает, что прототипическим для этого слова является обозначение людей, объединённых на основе «мужской солидарности», обусловленной «боевым товариществом» или совместным участием в одном деле. По свидетельству Дениса Давыдова генерал Ермолов применял по отношению к солдатам обращение *товарищи* даже в приказах. Часто, особенно в народных песнях, говорят о *товарищах*-разбойниках [3, с. 521–530].

Традиции патриотизма, стойкости, боевого товарищества, чести и доброго имени берут своё начало ещё от принципов и норм поведения воинов первых русских воинских дружин.

В древнерусской документальной и художественной литературе главными героями, защитниками земли русской, готовыми жертвовать собой ради Отчизны, за веру православную, за простых людей были богатыри и витязи, товарищи по оружию, а не власть имущие князья и бояре. Это были храбрые воины, заслуживающие почета и уважения народа своими благородными поступками.

Уже тогда формировалось представление о важной роли воинской чести как части языковой картины мира, критерия поведения. Об этом критерии можно судить по пословице: «На миру и смерть красна».

Для русских воинов характерно и такое чувство, как позор пленения: плену предпочитали смерть. Герои многих летописей следовали этому убеждению. И уже в первом русском воинском уставе выдвигается требование: «...лучше есть честно умереть, нежели с безчестием жити» [9, с.51]

Готовность жертвовать жизнью за свое Отечество, за православную веру также являлась характерной чертой русского воина и выражала содержание воинской чести.

Так было, так есть и так будет. Русский князь Олег, прозванный в народе Вещим, прибил свой щит на вратах Царьграда не как символ своей победы над Византией, а как знак мира и дружбы, взяв на себя обязательство прийти на помощь и заступиться за византийцев в случае беды. Зоя Космодемьянская, хрупкая молодая девушка, как десятки и сотни таких же, но оставшихся неизвестными советских девушек, перенесла жесточайшие пытки перед смертью, но не поступилась честью комсомолки. Женя Родионов в Чечне перед лицом мучительной смерти не снял нательный крестик. Герой сирийской войны Александр Прохоренко, сын тракториста и уборщицы, окружённый боевиками Исламского государства, вызвал на себя авиаудар, чтобы не попасть в плен. Катапультировавшийся из сбитого Су-25 русский майор Роман Филипов со словами "Это вам за пацанов!" подорвал себя гранатой.

Языковая картина мира носит диахронический характер, так как одновременно и отражает представления людей о прошедшей действительности, и корректируется под влиянием современного мира. И современные реалии, внутренняя и особенно внешняя политика России убедительно подтверждают это моральное качество русских, ставшее потребностью души: готовность к самопожертвованию во имя идеалов истины и добра.

«Это интересное наблюдение объясняет и феномен интернационального единства советских солдат разных национальностей, одержавших победу в Великой отечественной войне именно благодаря тому, что их объединяло ощущение русскости…» [6, с. 54].

Развязанная против России информационная война направлена на то, чтобы у русских не было таких героев, чтобы память о них и об их подвигах была стёрта и забыта, чтобы русские плевали в могилы своих предков, в свою историю, чтобы мы стали иванами, не помнящими родства. Некоторых успехов наши противники достигли.

Чтобы противостоять нависшей угрозе, необходимо в процессе гуманитарного, филологического образования учитывать особенности диалога между культурами разных наций, между национальными картинами мира, используя правдивую историю и языковые ресурсы, особенно пословицы, как стержень нашей культуры, помня о том, что «русский — это не национальность, это состояние

души» [10]. Если же не учитывать особенности диалога между нациями, то мы, русские, можем исчезнуть, как индейцы.

Хорошо сказал об этом Отто фон Бисмарк: «Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники». Язык как генетический код нации, как вектор развития народа способен сохранить идентичность и целостность языковой картины мира и сам Русский мир.

«Для овладения русским языком как национальным феноменом необходимо осуществлять исторический подход к его преподаванию, отражать не только синхронические, но и диахронические языковые процессы. Студенты должны осмысливать факты современного русского языка с опорой на его историю. Задача преподавателя — сформировать у студентов положительное отношение и внутреннюю готовность к применению данных истории русского языка в будущей педагогической деятельности… Преподавание родного языка должно формировать этнокультуроведческую компетенцию» [5, с. 15]

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. — С. 37–67.
2. Афоризмы и цитаты про пословицы. — Режим доступа: https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-pro-poslovicy
3. Боровой Л.Я. Путь слова. Очерки о старом и новом в языке советской литературы. М.: Советский писатель, 1960. — С. 521–530.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. — 790 с.
5. Гордиенко В.П. Особенности преподавания русского языка в неязыковом педагогическом вузе // Новые горизонты русистики. — Вып.7. ДонНУ. Донецк, 2019. — С. 14–21.
6. Гордиенко В.П. Язык как вектор развития народа // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура, вызовы современности**:** Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). *Том 4: Филологические науки. Культура и искусство*. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. — С. 53–56.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003. — 616 с.
8. Дмитриева М.Ю., Тихонова Е.В. Сравнительная характеристика английских пословиц и поговорок и их русских эквивалентов. — Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/14/9001.pdf

9. Иванов Е.С. Представления о воинской чести в русском войске до XVIII века // Военно-исторический журнал. 2007. №9. — С. 49–51.
10. Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. — Режим доступа: https://www.e-reading.club/book.php?book=1021331
11. Кожевников А.Ю. Великие полководцы. Афоризмы. Притчи. Легенды. М.: ОЛДИ Медиа Групп, 2011. — 304 с.
12. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знания, 2004. — 327 с.
13. Маслова В. Л. Лингвокультурология: учеб, пособие для вузов. М.: Академия, 2001. — Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php.
14. Митина, И.Е. Английские пословицы и их русские аналоги. КАРО, СП. 2003. — 231с.
15. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок. — Режим доступа: projest.1september.ru
16. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1988. — 236 с.
17. Хизова, М. А. Концепт дружбы в русской и английской паремиологии // Наука Кубани. 2003. № 1. — С. 241–244.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ[19]

С. Н. Стародубец, С. Е. Тимофеев
starodubets.madam@yandex.ru, drumliker@mail.ru
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского»
(Брянск)

Язык идеологии маркирован наличием слов с высокой степенью оценочности. Вопрос о разграничении терминов «оценка» и «оценочность» интересовал многих учёных. Различные подходы по данному вопросу проанализированы и изучены в диссертационном исследовании С. Н. Стародубец [3]. Ряд учёных рассматривает оценочность в пределах коннотации. В. Н. Телия определяет данное понятие, как «семантическую сущность, узуально или окказионально

[19] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90031

входящую в семантику языковых единиц, выражающую эмотивно-оценочное и стилистические маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании» [8, с. 5]. В.И. Говердовский коннотацией называет «суммы содержательных компонентов значения, функционирующего в реальном речевом акте» [2, с. 13], включая в её состав идеологическую составляющую. При этом, коннотация и оценочность, по мнению Ю.Д. Апресяна, не находятся в родо-видовых отношениях, коннотация — вне интенсионала структуры лексического значения, оценочность — в пределах интенсионала [1].

Мы полагаем, что идеологическая оценочность является принадлежностью денотативно-сигнификативного компонента лексического значения слова, в отдельных случаях необходимо говорить об идеологической коннотации. Установлено, что идеологическая оценочность инвариантна, в контексте употребления может быть реализована в мелиоративном либо пейоративном вариантах (к примеру, *равенство* («+»), *равенство* («-»)). На внутрисемном уровне данное явление характеризуется как оценочная энантиосемия. Что касается понятия «идеологическая коннотация», подчёркиваем, что последняя является факультативным компонентом лексического значения слова [3, с. 38].

Способом разграничения идеологической оценочности и идеологической коннотации является критерий, предложенный И.А. Стерниным для разграничения оценочности и коннотации вообще: если лексическое значение слова можно дефинировать с помощью безоценочных слов, имеет место коннотация, в противном случае — оценочность [7].

В составном наименовании *русская зима* на фоне этнокультурного значения «время года, символизирующее таинственность, лихость, крепость русского духа и русского характера» развивается идеологическое со-значение «вспомогательная сила русской армии». Считаем, что последнее можно дефинировать без использования оценочных средств, следовательно, имеет место идеологическая коннотация.

Коммуникативное значение составного наименования *русские хакеры*, актуальное для современного русского языка: «*Русские хакеры* — это специалисты в сфере информационных технологий, действующие с территории Российской Федерации, совершающие

крупные кибератаки не только на зарубежные, но также и на российские политические и финансовые структуры».

Лексическое значение ключевого слова дефиниции «*кибератака*» = «покушение на информационную безопасность». Фиксируем, что толкование коммуникативного значения опирается на оценочное значение слова, т. е. имеет место идеологическая оценочность составного наименования *русские хакеры.*

Коммуникативное значение составного наименования *вежливые люди*: «сверхсовременные, высокопрофессиональные, вооружённые военные люди, солдаты российской армии в камуфляжной форме без опознавательных знаков, отличающиеся корректностью, сдержанностью и высоконравственным отношением к коренным жителям Крыма, обеспечивавшие миропорядок в период воссоединения Крыма с Россией».

Данная дефиниция включает ряд оценочных языковых единиц, как то: «отличающиеся корректностью, сдержанностью и высоконравственным отношением». Считаем, что составное наименование *вежливые люди* эксплицирует идеологическую оценочность.

Как мы полагаем, разновидностью идеологической оценочности является и оценочность «духовность». В нашей работе «Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина» мы предложили следующий критерий разграничения оценочности и коннотации «духовности»: «<…> фиксируется оценочность «духовность», если семантический компонент «духовность» эксплицирован или имплицирован ядерной частью лексического значения; фиксируется коннотация «духовность», если семантический «компонент» «духовность» эксплицирован или имплицирован периферийной частью лексического значения слова или словосочетания» [4, с. 38]. Было установлено, что составные наименования *духовная любовь, духовная культура, духовная семья* в дискурсе русского религиозного философа И.А. Ильина имплицируют и эксплицируют оценочность (в опорном компоненте) и коннотацию (в атрибуте) «духовность» одновременно. Составное наименование *новый русский человек* в названном дискурсе «эксплицирует смысловое поле, детерминированное религиозно-философской картиной мира автора», имплицирует «оценочность «духовность» за счёт глубинной (макроконтекстуальной) соотнесённости с мифемой «Дух / дух» [4, с. 41–42].

Составное наименование *русский характер* эксплицирует идеологическую оценочность «духовность» в ядерной части лексического значения. «*Русский характер*» — это особенность, совокупность качеств русского человека, проявляющихся в поведении, образе мыслей, убеждениях, мотивированная «духовностью». «*Русский характер*» является проявлением и воплощением «*русского духа*», проекцией «Духа» в «духовное», т. е. Божественного в человеческое» [5, с. 244–245].

В нашей работе «Идеологизированные составные наименования с атрибутом русский в современном русском языке» [9: с. 479–484] мы зафиксировали коммуникативное значение (термин И.А. Стернина [6]) составных наименований *русский мир, русское оружие* и *русские хакеры* в современном русском языке/

Считаем необходимым зафиксировать идеологическую составляющую описанного коммуникативного значения названных составных наименований и составного наименования *вежливые люди*.

Полагаем, что инвариантом идеологической оценочности для указанных составных наименований является семантический компонент *«вспомогательная сила российской политической власти/армии».* Инвариант идеологической оценочности реализует себя в следующих вариантах:

✓ в идеологически-оценочном компоненте составного наименования *русский мир* (дифференциальная сема имплицитного характера «вспомогательная сила российской политической власти») → идеологическая оценочность (в ядерной части коммуникативного значения);

✓ в идеологически-оценочном компоненте составного наименования *русское оружие* (дифференциальная сема эксплицитного характера «вспомогательная сила российской армии») → идеологическая оценочность (в ядерной части коммуникативного значения);

✓ в идеологически-оценочном компоненте составного наименования *русские хакеры* (потенциальная сема эксплицитного характера «вспомогательная сила российской политической власти» → идеологическая оценочность (в периферийной части коммуникативного значения);

✓ в идеологически-оценочном компоненте составного наименования *вежливые люди* (дифференциальная сема имплицитного

характера «вспомогательная сила российской политической власти») → идеологическая оценочность (в ядерной части коммуникативного значения).

Помимо приведённого идеологического компонента плана содержания составных наименований *русский мир, русское оружие* в процессе коммуникативно-семантического анализа нами зафиксирован идеологический компонент «духовность»:

✓ в составном наименовании *русский мир* представленный дифференциальными семами «духовный», «православный», «хранимый Господом»);

✓ в составном наименовании *русское оружие* (в основном корпусе НКРЯ имеет идеологическое значение: «русская военная / невоенная сила / Сила и Духа / духа», в которой отражаются отвага и стремление к справедливости, с одной стороны, духовность, святость и вера — с другой», при этом в газетном корпусе НКРЯ «<…> *русское оружие* обладает иным идеологическим значением: это военное оружие, произведённое в России, известное и признанное во всём мире за свою надёжность [10, с. 193]) — дифференциальными семами «Д / духовное», «благословенное Господом», «священное»;

✓ в составном наименовании *вежливые люди* — потенциальными семами: «высокодуховные, мотивированные силой русского Духа / духа».

Составные наименования *русское оружие* (в газетном корпусе НКРЯ) и *русские хакеры* в составе коммуникативного значения последнего идеологического компонента не имеют.

Считаем необходимым подчеркнуть, что идеологический компонент «духовность» (идеологическая оценочность «духовность») представлен в ядерной части коммуникативного значения составного наименования. Идеологическая коннотация «духовность», на наш взгляд, фиксируется в периферийной части коммуникативного значения составного наименования *вежливые люди*.

Подчёркиваем, что идеологическая оценочность при этом фиксируется как бинарный план содержания, включающий политическую и духовную составляющие, коннотация — как смежный бинарный план содержания, включающий идеологическую и этнокультурную составляющие (посредством атрибута «русский» и эвфемистического характера атрибута «вежливый»).

Литература
1. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд. испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература», РАН 1995. VIII с. — 472 с.
2. Говердовский В.И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: диссертация кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык. Москва, 1977. — 178 с.
3. Стародубец С.Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н. А. Бердяева: диссертация кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык. Брянск, 1999. — 232 с.
4. Стародубец С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И. А. Ильина. Известия Смол. гос. университета. 2017. № 3 (39). — С. 33–43.
5. Стародубец С.Н., Тимофеев С.Е. «Русский дух» и «русский характер» в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. — С. 239–246.
6. Стернин И.А. Методы описания семантики слова. Ярославль: «Истоки», 2013. — 30 с.
7. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. — 156 с.
8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Отв. ред. А.А. Уфимцева. Москва, «Наука», 1986. — 141 с.
9. Тимофеев С.Е., Стародубец С.Н. Идеологизированные составные наименования с атрибутом *русский* в современном русском языке // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума (9–11 июня 2020 г.) / Отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том I. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. — С. 477–484.
10. Тимофеев С.Е. Составное наименование *русское оружие* в современном политическом дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 1 (45). — С. 183–196.

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК»

О. Ю. Прадид, Е. Г. Свирская
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

На смену системно-структурному подходу в языкознании пришла когнитивная лингвистика (термин введен в 1975 г., первыми исследователями когнитивной лингвистики как науки были:

Дж. Лакофф, Г. Томпсон, Р. Лангакер, М. Джонсон), которая рассматривает язык в связи с человеком, т. е. как социальное явление.

В настоящее время в языкознании в когнитивном аспекте наиболее полно исследованы лексическая семантика и грамматика. Основным заданием когнитивной семантики является, по мнению основоположников данного направления, среди которых такие ученые как: М. Кронгауз [5], А. Вежбицкая [2], Ю. Апресян [1], В. Маслова [6] и др., выявление и объяснение организации знаний человека о мире в людском сознании; формирования и фиксации понятия о мире. Картину мира в когнитивной лингвистике рассматривают как начальный глобальный образ мира, лежащий в основе мировосприятия человека, который воплощает существенные свойства мира в понимании ее (картины мира) носителей и является результатом всей духовной активности человека [8].

В. Гумбольдт утверждал, что «в каждом природном языке существует свойственный только ему взгляд на мир», а «разные языки — это не разное обозначение одного и того же предмета; это разное видение и отражение его» [3].

Исследователи считают, что универсальные свойства картины (модели) мира обусловлены тем, что любой язык отражает в структуре и семантике основные параметры мира (время, пространство), восприятие человеком действительности, ненормативную оценку, расположение человека в жизненном пространстве, духовное содержание личности и под. [9, с. 11]. Очевидно, что языковыми средствами выражения, наиболее полно реализующими указанные параметры в речи, являются, в том числе, и фразеологизмы, в частности образованные способом редупликации по грамматической модели «Сущ. Им. п. + Сущ. Тв. п.»: *дуб дубом; дерево деревом; пила пилой; счастье счастьем; любовь любовью* и под.

Центральным понятием когнитивной лингвистики являются концепты — базовые единицы мышления, содержательные единицы памяти всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике.

Существуют разные толкования понятия «концепт». Так, свои определения предложили, например, Н. Д. Арутюнова, Р. М. Фрумкина, Н. Ф. Алефиренко, Г. В. Токарев, Е. С. Кубрякова и др. Однако все они единогласны в том, что человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе

мышления. Концепты — идеальные сущности, формирующиеся в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (через органы чувств); из непосредственных операций человека с предметами (через предметную деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с уже сформированными концептами; из языкового общения.

Концепты, возникшие с помощью человеческой мысли и сохранившиеся в памяти, в совокупности представляют собой *концептосферу* языка. Как известно, термин впервые употребил Д. С. Лихачев, определив его как «общность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура народа, ее фольклор, литература, наука, искусство, история, религия, тем богаче концептосфера национального языка», однако *концепт* и аспекты анализа его значения, автор продолжил рассматривать вслед за С. А. Аскольдовым-Алексеевым [4, с. 153].

По мнению В. Масловой, концептосфера — это совокупность концептов, из которых, как из множества частиц, формируется полотно миропонимания человека (прим. авт.: «полотно миропонимания» и есть картина мира). В. Маслова также отмечает, что ценность языка нации, помимо словарного запаса и грамматических категорий, определяется также богатством концептосферы, в которой формируется языковая личность

Ученые утверждают, что каждый язык есть единство концептов, благодаря которому носители языка могут воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, поступающей из окружающего мира. Добавим, что Н.Б. Подвигина [7] отмечает отличие концептосферы от семантического пространства языка, которое заключается в том, что элементы концептосферы — концепты — не связаны с конкретным языковым знаком и могут выражаться многими языковыми знаками, средствами, их совокупностью, а могут и вовсе не иметь вербального проявления, а выражаться в виде жестов, музыки, танца и под. Возможность же категоризации объектов позволяет объединять их в семантические классы, базирующиеся на определенных сходствах.

Центральным концептом, выраженным посредством исследуемых единиц, образованных по грамматической модели «Сущ. Им. п. + Сущ. Тв. п.», является концепт (по мнению некоторых

лингвистов, исходя из наличия иерархии концептов, *суперконцепт*) "человек", важнейшую роль которого в культуре подчеркивает Ю. С. Степанов [10], аргументируя основанными на антропоцентрической теории доводами, а именно: чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше он "параметризован".

Редупликация как средство выражения может встречаться в текстах многих функциональных стилей. Тавтологические сочетания особенно часто используются в разговорной речи, публицистике и литературе. В современных коммуникативных условиях, где большую долю общения человек осуществляет посредством сети Интернет, комментарии пользователей стали отдельным материалом для различных исследований (не только в сфере лингвистики, но и, например, психологии, культурологии и др.).

В интернет-пространстве встречается множество примеров тавтологических сочетаний, построенных по грамматической модели «Сущ. Им. п. + Сущ. Тв. п.», характеризующих человека по различным параметрам, например, по внешним и внутренним признакам, особенностям, привычкам, по образу жизни и т. д.: *Девица крайне эффектная, но в кино* ***топор топором****, в фото она мне нравится больше, бывает такая разная*; *К сожалению, вынужден признать, что без акваланга я в воде —* ***топор топором****; Мне уже скоро будет двадцать, а в этих вопросах я, как говорится,* ***дуб дубом*** и др.

Концепт «человек» выражается посредством тавтологических сочетаний, образованных по исследуемой модели, которые контекстуально определяют дефиниции, условно образуют следующие семантические группы (посредством аналогии и ассоциации):

1. ‘Способности человека’, куда входят семантические ряды в основном негативного характера: ‘тяжелый, тяжеловесный’, ‘массивный, большой’, ‘неудобный’, ‘примитивный, очень простой, незатейливый’, ‘неподвижный, неподъемный’, ‘глупый’, ‘безынициативный’ и под., представленные в семантических моделях:

«орудие труда + орудие труда в Тв. п.»: топор топором, тяпка тяпкой, лопата лопатой и др.;

«растение + растение в Тв. п.»: дерево деревом, дуб дубом, лопух лопухом и др.;

«животное + животное в Тв. п.»: свинья свиньей, овца овцой, баран бараном и под.;

2. ‘Внешность’, ‘Состояние’, включающие семантические ряды: ‘худой’, ‘толстый’, ‘красивый’;‘злой’, ‘добрый’, ‘веселый’, ‘застенчивый, смущенный’, ‘шумный, громкий’ и др.:

«орудие труда/инструмент + орудие труда/инструмент в Тв. п.»: швабра шваброй;

«предмет + предмет в Тв. п.»: доска доской, булка булкой, гитара гитарой и др.;

«продукт/блюдо + продукт/блюдо в Тв. п.»: уксус уксусом, конфета конфетой, помидор помидором, малина малиной и др.;

«животное/птица + животное/птица в Тв. п.»: жираф жирафом, кот котом, жаба жабой, бегемот бегемотом, тюлень тюленем (схожесть по внешним признакам), павлин павлином и др.;

«растение + растение в Тв. п.»: фиалка фиалкой, кактус кактусом, крапива крапивой и др.;

3. ‘Действия, поступки’, ‘Проявления’, в частности ряды: ‘громкий, шумный’, ‘мотористый, суетливый’, ‘саркастичный, вредный’, ‘подлый’, ‘резкий, грубый’, ‘мягкий, тактичный’ и др.:

«животное/птица + животное/птица в Тв. п.»: амёба амёбой, змея змеёй, шакал шакалом, тюлень тюленем (прим. авт.: схожесть в поведении), павлин павлином, петух петухом и др.;

«растение + растение в Тв. п.»: сорняк сорняком, трава травой, будяк будяком и др.;

«орудие труда + орудие труда в Тв. п.»: пила пилой, тесак тесаком, шило шилом и др.;

«предмет + предмет в Тв. п.»: тряпка тряпкой, язва язвой, юла юлой и др.;

«природное явление + природное явление в Тв. п.»: гроза грозой, молния молнией, ветер ветром, звезда звездой и др.

Исходя из того, что «человек» является суперконцептом и занимает одно из центральных мест в любой культуре, его концептосфера включает множество параметров, нуждающихся в анализе, сравнении, систематизации. К тому же, как точно отметила В. И. Убийко, языкознание испытывает настоятельную потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка, базирующейся на совокупности структурно-семантического, функционального и когнитивного аспектов [11, с. 37].

Кроме того, учитывая богатство и разнообразие лексического состава русского языка и постоянное пополнение его инновациями, распространенность лингвистического креатива как языковой тенденции, свойственной современной коммуникации, интернет-комментарии предоставляют обширный материал для дальнейших изысканий.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2006. — С. 31–160.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / Пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз. Вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1984. — 396 с.
4. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ.ред. В. П. Нерознака. — М., 1997. — С. 280–287.
5. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. — М.: Рос.гос. гуманит. ун-т, 2001. — 399 с.
6. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. — М.: Наследие, 1997. — 208 с.
7. Подвигина Н. Б. К вопросу о способах лексической объективации концепта "святой" в произведении И.С. Шмелева "Лето господне" // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2009. № 11. — С. 57-61.
8. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 8–69.
9. Скаб М. В. Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери. — Чернівці: Рута, 2008. — 560 с.
10. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. / Степанов Ю.С. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 237–246.
11. Убийко В. И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 5. — С. 37–40.

РАБОТА С РАЗВЕРНУТОЙ МЕТАФОРОЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е. Н. Вакулова
vakulova@mail.ru
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственного службы при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС)
(Санкт-Петербург)

Одним из наиболее эффективных и эффектных средств речевой выразительности по праву считается метафора. Более того, «политические и экономические идеологии формируются на основе метафор» [3, с. 252].

В публицистических текстах на политические темы при всем разнообразии используемых средств речевой выразительности метафора стоит на одном из первых мест, поскольку позволяет представить изображаемый процесс, явление или лицо наглядно, ярко, доступно, интересно: *Губернаторские выборы в Самаре в чем-то сравнимы с весенним разливом Волги. Избирательная кампания выбросила на берег политических утопленников, подняла на поверхность никому не известных людей, всколыхнула застарелую муть местных раздоров и свар, наводнила область агитпродукцией с ароматами мусорной свалки* (Известия. 28.06.2000).

Этот троп дает возможность обратить внимание на ту или иную сторону рассматриваемого явления, привлекает внимание к важному для общества явлению, процессу, обстоятельству, состоянию дел.

«Социальный заказ (понимаемый отнюдь не в вульгарном смысле этого слова) стимулирует и исследования воздействующей, идеологической функции метафоры. Это позволяет рассматривать анализ метафорики политического дискурса как один из базовых методов исследования политической лингвистики» [4, с. 15–16].

Повышенная роль и значимость метафор в политическом дискурсе обусловлена наличием определенных причин, в частности, нередко «высказывались гипотезы о связи метафор с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией и поиском решений проблемы» [1, с. 19].

Российский политический дискурс демонстрирует истинность этого вывода: выразительный потенциал данного приема востребован в периоды анархии, неразберихи, социально-полити-

ческой нестабильности. Для нашей страны такой эпохой стал период, не случайно получивший название «лихих 90-х». Поэтому рассмотрение развернутых метафор в политическом дискурсе этого периода представляется особенно интересным.

Как ни странно, восприятие данного средства речевой выразительности не всегда просто, тем более, если речь идет о событиях, далеких в смысловом или временном отношении от современного читателя. Зато целенаправленное рассмотрение такого контента дает двойной, междисциплинарный эффект: одновременно изучаются метафоры и политический дискурс перестроечного периода.

Так, может быть предложена следующая последовательность: вначале рассмотрение информационно-содержательной стороны текста, с комментариями исторического характера, а лишь затем — поиск системы обозначений. И это не случайно. Исследователи метафоры отмечают: «Когда общение происходит между людьми, <…> не разделяющими знания, ценности и исходные предположения друг друга, достижение взаимопонимания будет особенно сложным. <…> необходим достаточно разнообразный культурный и личный опыт <…>, чтобы передать важные части индивидуального опыта или высветить общий опыт <…>, — установить взаимопонимание» [3, с. 247–248].

Таким образом, многое в метафорике 90-х гг.: политическая обстановка, партии, политические деятели и пр. — может быть далеко от современных молодых людей. Поэтому анализ политического дискурса в СМИ может быть реализован через рассмотрение конкретного примера — текста газетной статьи того периода, построенного на основе использования развернутой метафоры.

В частности, предлагаемая для анализа статья «Блочное строительство» (газета «Метро», 25 августа 1999 г.) посвящена созданию партийных блоков и коалиций накануне парламентских выборов, и поэтому содержит материал именно такого рода.

Имея монолитную структуру, текст статьи организован при помощи одного выразительного средства — развернутой метафоры, представляющих политические реалии более чем двадцатилетней давности (партии, персоналии, политическая обстановка накануне выборов), что значительно осложняет его чтение.

Для студентов, родившихся в новом тысячелетии, реалии политической борьбы последней декады тысячелетия прошлого

(1990–2000 гг.) стали историческим антуражем и требуют объяснения. Чтобы облегчить семантизацию отдельных частей и текста в целом необходимы дотекстовые комментарии и поиск конкретной информации о раскладе политических сил, противостоянии интересов, об обстановке предвыборной борьбы того периода.

Применение актуального в настоящее время принципа междисциплинарности в данном случае позволит объяснить непонятное и обогатить информационный запас студентов в области новейшей истории.

Комплексная работа с текстом о событиях новейшей политической истории России, описанными в статье, решает несколько вопросов и задач одновременно, помогает перейти к работе с собственно языковыми явлениями.

Во-первых, необходима работа с устаревшей лексикой недавнего политического периода. Такие лексические единицы, как *аграрии* (члены партии «Аграрная партия России») или *отечественный* (относящийся к партии «Отечество»), потеряв одно из своих значений, постепенно стали историзмами, требующими комментариев. Информация такого рода может быть представлена в виде списка или таблицы с графами «название партии», «лидер партии», «идеологическая платформа» и др.

Во-вторых, непосредственно перед чтением текста нужна работа с именами собственными описываемого периода — фамилиями активных и популярных в свое время политиков периода 20-летней давности, неизвестных современным первокурсникам и поэтому требующих отдельных комментариев.

Затем рассматриваются единицы, имеющие переносное значение, их можно включить в таблицу из двух частей: 1) что сравнивается (денотат, обозначаемое) и 2) с чем сравнивается (сигнификат, обозначающее).

Необходимо учитывать, что при метафоризации происходят трансформации особого рода: в текстах на политическую тематику речь идет об абстрактных понятиях — процессах, явлениях, действиях, идеологии, и через сходство абстрактного с конкретным передается непростая информация.

Рассмотрение метафоры возможно через анализ более легкого и понятного приема — прямого сравнения. На первом этапе анализа следует построить конструкции со сравнением и показать элементы сходства, параметры, лежащие в его основе, как правило,

находящиеся на содержательной периферии. Затем из прямого сравнения предполагается убрать слова, его оформляющие: *как, словно, как будто, похож на, подобен, можно сравнить* и пр. и перейти таким образом к собственно метафоре.

В анализе рекомендуется определенная последовательность разработки лексем, послуживших основой для метафоризации: на первом этапе анализируются полисемантичные единицы с первичным конкретным значением и вторичным абстрактным: *строительство* (1. зданий и 2. партийное строительство) и *блок* (1. строительный, бетонный и 2. временное объединение партий для достижения какой-либо цели).

Удостоверившись при помощи словаря в наличии этих значений, далее можно анализировать менее очевидные соответствия, носящие индивидуально-авторский характер:

цементирующий раствор — общая идеология;

кирпичик — кандидат в депутаты;

трещины — политические разногласия.

При анализе данной группы следует обратить внимание на постоянство, стабильность сопоставления по линии «конкретное-абстрактное», обнаруживаемое, в частности, при рассмотрении группы единиц со значением «постройки, сооружения», которые в тексте статьи используются метафорически. Сравнение этих лексем, использованных в новом значении «политическое объединение, политический партийный блок», — *барак, дворец, избушка, коттедж, палатка, типовой проект,* и пр. — позволяет увидеть не только общность их семантики, но и серьезные отличия в оттенках значения. Обсуждение этих отличий с комментариями историко-политического характера помогает объяснить причины использования единицы для обозначения той или иной партии, способов выражения оценочной авторской позиции.

На заключительном этапе разработки дается итоговое, наиболее сложное задание — сухой, безэмоциональный пересказ текста, без использования метафоры и других образно-выразительных средств.

Задание по изложению некоторой актуальной в какой-то момент информации (по выбору студента) представляется не менее сложным и полезным и может быть реализовано в двух вариантах —

1. данного или иного текста без образно-выразительных средств, например, как официальное сообщение,

2. иного текста с использованием развернутой метафоры того или иного типа (жанр может быть задан или выбран студентом).

Тренировка умения отделять содержательную составляющую от образности и выразительности формирует навык распознавания развернутой метафоры и ее использования в авторском тексте. На первом этапе можно предложить какую-либо актуальную тему, но не политическую, а бытовую, для устного публичного выступления.

При успешном выполнении всех заданий возможно также усложнение в виде конкретизации, какого вида метафора должна быть использована при написании текста речи или статьи. Выбор метафорической модели (музыкальные, медицинские, «дорожные» и пр.) определяется заранее, с опорой на литературу [2].

Методика метафорического моделирования А.Н. Баранова эффективна при работе с текстами на политическую тематику, особенно из сферы кризисного дискурса. Метафорическое моделирование эффективно по отношению и к другим сферам коммуникации.

Модели могут быть предложены заранее. Многие из них — это концептуальные метафоры, свойственные европейскому языковому сознанию. Например, это могут быть следующие метафоры:

жизнь (ее часть, период, например, учеба в вузе или семейная жизнь) — путь, дорога;

переговоры — ансамбль, оркестр, хор, его звучание;

политические разногласия — ссора, конфликт, драка;

дефицит, нехватка чего-либо — голод;

дефекты, ошибки — болезни; их обнаружение — диагностика; их ликвидация — лечение; способы борьбы и ликвидация — методы лечения (терапия, хирургия, гомеопатия, колдовство);

работа какой-либо системы — работа механизма;

становление чего-либо — 1) рождение, развитие, взросление человека. 2) развитие и рост растения: дерева, цветка;

война, вооруженный конфликт — стихийное бедствие (пожар, землетрясение, извержение вулкана, лавина).

Разработку моделей следует проводить по определенной схеме, например, вначале анализируются чужие тексты, использующие данную метафору, затем идет работа над собственным текстом, с добавлением наименований лиц, осуществляющих ту или иную деятельность, и других значимых реалий в системе соотношения «конкретное/абстрактное».

В случае, если недостаток аудиторного времени не дает возможности детально проработать текст в аудитории, работа может быть самостоятельной, а поиск статей, полемических выступлений на политических ток-шоу с использованием развернутых метафор — домашним заданием или частью портфолио к зачету или экзамену, особенно для студентов журналистской специальности.

Литература

1. Баранов А.Н. Дескрипторная модель метафоры / А. Н. Баранов. М.: Языки славянской культуры, 2014. — 632 с.
2. Баранов А.Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А.Н. Баранов и др.. М., 2004. — 94 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2004. lakoff.pdf (codenlp.ru) — Дата обращения — 07 марта 2021 г.
4. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале**:** Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). / А. П.Чудинов. Екатеринбург, 2001.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ. КАТЕГОРИЯ *МЫ*[20]

Т. Ю. Власкина

vlaskiny@mail.ru

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»

(Ростов-на-Дону)

За время вооруженного конфликта на Донбассе, длящегося уже более 7 лет, всё более заметны его антропологические последствия, среди которых особо выделяется проблема самоидентификации местного населения. Темой настоящей статьи является оценка идентичности жителей Донбасса на современном срезе. Источником исследования служат материалы сплошной выборки текстов из

[20] Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17–18–01411).

открытых интернет-источников, аффилированных с ЛДНР: сайтов оповещения населения, городских форумов и твиттер-аккаунтов, зарегистрированных на территории республик. Теоретически работа опирается на классические положения языкознания о социальной обусловленности языковых явлений и в особенности на выводы Б. Л. Уорфа о значении систематических лингво-психологических реакций относительно условий существования общества для формирования определенного мировоззрения [4]. Методологически для исследования важно понятие «письменная разговорная речь», к которой специалисты относят диалоги в чатах и на форумах, подчеркивая при этом, что особого внимания заслуживают формальные признаки интернет-текстов — пропуск знаков препинания, нерегулярное использование заглавных букв, сокращенные и слитные словоформы, «олбанские» искажения, ненормативная лексика, смайлики и сердечки, Caps Lock как способ выражения эмоций и т. п. [1]. Важно также понятие «региолект» в признанной этнолингвистикой трактовке: как обозначение смешанной формы устной речи, включающей в себя множество ареально варьирующихся черт диалектов и просторечий [2, с. 22]. Специальные исследования донецкого региолекта в последние годы активно ведутся филологами Донецкого национального университета [3, с. 18].

За последние годы в системе донецкого региолекта сформировался корпус лексико-семантических выражений трансформации идентичности. В синхронном срезе языковых процессов доминирование шахтерской идентичности, которая ранее традиционно выделялась специалистами как центральный маркер региональной языковой личности [3, с. 117–122], претерпевает определенную девальвацию, уступая место иным отождествлениям гражданских, этнокультурных и политических предпочтений. Важным объективным признаком идентичности является язык неформального общения в соцсетях — пользователи отслеживаемых ресурсов общаются на русском, хотя, как жители двуязычного региона с преподаванием украинского на всех ступенях образования, они хорошо владеют и последним. Однако тот факт, что украинские слова и выражения при весьма редком использовании выступают исключительно средством усиления комического или саркастического эффекта, свидетельствует о сознательном отторжении украинского языка. «Щеневмерла рассылает деньги. Главное, держать карман

шире» (Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1336390739522097155 (дата обращения 01.03.2021). *Щеневмерла* — здесь ‘Украина’. Искаженно «Ще не вмерла України і слава, і воля» — первые слова государственного гимна Украины с 2002 г. «Муж погиб при обстреле захисниками, жена со множественными ранениями в больнице» (Alexander Donetsk. URL: https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896 (дата обращения 01.03.2021). *Захисники* — укр. ‘защитники’ и т. п. Подобные случаи — это проявления языкового нигилизма, хоть и весьма бледные на фоне всплесков этнического фанатизма, которые наблюдаются у сторонников евромайдана.

Среди наиболее заметных языковых явлений, связанных с проблемами означивания субъектов новой реальности, на начальном уровне изучения собранных материалов было выделено интенсивное осмысление дихтомии «свой / чужой». Этот процесс прослеживается в развитии просторечных форм политонимов и соционимов (*укры, нацики* — ‘сторонники киевского Майдана, украинские националисты’, *сепары, вата* — ‘сторонники «Русского мира» и ЛДНР’ и т. п.). Однако функции инструмента дифференциации способны приобретать и нейтральные языковые единицы, относящиеся к базовому корпусу национального языка, например, местоимения. Местоимения *мы, наши, все, вы* и др. открывают особенности современной самоидентификации и позиционирования населения, со всей страстью передавая трагический характер реалистической подоплеки саморефлексии. Сплошная выборка речевых манифестаций по ключевым местоимениям дает им достаточно контекстных характеристик.

МЫ: «*Мы* каждый день переживаем ад»; «*Мы* живем в подъездах и подвалах»; «*Мы* принимаем огонь на себя»; «*Мы* же крепко стоим с 2014 года. Храни *нас* всех Бог…»; «*Мы* хороним лучших парней»; «*Мы* все должны быть вместе и только так *мы* победим украинскую нечисть». Причины появления людей категории *мы* для жителей Донбасса совершенно прозрачны, и в первую очередь они связываются с утратой украинской идентичности: *«Шесть лет назад в этот день убегая под обстрелами из города, мы думали, через пару недель* (вернемся — Т. В.). *В этот день погибло много мирных жителей в центре города. Странной любовью нас любит*

Украина» (Vel East. URL: https://twitter.com/chernaykoshka8/status/1287777785700810752 (дата обращения 01.03.2021). Утверждение необратимости кризиса самоидентификации на протяжении всего конфликта является устойчивой темой донбасской блогосферы. *«Ничто так не стимулирует совместную мирную жизнь, как предварительные многочасовые артобстрелы городов — ДОНБАСС — УКРАИНА… За 6 лет-Практически Непреодолимая НЕНАВИСТЬ! (ОСНОВА КОТОРОЙ-ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ!)»* (SoleilSo20. URL: https://twitter.com/SoleilSo20/status/1316379896785010688 (дата обращения 01.03.2021).

Категория *мы* по многим признакам совпадает с определениями региональной идентичности — *донецкие*, *дончане*, содержание которых за время войны сузилось и конкретизировалось. «Настоящие донецкие» оказались противопоставлены любым другим участникам донбасского конфликта, как минимум тем, что «не оставили города свои» и не уехали туда, где сытнее и безопаснее. По этому критерию жесткой ревизии подлежат даже управленческое ядро республик и ряды ополченцев, воевавших за нее в тот или иной период. *«Больше "адекватных украинцев" оставшихся на своей земле донецких ненавидят самозванцы парламента Новороссии, обиженные первой-второй волны и прочие патриоты на удаленке. Наверное, потому что мы все еще не сдохли. Или не с..лись* (не уехали — Т. В.) *как они»* (SoleilSo20. URL: https://twitter.com/SoleilSoli/status/1289486500581666817 (дата обращения 01.03.2021). Принцип исключительности при выделении донбасского *мы* открывает проблему трагического одиночества жителей республик перед тяготами настоящего и неопределенностью будущего. В противопоставлении рядовых дончан всему миру, включая, собственную республиканскую власть, просматривается нарастающее разочарование в тех, кто за долгие годы не смог избавить их от этой участи. *«Доверия нет ни к власти ни к их подконтрольным СМИ..»* (Донецк Город Герой. URL: https://twitter.com/dnr_war_2014/status/1288808394623778816 (дата обращения 01.03.2021). *«Затрахали и одни и другие, мира хочется…»* (Самооборона Горловки. Городское сообщество. 06.11.2014. http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka (дата обращения 01.08.2020). И уж точно, никто не вправе поучать Донбасс, подгонять под какие-то собственные

представления о том, как он должен был «правильно встать» и героически жить: *«Что сами виноваты, что не так стоим, что Кремль не виноват, а мы все ноем, всего-то 6 лет говновозии»* (Анна Красовская. URL: https://twitter.com/krasovskaya1988/status/1291709466061279232 (дата обращения 01.03.2021). *«Как же зае…ли* (утомили — Т. В.) *эти светлоликие люди, по мнению которых, дончане обязаны ходить все в черном, хмурые, голодные, несчастные, никогда не покидать этот город, работать по 12 часов до конца своих дней или войны. И всё это только потому, что этим светлоликим так видится!»* (Донецк. URL: https://twitter.com/7_Donesk77witc7/status/1329152898085875713 (дата обращения 01.03.2021).

К категории *мы* относятся термины — «*вата / ватники»* и *«сепары»,* впервые получившие распространение в связи с общественной дискуссией 2014 г. на Украине, наряду с «*титушками»* и «*колорадами»*. Возникнув как оскорбительные, уничижительные ярлыки для русских и советских вообще и для русских Донбасса, не разделявших «ценности» киевского майдана, в частности, слова *ватники* и *сепары* приобрели иронические коннотации, а затем стали употребляться и как гордые самоназвания с изрядной долей насмешки над противником. Можно вспомнить популярное при А.В. Захарченко кафе «Сепар» в центре Донецка, подписи под фотографиями пленных «героев АТО»: *«Группа диверов пошла убивать вату, но что-то пошло не так»* (Алина. URL: https://twitter.com/allinka_z (дата обращения 23.07.2020). Или донбасские ники в twitter и vk: *Вежливая Ватница, Ватник Сепаратор, Черный Сепар* и т. п. *Мы* наиболее цельная и одновременно динамичная категория среди идентичностей Донбасса. Содержание других категорий (*наши, все, вы*) более стабильно.

Таким образом, в материалах открытых интернет-источников заметно отторжение навязываемой украинской национальной идентичности и укрепление региональной донбасской с развитием такого ее варианта, как «донецкие / луганские русские». На широком базисе общности земляков, объединенных культурно-языковыми и мировоззренческими приоритетами, обособляется группа «настоящих» дончан, совместно переживающих все годы трагедии войны на своей земле. Посредством выделения маркера общей

травматической судьбы утверждается не вольная, а скорее вынужденная самодостаточность дончан.

Литература

1. Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. Казань, 2001. Т. 2. — С. 7–9.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб., 2005. — 456 с.
3. Донецкий региолект / под ред. В.И. Теркулова. Донецк, 2018. — 265 с.
4. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкознания: XIX–1-я половина XX в. / сост., автор комментариев и заданий З.И. Резанова. Томск, 2010. Ч. 2. — С. 135–168.

МЕМЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Н.В. Гладкая
Nata.gladkaya25@yandex.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Активное развитие Интернета и социальных сетей в последнее десятилетие способствовало формированию особого типа общения — интернет-коммуникации, которая стала краеугольным камнем для развития новой языковой системы и определила тенденции поведения современной языковой личности. Так, большинство интернет-связей сегодня реализуются путём взаимодействия вербальной и невербальной составляющей, т. е. формируют особое креолизованное пространство, которое активно проявляется и распространяется в сети через так называемые креолизованные тексты (мемы, демотиваторы, комиксы, эдвайсы и т. д.).

Креолизованные тексты пользуются популярностью, прежде всего, благодаря своему комическому характеру, позволяющему снизить накал обсуждений и агрессии в Интернете, а преимущественно анонимный характер публикаций позволяет пользователям не бояться быть непонятыми и раскритикованными, что способствует реализации творческого потенциала. Опосредованный харак-

тер диалога в социальных сетях, несмотря на их письменный характер, способствует упрощению выражению смысла и увеличению вариативности в выражении эмоций [2, с. 215].

Наиболее продуктивными креолизованными жанрами являются интернет-мемы или мемы. Термин происходит от греческого слова μίμημα (‘подобие’), что и является основным свойством мема — способность к репликации, то есть к образованию собственных копий. Сам термин «мем» был введён Ричардом Докинзом, который предложил концепцию репликатора в приложении к социокультурным процессам: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [1, с. 189]. Таким образом, следуя концепции Р. Докинза, мы можем говорить о том, что мем (медиавирус) — это идея, мысль, образ, концепция, информационный комплекс, передающиеся от человека к человеку любыми возможными способами (вербально, невербально, креолизованно и т. д.).

Мы можем считать мемы разновидностью прецедентных феноменов, так как в сжатом виде они также могут передавать информацию о тексте-источнике либо о ситуации в целом, а представители определённых социальных групп, увидев мем с конкретным эмоциональным посылом, впоследствии при похожей ситуации шаблонно воспроизведут его либо обратят на него внимание собеседников, что будет способствовать дальнейшему его воспроизведению (т. е. репликации). Культурная специфика мемов близка культуре анекдотов, афоризмов, логоэпистем, поговорок, фразеологизмов, но объединённых в единое структурное и смысловое целое, создавая тем самым подобие коммуникации. Интернет-пользователь должен иметь определённые фоновые знания, чтобы быть в состоянии интерпретировать содержание мема, а это обеспечивает его включённость в культурный контекст [3].

Мемы появляются как результат творческой самореализации пользователей Интернета, а их распространению способствуют лёгкость запоминания и воспроизведения, простота, комическая составляющая, а также актуальность затронутой темы. Успешность

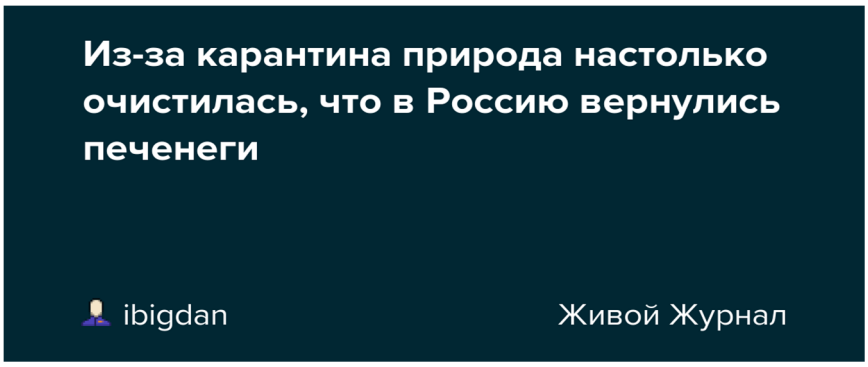
мема определяется наличием большого количества дериватов. Примечательно, что наибольшей популярностью пользуются именно спонтанно образованные мемы в отличие от форсед-мемов (от англ. *forced meme — мем, возникший не спонтанно, а целенаправленно и нацелен навязать реципиентам точку автора*).

Таким образом, не вся информация подвержена широкому распространению в Интернете, а только та, которая кажется пользователям наиболее интересной и актуальной, а также вызывает какие-либо ассоциации. Поэтому достаточно сложно вычислить, какая тематика окажется подвержена репликации, а какая останется незамеченной.

Для достижения нужного коммуникативного эффекта в Интернете необходимо восстановление культурных коннотаций. С одной стороны, включённость мема в структуру комических жанров определяет тот или иной жанр, с другой стороны — усложняет интерпретацию полученной информацию адресатом, потому что для достижения комического эффекта нужно правильно эксплицировать интернет-мем [4].

В современном интернет-пространстве наиболее продуктивны следующие виды интернет-мемов:

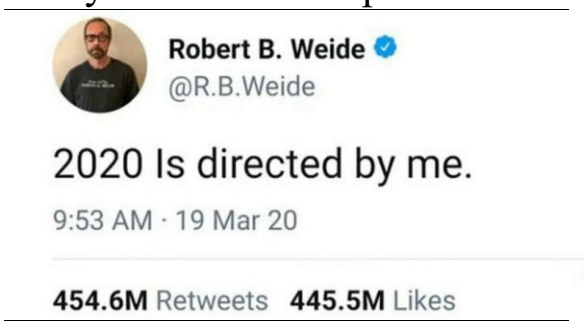
1) *текстовые мемы* — это распространённая фраза, слово или текстовый фрагмент (*узбагойся, то неловкое чувство, когда…, нельзя просто так взять и…).* Источником для подобного рода мемов может послужить фраза известных людей или обычных пользователей. Так, например, самым популярным текстовым интернет-мемом 2020 года стала фраза *«природа очистилась настолько, что…».* Это фрагмент фейковой интернет-новости о том, что за время карантина вода в каналах Венеции настолько очистилась, что туда вернулись дельфины. Фраза так понравилась пользователям, что её стали использовать с разными изображениями и в различных трансформированных вариантах.



2) *мем-изображение* — мем может быть представлен как собственно изображением, так и различными графическими переработками визуальной части. В 2020 году абсолютным хитом стал апрельский мем-изображение *«Наташа, вставай, мы там всё уронили»*. Пользователям настолько понравился этот мем, что его шаблон использовали для шуток про коронавирус, самоизоляцию, цифровые пропуска, диеты и др., а торговая сеть **Л'Этуаль** использовала его для рекламной кампании.

3) *видеомем* — комический видеоролик, особенность которого заключается в возможности неоднократного воспроизведения, а узнаваемость видеомема служит основой для его дальнейшего использования. В 2020 году абсолютными рекордсменами по просмотрам в Интернете стали *«Танцующие носильщики гробов»* (или *Coffin dancers*). Примечательно, что оригинал видео появился в Интернете ещё в 2015 году (это был рекламный ролик похоронного агентства из Ганы), но только в 2020 получил широкое распространение из-за пандемии коронавируса. Такая отсроченная популярность объясняется тем, что чёрный юмор всегда был одним из действующих способов справиться со стрессом, если смеяться над смертью, она кажется уже не такой страшной, поэтому на волне коронавирусной угрозы, танцующие с гробом темнокожие парни были популярны практически весь год. Их изображение пользователи социальных сетей стали использовать для обозначения какой-то неудачи или смертельной опасности.

4) *креолизованный мем* — семиотически осложнённый текст с элементами других знаковых систем, образующих единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое. Так, в 2020 году заставку с титрами известного американского ситкома «Умерь свой энтузиазм» режиссёра Роберта Уайда пользователи социальных сетей начали добавлять к роликам или изображениям, в которых кто-то попадает в неловкую, провальную ситуацию или герой совершает странные и нелепые поступки. Некоторые пользователи высказали мнение, что весь 2020 год стал сплошным провалом, эта идея так понравилась Роберту Уайду, что он выложил запись у себя в Твиттере.



Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что исследование мемов является актуальным и перспективным направлением. Возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов любого типа связана с включенностью адресата в культурный контекст, наличием у него определён-

ных пресуппозитивных знаний. Этим обусловлена и недолговечность активности и функционирования мемов. В зависимости от обстоятельств распространение мема занимает от нескольких дней до нескольких лет, после чего процесс репликации замедляется или останавливается, причём практически невозможно предугадать и спрогнозировать, какая тема или герой станет популярным в Интернете и преобразуется в мем. Мемы устаревают, теряют свою новизну и актуальность и на смену приходят новые. Иногда мем остается известным лишь определённой целевой аудитории пользователей сети Интернет.

Литература

1. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. М.: Мир, 1993. — 318 с.
2. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998. — 362 с.
3. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. — С. 161–173.
4. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6 (59). — С. 85–89.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. А. Иванчук
ivanchukia@rambler.ru
Северо-Западный институт управления. Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Санкт-Петербург)

Новые лингвистические направления конца XX–начала XXI вв. диктуют современные парадигмы, разнообразие, многомерность объекта и предмета исследования; специфичность принципов, теоретико-методологических установок. Глобальные изменения в языке возможно фиксировать лишь в случае планомерного многостороннего интеграционного исследования. Актуальными формами научного анализа современности становятся различные направления проектирования, лежащие на пересечении лингвистического

знания, культурологии и социологии. Карта научных проектов сегодня обширна и многоаспектна. Среди существующих значимых направлений последнего времени (2015– 2020 гг.) коммуникативистики — поиски теоретических оснований русской семантической персонологии; прикладные направления исследований в области современной теории и практики дискурса и медиации; фундаментальные инновационные социолингвистические проекты Красноярской лингвистической школы «Экология современного русского языка и речи»; «Информационно-психологические войны как новый вектор направления исследований в рамках политической лингвистики» (под руководством проф. А. П. Сковородникова. Красноярск. 2017–2020) [6]. Особо значимым на сегодняшний момент является рассмотрение языка с проекцией на говорящего — основной постулат антропоориентированной лингвистики, порождающий описание новой формы его функционирования. С учетом этих позиций возрастает значимость методов исследования, отражающих речевую реализацию языковой личности (языкового портретирования), описания речевых карт городов и районов (функционирования типов речевых культур, типизации и классификации основных речевых нарушений на определенной территории, создания медиакарт локальных местностей, определения путей преодоления речевых рисков и пр.).

Предлагаемый нами проект выполнен (согласно классификационной модели М. И. Конюшкевич) [2] в русле направления антропоцентризма (психолингвистики, межкультурной коммуникации, социолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, герменевтики, гоноративистики).

Обоснование актуальности исследования. В научной литературе настойчиво отмечается нарушение точности, правильности, логической ясности речевого оформления мысли в различных профессиональных сферах полнофункционального типа речевой культуры. Подобные нарушения со стороны чиновников всех рангов, например, закономерно рассматриваются как снижение авторитета власти, дискредитация проводимых ею реформ, обозначаются как проблема государственная, политическая. До последнего десятилетия политическая борьба содержала многочисленные примеры недопустимого нарушения этических норм [4]. Недостаточно высо-

кий уровень владения стилевой палитрой отмечается и в журналистской среде (исследователи справедливо выделяют влияние в ряде публикаций жаргонизирующего типа речевой культуры) [3; 5]. Современная речевая практика (в отличие от речевой ситуации нач. XXI в.) в результате государственной политики в вопросах языка — принятых правительством законов о языке и активной борьбы за качество публичной речи деятелей политики, науки и культуры — в большинстве случаев в публичной коммуникации не допускает грубых, открытых форм агрессии (этому способствует и эффективная организационно-научная деятельность на федеральном и региональном уровнях Совета по Русскому языку при Президенте РФ, Комиссии по Русскому языку при Правительстве РФ; Российской организации исследователей, преподавателей и учителей риторики, Комитета по Культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга) [7]. Несмотря на все позитивные изменения, письменная и устная речь отдельных профессиональных групп деловой России нуждается в последовательном научном освещении современного этапа развития — последнего двадцатилетия нач. XXI в. Неразработанность (в аспекте актуальных проблем стилистики жанров СМИ) отмечена в социолингвистических исследованиях ведущих лингвистов (С. А. Муратов, С. И. Трескова, О. А. Лаптева, М. П. Сенкевич, А. А Леонтьев, В. И. Коньков, И. П. Лысакова) [3]. Перспективной и конкретной задачей (в сфере современной риторики медиадискурса) является определение релевантных составляющих эталонной языковой личности государственного деятеля и иных профессиональных групп в многофункциональном процессе взаимодействия разножанрового медиапространства.

Цели, задачи и актуальность фундаментального исследования. С целью создания общей картины изменений форм письменной и устной публицистики в медиапространстве необходимо всестороннее и многогранное изучение речевой практики представителей лингвоактивных профессий — политиков, государственных и общественных деятелей, писателей, журналистов, деятелей искусства и культуры. Круг рассматриваемых в Проекте проблем касается обширного тематического блока актуальных вопросов социолингвистики: речевых рисков современного медиатекста, проблемы «власть-речь» в средствах массовой информации, отражающей в СМИ позиции государственной власти; последовательного

анализа влияния сложных речевых событий на речь представителей власти; речевого портретирования; создания языкового паспорта отдельных профессиональных групп; проектирования речевого портрета Санкт-Петербурга (в свете теории типов речевых культур О. Б. Сиротининой) [5].

Конкретные задачи в рамках проблемы, на решение которой направлен проект. Информационно-коммуникативные модели взаимодействия власти и общества в рамках Проекта «Лингвистический анализ медийных текстов как части информационного пространства общества (письменная публицистика. Риторический опыт XXI в.). Федеральный и региональный аспекты» будут исследоваться в контексте современной языковой политики, в ракурсе формирования общего интеллектуально-эмоционального публичного дискурса — гуманистического, лишенного агрессии, соответствующего русской ментальности и подлинной духовности. Изучение публичной речи XXI столетия направлено на актуализацию внутрилингвистических проблем деловой риторики; исследование должно подтвердить положение о том, что предметом практического анализа могут служить не только исторические источники мирового красноречия, но и публичные дискурсы носителей полнофункциональной речевой культуры современного языкового пространства России первого двадцатилетия XXI в. На основе изучения публичных выступлений представителей различных лингвоактивных профессий могут быть конкретизированы термины и определены релевантные составляющие понятий *риторическая компетенция, интеркультурная риторическая компетенция.* Теоретическую основу концепции составляет системное научное изучение устойчивого круга лингвистических вопросов, относящихся к использованию языка в сфере массовой коммуникации. В рамках Проекта предполагается изучение различных носителей информации: письменный газетный текст, устные публичные выступления (тексты публичных речей современной деловой риторики), аудио- / видеозаписи, язык и стиль рекламных текстов. Представляется необходимым проанализировать механизмы воздействия власти на общество (речевая агрессия в современных жанрах политической риторики; выработка векторов толерантности интеркультурной риторической компетенции и пр.); установить способы формирования

гармонизирующего диалога общества с властью. Для решения задачи необходимо расширение методологической научной базы, ориентирующейся наряду с традиционными подходами к риторическому анализу (описательному, историко-сравнительному, сопоставительному) на новые методы цифровой эпохи — статистический; метод контент-анализа (с применением компьютерной программы Wordsmith); присоединение информации о количестве просмотров публичных выступлений на сайтах (напр., на видеохостинге YouTube и пр.). Анализ материала предполагается проводить в лингвокультурологическом аспекте с привлечением современных методов социологического исследования. Избранный путь позволяет охарактеризовать в целом систему совершенствования журналистской и риторической составляющей.

Структура исследования. Проект содержит следующие разделы: 1. Слово как основной «посредник-медиатор» в отечественной лингвофилософской традиции; 2. Медиатекст в когнитивно-культурологическом аспекте (медиатекст как единица медиадискурса); 3. Изучение узуса языка газеты и «рисков», вызываемых ими; 4. Стилистические особенности информационно-вещательных стилей; 5. Письменная разновидность публицистического стиля. Язык и стиль современных публицистических жанров; 6. Риторическая практика. Речевое портретирование. Традиции описания речевого портрета в лингвистике (печатные и электронные СМИ) получили активное развитие в конце XX–нач. XXI вв. В современной социолингвистике назрела необходимость объективного и последовательного описания позитивного речевого портрета государственного чиновника различного уровня (в частности, муниципального депутата, по материалам муниципальной прессы; депутатов регионального уровня и представителей высшей управленческой элиты), в системе воспитания которых в России (от истоков — Царскосельского Лицея — до современной структуры) речевая составляющая имела главенствующее начало (В. И. Аннушкин) [1]. Нуждается в уточнении описание и иных профессиональных и социально-языковых групп современного общества (журналиста, теле-/радиоведущего, ученого, предпринимателя, учителя, юриста, врача и пр.), что откроет новые возможности для создания обобщенного речевого портрета современника. Исследование общей коммуникативной практики отдельных профессиональных групп

актуализирует новаторский сопоставительный метод языкового изучения речевой личности, еще не нашедший научного освещения в современной литературе, — метод создания обобщающего портрета на основе совокупного анализа текстов письменной и устной публицистики. 7. Речевой узус современного города. Исследование предполагает изучение типов речевой культуры Санкт-Петербурга (полнофункциональный, среднелитературный, жаргонизирующий). Результатом социолингвистического портретирования станет определение контуров совокупной речевой ситуации современного города: конкретизация понятий *языковая норма, языковая политика, коммуникативное поведение* в речевой картине России и Санкт-Петербурга; определение принципов создания словаря городской речи. Элитарная публичная речь санкт-петербуржцев найдет последовательное научное освещение в сопоставительном аспекте: исторические традиции и современность.

Общая значимость полученных результатов исследования. Научно-исследовательский проект — своеобразная программа действий по защите русского языка в сфере масс-медиа, созданная в русле федеральных и региональных направлений языковой политики, Закона о государственном языке РФ, содействующая воспитанию интереса к родной речи, развитию лингвистического кругозора, пониманию необходимости для профессионала в любой области владеть всеми жанрами речевой коммуникации, предвидением «речевых рисков» современного русского литературного языка во всех сферах функционирования СМИ.

Литература

1. Аннушкин В. И. Политика как искусство речи и политическая риторика. URZ: http://www.portal-slovo.ru (дата обращения 01.12.20).
2. Конюшкевич М.И. Экология медиапространства // Журналістыка-2010: стан і перспектывы: матэрыялы 12-й Міжнар. навукова-практ. канф. 8–9 снежня 2010 г. Минск, 2010. — С.190-192.
3. Лысакова И. П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005. URL:http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394528316_6843.pdf
4. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 232 с.
5. Сиротинина О.Б. Хорошая речь / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2015 — 316 с.

6. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). — С. 160–172. URL: http://journals. uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.p (дата обращения 01.12.20)
7. Указ Правительства РФ от 8 августа 2020 года N 119 «О Правительственной комиссии по русскому языку». URZ: www.pravo.gov.ru, 11.08.2020, N 0001202008110005 (дата обращения 01.12.20).

ПРОЕКТ «ГОВОР СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ» В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[21]

Е.Н. Ильина, С.А.Ганичева
sganicheva@mail.ru, *filfak@list.ru*,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
(Вологда)

Региональная идентичность, то есть осознание личностью своей принадлежности к социуму, проживающему на определенной территории, причастности к его прошлому, настоящему и будущему, включённости человека в общественную, культурную жизнь региона, широко обсуждается общественностью, в том числе в научном [16; 18; 20; др.] и педагогическом [1; 2; 15; др.] дискурсах. Понимая под региональной идентичностьюсистемную совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [8: с. 83], в данной статье мы хотели бы прокомментировать возможности использования электронной мультимедийной системы «Говор северной деревни» [6] в практике актуализации представлений о «малой родине», сохранения и формирования вологодской региональной идентичности.

Электронный ресурс «Говор северной деревни» систематизирует результаты более чем тридцатилетнего изучения говора деревни Борбушина в северо-западной части Вологодской области

[21]Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской области)».

[5]. Некогда многолюдное сельское поселение, первое упоминание о котором относится к началу XVI века [22, с. 17], практически опустело за последние годы. Но созданная нами электронная мультимедийная система сохранила записи устных рассказов сельских жителей и тексты их рукописных воспоминаний о деревенском детстве. В системе широко представлен иллюстративный материал: фотографии, дневниковые записи, видеоматериалы и пр. — дополняющий представления о бытовой и духовной культуре сельских жителей Русского Севера. На основе экспедиционного изучения лексики говоров был составлен словарь диалектных слов, включающий в себя более пяти тысяч лексем, лексическая семантика и грамматические свойства которых, как правило, подтверждены богатым речевым материалом [17]:

Баннушко, а, м. Устар. Сверхъестественное существо, живущее в бане. *Б**а**ннушко-то у нас пор**я**дошной, не шалит! Я пом**о**юсь, дак всегда б**а**ннушка благодар**ю**: «Спас**и**бо, б**а**тюшко-б**а**внушко, за тёплую б**а**нюшку!».*

Зимогорка, и, ж. 1. Женщина, которая не живёт по крестьянским правилам — не работает, гуляет, пьёт. *А вот я был**а** у р**о**дственников, дак у них ни одн**о**й зимог**о**рки не встр**е**тишь. Нет зимог**о**рок, и зимог**о**ров нет. В г**о**роде ос**о**бенно среди дев**и**ц ск**о**ко их! Ведь всё зимог**о**рки. Г**о**ре эти зимог**о**рки все.* // Женщина лёгкого поведения. *Гул**я**щая ст**а**ла, как все зимог**о**рки. Чтоб больше у нас этой зимог**о**рки не было! **Э**тих зимог**о**рок знать не хоч**у**.* 2. Ленивая женщина, лентяйка. *Ну и зимог**о**рка! Ведь ничег**о** в доме не сд**е**лано. Как м**у**ж-то с ней живёт? Жен**а** у нег**о** зимог**о**рка.*

Митька: ◊ **Митька прял**. О неожиданном исчезновении чего-, кого-либо. *Гребёнку после б**а**ни на полукомод положила, хват**и**лась — а М**и**тька прял, н**е**ту! Д**е**ньги б**ы**ли больш**и**е, а туд**а** с**у**нула, сюд**а**. Гляж**у**, а М**и**тька прял д**е**нежёк-то! Гул**я**ли-гул**я**ли, бис**и**дничали-бис**и**дничали, а как жен**и**ться — дак ег**о** и М**и**тька прял!*

Несомненна научная актуальность проекта: на основе его материалов уже созданы и продолжают появляться работы в области лексикологии и грамматики вологодских говоров [13; 14; др.], лингвокогнитивные исследования [11; 12; др.], опыты создания коллективного и индивидуального портретов диалектной языковой личности [4], а также описания процессов трансформации прототипа диалектной речевой культуры в медиадискурсе [7]. Записи

диалектной речи, представленные в нашей мультимедийной системе, активно используются в учебно-методической деятельности, как для обучения русской диалектологии студентов-филологов [10], так и в практике реализации регионального компонента школьного обучения русскому языку [3; 9; др.].

В процессе создания мультимедийной электронной системы «Говор северной деревни» актуализировались и социальные связи исследователей с носителями исследуемого говора, местными жителями и их потомками. Авторы проекта ведут обширную электронную переписку с жителями как близлежащих городов и сёл, так и с уроженцами деревни, в силу разного рода обстоятельств оказавшихся далеко от родины. Воспоминания о родной деревне, её бытовом укладе и культурных ценностях, актуализируют в сознании наших адресатов комплекс представлений о «малой родине», подпитывая тем самым их представления о себе как о «борбушинских» / «вологодских» / «северных»: «*Здесь другие люди — им всё ни по чём, а мы, северные, упёртые какие-то, мы другие!*» (Марина, 59 лет, Черногория); «*У нас с твоим отцом судьбы схожие: тяжёлое детство, учёба, у него училище и институт, у меня армия, потом техникум, институт и шахта; что он — лётчик, опасная работа, что я — тридцать лет под землёй; но мы оба всё равно борбушинские робята, вот что ни говори!*» (Виктор, 86 лет, Донецкая Республика). Вполне вероятно, что размещение электронной мультимедийной системы «Говор северной деревни» в открытом доступе (планируется осенью 2021 года) привлечет к этому ресурсу ещё более пристальное внимание бывших земляков, что в ещё большей мере расширит сферу его обсуждения, укрепит социальные связи бывших земляков подобно многим другим интернет-проектам [19; 21; др.], направленным на возрождение исторической памяти о многих тысячах исчезнувших и исчезающих российских деревень.

Литература

1. Абросимова О. Л. Лингвистическое краеведение Забайкалья: учебно-методическое пособие. Чита, 2009. — 89 с.
2. Благова Н. Г., Коренева Л. А., Родченко О. Д. О концепции обучения русскому языку с учетом регионального компонента (для средней общеобразовательной школы) // Русский язык в школе. 1993. № 4 С. 16–19.
3. Ганичева С. А. Диалектная лексика в аспекте школьной исследовательской работы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4. — С. 8–18.

4. Ганичева С. А. Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iif.vogu35.ru/dict/index.htm (дата обращения — 1.03.2021).
5. Ганичева С. А., Ильина Е. Н., Никифоров О. Ю. «Говор северной деревни»: результаты работы с мультимедийной электронной системой в 2020 году // Казанская наука. 2020. № 12. — С. 66-68.
6. Говор северной деревни [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.borbushino.vogu35.ru
7. Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: языковые средства и способы создания: дисс… д-ра филол. наук. Вологда: ВоГУ, 2019. — 545 с.
8. Драчева Ю. Н., Черняева М. И. Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №6. — С. 83-87.
9. Зубова Н. Н., Леготина М. И. Формирование региональной идентичности в деятельности учителя-словесника сельской школы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2018. — С. 1039-1044.
10. Ильина Е. Н. Идея «вологодского текста» как основа преподавания курса лингвистического краеведения // Русский язык: история, диалекты, современность. Вып. XV. Москва: МГОУ, 2016. — С. 21-25.
11. Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Сабурова Л. В. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Часть I. Домашние и дикие животные: монография. Вологда: ВоГУ, 2019. — 178 с.
12. Ильина Е. Н., Комиссарова Т. Г. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Часть II. Детство: монография. Вологда: ВоГУ, 2019. — 176 с.
13. Ильина Е. Н., Колесова И.Е. Крылова А.Б. «Диалектный словарь строения слов» в контексте обсуждения проблем электронной лексикографии // Письменото наследство и информационните технологии: материалы Международной научной конференции. София: Издательство Кирилло-Мефодьевского научного центра, 2014. — С. 367-368.
14. Ильина Е. Н., Крылова А. Б., Никифоров О. Ю. Диалектный словарь строения слов: Патентное свидетельство №2013611057. — Роспатент, 2013.
15. Кадоло Т. А. Региональный лексический компонент на уроках русского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 2. — С. 126-131
16. Крылов М. П., Гриценко А. А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурныетрансформации // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. — С. 28-42.
17. Мельникова Н.Г. Говоры исторического Белозерья: обзор речевого контента // Казанская наука. 2020. № 12. — С. 66-68.

18. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис.... канд. полит. наук. Пермь, 2009. — 24 с.
19. Посидим — поокаем: вологодских говор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/topic-987037_21958670
20. Смольников С. Н. Семантика имени прилагательного «вологодский» и проблемы региональной идентичности// Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. Вып. 3. — С. 86-91.
21. Хранители: живая история деревень, сел и городов России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://xn--80aiclbbsnghpgw1b5g.xn--p1ai/
22. Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. — Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1988. — 269 с.

ПОЗИЦИЯ ОБЪЕКТА В АНТИСЕМИТСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ[22]

П.К. Иванов, П.А. Катышев
pkivanove@yahoo.com, pakatyshev@pushkin.institute
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка
имени А. С. Пушкина»
(Москва)

Семантическое моделирование текстов, реализующих нелегитимные дискурсивные практики в интернет-коммуникации, представляется одной из самых трудновыполнимых задач современной лингвистики. Эта сложность обусловлена рядом объективных факторов, основными среди которых следует признать специфику самих нелегитимных дискурсов, неуклонно стремящихся к арготизации и повышению семиотизации, а также режимные особенности сетевого общения, предполагающего широкое использование поликодовых текстовых образований, «размывание» [4, с. 30] идентичностей автора и субъекта, распространенность малых жанров.

Другой фактор — особенное отношение научного сообщества к нелегитимным дискурсивным практикам. Основная разработка этого направления ведется в рамках теории судебной лингвистической экспертизы, которая сама по себе является областью активных

[22] Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

дискуссий и предполагает специфический подход к изучаемым текстам. В частности, ориентируясь на законодательство РФ и требования, предъявляемые юристами, специалисты фокусируют основное внимание на прагматических компонентах объекта исследования. Содержание ключевых лингвосемиотических элементов текстов при этом сильно ограничивается, поскольку для квалификации бывает достаточно наиболее общего, узуального их смысла либо смысла, который в общелингвистическом понимании вообще «не характеризуется конкретной семантикой», однако в правовом поле «становится достаточным основанием для вынесения квалификационного решения» [5].

Таким образом, дискурс как «вербализованное мировоззрение» [7, с. 56], как «совокупность социальных репрезентаций» [2, с. 54], представленный в виде самостоятельной семиотической системы, может оставаться для специалиста неясным смысловым образованием, поскольку часть актуальной семантики отдельных периферийных и даже ядерных элементов этой системы («ключевых знаков», используя термин Э. Лакло и Ш. Муфф; цит. по [3]) оказывается незначимой для целей экспертного или связанного с ним анализа.

Предметом настоящего исследования стало содержание семиотической позиции объекта антисемитского дискурса. Антисемитский дискурс рассматривается в аспекте социальной категоризации «чужого», характерной чертой которой является объединение евреев в группу по какому-либо признаку, к которой продуцент не относит себя и к которой он как индивидуум либо как представитель иной группы по тем или иным причинам испытывает неприязненное или враждебное отношение.

Перспективным методом изучения дискурса как самостоятельной семиотической системы, коррелирующим как с основами лексической семантики и онтолингвистики, так и с философскими основами теории дискурса, может стать исчерпывающий в рамках отдельных материально ограниченных объектов анализ дистрибуции ключевых лингвосемиотических элементов. Такими объектами могут стать, к примеру, группы текстов, принадлежащих одному автору, опубликованных в одном источнике или функционирующих в пределах одной социальной группы. Подобный подход к описанию антисемитского дискурса (или, в терминологии Н. Фэрклафа, «порядка дискурса» как ряда дискурсов, реализованных в определенной

социальной области; цит. по [3]) позволил бы обнаружить объективные правила его организации, с опорой на которые эксперт мог бы верифицировать свои интерпретации отдельных текстов.

Материалом настоящего исследования стали тексты, опубликованные в рамках одного профиля в социальной сети «Одноклассники». Основная их часть включает в себя вербальный и визуальный компоненты. Не представляется возможным достоверно установить авторство большинства из них, поэтому владельца профиля в данном случае следует воспринимать лишь как их ретранслятора. Тем не менее категория персональности проявляется как имплицитно – в солидаризации посредством точного либо реконтекстуализованного воспроизведения, – так и эксплицитно в подписях и комментариях к отдельным текстам.

Поскольку в данном исследовании рассмотрено относительно небольшое количество текстов (36 единиц), необходимо актуализовать некоторые базовые представления об объекте антисемитского дискурса, чтобы затем откорректировать его, исходя из конкретной дистрибуции.

Понятие «антисемитизм» обычно трактуется как «форма национальных и религиозных предрассудков и нетерпимости, враждебное отношение к евреям» [БЭС]. Исходя из этого и других определений (см., например, [1; 6]), можно предположить, что в узусе (т.е. за рамками антисемитского дискурса и рассматриваемого материала) в семиотической позиции объекта сильнее всего закреплены такие группы, как *евреи*, выделяемые по национальному (этническому) признаку, и *евреи/иудеи*, выделяемые по религиозному признаку (чтобы нейтрализовать контаминацию семантики слов *иудеи* и *евреи*, в метаязыке данной работы предлагается под термином **евреи** понимать этническую общность, а для обозначения группы, выделенной на основе вероисповедания ее членов, использовать термин **иудаисты**, свободный от значения этнической или национальной принадлежности).

Попытка найти тексты, в которых в позиции объекта находились бы именно евреи или иудаисты, дает следующие результаты:

“Настанет день, когда для всех народов, среди которых живут жиды, вопрос об их поголовном изгнании станет вопросом жизни или смерти, здоровья или хронической болезни, мирного жития или

же вечной социальной лихорадки.” (Слова представлены в виде цитаты, приписываемой Ференцу Листу, на что указывает размещенный рядом портрет композитора и подпись под ним Ференц Лист; этническая общность евреев актуализирована противопоставлением слова жиды выражению всех народов);

- Изображение человека в традиционной еврейской одежде на фоне желтой звезды Давида, напоминающей солнце; изображение сопровождается подписью: *Жыд – гэта зараза народаў*.

Такое близкое к узуальному определение семиотического объекта реализуется только в этих двух контекстах. Следует отметить, что ни в одном из рассмотренных текстов иудаисты не выделены как религиозная группа безотносительно к этнической идентичности ее членов. В то же время если в позиции объекта представлены евреи, контекст, как правило, актуализирует и значение принадлежности к религиозной группе. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках данного материала не проводится дифференциация между евреями и иудаистами.

Дальнейший анализ показал, что группа, по отношению к которой выражена неприязнь или агрессия, одновременно с этнической и религиозной принадлежностью систематически характеризуется и по ряду иных признаков.

Политико-экономический признак (группа, обладающая наибольшей политической/экономической властью в современной России либо обладавшая таковой в более ранние периоды отечественной истории):

- Изображение человека с образом звезды Давида на шляпе и куклами, одевающимися на руки. На левую руку надета кукла с изображениями лиц В. В. Путина и Д. А. Медведева, на правую — с изображением лица А. Навального. Текст дополнен изображением двух митингующих групп, каждая из которых поддерживает одну из политических сил. Подпись содержит следующий текст: *Будь бараном — верь в эту «Борьбу» или борись с оккупантами по-умному и по-настоящему* (таким образом, политическое противостояние действующей и оппозиционной власти представлено как спектакль, разыгрываемый евреем, происходящий под его управлением);

- Изображение людей с лицами, закрытыми масками, и с оружием в руках на фоне звезды Давида. Поверх изображения надпись:

На страже оффшоров НАЦГВАРДИЯ (изображение людей, позиционируемых как представители государственной военной организации, заслоняет от реципиента звезду Давида как символ евреев; таким образом, евреи представлены как группа, контролирующая государственную власть в России или находящаяся под защитой государства);

- Фотография мужчины со стереотипными чертами внешности еврея — с пейсами, отпущенной бородой и в шляпе кнейч – сопровождаемая подписью: *НЕ ТРОГАЙ НАШЕГО ПУТИНА* (высказывание соотносится с изображением и позиционируется как реплика изображенного мужчины; таким образом, евреи представлены как непосредственно связанные с государственной властью России).

Идеологический признак (группа, действующая исходя из идеологии, одной из целей которой является уничтожение других национальностей/рас (не-евреев). Такая характеристика группы-объекта представлена в наибольшем количестве текстов. Как основной компонент значения оно реализуется в следующих контекстах:

- *Сталинградская битва явилась крупнейшей операцией жидомасонов по жертвоприношению белых народов. В Мамаевом кургане захоронено 33 тысячи советских солдат — в честь 11 архонтов и 22 иерофантов. Скульптура на кургане символизирует Кали-Ма, богиню смерти жидоалиенов*. Текст заканчивается семикратным повторением пиктограммы, изображающей инопланетянина (в данном тексте *жидомасоны* представлены как группа, целенаправленно использующая *белые народы* в качестве жертв в рамках религиозной практики. Нельзя не отметить также выделение *жидомасонов* как религиозной группы, реализующееся посредством слов *жертвоприношение* и *богиня*. Кроме того, косвенно объект представлен и в значении группы, обладающей наибольшей властью, поскольку *жидомасоны* способны инициировать военный конфликт, приведший к массовой гибели представителей *белых народов*);

- Оригинальный плакат времен Третьего рейха, на котором И.В. Сталин, У. Черчилль и Т. Рузвельт выносят и приводят в исполнение смертный приговор в отношении женщины со светлыми волосами; приговор исполняется на эшафоте (на нем имеется изображение звезды Давида). Рисунок сопровождается подписью: *сионисты Черчиль и Рузвельт помогают Сталину обезглавить белую расу* (в данном тексте нет прямого указания на евреев, однако главы

государств прошлого представлены как сионисты, т.е. люди, действующие в интересах евреев или иудаистов. Таким образом, объектом неприязни в данном тексте являются названные политики, а также сама идеология, одной из целей которой является, по мнению автора, «обезглавливание» *белой расы*);

- Фотография раввина Менахем-Мендла Шнеерсона, дополненная приписываемой ему цитатой: *«…у нас не будет следов. Сократить деторождение хотя бы наполовину — это уничтожить в год 2-3 миллиона русских без всяких физических затрат. Не надо печей, патронов, могил. И нет следов. Не родился. Нет и виновных…»* (в данном случае национальный признак нейтрализован. Посредством представления вербального компонента в качестве цитаты религиозного деятеля иудаизма, в которой он, используя местоимение *нас*, выступает именно как член религиозной группы, иудаисты охарактеризованы как общность, одной из целей которой является уничтожение *русских*).

Некоторые тексты (как правило, небольшого объема) демонстрируют использование сразу трех или четырех из выделенных признаков: *По приказу иудеев в 1941 году была взорвана запорожская ГЭС / 20 тонн взрывчатки погибли 100 тысяч мирных жителей*, где *иудеи* включают в себя значения этнической и религиозной групп, а также, по мнению автора, могут быть определены как группа, обладавшая в 1941 г. политической властью и уничтожившая *100 тысяч* жителей Запорожья.

Анализ данной совокупности текстов показал, что, хотя все они характеризуются антисемитской направленностью, группа, по отношению к которой выражаются неприязнь или агрессия, систематически выделяется на основе различных конфигураций неоднородных признаков: этнического, религиозного, политико-экономического и идеологического. За счет этого в таких текстах расширяется актуальная семантика позиции объекта антисемитского дискурса: евреи представлены как этно-религиозная группа, обладающая наибольшей властью и ставящая себе целью уничтожение иных этнических общностей.

Литература

1. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. М., 2003. — 509 с.

2. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина и др. М., 2013. — 344 с.
3. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков, 2008. — 352 с.
4. Карасик В. И. Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. — С. 29–44.
5. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 11 (19). 2012. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva/pdf (дата обращения: 27.02.2021).
6. Политическая наука: словарь-справочник / Авт. и сост.: И. И. Санжаревский. М., 2010. — 988 с.
7. Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 30. М., 2005. — С. 43–73.

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СВЯЩЕННИКА КАК НОСИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Лешкова
nataleshkova@yandex.ru
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Горловка)

В личностной структуре общества можно определить элитарную личность как определенный социальный тип и наметить некоторые существенные черты, которые ее характеризуют.

Под влиянием социума современного человечества в каждом обществе живут люди, которые отличаются: по уровню и характеру своего личностного развития, по своей роли в жизнедеятельности человеческого сообщества и истории, по своему вкладу в культуру.

Естественная одаренность, высокий уровень воспитания и образования, направленные на формирование яркой, богатой индивидуальности, особые жизненные обстоятельства, которые делают возможным рост этого индивида, а также индивидуальные усилия по собственному личностному саморазвитию в результате дают

возможность появления личности высокого уровня, которая возвышается над средними показателями. Таковы предпосылки формирования и элитарной личности.

Понятие «элитарная личность» — обобщенный тип личности, который теоретически базируется на основании выделения наиболее типичных сущностных характеристик элитарности.

Элитарная личность может быть интегрирована в определенную целостность (слой, группу, организацию) по признаку политической, военной, профессиональной или другой социальной принадлежности (в нашем случае это священнослужители, соответственно, духовная элита), а может скорректировать свою жизнедеятельность как индивидуально-личностный мир, свободно определяя свои личностно значимые связи и отношения, и осуществляя различные виды деятельности на основе личностного выбора и предпочтений. «Можно управлять, не будучи государственным человеком, и возможно, не управляя, быть государственным человеком» [3].

Онтологической основой бытия элитарного типа личности является существование природных и социальных дистанций между людьми, их индивидуально-личностная неоднородность, которая порождает многообразие жизни и богатство человеческих индивидуальностей, что питает «таинственный пафос» [1] — стремление к увеличению дистанции в своей душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний, которые могут оцениваться как возвышение типа «человек».

Социальная основа формирования элитарной личности — существование реального неравенства социальных условий развития индивидов и социальная селекция, которая сложилась в процессе исторической практики, и в той или иной степени (различной в разных культурах, цивилизациях, странах и социальных слоях), осуществляется в каждом обществе через семью, школу, церковь, правительственные органы, политические организации и партии, профессиональные организации, то есть фактически через все имеющиеся социальные институты и организации. Поэтому любому социальному реформатору, который занимается институтами и механизмами социальной селекции, следует обратить особое внимание на тестирующие и селекционные механизмы, которые имеют

исключительно большое значение для будущего страны, более существенное, чем воспитательная и образовательная функции тех самых институтов.

При построении концептуальной модели элитарной личности следует иметь в виду, что формирование идеальной модели личности — дело весьма трудное. Как правило, эта модель кристаллизуется на основании соотношения реальной и нормативной моделей личности, присущих этому обществу, и с учетом этого появляется идеал, учитывая доминирующие в обществе ожидания, реальные тенденции возвышения качества человека как социокультурного и исторического образа. То есть идеал личности может быть более возвышенным или, наоборот, более приближенным к реальным качествам человека, существующего в обществе на этом этапе его развития.

Концептуальная модель элитарной личности, на наш взгляд, может быть теоретически построена на основе такой системы показателей: специфика индивидуально-личностного бытия элитарной личности, жизненный мир и система жизненных ценностей и приоритетов личности этого типа, мотивационная структура социального и индивидуального поведения личности.

В православном дискурсе, под которым мы понимаем (рече)мыслительную деятельность, которая осуществляет мониторинг реальности и направлена на формирование, трансляцию и модификацию догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта, действуют лица определённого психологического склада и уровня личностного развития. Среди них есть такие, которые «входят в религию» из-за компенсации своих потребностей и стремлений. Но в большей части это люди, для которых религиозная деятельность является их призванием. Духовная деятельность, подобно любой другой человеческой деятельности, может быть жизненным предназначением человека. Он переживает сильное влечение именно к этой деятельности и, как правило, имеет необходимые качества для занятия ею, которые присущи его характеру и являются своеобразным выражением натуры. Призвание быть священником иногда воспринимается как тяжелый крест, ибо отказаться от своего призвания человеку невозможно. Это было бы равносильно потере смысла жизни, ведь призвание является всегда проявлением каких-то глубинных стремлений человеческой души.

Такими фигурами в истории были Иоанн Златоуст, Сергий Радонежский, Иоанн Крестьянкин и многие другие, которые прошли через тяжелые испытания, преследования, но остались верными своему жизненному выбору, своему призванию.

Личность элитарного типа скорее проявляет самоотверженное отношение к миру, к построению своей жизни и к самой себе как индивидуальности. Такая модель жизнеутверждения впитывает в себя формирование своего образа мира, в котором она живет, и самого себя как составляющей этого мира, целостной картины своей жизни, как индивидуальной истории в ее временной и пространственной ретроспективе и перспективе, на основании чего составляется жизненный мир личности, который поглощает разработку стратегии жизни, планов и жизненной программы личности, в которых интегрируются ее жизненные цели, ожидания, мечты, притязания, корректировки ее жизненных помыслов и жизненного пути с учетом реальных жизненных обстоятельств и личностных возможностей; преодоление кризисных ситуаций как проявление противоречия жизни и факта несовершенства самого человека.

Диапазон жизненных проявлений личности существенно зависит от широты ее мышления, степени осмысления в ее сознании обстоятельств и событий жизни, от способности мыслить стратегически, жить перспективно. «Кто живет в толкотне дел и удовольствий, не продумывая пережитого, а лишь сматывая клубок жизни, у того исчезает осмысленное сознание. Дух его представляет хаос, а в его мысли закрадывается определенная путаница» [6].

Человек приобретает величие души и силу духа в деятельности, направленной на достижение благородных и высоких целей. В человеческой деятельности значительное место, как это доказано многими исследованиями, занимает подсознание. У религиозного деятеля она наиболее ярко проявляется в интуиции, которая позволяет личности достаточно свободно ориентироваться и быстро реагировать на события, принимать соответствующие действия в решении проблем, возникающих в сфере его деятельности.

Путь священнослужителя, который ведет публичную деятельность, ведь его действия, его жизнь более, чем частного лица или человека из других сфер деятельности, подвергается общественной оценке, находится под контролем прихожан. Очевидно, что при та-

ких разных условиях личностные достоинства и прежде всего моральные качества имеют не только общественное, но и личное значение. Важны также и волевые качества человека, его способность мужественно преодолевать все возможные преграды на своем жизненном пути и в религиозной деятельности.

Личность, которая стремится или реально занимает высокие ступени в структуре общества или в той или иной его подструктуре, должна отмечаться высоким профессионализмом в своей области. Это качество является весьма важным в современных условиях, когда деятельность во всех отраслях становится все сложнее и ответственнее. Это в полной мере касается всех сфер, в том числе и духовенства, которые нуждаются в высокой религиозной компетентности.

Личность, которая способна быть лидером, влиять на других, отличается силой и цельностью своей натуры, ей меньше, чем личности другого состава, присущие амбивалентность, сосуществование в глубинной структуре личности противоположных взаимоисключающих установок (например, любви и ненависти) в отношении каких-либо объектов или лиц.

Элитарная личность — личность с высоким чувством собственного достоинства, осознанием важности выполняемых ею дел, своего призвания их осуществления, а тем самым — высокого чувства долга.

«Великой эпохе нужны великие люди» [2]. А эпоха, которую сейчас переживает человечество, является эпохой величественных преобразований. Поэтому она нуждается в священниках высокой мудрости, величия духа и благородства души.

Элитарная языковая личность священника — это личность, которая берет на себя бремя ответственности. Уровень, диапазон ответственности зависит: от масштабности личности, от уровня развития ее самосознания, от исполняемых личностью ролей.

В структуре качеств, влияющих на авторитет личности, определенное место занимает личная привлекательность. Престиж священника может основываться только на месте в иерархии, он становится более крепкий и впечатляющий, если подкреплен симпатией прихожан.

Элитарная личность отличается особой мотивационной структурой, которая психологически обслуживает социальное и индивидуальное поведение личности. В этой структуре является установка на достижение успехов, которая может порождаться разными мотивами, заложенными в самом отношении к жизни, которые рождают в личности стремление расти, развиваться, достигать что-либо и тому подобное.

Особое место в мотивационной структуре элитарной личности занимает стремление к росту, который является осознанной установкой или подсознательным состоянием, то есть выступать как зов натуры, как знак отличия от других, а может оказаться не менее значимых личностей, но таких, которые не имеют такого стремления.

Элитарная личность содержит в себе не только добродетели, но и недостатки и те или иные изъяны, то есть ничто человеческое ей не чуждо. Однако в личности такого образца весь спектр личностных качеств дает такое сочетание, которое обеспечивает ей лидирующее положение в обществе или группе. Это предопределяется властью, контролем личности над самой собой.

Переходные эпохи человеческой истории создают альтернативные ситуации для личностного роста и развития. С одной стороны, возникает ситуация, при которой значительные массы людей теряют возможность нормально жить в условиях социальной нестабильности и духовно-нравственного упадка общества, а с другой стороны, переходная эпоха — это появление новых ценностей и жизненных смыслов, а значит, и обретение новых социальных возможностей для личностей как носителей более высокого уровня социальности и культуры, более высокого исторического типа людей.

Литература

1. Бердяев Н. Стилизованное православие — Режим доступа: http://www.vehi.net/florensky/berdyaev.html (дата обращения: 14.08.2019)
2. Гашек Я. Собрание сочинений. Том первый. — Режим доступа: https://profilib.org/kniga/145440/yaroslav-gashek-sobranie-sochineniy-tom-pervyy.php (дата обращения: 14.08.2019)
3. Кабе Э. Путешествие в Икарию. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 519 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014. — 400 с.
5. Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского) // Научный

результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2016. Том. 2. № 1 (7). — С. 31–38.
6. Шопенгауер А. Мир как воля и представление. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. — Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения: 14.08.2019).

ПРИРОДА КРЫМА И ЭМОТИВНЫЕ МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЦИФРОВЫХ МЕДИА

И. Н. Литвинчук
irinlitvi@gmail.com
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

В настоящее время Крым является одним из наиболее популярных образов, формирование которых лежит в поле интересов различных медиасубъектов. Крым в современном медиапространстве — это значимый и очень эмоционально насыщенный образ. Природа Крыма всегда вызывала у людей самые яркие эмоции и стимулировала незабываемые впечатления, а современные СМИ пестрят броскими заголовками о Крыме. Контрастная презентация Крыма — это действенный инструмент в так называемой войне образов: с одной стороны, например, яркие красочные картинки, отображающие красоту природы крымского южнобережья и радости, которую она вызывает у любого человека, с другой — гнетущий образ засухи как беды, которая постигла Крым.

Высокая эмоциональная прагматика текстов о Крыме детерминирует тот факт, что многие из них можно рассматривать как эмотивные, то есть такие, которые в качестве основных структурно-семантических компонентов имеют конструкты с эмотивной семантикой и обладают определенной эмоционально-смысловой доминантой.

Эмотивность в психолингвистике понимается как имманентно присущее языку семантическое свойство отражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции [5, с.

24]. Эмотивность как многогранный и многоуровневый психолингвистический феномен рассматривается нами как свойство языка отражать на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях семантику эмоциональных состояний человека или социальной группы посредством кодифицированных единиц. Анализ таких конструкций позволяет увидеть эмотивность в действии: условия ее «работы», характер ее различных проявлений, особенности ее взаимодействия с экспрессивностью и оценочностью текста [2].

Анализ специфики системной организации медиатекстов с эмотивной семантикой основывается на психосемантическом подходе к изучению конструктов, выделяемых посредством концептуального и квантитативно-структурного методов анализа. При этом психосемантические характеристики эмотивных конструкций с различными морфолого-синтаксическими способами выражения эмотивного значения в предикате отражают психологическую природу эмоциональных явлений и организуют на этом основании семантическое поле эмотивности.

В качестве материала данного исследования выступили тексты о Крыме в русскоязычных цифровых медиа. Временной интервал публикаций охватывает период с марта 2014 года по декабрь 2020 года. Анализу были подвергнуты более 90 медиа-источников. Выявлены следующие типы эмотивных конструкций о природе Крыма: глагольные, именные, предложно-именные, адъективные и адвербативные.

Поскольку «в высказывании оценка рассматривается как один из видов модальности» [4, с. 82], одной из наиболее значимых характеристик текстов с эмотивной семантикой можно считать оценочную, которая обусловлена превалированием эмотивных конструкций с позитивной, негативной или амбивалентной семантикой. В связи с этим был осуществлен также анализ оценочной модальности всех типов выявленных эмотивных конструкций о природе Крыма.

Наиболее частотными (45% всех выявленных конструкций) являются *глагольные* эмотивные конструкции, эксплицирующие позитивные эмоциональные состояния (Ср.: *Мы очень любим Крым, и каждый раз стараемся посетить новые города этого полуострова*). Глагольные эмотивные конструкции выражают постоянную

характеристику эмоции или чувства как процессуального состояния (Ср.: *Люблю осенний Крым*). Наиболее частотными эмоциональными состояниями позитивной «палитры» являются наслаждение, восхищение и обожание (Ср.: *Наслаждаюсь бархатным сезоном в Крыму; Местные жители и гости наслаждаются затянувшимся «бабьим летом»; Меня переполняют эмоции от красоты моего любимого Крыма, я восхищаюсь его природой и многогранностью; Я обожаю видеть свои любимые места в разные сезоны.*).

Статистически значимую группу (более 15% всех выявленных эмотивных конструкций) составляет сочетание существительных, называющих эмоции, с неполнозначными, «десемантизированными» глаголами, обладающими «выветрившимся», «почти замерзшим значением» [1, с. 171], то есть не способными выражать эмоциональные состояния вне дистрибуции с именами-эмотивами. При этом высокочастотны сочетания глагольных каузативных предикатов *внушать, вызвать* с именами состояния, преимущественно транслирующими позитивную эмотивную семантику (Ср.: *Виды Крыма вызывают восторг!*). Среди неполнозначных глагольных конструкций с позитивной семантикой лидером по частотности употребления являются дистрибуции, репрезентирующие отношение между субъектом состояния и его признаком с лексемой «счастье»: «*Просто счастье испытываю в Крыму. Красотища нереальная!*»

Представлены в изученном текстовом материале и глагольные конструкции с нейтральным семантическим наполнением, однако их количество значительно меньше (Ср.: *С каждым разом Крым удивляет… всё больше; Мне понравилось! Рекомендую посетить Чуфут-Кале, яркие эмоции и приятные воспоминания гарантированы*).

Можно рассматривать главный член *субстантивных эмотивных конструкций,* которые составляют 17% от всего количества выявленных конструкций, как предикат при формально невыраженном, но семантически обязательном субъекте, которым в анализируемом контексте является Крым. Субстантивные эмотивные конструкции со структурной схемой «имя существительное в именительном падеже» (Ср. в контексте: *Просто рай и сказка! Волшебство! Удовольствие, бесконечное удовольствие!*) служат сред-

ством номинации эмоций обычно без указания не только на субъект-носитель состояния, но и на этимологию состояния. В субстантивных эмотивных конструкциях имплицитный субъект — субъективная реальность обобщенного и в то же время персонифицированного сообщества, которое «обладает» называемой или описываемой эмоцией как постоянным качеством. Здесь под эгидой семантики экзистенциальности объединяются конструкции с типовым значением эмоционального фона, характерного и для конкретной социальной среды, и эмоционального состояния человека. Таким образом, рассмотрение субстантивных эмотивных конструкций в качестве организующих структурно-семантических композитивов текстов о Крыме позволяет понять, что в качестве объекта выступает эмоциональное пространство, организуемое эмоциогенной ситуацией действительности. При этом зачастую употребляются локативные формы (Ср.: *В Крыму мир, радость и праздник*).

Анализ текстов цифровых медиа-ресурсов, формирующих «крымский дискурс», подтверждает, что субстантивные эмотивные конструкции выражают свойства и качества «положения дел» в эмоциональной действительности, иначе говоря, различных феноменов — ситуативных или перманентных — психической жизни социума. Данные эмотивные конструкции можно соотнести с оценочными состояниями, характеризующими время и пространство по наличию эмоционального признака как экзистенции.

Оценка, выражаемая эмотивными предикатами, зачастую характеризует собственно состояние, а не его субъект, поскольку состояние не имманентный признак, а привнесенный. Иначе речь идет уже не о состоянии как о временном признаке, а о сущности как постоянном качестве. Однако в отношении *адъективных* эмотивных конструкций это справедливо лишь отчасти. Так, в предложениях вроде «*Туристы очарованы красотами Южного берега и всего Крыма; Российский певец ошарашен грязным морем в Крыму*» выражается оценка, характеристика субъекта не только в плане внутреннего, психического состояния, но и в аспекте его внешних проявлений. С точки зрения ситуативной семантики, автором высказываний такого рода является сторонний наблюдатель, «независимый эксперт», который фиксирует поведение субъекта-носителя эмоционального состояния с той или иной степенью объ-

ективности. Дифференциальными признаками здесь являются осознанность состояния при его неконтролируемости и неагентивности, но не пассивности. Поскольку идентификация состояния субъекта автором высказывания происходит в определенный момент и эмоциональное состояние может исчезать, а затем, возможно, снова возникать впоследствии, то эмотивный признак, выражаемый такими конструкциями, ограничен во времени. В таких конструкциях обобщенно-интенсивное состояние подразумевает высокую степень его осознанности, когда эксплицируется семантика «внутреннего созерцания».

Довольно распространены в анализируемом материалы *предложно-именные эмотивные конструкции*, которые могут включать глаголы-связки, фазовые глаголы со значением введения в определенное эмоциональное состояние. Такие глаголы служат «посредником» между интенсивным эмоциональным состоянием и его каузатором. Замкнутость такого рода эмоциональных состояний (Ср.: *Я была в бешеном восторге: крымские Мальдивы и цветущая Балаклава; Украинцы в шоке от крымских красот; «Я в шоке»: Билан рассказал о Крыме; Я в восторге! Такой красивый парк, дворец…)* на субъекте создает впечатление его полной «погруженности» в это состояние, его неконтролируемость. При этом не эксплицируется признак фазовости: состояние воспринимается как нечто цельное, неделимое, неквантифицируемое (*Большинство россиян остались в восторге от отпуска в Крыму*). Однако введение активного глагольного компонента, например, *прийти*, несколько видоизменяет семантику, проявляется значение атаки состояния на субъект (*Недавно в Сети появилось интервью с туристами из Германии. Как оказалось, путешественники пришли в восторг от Крыма*).

Эмоциональное состояние, эксплицируемое посредством *адвербативных* эмотивных конструкций с предикатом-категорией состояния на –о (Ср.: *Мы уже в Крыму. Радостно, тепло, спокойно*), воспринимается как пассивное, «недеятельное» и непроцессуальное, как данность, которая едва ли может быть подвергнута коррекции со стороны субъекта. Учитывая классификацию предикатов, предложенную О. Н. Селиверстовой [3, с. 127], данные эмотивные конструкции можно квалифицировать как пассивно-денотативные рефлексивы. В адъективных эмотивных конструкциях эмоциональный

признак чувствующего субъекта представлен словно «изнутри» и описывается субъектом.

Таким образом, в процессе исследования структуры текстов о Крыме нашел подтверждение факт тяготения эмотивных конструкций определенных морфолого-синтаксических типов со специфическим лексико-семантическим выражением членов предложения к конкретным типам эмотивных состояний и ситуаций.

Выявлены эмоции и эмоциональные состояния, которые наиболее часто называются и описываются в исследованных текстах. Так, позитивный эмоциональный модус доминантно представляют гордость, радость, восхищение, восторг; негативный — разочарование и недовольство.

Литература

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
2. Просовецкий Д. Ю. Психолингвистический метод выявления оценки, содержащейся в слове // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. Воронеж, 2015. №3. — С. 78-80.
3. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1972. — 370 с.
4. Стернин И. А., Просовецкий Д. Ю. Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. №4. — С. 75-96. URL: http://tverlingua.ru/archive/054/3_54.pdf (дата обращения: 27.03.2021).
5. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. — 190 с.

УСТОЙЧИВЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ИНТЕГРАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ ‘МУЗЫКА’ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А. Н. Мищенко, Н. А. Сегал
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь)

Музыка занимает важное место в жизни человека, обладает способностью выражать мысли, эмоции, а также служит средством общения людей. В настоящее время в текстах политических СМИ

достаточно часто используется музыкальная метафора. Процессу метафоризации подвергаетсясама форма вокала — песня, исполнителем которой в метафорических образах является политик. Чаще всего метафорические модели с компонентом ˙песня’используются с целью метафорического выражения неискренности. Так, конструкция «наступить на горло собственной песне» обозначает действия, совершаемые против собственной воли для достижения определенной цели. При этом действия совершают как субъекты, так и объекты политики:*«Путин и Обама не смогли **наступить на горло собственной песне»***(Утро, 29.09.2020), *«Кремлю придется **наступить на горло собственной песне*** (Новое время, 15.10.2020), *«Для нормализации отношений с Беларусью США должны **наступить на горло собственной песне»*** (Газета.ру, 03.03.2020). В таких конструкциях возможна замена стержневого компонента либо расширение адъективом, указывающим на сферу, претерпевающую ограничения для достижения последующей цели:*«Медведев: России удалось сильно **наступить на горло террористам»*** (ТАСС, 04.04.2016); «*Москва уговаривает ЕС вместе **наступить на горло монопольной песне***» (iz.ru, 13.11.2008); «*Гройсман **наступил на горло «газовой песне»** Тимошенко»*(rueconomics.ru, 27.04.2017).

Еще одной устойчивой конструкцией, реализованной в медиадискурсе на уровне вторичной номинации, является фразеологизм «заливаться соловьем», который придает искусственности политическим событиям и решениям, используется с семантикой «чрезмерная красноречивость политика», «пустые обещания»: *«Новый глава Украины продолжает **заливаться соловьём**, обещая, как в русской сказке, пойти не знаю куда и принести не знаю что»* (Вести Крым, 30.10.2020); *«Рогозин **соловьем заливался,** как мы без препон сможем добираться до Москвы»* (КП, 19.10.2015); «*Козенко считает, что Зеленский «продолжает **заливаться соловьем»*** (www.gazeta.ru, 30.10.2019); «*…на людях Порошенко **заливается соловьем,** что Украина скоро окажется в объятиях Евросоюза*» (Багнет, 23.12.2019).

Присоединение адъективов к метафорическим моделям с интегральным компонентом ‘песня’ определяет характер ведения политики. Такие модели не являются однородными и могут быть представлены в тематической классификации:

1. Долгая песня (с семантикой долговременного ожидания чего-либо):*«**Долгая песня**. Вероятно, предполагает Алексей Кириенко, что на фоне существенного падения спроса на энергию в Европе по экономическим причинам у Штатов появится больше времени на «закручивание гаек» с использованием санкционного давления»* (Эксперт, 27.05.2020).

2. Лебединая песня (с семантикой последнего, наиболее значительного решения политика для стабилизации ситуации в актуальных социополитических вопросах) либо синоним последняя песня с аналогичным значением: *«**Последняя песня**. Трамп готовится к отставке»* (Ведомости, 12.17.2020); *Нынешняя кампания — **лебединая песня** Януковича*(news.liga.net,19.11.2019); *«**Лебединая песня Меркель**. Канцлер провозглашает курс ЕС на мирное сосуществование с Россией»* (Совет по внешней оборонной политике, 15.06.2020); ***«Лебединая песня «Единой России»:** стратегия власти на предстоящих выборах»* (Форбс, 18.06.2019).

3. Другая песня (с семантикой изменения в порядке чего-либо): *Что же касается миротворцев — это совершенно **другая песня**. Она придумана для того, чтобы отвлечь внимание от четкого и ясного выполнения взятых на себя Киевом обязательств в рамках минских договоренностей* (www.forsmi.ru, 20.03.2015).

4. Петь сладкие песни (с семантикой льстить, обещать приятное): «*Леди Ю. продолжает **петь сладкие песни** столь нужному для нее электорату»* (fraza.com, 28.07.15); «*Порошенко будет **петь сладкие песни**, Яценюка уже не будет, пастор Турчинов спрячется, а по всей стране начнется вакханалия»* (soskin.info, 22.01.2016).

Часто в текстах СМИ употребляются трансформированные конструкции (с дополнительным адъективом, в единственном числе), которые расширяют семантику названия музыкального фильма «Старые песни о главном», приобретая политический оттенок: «*Этот скандал вообще не о Петре Порошенко, чья **политическая песня о главном** уже давно спета — его рассуждения о возвращении с Божьей помощью на пост номер один следовало бы отнести к разряду досужих*» (Город Х, 20.05.2020); «***Старые песни о главном.** Что ждет президента Зеленского»* (Украина.ру, 30.12.2020); «***Старая песня о главном.** Порошенко просит новых санкций против России»* (Регнум, 16.11.2018); «***Старые песни о***

главном. *Ждать ли реальных перемен от белорусского президента?»* (Ритм Евразии, 18.01.2021).

Употребление в текстах СМИ конструкции «песня/песенка спета» обозначает завершение политической карьеры: *«**Тимошенко. Песня спета?** Регионалы уверяют, что просто хотят компромисса в вопросе лечения экс-премьера»* (Экс.ру, 05.11.2015); *«**Песенка Сергея Фургала спета в суде**. Хабаровского губернатора оставили под стражей»*(Коммерсант, 17.07.2020), «***Песня спета.*** *Верховный суд лишил брянских чиновников части пенсии*» (Аргументы и факты, 09.12.2020).

Устойчивая конструкция «из песни слова не выкинешь» используется в текстах СМИ в значении «что было то было»: «***Из песни слов не выкинешь —*** *Крым ответил президенту Украины»* (rossaprimavera.ru, 01.01.2021); «***Из песни слова не выкинешь****, разные злые языки намекают, что в свое время Юлия Тимошенко подписала известный контракт о поставках газа на Украину»* (Эхо Москвы, 10.04.2016).

Отметим, что данные метафорические модели могут использоваться в текстах СМИ с отрицательной частицей **НЕ,** которая меняет первичное значение конструкции. Так, употребляясь в текстах политических СМИ актуализируется семантика незаконченного действия, ожидания последующих событий, способных повлиять на социально-экономическую ситуацию в государстве: *«**Лебединая песня** Шрёдера еще **не спета.** Немецкая пресса комментирует заявление действующего федерального канцлера Герхарда Шрёдера о том, что он не будет работать в новом коалиционном» правительстве»* (Пресса.ру, 13.10.2015); *«Евро стал стремительно сдавать позиции к доллару и франку. Но **песня** евро **не спета**»* (Ведомости, 13.07.2016); *«Главная **песня** Трампа еще**не спета»*** (МК, 16.07.2020).

Результаты исследования показывают, что процессу метафоризации подвергаются наименования музыкальных жанров. Наиболее распространенными оказались следующие жанры классической музыки:

1. Симфония: «***Симфония*** *Церкви и государства всегда была и продолжает оставаться смысловой основой российской государственности»* (anna-news.info, 26.10.2018); «*О **симфонии** властей в русском державном домостроительстве»* (ruskline.ru,

14.09.2017); «*Политический джаз Трампа и классическая* ***симфония*** *Путина»* (Конт, 14.04.2017); «***Симфония*** *Путина со страной закончилась»* (Форбс, 21.12.2012). Примечательно, что в текстах СМИ происходит увеличение объема значения лексемы симфония за счет ее метафорического переноса на политический дискурс. Значение гармонии переносится на политическую сферу, которая никак не может характеризоваться как симфония, вследствие чего возникает эффект неожиданности.

2. Ария: «***Ария*** *Порошенко: песни о главном по-новому»*(Правда.ру, 14.02.2019); «*Ростовская* ***ария*** *Януковича прозвучала едва ли не как самое настоящее откровение»* (РиаНовости, 18.02.2021); «***Ария*** *Зеленского голосом Порошенко»* (Украина.ру, 17.12.2019); «***Ария*** *Трампа об потерянных «Томагавках»: «Куда, куда вы удалились?»* (21.04.2017). Отметим, что ария в музыке отличается сложным виртуозным характером, что отражается в приведенных примерах.

3. Реквием: «***Реквием*** *по Дональду Трампу. Поражение Трампа положит конец глобализму и внесёт раскол в американское общество»* (svpressa.ru, 23.12. 2020); «*Акции сторонников Трампа:* ***реквием*** *по американской мечте»* (15.11.2020); «*Порошенко Великий, или* ***Реквием*** *по Украине. Церковный вопрос в сегодняшней Украине — это, прежде всего, вопрос политический»* (27.04.2018); «*Шило на мыло: Порошенко сыграл* ***реквием*** *по премьеру»* (Экономика сегодня, 15.03.2016). Отметим, что метафорический перенос обусловлен значением лексемы реквием — траурное музыкальное произведение, что в текстах СМИ реализуется в контекстах, описывающих поражение в каком-либо деле, несбыточную мечту, вопросы церкви, отставку с поста и др.

4. Хор: «*Вам нужна не открытая дискуссия по данной теме, а скорее иллюзия международного согласия и* ***хор*** *подпевающих друг другу единомышленников»* (https://russiaun.ru, 22.01.2021); «*Каким будет новый Кабмин? Как и когда станут его формировать? В том числе и об этом говорили на последних переговорах двух команд на Банковой, сразу после того, как всё БПП (партия)* ***хором*** *— от первых лиц до штатных спикеров, вещавших в эфирах — вынужденно извинялось перед НФ»* (https://lb.ua, 14.12.2015); «*Тимошенко жалуется на* ***«кошачий хор»****, транслируемый телеканалами»* (https://sostav.ua, 25.02.2009); *«Знаю, что будет много публичных*

критиков нашего объединения и лжепророков, которые будут взывать о нашем бесславном конце. Не обращайте внимания на этот ***фальшивый хор.*** *Чем громче будет он против нас петь, тем большего стоит наше объединение», — пишет Ю. Тимошенко»* (BBC Украина, 16.06.2013). В данном случае под хором понимается критика в адрес деятельности экс-премьера Украины Ю. Тимошенко.

5. Увертюра: «***Увертюра*** *к коалиционному пасьянсу»* (Слово и дело, 29.10.2014); «***Увертюра*** *к представлению «Трамп и Путин»* (www.dw.com, 04.01.2017); «*Впрочем, обвинения в адрес украинской железнодорожной компании оказались лишь* ***увертюрой.*** *Через неделю Саакашвили сделал еще более громкое заявление. На этот раз он обвинил в коррупции верхушку власти»* (Версия, 02.02.2016); «*Инициатива насчет снятия Сытника — лишь* ***увертюра*** *к основному действию — очередной лобовой попытке полностью уничтожить или разоружить НАБУ как инструмент борьбы с коррупцией»* (https://ru.slovoidilo.ua, 15.02.2021). В данных контекстах лексема увертюра употребляется в значении «вступление, начало».

6. Концерт: «*Путин уверен, что в мировом* ***«концерте»*** *стран должен упитываться голос каждого государства»* (Тасс, 03.10.2019); «*Организаторы превратили протестную акцию в политический* ***концерт»*** (www.m24.ru, 10.08.2019); «*Партия Зеленского провела политический* ***концерт*** *на месте массовых расстрелов»* (https://news.rambler.ru, 08.07.2019). В такого рода метафорических конструкциях под концертом понимается публичное исполнение, в котором задействованы различные политические объекты либо субъекты.

Таким образом, музыкальная метафора достаточно широко представлена в медиапространстве. Через разнообразные музыкальные ассоциации в метафорах отражается современный политикум, действия которого облекаются авторами медийных сообщений в новые формы, расширяющие коннотативный фон и создающие прагматический эффект. Широкое использование языковых единиц, эксплицирующих музыкальную метафору, приводит к насыщению текстов СМИ яркостью и образностью, созданию уникальности и неповторимости авторского стиля. Метафоризация жанров классической музыки в массмедийных текстах персонифицирует политиков в исполнителей-музыкантов, подчеркивая тем самым их неординарность при ведении политической борьбы.

Литература
1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения. М.: Худож. лит., 1988. — 528 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. — 264 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Оникс, 2008 1200 с.
4. Сегал Н.А. Мищенко А.Н. Песенный дискурс как источник метафорического моделирования // Лингвокультурология. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2017. №11. — С. 85–98.
5. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. — 677 с.
6. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. М.: Аделант, 2014. — 800 с.
7. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. — 828 с.

СОЦИАЛЬНОСТЬ НОРМ ОНИМООБРАЗОВАНИЯ

В. И. Мозговой
mowi48@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Социальная природа онимной нормы понимается на постсоветском пространстве оригинально: как её подчинение органам законодательной или исполнительной власти, «подправленное» языковыми критериями, вытекающими из системы государственного языка, но изменяемыми при смене идеологических или национально-языковых приоритетов, вплоть до трансформаций на грани переименований:

– рус. *пос. Еленовка* (от *«Елена»*, Россия) > укр. *Оленівка* (от *Оле́на*, Украина) > рус. *Оле́новка* (ДНР) или *Олено́вка* (если от *оле́нь*);

– *председатель Донецкого горисполкома В. Рыбак* > *міський голова А. Лук'янченко* (без перевода на русский язык как «председатель») > *Глава администрации г. Донецка А. Кулемзин* (перевод с украинского как «глава» или просто «главный»?);

– рус. *Антонов* (от *Антон*) — укр. *Вінтонів* (от *Вінтін*);

– рус. *Юрьевич* (от [й'у́р'й]) > укр. *Юрійович* ([й'у́р'ій] > рус. *Юриевич* (от укр. *Юрійович*);

– рус. *река Днепр* > укр. *річка Дніпро* > рус. *г. Днепр* (речевая форма) > укр. *м. Дніпро* (официальное переименование Днепропетровска, при котором появляется омонимия с названием реки);

– рус. *Ласточкино Гнездо* > укр. *Ластівчине гніздо* (не «замок», а «гніздо украинской ласточки»; правильно; *Ласточкине Гнєздо*) и т. п.

Постоянная смена форм и моделей номинативных конструкций происходит из-за стремления завуалировать реальность, но выпятить в ней себя как «творца» истории. Юридические денотаты *университет*, *город*, *министерство*, *министр*, *ректор*, *студент*, *ученик* постепенно превращаются сначала в закавыченные названия-метафоры, затем — в неправовые понятия *учредитель, руководитель*, *заведение, учреждение, организация, образование*, презентующие право бесконтрольной власти над абстрактными *обучающимися*, а далее, возможно, и над *обучающими* или *работающими*:

– ***Министерство*** *образования и науки ДНР* > ***Учредитель*** *образовательной организации ДНР*;

– ***министр*** *образования и науки ДНР* > ***Руководитель*** *учредителя образовательной организации ДНР*;

– ***ректор*** *ДонНУ* > ***Руководитель*** *образовательной организации*;

– ***Донецкий*** *государственный* ***университет*** > ***Государственное*** *образовательное* ***учреждение*** *высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* (г. Донецк) // ***Государственное*** *высшее учебное* ***заведение*** *«Донецкий национальный университет им. Васыля Стуса»* (г. Винница);

– ***город*** *Екатеринбург* > ***Муниципальное образование*** *«город Екатеринбург»*;

– ***студенты*** *ДонНУ* или ***ученики*** *гимназии № 70* > ***обучающиеся*** *в ДОННУ* (такая аббревиатура зафиксирована как норма) и такие же ***обучающиеся*** в *Муниципальном общеобразовательном учреждении «Гимназия № 70 города Донецка»*.

В номинативную практику всё активнее внедряется стихийное сознание управленцев, страдающих при вступлении в должность от неодолимой страсти к «обновлениям» внешнего антуража для достижения неподконтрольной социуму власти над информацией об именуемых объектах, возглавляемыми структурами и подчинёнными руководителями. О существовании онимного денотата, входящего в структуру собственного имени, большинство просто не догадывается,

считая, что он равнозначен любому денотату (*облако, образование, руководитель, голова, глава*) и даже референтам — ситуативным представлениям автора о вымышленном персонаже или интерпретациям о называемом предмете, складывающихся у конкретного субъекта при употреблении речевых и художественно-поэтических форм [1]: *Иван > Ванюша // Ваня // Ванька*; *Театр Олега Табакова > «Табакерка»*; *Хлестаков* > персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» и т. п. Они с лёгкостью переносятся на реальные объекты номинации, которые превращаются при этом в закавыченную метафору учреждения или организации: *Государственное образовательное* ***учреждение*** *высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет» // Государственная образовательная* ***организация*** *высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»*.

В ситуации денотативной неопределённости норма начинает формироваться в лучшем случае с учётом лексико-грамматических, фонетико-графических или стилистических особенностей тех или иных разрядов онимных единиц [5, с. 3–4], а в худшем — мотивируется субъективными вкусами номинатора, утрачивающими свой смысл уже на стадии именования [4]. Нормативные акты, призванные фиксировать адекватность восприятия денотата любым пользователем имени для сохранения культурно-исторического, правового и имущественно-созидательного кода цивилизации, превращаются в тормоз её развития. Новый взгляд на денотат становится определяющим условием для установления норм в ономастике.

Все имена существительные имеют номинативный денотат (*земля, человек, зверь*), но не все из них могут быть онимными (не может быть употреблений, типа *земля «Люкс», человек Людмила, зверь Жучка*) и не каждый онимный денотат может фиксироваться в качестве физического или юридического лица (ими не могут быть *яхта «Беда», руководитель Иванов*, персонаж из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» *Митрофанушка*).

Правовая ономастика, или проприноменология (см.: [3]) учитывает, таким образом, только реальные именования, оперирующие соответствующими юридическими денотатами: *яхта «Калипсо», ректор Донецкого национального технического университета А.Я. Анопринко, Константинопольский патриарх Митрофан* и т. п.

Разность их функционально-языковой и социальной соотнесённости с объектами номинации мотивирует поэтому их классификацию в зависимости от денотативной «истории»:

1. Класс обобщённых (номинативных) денотатов (от лат. *denotare* «отмечать, обозначать») — любых предметов или явлений окружающей действительности, с которыми соотносится имя нарицательное, оперирующее исключительно языковыми нормами словообразования, словоизменения, произношения и правописания: *облако* «тёмное», *человек* «удивительный», *учреждение* «воспитательное», *заведение* «учебное, увеселительное», *предприятие* «промышленное», *процесс* «законодательный», *гроза* «сильная», *дерево* «цветущее», *шкаф* «платяной», *время* «утреннее».

2. Класс онимных денотатов — явных, подразумеваемых или вымышленных объектов номинации, обладающих внутренней способностью к адресному выделению из массы однотипных: *планета Марс, профессор А.В. Петров, Донецкий металлургический завод, Торичеллиева пустота, друг Серёга, страна Утопия, Баба-Яга, Григорий Печорин, Шева* («футболист» киевского «Динамо») и т. п.

Их минимизированное количество по сравнению с нарицательной лексикой даёт им тем не менее право более активного участия не только в лексическо-грамматическом, но и зрительно-графическом и коннотативном онимообразовании (прописная буква, кавычки, графические символы, шрифт и т. п.), которое не может быть предоставлено языковыми нормами, но обусловлено понятными для конкретного пользователя «онимотворческими» принципами:

А. Ассоциативный принцип.

Он ориентирован на речевую стихию индивидуально и социально коннотирующих денотатов, постоянно «изобретаемых» ситуацией обыденного общения.

Индивидуально коннотирующий денотат создаётся авторским вымыслом, способным конструировать непредсказуемое количество речевых онимоформ, не поддающихся нормированию:

– *девушка Наташа, Наташенька, Натали, Натюха*;
– *парикмахерша Валя, Валька*;
– *сынок Илюша, баба Маша*;
– *Серый, Колян, Ксюха*;
– *Констаха* (*Константиновка*);
– *начальник Дурак, рыжий кот Чубайс*;

– *Дэнээрия* (ДНР), *Укропия* (Украина);

– *учительница математики АВС* [абэцэ] (*Абрамсон Валентина Семёновна*) и др.

Социально коннотирующий денотат продуцируется всеми представителями конкретной проприальной культуры, ориентированной на фольклорно-художественные образы (*Расея, Дядя Фёдор, Обломов, Тихий Дон, Славутич, Волга-Матушка, Москва-река, Питер*), не применимые в официальной практике, но фиксируемые в метафорах реальных объектов: *ресторан «РассеЯ»* (г. Донецк), роман М. Шолохова *«Тихий Дон»*, торговая марка пива *«Славутич»,* ресторан *«Питеръ»* (г. Киев) и т. п.

Б. Правовой принцип.

Его используют в официальной письменной речи, опирающейся на ограниченное количество юридических денотатов.

Нейтральных. Они могут игнорироваться в контекстном употреблении непереводимых антропонимов (*Екатерина II, Александр Сергеевич Пушкин* > укр. *Єкатерина II, Александр Сергійович Пушкін*), но должны сохранять свою функцию в других разрядах онимной лексики, устанавливающих адресность с помощью онимных определителей, которые образуют грамматическое единство с денотатом, допуская полный или выборочный перевод номинативной конструкции с учётом её межнациональной или международной значимости:

– *<гражданин> П. Т. Иванов* > укр. *<громадянин> П.Т. Іванов*;

– *директор школы М. А. Углегорский* > укр. *директор школи М.А. Углегорський*;

– *Донецкая Народная Республика* > укр. *Донецька Народна Республіка*;

– *начальник цеха Ю.А. Горобцов* > укр. *начальник цеху Ю.А. Горобцов*;

– *Академия гражданской защиты ДНР* > укр. *Академія цивільного захисту ДНР*;

– *Министерство науки и образования ДНР* > *Міністерство науки й освіти ДНР*;

– *профессор Панибудьласка* > укр. *професор Панібудьласка*;

– *Федеративная Республика Германия* > укр. *Федеративна Республіка Німеччина*;

– *г. Углегорск* > *м. Вуглегірськ* и др. (см.: [2, с. 49]).

Социально-коннотирующих. Они регламентируют в праве известные всем речевые варианты и включает их в состав метафорических собственных имён: без них идентификация объекта невозможна, как невозможно понять и метафору без денотата. Слова *лицей, эрудит, ресторан, гуси-лебеди, парк, лень, пень, продукты, впрок, автомагазин, хата, пельмени* остаются словами до тех пор, пока не объединяются в онимную структуру с использованием прописной буквы и кавычек. Их задача — отделить нейтральность денотативной группы слов от метафоричности непереводимых, несклоняемых и нормативно авторизованных названий: *лицей «Эрудит», ресторан «Гуси-лебеди», верёвочный парк «Лень в пень», продукты «Впрок», автомагазин «Японахата», кафе «Пельмания»* (г. Донецк).

Их ситуативный перевод возможен только в том случае, если они имеют ярко выраженное лексическое значение, направленное на рекламу продукции или стоящего за рекламой собственника:

– *ресторан «Возьми с собой»* > укр. *ресторан «Візьми з собою»*;

– *столовая «Мы сделаем Вам хорошо»* > укр. *їдальня «Ми зробимо Вам добре»* (г. Донецк).

Исходя из маркетинговых целей, собственник переносит непредсказуемость внешних коннотаций в разряд нормативных, не выходящих за рамки авторских метафор, отделяя их от денотата кавычками:

– *магазин «Доцент»* (образ из фильма «Джентльмены удачи», г. Донецк);

– *трактир-ресторан «Бухарин»* (ассоциация с политическим деятелем и с глаголом «бухать», г. Иваново);

– *кафе «У нотаря»* (г. Ужгород);

– *«Малыш и Карлсон»* (название мультфильма);

– *магазинчик «Бомбейчик»* (с. Богородичное, Донбасс) и т. п.

Выводы:

1. Объединение признаков номинативных словосочетаний с онимными как и смешивание нейтральных онимных конструкций с коннотирующими рождает массу ложных номинаций, разрушающих социальную природу онимосферы.

2. Норма в ономастике должна устанавливаться в зависимости от соответствия моделей онимообразования социальной значимости объектов и их денотатов, а уже потом ориентироваться на специфику национальной графики, орфографии, грамматики и стилистики языка или речи.

Литература
1. Калинкин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии. // Логос ономастики. 2006. № 1. — С. 81–89.
2. Мозговой В.И. Имена собственные и не собственные // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. Т. 3, № 3. Севастополь : СГУ, 2017. С. 44–51.
3. Мозговой В.И. О предмете проприонимологии // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы VII Всероссийской научной конференции. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. — С. 28–31.
4. Мозговой В.И. Культура современных номинаций и проблемы права // Русский язык в поликультурном мире : IV Межд. симпозиум (8–12 июня 2020 г.); сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. Т. 1. — С. 237–244.
5. Ономастика и норма. Сб. статей. М. : Наука, 1976. — 256 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАНОМИНАЦИИ: ОБ ОДНОМ ИЗ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

М. Е. Новичихина
novichihiname@mail.ru
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж)

В последнее десятилетие в рамках медиалингвистических исследований все большее внимание уделяется так называемой медианоминации.

Под медианоминацией понимается языковая номинация средств массовой информации, например: «Дорожное радио» (название радиостанции, «Домашний очаг» (название журнала), «Известия» (название газеты) и т.п. [6, с. 10], [8, с. 133].

Целесообразность введения термина «медианоминация» обусловлено следующими соображениями. Во-первых, активно используемый лингвистами термин «гемероним» охватывает лишь отдельный фрагмент названий СМИ (печатных СМИ), что косвенно свидетельствует о его ограниченности. Во-вторых, термин «гемероним» отражает лишь статический аспект рассматриваемой проблемы. В то же самое время в термине «медианоминация»

усматривается как статический, так и динамический аспекты: медианоминация — это и процесс создания имени, и результат этого процесса. Данное отличие становится чрезвычайно актуальным при постановке проблемы коммуникативной эффективности соответствующего процесса номинации.

В настоящее время исследование феномена медианоминации осуществляется в следующих основных направлениях.

Во-первых, предпринимается попытка определить место медианоминации в системе так называемой коммерческой номинации. Заметим, что под коммерческой номинацией понимается языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение коммерческого эффекта [7, с. 169].

Известно, что группа коммерческих названий неоднородна. В системе коммерческой номинации могут быть выявлены так называемые ядро и периферия. Ядро этой группы составляют названия фирм, магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских и т.п. Сюда же, несомненно, попадают и так называемые товаронимы — имена отдельных видов товаров. К ядру обсуждаемой группы могут быть отнесены и словесные товарные знаки, представляющие собой зарегистрированные в соответствии с законом коммерческие названия.

Также существует обширное поле названий, находящихся на периферии обсуждаемой области. Они не являются коммерческими в полном смысле этого слова, однако выполняют явную коммерческую функцию. К таким названиям могут быть отнесены фармонимы (фармацевтические наименования), ник-имена, эстрадные имена, event-названия и т. п. По нашему мнению, к этой же группе в числе прочих могут быть причислены и так называемые медианазвания (как результат процесса медианоминации).

Периферийное положение медианоминации в системе коммерческой номинации объясняется, в первую очередь, специфическим положением самих средств массовой информации в общем объеме коммерческих объектов. Ведь несмотря на непрерывную коммерциализацию современных СМИ, их основные цели, в отличие от целей многих других объектов номинации, не могут быть сведены исключительно к коммерческим.

Еще одно направление исследований медианоминации связано с определением места медианазваний в ономастическом пространстве.

С нашей точки зрения, медианаименования, характеризуясь, бесспорно, целым рядом черт, присущих классу имен собственных, в то же самое время обладают и яркой спецификой.

При выявлении этой специфики прежде всего следует обратиться к обсуждению основных функций медианазвания, согласившись с мнением Е. Куриловича, отмечающего, что «имена собственные и имена нарицательные, в первую очередь, отличаются их функциями в языке и речи» [5, с. 17].

Медианоминация, решая задачу сообщения и задачу воздействия, выполняет ряд функций, как общих для всей категории имен собственных, так и специфических, свойственных лишь этой группе имен. Среди специфических функций особо следует выделить так называемую информативную функцию. Если полноценное имя собственное, призванное номинировать объект и выделить его среди других, не призвано сообщать о нем какую-либо информацию, то медианазвание изначально нацелено на такое информирование. В случае с медианазванием информативная функция оказывается одной из основных, именно эта функция превращает название в мощный инструмент управления поведением потенциального читателя. Наличие информативной функции свидетельствует об обособленном положении медианазваний в системе имен собственных.

Кроме того, известно, что имена собственные не имплицируют наличия какого-либо качества референта, «они называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств. Относясь к индивидным предметам, собственные имена никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного» [1, с. 190]. Результаты же практических исследований свидетельствуют о том, что в сознании носителя языка то или иное медианазвание название прочно увязывается с соответствующим СМИ, распознается в соответствии с замыслом номинатора [4, с. 36]. В упомянутой работе М. А. Дрогайцевой со ссылкой на проведенный анализ утверждается, что, например, в издании с названием «Городские известия» большинство респондентов ожидают прочитать о новостях города, в издании с названием «ЛДПР в Курске» — информацию о партии в регионе и т.п. Таким образом, медианазвание формирует некоторое представление о СМИ, дает характеристику номинируемому объекту, т.е. выходит за рамки единственно называния. Более того,

медианазвания — это единицы, которые в процессе своего функционирования выполняют функцию микротекста, поскольку не просто отражают действительность, но и несут внутри себя некоторое развернутое сообщение (например, название «Я покупаю. Воронеж — Липецк» сообщает потенциальному читателю, что «здесь можно найти информацию о ценах, товарах и услугах в Воронеже — Липецке» и т.п.). Именно по этой причине к медианоминации применимо понятие коммуникативной эффективности. Конечно, вопрос о большей или меньшей удачности другого элемента ономастического пространства также может быть поставлен, однако в случае с личным именем или топонимом этот вопрос сводится, в основном, к вопросу о благозвучности. Основными же составляющими коммуникативной эффективности медианазвания как элемента коммерческой номинации, помимо фонетической привлекательности, оказываются информативность, ассоциативное соответствие, мотивационный потенциал. Именно исследование коммуникативной эффективности подобных названий — это еще одно направление исследования современной медианоминации, предпринимаемое в целом ряде работ [2–4].

В целом же, можно утверждать, что медианазвания служат не только целям идентификации объекта, они, как и все другие коммерческие названия, формируют некоторый конкретный образ в сознании индивида, именно поэтому справедливо было бы отнести их лишь к разряду «квазисобственных» имен.

Между тем, высказанная точка зрения может явиться предметом научной дискуссии; и все же окончательное разрешение вопроса о месте медианазваний в ономастическом пространстве представляется ближайшей перспективой медиалингвистических исследований.

Еще одной значимой перспективой исследования феномена медианоминации видится разработка и апробация новых методов исследования коммуникативной эффективности, а также практическая разработка алгоритма создания коммуникативно эффективного медианазвания. Все это позволит внедрить результаты медиалингвистических исследований в практику формирования эффективных названий средств массовой информации и оптимизировать процесс современной медианоминации.

Литература
1. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. — С. 188–206.
2. Баранова А. Е., Новичихина М.Е. Практическое исследование коммуникативной эффективности медианоминации // Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж, 2015. Ч. 2. — С. 43– 46.
3. Дрогайцева М. А., Новичихина М.Е. Медианоминация. Воронеж: Кварта, 2018. — 84 с.
4. Дрогайцева М. А. Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации): Дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2019. — 188 с.
5. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. — С. 251–266.
6. Науменко И. И. Медианоминация: к вопросу о терминологии // Проблемы массовой коммуникации. Воронеж, 2012. — С. 60.
7. Новичихина М. Е. Современная коммерческая номинация: стихийность или закономерность? // Вестник ВОИПКРО. Вып.8. Воронеж, 2002. — С. 169–172.
8. Новичихина М. Е. Медианоминация как элемент периферийной зоны коммерческой номинации // VIII Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. научных статей. Севастополь, 2014. — С. 131–136.

ФРАГМЕНТ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА)

Н.А. Родина
esperance84@mail.ru
ФГКВОУ ВПО «Военный институт физической культуры»
(Санкт-Петербург)

Заговори, чтобы я тебя увидел.
Сократ

Д. С. Лихачев следующим образом описал значимость речевого портрета личности: «Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит. Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке,

иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры» [2, с. 16].

История изучения понятия «речевой портрет» начинается с фонетического портрета, главные приемы описания которого были разработаны М.В. Пановым. Анализируя произношение отдельных личностей, он представил характеристику литературной нормы и создал ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых [5].

Г. Г. Матвеева понимает под речевым портретом «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего». Исследователь отмечает, что с помощью речевого портрета фиксируется речевое поведение, которое «автоматизируется в случае типичной повторяющейся ситуации общения» [4].

Индивидуальный речевой портрет, в центре внимания которого находится индивидуальный стиль конкретной языковой личности, как правило, выявляет творческое отношение к языку неординарной, элитарной личности. Кроме того, индивидуальный речевой портрет даёт возможность судить о речевых характеристиках той или иной социальной группы. Коллективный речевой портрет позволяет обобщить явления, присущие определенному кругу людей, объединенных в национальном, возрастном, социальном, профессиональном плане. Создание речевого портрета возможно по отношению к любой сфере общения. Так, исследователи изучают речевые портреты школьников, студентов, молодежи, эмигрантов, интеллигенции, государственных служащих, адвокатов, политических деятелей [3].

Речь человека является его визитной карточкой. Она несет в себе информацию о самых различных чертах личности говорящего: о его происхождении, о его возрасте, профессии, образовании, интеллекте.

Курсанты — это будущие офицеры, элита общества, поэтому им нужно научиться выражать свои мысли ярко, образно, убедительно, доступно, научиться располагать к себе собеседника, аудиторию, грамотно вести деловую переписку, составлять тексты документов. Необходимо усердно работать над собой, чтобы стать коммуникативной личностью.

В понятие коммуникативной личности входит прежде всего коммуникативная компетентность как знание норм и правил общения, владение его технологией. Коммуникативная компетентность

является составной частью более широкого понятия «коммуникативный потенциал личности».

Коммуникативный потенциал — это характеристика возможностей человека, которые и определяют качество его общения: потребность в общении, отношение к способу общения, способность владеть инициативой в общении, способность проявить активность, эмоционально откликаться на состояние участников общения, сформулировать и реализовать собственную индивидуальную программу общения [1].

Мы рассмотрим, как связаны особенности речевого портрета современных военнослужащих и успешность коммуникации.

Материалом исследования стали личные наблюдения, данные анкетирования и прямого интервьюирования, проведенного в одном из российских военных вузов.

Опрос имел анонимный характер, анкета содержала в себе следующие вопросы закрытого типа.

1. *Какие слова Вы используете в повседневной речи?*

А) общеупотребительную лексику;

Б) специальную лексику;

В) жаргонизмы;

Г) нецензурные слова.

2. *Как часто Вы употребляете жаргонизмы?*

А) всегда;

Б) иногда;

В) никогда.

3. *В каких ситуациях употребляете жаргонизмы?*

А) при общении с родителями;

Б) в институте;

В) в общественных местах;

Г) в кругу друзей;

Д) нигде.

4. *Кто одобряет использование жаргона в Вашей речи?*

А) все;

Б) родители;

В) преподаватели и офицеры;

Г) товарищи;

Д) никто не одобряет.

5. *Понимаете ли вы жаргон окружающих вас людей?*

А) да;
Б) нет;
В) иногда;
Г) всегда.

6. В каком настроении вы употребляете жаргонизмы?

А) в хорошем;
Б) в плохом;
В) не зависит от настроения.

7. Как вы думаете, обогащает ли жаргон русский язык?

А) да;
Б) нет;
В) обедняет речь;
Г) делает речь более яркой.

8. Наличие жаргонных слов в речи говорит о…

А) недостаточной образованности человека;
Б) речевой небрежности;
В) желании быть как все;
Г) желании выделиться из толпы.

9. Как Вы пополняете свой словарный запас?

А) общение со сверстниками в институте;
Б) общение с друзьями вне института;
В) общение в семье;
Г) общение в интернете;
Д) из фильмов;
Е) из книг;
Ж)

10. Влияет ли речь на взаимоотношения с товарищами?

А) да;
Б) нет.

11. Как Вы считаете, определяет ли речь уровень культуры военнослужащего?

А) да;
Б) нет.

Рассмотрим результаты анкетирования.

По результатам ответов на первый вопрос анкеты мы выяснили, что большинство курсантов используют в речи военные жаргонизмы и слова, принадлежащие к пласту молодежного

сленга (аргументируя употребление этих слов своей принадлежностью к военному социуму и молодежной субкультуре одновременно). Наиболее употребительными являются следующие категории жаргонных слов: институтская лексика (*пара — «занятие», сампо* — «самостоятельная работа», *лаба* — «лабораторная работа»), лексика досуга и быта (*чувак* — «приятель, молодой человек», *пранк* — в значении «шутка» или «издевательство», *жбан* — «голова», *кроссы* — «кроссовки»), эмоционально-оценочная лексика (*треш* — «ужас, кошмар», *сорян* — «извини»). Как видно, единицы, принадлежащие к первым двум группам, имеют более номинативный характер семантики, а словам последней категории присуща ярко выраженная положительная или отрицательная оценка. Среди употребляемых слов-паразитов наиболее частотно *блин*, с помощью которого обучающиеся выражают разные чувства: удивление, разочарование, огорчение, восторг, раздражение. При этом более половины обучающихся лишь изредка используют такие слова. Что касается сферы употребления жаргонизмов, что чаще всего курсанты общаются таким образом в кругу друзей. Вероятно, это происходит потому, что сленг в речи подростков не одобряют ни родители, ни преподаватели, ни офицерский состав. Большинство опрошенных считает, что другие коммуниканты одобряют их речь, хотя опрос показал, что только половина респондентов понимает сленг окружающих. Однако, по признаниям курсантов, чаще всего они встраивают в свою речь жаргонизмы «под настроение». Большинство обучающихся начинают говорить на сленге, когда чем-то расстроены или огорчены и наоборот, если испытывают радость или другие положительные эмоции. При этом порядка десятой части респондентов уверена в пользе бытования жаргонизмов: придя из других языков в русский, эти слова обогащают его, но около 90% считают, что сленг обедняет речь, а наличие сленговых слов в речи говорит о недостаточной образованности, речевой небрежности, является желанием показать свою инаковость.

На втором месте по использованию находится общеупотребительная лексика — больше половины респондентов отметили ее. Что касается специальной лексики, то она используется в повседневном общении в меньшей степени и представляет собой в основном термины, связанные с выбранной специальностью, например, *походный порядок, сосредоточение, аэробная нагрузка,*

приём, манёвр, тактика и т.д. К сожалению, курсанты используют в коммуникации и нецензурную лексику, что подтверждается 9% ответов. Помимо ситуаций, когда с помощью бранных слов военнослужащие выражают яркие, переполняющие их эмоции, они также могут использовать ругательства бессознательно, заполняя паузы в процессе общения или называют таким образом незнакомый/непонятный предмет.

Пополняют свой лексикон курсанты посредством сети Интернет, а также при общении с друзьями, в меньшей степени — из книг, фильмов, СМИ и семейных бесед.

По результатам самоанализа, проведенного курсантами, можно сделать вывод о том, что у практически 70% военнослужащих речь влияет на взаимоотношения с товарищами. И подавляющее большинство из них (91%) полагает, что речь определяет уровень культуры военнослужащего. Так, практически все респонденты отметили, с грамотно говорящим товарищем общаться приятнее и интереснее, чем с тем, который часто употребляет жаргонные и нецензурный слова.

В результате исследования речевого портрета курсантов мы пришли к следующим выводам.

Современные молодые военнослужащие испытывают потребность в общении. Они способны проявлять активность, эмоционально откликаться на состояние участников общения. Составив речевой портрет представителя военного социума, мы выделили некоторые особенности, связанные с коммуникативным потенциалом современного курсанта.

Итак, для обучающихся военного вуза характерно использование в речи общеупотребительной лексики. Курсанты, понимая, что их авторитет среди товарищей зависит в том числе и от качества речи, способности владеть инициативой при общении, умения удерживать интерес собеседника, стараются развивать коммуникативный потенциал. Чтобы быть хорошими собеседниками, они стараются больше читать, в том числе научную и публицистическую литературу, изъясняться на хорошем литературном языке. Но, как показали результаты нашего исследования, такой речевой портрет был бы неполным.

Во-первых, немалая роль в лексике курсантов отводится жаргону. Молодые военнослужащие не используют такие слова в официальной обстановке и стремятся избавляться от них, поскольку осознают, что жаргонная лексика делает их речь беднее.

Во-вторых, анкетирование показало, что употребление слов-паразитов хотя и ситуативно, то есть связано с ситуацией, но всё-таки имеет место. Более того, в бытовом курсантском общении ярко проявляется стремление к экспрессивности речи, свободно употребляются слова с синтаксически обусловленным значением, которое возникает в контексте.

Таким образом, речевой портрет курсантов военного вуза позволил выявить и обобщить признаки, присущие определённой социальной группе, в которой реализуется определённый набор языковых единиц и разные приёмы общения, свойственные данной группе лиц.

Литература

1. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Красанд, 2014. — 316 с.
2. Лихачев Д. С. Самая большая ценность народа // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 1. — С. 16.
3. Макеева С.О. Речевой портрет в круге смежных понятий // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2014. № 3. — С. 79-85.
4. Матвеева Г.Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи // Актуальные проблемы коммуникации: межд. сб. науч. трудов. М., 2005. — С. 66-72.
5. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М.: Едиториал УРСС, 2007. — 456 с.

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Е. В. Сачкова
november29@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»
(Москва)

Современный русский язык, как и само общество, как и вся русская культура переживают сейчас определенный кризис. Мы

являемся свидетелями беспрецедентной смены культурной формации, когда в базовых для русской культуры концептах происходят революционные изменения. Причинами этих изменений является проводимая в медийном пространстве информационная политика, которая ведет к переосмыслению главных для русской культуры и русского языка констант.

Затрагивая вопрос концептосферы, мы остановимся на определении, предложенном академиком Д. С. Лихачевым. Концептосфера — это «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка» [3, с. 153]. В национальном языке присутствует несколько концептосфер: от концептосферы национального языка в целом до концептосферы семьи и индивидуальной концептосферы. И если концептосфера национального языка отражает всё культурно-историческое наследство нации, то индивидуальная концептосфера формируется личным опытом каждого отдельного человека. Как отмечал академик Д. С. Лихачев, «концептосфера языка — это, в сущности, концептосфера русской культуры» [3, с. 157].

Все существующие в языке или культуре концептосферы взаимосвязаны, и изменения в одной из них неминуемо приводят к изменениям в других. Ранее на изменения концептосферы национального языка влияло творчество писателей и поэтов, деятельность представителей определенных профессий и сословий, а также фольклор. В современном мире эту функцию выполняют средства массовой информации, среди которых наиболее активны цифровые средства массовой коммуникации: интернет и социальные сети. При этом личность автора часто не имеет значения, а важна частотность повторения контента в СМИ. Чем агрессивнее контент, тем чаще он упоминается, тем значительнее его воздействие на концептосферу.

Концептосфера русского языка стала ареной медиавойн, которые оказывают разрушительное воздействие на базовые концепты русского языка и культуры.

Два базовых концепта русского языка и русской культура — это концепт «мать» и концепт «Родина». Именно они подвергаются наиболее активным изменениям в средствах массовой коммуникации.

Концепт «мать» в традиционной русской языковой картине включает в себя следующие понятия: 1) свойство женщины, 2) биологический феномен, 3) социальная роль, 4) номинация кровного и

некровного родства, 5) сакральная номинация, 6) метафорическое наименование для различных объектов и явлений [1, с. 1209]. Лексическое наполнение концепта представлено многочисленными однокоренными производными (мама, мамочка, матушка, маменька и т. д.) и синонимом «родительница». Необходимо отметить, что все лексемы входящие в концепт «мать» обладают положительной коннотацией.

Когнитивные компоненты концепта «мать» включают в себя «начало», «первоисточник», «высшая степень». Это объясняет использование входящих в концепт «мать» лексем со значением большой значимости, важности, первичности. Например: *Киев — мать городов русских. За Москву-мать не страшно и умирать* [4].

В традиционной русской языковой картине когнитивный компонент «кровное родство» не является обязательным для концепта «мать»: *Мать не та, что родила, а та, что воспитала.* Однако в концепте актуализируется компонент «социальная роль». При этом в русской культуре «настоящей» считается именно кровная мать, а рождение ребенка рассматривается как первостепенное свойство матери, обязанности и предназначение женщины [1, с. 1212]. Материнство рассматривается как жизненно необходимый и естественный социокультурный институт. Концепт «мать» включает в себя идею рождения, вскармливания, взращивания и поддержки, что является важнейшим условием для выживания любого вида. Мать в русской культуре выступает символом заботы, защиты и изобилия: *Всех, матушка, кормишь, одеваешь, обуваешь, всем, мать-кормилица, хлеба даешь — и своим, и чужим, и родным сынам, и пришлым из чужа пасынкам* [4].

В связи с первичностью матери в культуре концепт включает в себя компонент «сакральности» и «сакральной связи», которая устанавливается у ребенка с матерью и через нее с Богом.

Такой набор когнитивных компонентов определяет семантику образных компонентов, отражающих отношение окружающих к матери: 1) почтительное и уважительное отношение к родной или чужой матери; 2) близость и положительные отношения с матерью.

В современном медиапространстве для разрушения базового для русской национальной картины мира концепта «мать» было использовано две технологии: 1) внедрение в положительный концепт когнитивного компонента с отрицательной коннотацией и 2) десакрализация концепта.

Первая технология была реализована с помощью набравшего популярность хэштега #яжемать, сопутствующих ему «тыжемать», «онажемать». Хэштег #яжемать получил своё распространение благодаря различным интернет-форумам для молодых матерей, где они делились советами по воспитанию и уходу за детьми, особенно младенцами. Однако своё отрицательное значение и огромную популярность он получил с появлением в одной из социальных сетей сообщества «Яжемать!». На данный момент только социальная сеть «Вконтакте» насчитывает более 200 сообществ с таким хештэгом и около 2 000 000 подписчиков. На страницах данных сообществ публикуются истории, представляющие матерей в негативном свете. Истории эти носят бытовой характер: мать с ребенком попросила уступить ей место в транспорте; мать, гуляющая с младенцем, сделала замечание курившим рядом подросткам; и самое нашумевшее в СМИ событие — женщина пыталась кормить грудью ребенка в кафе. Анализ стиля и содержания этих историй показывает, что в концепт «мать» целенаправленно и последовательно внедряются компоненты с отрицательной коннотацией. «Яжемать» неадекватна и доходит до сумасшествия в воспитании ребенка; не работает и не следит за собой, так как воспитывает ребенка; нереализованная в социальной и личной жизни, невоспитанная и хамоватая женщина, агрессивно защищающая интересы своего ребенка в ущерб интересам других людей. Таким образом, формируются отрицательные когнитивные компоненты в составе концепта: 1) психологическая неадекватность, 2) социальная и личная нереализованность, 3) неприемлемое или опасное для общества поведение. Иными словами, отрицательной оценке подвергаются базовые для концепта функции материи — защищать и заботиться о своих детях.

В качестве технологии десакрализации использовались такие лексемы, внедренные в концепт «мать», как «овуляшка» (в значении: беременная или только что родившая женщина) и «беременюшка». Сакральное предназначение женщины, привести в этот мир новую жизнь, рисуется в уничижительном, карикатурном виде.

Концепт «мать» включает в себя также и связь мать — ребенок, и сам акт рождения человека. Десакрализация концепта представлена в использовании лексемы «личинка» для обозначения новорожденного младенца, а акт рождения описывается как «*овуляшка отложила личинку*».

В традиционной русской национальной картине мира концепт «мать» неразрывно связан с концептом «земля» и «родина»: *мать-сыра земля*, *родная земля*, *Родина-мать*, *земля-матушка*. Все три концепта связаны архетипами рода и матери-земли. Мать рожает ребенка, земля рожает урожай: всё это важно для выживания человеческой популяции, которая проживает на определённой территории, «родине».

Традиционно в лексеме «родина» выделяется два значения: 1) Отечество, родная страна и 2) место рождения, происхождения. Основными когнитивными компонентами являются «родная земля как географическая среда обитания» и «страна, в которой человек родился и гражданином которой является» [5, с. 56]. Кроме того в концепт входят такие образные компоненты, как 1) «символ материнства» (*Мало осталось пути… Благослови же, Родина-мать, и прости!*) [4]; 2) «богатая и изобильная земля, уникальная и самая прекрасная» (*Широка страна моя родная, Много в ней лесов, полей и рек! Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек.* Лебедев-Кумач В.); 3) «страна, вызывающая чувство гордости и иррациональной любви» (*Но люблю тебя, родина кроткая, А за что — разгадать не могу*). [5, с. 59]; 4) «непобедимая страна» (*и все, и други и недруги ее, благоговейно преклонили главу перед величием этого слова, Россия победила!*) [4]. Концепт «родина» в традиционной русской национальной картине мира имеет положительную коннотацию.

Разрушение концепта «родина» началось с внедрения компонентов с отрицательной коннотацией в 90-е годы XX столетия в период территориального распада Советского Союза и смены политико-экономической формации. Советские люди были не готовы принять новый государственный строй с чуждыми им ценностями. Переход к новому строю требовал изменить массовое сознание. Для этого средства массовой информации начали активно формировать отрицательный образ родины: *Где пиво — там и родина*; *И где бы ни жил я, И что бы ни делал, — Пред Родиной вечно в долгу* [2, с. 30]. Огромную роль сыграла в этом популяризация песни «Дай бог!» на слова Е. Евтушенко: *Дай бог, чтобы твоя страна тебя не пнула сапожищем*. Таким образом, в концепте «родина» появились образные компоненты с отрицательной коннотацией: «страна вечного пьянства», «страна, которая не ценит и грабит свой народ», «страна, которой ты вечно должен» (*Это — Родина, все равно ограбит*) [2, с. 29].

Ярким примером десакрализации концепта стала песня Ю. Шевчука «Родина»: *Еду я на родину, Пусть кричат — уродина*. Впервые сакральный для русской культуры концепт был употреблен с лексемой, имеющей столь ярко выраженную отрицательную оценку. Средства массовой информации и политики сразу подхватили эту фразу, закрепляя отрицательный образ родины в массовом сознании. При этом следующая строчка «*А она нам нравится, Хоть и не красавица»* и вариация далее в песне «*А она нам нравится, Спящая красавица*», имеющие положительные компоненты в своем значении (любовь к родине, красота родины) цитируются намного реже.

В русской языковой картине мира концепт «родина» включает в себя и памятник «Родина-мать» на Мамаевом кургане в Волгограде. Памятник поддерживает такие базовые образные компоненты, как «символ материнства», «непобедимая страна», «многострадальная земля». Памятник всегда считался не только символом победы русского народа в Великой Отечественной Войне, но и символом мужества и героизма русских женщин, матерей. Однако, сформированный ранее в массовом сознании «уродливый» образ родины позволил российскому дизайнеру А. Лебедеву высказаться о памятнике, как об «*ужаснейшем произведении советского монументального скульптурного искусства*» и пожалеть, что его невозможно снести. Кроме выражений с отрицательной коннотацией «*некрасивая скульптура*», «*ужаснейшее произведение*» дизайнер употребил и обсценную лексику для характеристики памятника. Медийное пространство подхватило скандальное высказывание и многократно отразило его в различных СМИ, особенно масштабно оно было растиражировано в социальных сетях. Робкие замечания официальных лиц и депутатов Государственной Думы, порицающее такое выступление, были отмечены лишь краткими сообщениями в лентах новостных агентств, не имеющих широкой аудитории. А многочисленные комментарии тех, кто разделяет точку зрения дизайнера, заполнили различные онлайн платформы и социальные сети. Одиозное высказывание не подверглось какой-либо цензуре и общественному осуждению и регулярно появляется в соцсетях, собирая сотни положительных комментариев и лайков.

На основании проведенного анализа развития двух базовых концептов русской культуры «мать» и «родина» можно сделать вывод, что концептосфера русского языка подвергается агрессивному

и разрушающему воздействию со стороны медийного пространства. Основные концепты и константы русской культуры, которые традиционно в массовом сознании имели положительный характер, подвергаются пейорации и детериоризации. Это может привести к трудностям в лингвоэтнокультурной самоидентификации современного поколения. И если на государственном уровне не будут приняты соответствующие меры, закрепляющие в массовом сознании ценность традиционных для русской культуры концептов, то закономерным итогом может стать полная утрата уникальной концептосферы русского национального языка.

Литература

1. Атрощенко Е. О. Функционирование концепта «мать» в русской художественной прозе XIX века // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 97(03). — С. 1209–1221.
2. Воркачев С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. 2006. Вып.4. — С. 26–36.
3. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург: Блиц, 1999. — 192 с.
4. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new/search-main.html — дата обращения 12.02.2021
5. Перевозникова А. К. Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: Философия, религия, культура. 2019. № 1(9). — С. 54–61.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СОВЕТСКИХ ЛОЗУНГОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Н. А. Сегал, О. О. Ядрова

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

(Симферополь)

Политические процессы, происходившие в началеXX века в зарождающемся советском обществе, явились основой, фундаментом будущего социалистического государства. Лозунги 20-х гг. представляли собой мощное средство агитации, отражали насущные проблемы общества того времени и воспринимались как неотъемлемая часть политической программы новой правящей партии. В

современном обществе советские лозунги воспринимаются как часть прошедшей эпохи и употребляются преимущественно в трансформированной форме. Так, в медиапространстве лозунги, как правило, приобретают ироничную коннотацию и используются каксредство языковой манипуляции, направленное на формирование определенного отношения ксовременным или советским социально-политическим реалиям.

Целью предлагаемой статьи является установление трансформационного потенциала советского лозунга 1920-х гг. ***«Земля — крестьянам! Фабрики (в некоторых источниках «заводы») — рабочим!»***в русскоязычном медиадискурсе.

Лозунг ***«Земля — крестьянам! Фабрики (в некоторых источниках — «заводы») — рабочим!»*** появился в период Октябрьской революции 1917 года. Впервые его провозгласили на I-м Всероссийском съезде крестьянских депутатов (17 мая — 10 июня 1917 г.). Большевики, заявившие, что земля должна быть общественной собственностью, воспользовались настроениями народных масс и открыто призвали крестьян к бунту и свержению буржуазно-помещичьего Временного правительства. Так, крестьяне, мечтавшие о собственной земле, с лозунгом «Земля — крестьянам!» под предводительством большевиков решительно пошли на свержение буржуазно-помещичьего Временного правительства. Свергнув его, они обеспечили однозначную победу большевикам — партии рабочего класса — в борьбе за государственную власть.

В более поздний советский период лозунг ***«Земля — крестьянам!»*** не утратил свою популярность, а, напротив, дополнился компонентом ***«Фабрики/ заводы — рабочим!»***. В предлагаемой статье мы останавливаемся на описании расширенного варианта конструкции ***«Земля — крестьянам! Фабрики / заводы — рабочим!»***, глубоко и полно закрепившегося в языковом сознании представителей советской и постсоветской эпохи.

В наше время лозунг ***«Земля — крестьянам! Фабрики / заводы — рабочим!»*** становится основой для метафорического моделирования, которое происходит на основании фоновых знаний адресата. Данная конструкция используется журналистами в медиатекстах, вызывая у читателя крепкую ассоциативную связь: он соотносит уже имеющиеся в памяти значения с вновь полученными

смысловыми кодами, пытаясь тем самым разгадать смыслы, транслируемые автором медиапродукта. Анализ актуального медиапространства показал, что лозунг ***«Земля — крестьянам! Фабрики / заводы — рабочим!»***активно реализуется в медиатекстах в трансформированном виде. Важным является тот факт, что трансформация конструкции не происходит унифицировано, а предполагает различные структурные и семантические варианты: замену одного из компонентов конструкции;расширение конструкции с заменой (опущением) одного из компонентов;расширение конструкции за счет появления третьего компонента;расширение конструкции за счет появления четвертогои более компонентов;усечение конструкции;перемена мест компонентов.

Проиллюстрируем данный тезис примерами из русскоязычного медиапространства последнего десятилетия.

Наиболее частотным примером трансформации анализируемого лозунга является расширение его компонентного состава. Третий компонент определяет идейную направленность высказывания и коннотацию всего контекста и может относиться к различным тематическим группам: ***«Землю — крестьянам, фабрики — рабочим,*** *воду — матросам!»* (https://markizsb, 13.02.2019), *«Мир — солдатам,* ***землю — крестьянам****, воду — матросам»* (https://warsh.livejournal.com, 21.09.2020), ***«Землю — крестьянам, заводы — рабочим****, деньги — водителю!»* (https://inpearls-ru.turbopages.org/s, 09.02.2021), ***«Землю — крестьянам, фабрики — рабочим****, детские сады — детям»* (https://www.caravan.kz, 11.06.2018), ***«Землю — крестьянам, фабрики — рабочим****, комнаты — детям!»* (https://prachkovskiy.livejournal.com, 21.08.2019), ***«Землю — крестьянам, фабрики — рабочим****, музеи — детям»* (https://siapress.ru, 01.04.2019), ***«Земля — крестьянам, фабрики — рабочим****, электричество — детям»* (https://www.drive2.ru/l, 08.07.2020).

Анализ медиапространства позволил сделать вывод о том, что во многих контекстах исследуемая конструкция служит смысловым центром высказывания. Обрастая новыми смыслами и коннотациями, она апеллирует к историческим фактам и их оценке в контексте современных реалий: *«они [большевики] выступали за прекращение войны, правда, они «надули» общество. Вы сами знаете:* ***земля — крестьянам, фабрики — рабочим****, народу — мира. Мира не дали, началась*

Гражданская война, фабрики и землю отобрали. Так что надувательство полное» (https://maxpark.com/community, 07.02.2010).

Интересными представляются контексты с контаминированными лозунгами. В подобных фрагментах в исходном или измененном виде сочетаются разные лозунги, зачастую относящиеся к разным социополитическим ситуациям и даже периодам, но закрепленные в языковом сознании современных носителей русской лингвокультуры как приметы советской эпохи: *«Май! Мир! Труд!* ***Землю — крестьянам! Фабрики — рабочим!*** *Женщинам — по мужику! Мужикам — по пузырю! Любящим — по ребёнку! Больным — по здоровью! Несогласным ...»* (https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl, 08.03.2020). Важно подчеркнуть, что контексты с контаминированными лозунгами построены на основе модели тоста, который произносится по случаю какого-либо торжества и приобретает значение пожелания. Данный тезис подтверждается и следующим примером: *«Живи Ленин сейчас, то он бы воскликнул: «Долой временное правительство Медведева! Приватизацию и распад СССР считать нелегитимными! Чубайса и олигархов — расстрелять! Отменить повышение пенсионного возраста!!* ***Землю — крестьянам, заводы — рабочим****, Вся власть — советам!!!»»* (https://www.pinterest.com/pin, 26.07.2020). Дополнительные коннотации в приведенных примерах определяются отношением представителей начала XXI века к реалиям советского времени. Справедливо отметить, что тенденция проецирования советских лозунговна современную общественно-политическую реальность прослеживается в медиатекстах достаточно часто. Приведём ещё одну конструкцию: *«****Фабрики рабочим, а землю крестьянам!*** *Об этом вовсю кричал исторический процесс в самом начале нашего века, а правящий класс его не слышал. Эх! Ребята и при чём здесь большевики, которые якобы отобрали у Вас власть! Власти надоело и она сама от Вас ушла к большевикам, чтобы фабрики и заводы рабочим передать ну, а землю естественно крестьянам»* (https://zavtra.ru, 30.01.2019). В данном примере исходная форма лозунга сохранена, однако семантика и коннотация выражения изменились: автор использует известный советский лозунг применительно к периоду начала XXI века и вкладывает в него собственный жизненный опыт и оценку.

Высокую степень адаптации лозунга ***«Земля — крестьянам! Фабрики / заводы — рабочим!»***в современном языковом сознании доказывает тот факт, что в контекстах его семантика может заключаться в имплицитной форме, при этом отсылка к лозунгу является бесспорной и без труда прослеживается целевой аудиторией: *«Ленин был большим шутником. Обещал крестьянам землю, но они ее так и не увидели. Крестьяне тоже были большими шутниками. Ленин тоже не увидел земли до сих пор»* (https://istoriavsem.mirtesen.ru/, 04.02.2021). В данном примере форма лозунга не сохранена, однако, опираясь на ключевые слова «крестьяне», «земля» мы можем соотнести данное выражение с исходным лозунгом.

Аллюзия на рассматриваемый лозунг прослеживается и в следующем примере, коннотация которого также является ироничной:*«Власть, мир, земля, фабрики — всё это вам, но мы всем этим будем управлять. А ваше дело пахать и не возбухать»* (https://ctakan-divanych.livejournal.com, 29.02.2018). Ассоциирование происходит посредством ключевых слов «земля», «фабрики», при этом противопоставление местоимений «вам» и «мы» подразумевает конфликт между народом и властью. Резко негативное отношение автора медиатекста к действующей власти подтверждается использованием сниженной лексики, в частности, глаголов «пахать» (в значении «тяжело работать»), «возбухать» (в значении «говорить что-л. наперекор»), которые придают высказыванию эмоциональность и оценочность.

Приведем ещё один пример трансформированной конструкции, особенностью которой является умеренно-негативная коннотация и риторический вопрос, обращенный к читателю: *«Когда Прохоров придет к власти, он раздаст землю крестьянам, фабрики... А вот фабрики он оставит себе?»* (https://otvet.mail.ru/question, 08.10.2018). В данном примере исходную конструкцию определить достаточно просто, однако первая ее часть употреблена не в качестве лозунга, не имеет значения призыва, а выражает утверждение (при помощи глагола «раздаст» в форме будущего времени изъявительного наклонения). Вторая часть исходной конструкции трансформирована в риторический вопрос и противопоставлена первой на основе контраста: «землю — раздаст», «фабрики — оставит». Высказывание имеет негативнуюконнотацию, транслируемую автором в форме вопроса, ответ на который для адресата очевиден.

Автор отсылает читателя к известному лозунгу для проведения параллели между «прошлым» и «настоящим». Таким образом, он не высказывает свою точку зрения открыто, она определяется подтекстом и опирается на общие знания носителей русской и советской культуры.

Менее частотным способом трансформации анализируемого лозунга является усечение конструкции, при котором в медиатексте реализуется только первая часть лозунга: *«**Землю — крестьянам!** И дольщикам!»* (http://www.miranda-media.ru/, 29.01.2019).

Важное место при анализе трансформационного потенциала представленного лозунга занимают контексты, в которых один из компонентов конструкции заменяется другим, что приводит не только к изменению коннотации, но и к трансформации значения всей конструкции: *«**Землю — крестьянам**, деньги — рабочим»* (https://www.youtube.com/watch?, 10.04.2019). Расширение конструкций такого типа приводит к появлению языковой игры, основанной на полисемантичности слова «фабрика». В представленном контексте происходит апеллирование к известному проекту «Фабрика звезд», ставшему площадкой для многих деятелей шоу-бизнеса:*«**Землю — крестьянам, фабрики** — звездам, каждой бабе — по мужику, каждому мужику — по бентли. Всем несогласным — по морде»* (https://humor.rin.ru, 15.01.2021).

Анализ показал, что весьма активно трансформация данного лозунга происходит при одновременном расширении конструкции и замещении одного из компонентов лозунга. При такой трансформации, как правило, замещается второй компонент исходного лозунга и добавляются языковые единицы, входящие в различные тематические группы: *«**Землю крестьянам**, воду матросам, водку народу, небо наркоманам, дороги байкерам!»* (https://moto-wheels.livejournal.com, 23.07.2021); *«Мир — солдатам, **землю — крестьянам**, воду — матросам»* (https://warsh.livejournal.com/1731746.html, 30.01.2018); *«**Землю — крестьянам!** Дворы — дворянам! Певицам — ноты! Белье — енотам!»* (http://kotomatrix.ru/best/3979/, 05.01.2021).

Наиболее частотным видом трансформации является расширение конструкции с сохранением ее исходных компонентов. Автор акцентирует внимание именно на третьем компоненте, так как в нем аккумулируется сообщение, содержащее основную цель высказыва-

ния: *«**Землю — крестьянам, заводы — рабочим**, деньги — водителю!»* (https://inpearls-ru.turbopages.org/s, 23.04.2019); *«**Землю — крестьянам, фабрики — рабочим**, детские сады — детям»* (https://www.caravan.kz, 10.03.2019)*; «**Землю — крестьянам, фабрики — рабочим**, каждому холодному носику — человека!»* (https://pikabu.ru/story/, 13.08.2019); *«**Землю — крестьянам, фабрики — рабочим**, фильтры — рыбам!»* (https://www.facebook.com/watch, 11.08.2019); *«**Землю — крестьянам, заводы — рабочим**, деньги — инвесторам»* (https://nv.ua/opinion, 16.06.2020); *«**Землю — крестьянам, заводы — рабочим**, Европу — арабам…»* (https://www.imhoclub.lv/ru, 26.02.2020)*, «**Землю — рабочим, фабрики — крестьянам**, шумерам — медицинская реформа!»* (https://news-front.info, 12.02.2018); *«**Заводы — рабочим! Землю — крестьянам!** Лаборатории — ученым!»* (https://www.amic.ru/news, 13.07.2019); *«**Землю — крестьянам, заводы — рабочим**, учителям Татарстана — ноутбуки»* (http://www.temakazan.ru/news, 18.04.2019)*; «**Землю — крестьянам, заводы — рабочим**, власть — молодежи»* (https://sakhalin.info/weekly/, 22.02.2019)*; «Вот это молодец, это по-нашему: **землю — крестьянам, заводы — рабочим**, гражданам России — свободу»* (https://161.ru, 07.09.2020)*, «**Заводы — рабочим! Землю — крестьянам!** Банкноты — работникам банков!»* (http://www.vysokovskiy.ru/, 20.09.2018).

Таким образом, общей характеристикой данных лозунгов является сохранение формы призыва, структурное соответствие исходной и новой модели при бесспорном расширении сфер приложения образов и появлении новой коннотации.

Примечательно, что,кроме конструкций, расширение которых происходит за счет появления третьего элемента, в медиатекстах были выявлены конструкции, расширение которых происходит за счет появления четвертого, пятого, шестого и т.д. компонентов. В качестве иллюстрации приведем некоторые из них: *«**Заводы — рабочим! Землю — крестьянам!** Лаборатории — учёным, знания — студентам!»* (http://kprf121.ru, 19.04.2017); *«**Земля — крестьянам, завод — рабочим**, евреям — деньги, армянам — Сочи»* (https://otvet.mail.ru/question/, 24.08.2019); *«Цырдя: пора вернуть **землю крестьянам, заводы — рабочим**, власть — народу и надежду — нашим гражданам»* (https://aif.md, 13.09.2020)*;*

*«**Землю — крестьянам, заводы — рабочим,** танки — солдатам, детям — мороженое, Крым — России!»* (https://maxpark.com, 22.07.2017)*; «**Земли — крестьянам, фабрики — рабочим**, сапоги — мертвецам, молнии — дуракам, куклы — колдунам, кости — мастерам, вдовы — горбунам, похороны — панкам, ослы — ведьмам, бродяги — старикам, валеты — дамам, тени — клоунам, кошмары — продавцам, девушки — графам, танцы — злобным гениям!»* (https://twitter.com/nik_aragua, 16.08.2020); *«**Землю — крестьянам, фабрики — рабочим**, женщинам — по мужчине, мужчинам — по Лексусу, любящим — по ребенку, больным — здоровья»* (https://gdepapa.ru/blogs, 04.05.2018).

В приведённых примерах расширение конструкции происходит посредством добавления компонентов, не входящих в состав исходного лозунга. Следует отметить, что ряд подобных по форме и структуре компонентов является открытым и может быть продолжен любым количеством дополнительных единиц, входящих в различные тематические группы, однако общая тенденция остается неизменной: расширение позволяет полностью или частично изменить семантику высказывания, наделить его новыми коннотативными оттенками и привнести неожиданные ассоциативные смыслы.

Таким образом, комплексный анализ советского лозунга ***«Земли — крестьянам, заводы/фабрики — рабочим»*** позволяет сделать вывод о широком ассоциативно-прагматическом потенциале анализируемой конструкции и богатом коннотативном фоне, моделируемом контекстами. Реализуясь при объективации в медиапространстве различных социополитических, экономических и культурных ситуаций, данный лозунг апеллирует к фоновым знаниям и системе ценностей потенциального адресата, становится источником языковой игры и выполняет манипулятивную функцию. Комплексный лингвистический анализ лозунгов советского времени позволит моделировать фрагмент русской языковой картины мира начала XXI века, связанный со спецификой восприятия реалий советской эпохи.

Литература

1. Гасумян В. И. Смысловые поля политических лозунгов (на примере предвыборных материалов партии «Единая Россия») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена.2008. — С. 78–83.

2. Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст: дис. … к. филол. наук, спец. 10.02.01 «Русский язык». Екатеринбург, 1999. — 235 с.
3. Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов.М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 542–558.
4. Мокиенко В. М. Лозунг и реклама в публицистическом дискурсе (общее и различное) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 167–173.
5. Пономаренко И. Н., Мосьпан С. А. Современный медиатекст в аспекте формирования аксиологической модальности // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2-х томах.Т. 1. — 2019. — С. 182–186.
6. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса.М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. — С. 337–383.

ЖАРГОННЫЙ ДИСКУРС VS ЯЗЫКОВОЙ ТЕАТР АБСУРДА

О. Б. Трубина
olga.palladio@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
(Москва)

Абсурд является одним из системообразующих понятий, характеризующих современное социокультурное пространство. «Всемирная энциклопедия: Философия XX век» даёт следующую трактовку этого термина: «(лат. ad absurdum — исходящий от глухого) — термин интеллектуальной традиции, обозначающий нелепость, бессмысленность феномена или явления» [3, с. 7] В традиционной логике *доведение до абсурда* есть доказательство внутренней противоречивости утверждения. В повседневной жизни понятием *абсурд* обозначают утрату субъектом действия смысла действия и коммуникации.

О. В. Кравченко в своей работе относит к лингвистическому абсурду «ненормативные, не предполагающие особой знаковой конвенции и не соответствующие реальной дискурсивной ситуации языковые конструкции, состоящие из значимых единиц и семантически противоречащие сложившейся языковой картине мира» [8, с. 66].

В. Ю. Новикова предложила ввести в лингвистический понятийный аппарат дефиницию *абсурд*, обозначив её как «алогичную языковую субстанцию, которую составляют единицы различных уровней языка, аномальные по отношению к языковой норме» [6, с. 15]. При этом она отмечает, что не все аномалии, возникающие в языке, приводят к порождению лингвистического абсурда, а только те девиации языка, которые негативно влияют на смыслообразование [6, с. 15].

Абсурд коммуникативно соотносим с непониманием, с осознанием отсутствия смысла там, где смысл должен быть. Отношение к абсурду является одним из индикаторов лингвокультурной специфики национальной картины мира [5].

В своих работах В.И. Карасик выделяет четыре коммуникативных типа абсурда, а именно: **онтологический** (или мировоззренческий), понимаемый как эмоциональный протест против отчуждения от реального мира; **фидеистический,** понимаемый как принятие иррациональности бытия, его принципиальной непостижимости для человека; **проблемный абсурд**, связанный с невозможностью решения проблемы в рамках существующей формальной логики; **комический** (игровой), то есть, упражнение в интеллектуальной гибкости, насмешка над привычным и скучным положением дел, над здравым смыслом. Автор указывает при этом на его модусы, а именно**:** остенсивный (указательный), логический, семантический (катахреза) и прагматический, определяет коммуникативные функции абсурдных высказываний**:** деструктивную, ритуальную, игровую.

В сознании реципиента языковая конструкция/языковая единица аномального содержания сталкивается с существующими в сознании реципиента представлениями, формируемыми в национальной языковой картине мира, существующей в литературном (нормированном) языке. В результате чего создается смысловой контраст (термин О.В. Кравченко), что и порождает лингвистический абсурд.

Таким образом, лингвистический абсурд является результатом противопоставления двух картин мира. При этом в тексте появляются «зоны десемантизации, зоны нейтрализации традиционных значений, зоны образования «другого смысла» [8].

Абсурд — это семантическая категория, соответствующая не языковому значению, а смыслу, возникающему в условиях конкретной реализации языковой системы — в дискурсе, в котором задействован динамический потенциал смысла.

Семантическое содержание дискурса в широком смысле, включая его прагматические ориентиры, по мнению О.В. Кравченко, представлено во взаимодействии собственно языковых конструкций, передающих закрепленные в языке значения, и параметров дискурсивной ситуации, за которыми стоят такие константы, как знание ситуации общения, знание личности коммуникантов, знание законов протекания общения и многие другие, что в целом принято называть когнитивно-прагматическим фоном высказываний [8].

При этом лингвистический абсурд есть результат следующих семантических преобразований: элиминации смысла; редукции смысла; переформулирования смысла [8].

Абсурд является системообразующей категорией для жаргонного дискурса. Обусловлено это тем, что картина мира, представленная в нем, оппозиционна по отношению к национальной картине мира, отображенной в литературном языке (и абсурдное «прочтение реальности» поддерживает эту оппозицию); кроме того, жаргон онтологически направлен на выражение эмоционального протеста, для него актуальна смеховая культура (термин М. Бахтина).

В жаргонном дискурсе представлены все возможные коммуникативные типы абсурдных высказываний: онтологические, фидеистические, проблемные и комические. Приведём примеры:

– онтологические, фидеистические: *Опустела вся Сорбонна и студентов не видать: их послали под Парижем артишоки собирать. Век живи — век учись, а дураком помрёшь. Куй железо, пока Горбачев. Лучше поздно, чем никому. На молоке обжегся, на водку дую. Встречают по одежке, а провожают поутру. Тише едешь — дальше кукиш. Назвался груздем — грузись. Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра. Слово не воробей, вылетит — может и влететь. У бобра добра не ищут (*Н. Фоменко*)*; *Если кашу маслом не испортишь, попробуйте её дегтем* (Б. Трушкин); *Тише едешь — шире морда* (М. Задорнов). (Как можно убедиться, часто в подобных случаях наблюдается использование псевдо- и антипословиц.);

– проблемные:

– Саму жизнь ценят, Витус, а не умение жить. Следствие, а не причину. А мне нужна такая девка, чтобы все эти жизненные блага ценила, но не рвалась за ними и не плевала бы на них. Чтобы за шмотьём меня видела и уважала меня за то, что я могу его иметь. И

пользовалась бы всем в меру — не переплачивала и не воровала. Короче, хозяйка мне нужна, а не грабительница и не обожательница.

– Ну-у, — скептически хмыкнул Служкин. — ***Давай ищи съеденные щи*** (А. Иванов, «Географ глобус пропил»);

– ***комические:*** *— Надя, скоро восемь, Будкин придёт, — сказал он. — Может, на стол чего накроем?*

– А я его не звала! — строптиво отозвалась Надя. — Тоже мне барин выискался — стол ему накрывай да наряжайся!.. Я ещё посмотрю, какой он. Больно он мне ***подозрителен…***

– ***Просто он шпион американский****.* ***Он уже две автобусные остановки поджёг и вчера с балкона на милиционера плюнул*** (А. Иванов, «Географ глобус пропил»).

В абсурдных жаргонных высказываниях актуализируются различные модусы, в том числе:

– **семантический,** например: *даже зубы вспотели, старший помощник младшего дворника, плюшевый десант, забодай меня комар, задушу ногами, едреный пельмень (едрены пассатижи), заниматься конной греблей на коньках; ерик-меморики* (редукция и элиминация смысла); *дворянка* (о дворняжке — переформатирование смысла);

– **прагматический,** например**:** *муж объелся груш* (ответ на вопрос: где муж?); *сейчас только шнурки поглажу / челку накрахмалю* (ответ на просьбу); *у матросов нет вопросов* (ответ на вопрос, обращенный не к матросам: есть ли у Вас / тебя вопросы); *не смеши мои подметки* (выражение несогласия, негативной оценки, иронии);

– логический, например**:** *нужны как папе римскому значок ГТО* (*еврею лапти, генсеку чирик, французу чум*)*; «Да будет свет!» — сказал монтёр и перерезал провода.*

К основным способам выражения семантических характеристик абсурда в жаргонном дискурсе, на наш взгляд, можно отнести следующие анормальные семантические процессы**:** 1) семантические контаминации**:** *дегенерал, егэфикация, прихватизация, попенгаген (попа), апофигей. похабыч* (*старик*)*, председательная железа, (предстательная железа), съездюк, стучать себя пяткой в грудь* (не *кулаком*): 2) семантическая антонимия: *Вам помочь или не мешать? Вам шашечки или ехать? Я вас не больно убью. Ужасно красиво*; 3) семантический повтор: *ужасный ужас, самый сюрный сюр.* 4) семантические подстановки (подмена исходных понятий

новыми): *Я в этом вопросе не Копенгаген!* (*некомпетентен*). *Полный Бенилюкс* (*о чём-то хорошем, качественном*); 5) семантические трансформации разного рода, искажающие реальную действительность: *От всего этого у меня просто голова квадратная.*

В жаргонном дискурсе абсурдные высказывания, по нашим наблюдениям, реализуют различные коммуникативные функции: *деструктивную, ритуальную, игровую* [8]. Деструктивная функция высказываний такого рода актуальна для жаргонного дискурса, при этом часто абсурдными являются ответные реплики в диалоге; они могут подчеркивать нежелание собеседника вступать в диалог, неуместность вопроса; выражать отказ (например, на просьбу). Часто они ритмизированы и зарифмованы с инициальной репликой. Грамматически их можно часто квалифицировать как междометные высказывания, или коммуникативы (термин И.А. Шаронова). Приведём примеры: — *Ты где? — Я там, где дают «Агдам»*; — *Сами последний носок донашиваем* (*последнюю мышку съели, последнего хряка забили*) — ответ на просьбу; *Нафига козе баян* — ответ на вопрос, почему или зачем; *Японский городовой, Забодай меня комар* и под. — выражение эмоций разного рода.

Ритуальная и игровая функция абсурдных жаргонных высказываний ярко проявляется именно в этикетных репликах и апеллятивных единицах: *инсульт-привет*, *привет от старых штиблет*; *Погонщик гастарбайтеров, пришёл, наконец-то* (фильм «Сваты»); — *С петухом-то что делать? — Что…что…курятник строить. Не варить же. Иди завтракать, строитель курятников* (фильм «Брак по завещанию»).

Одна из основных интенций участников коммуникации в рамках жаргонного дискурса — попытка привлечь внимание к себе как к неординарной личности, лишенной условностей и предрассудков; абсурдность высказывания способствует реализации этой интенции.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. — С. 3–19.
2. Вайс Д. Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг: сб. статей / Отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 259–272.
3. Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. — 976 с.

4. Ивлева С.В. Лингвосемиотические характеристики комического абсурда: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. — 24 с.
5. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация: учеб. пособие. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 384 с.
6. Новикова В.Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2001. — 17 с.
7. Карасик В.И. Типы абсурда // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр./ Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003.
8. Кравченко О.В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2. 2008. № 17. — С. 58–63.
9. Кравец А.С. Абсурд как нарушение смысла // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2002. № 2. — С. 133–176.
10. Шаронов И.А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. — С. 89–112.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ «ПРАВИЛЬНОСТЬ» И «ТОЧНОСТЬ»

Т. А. Чеботникова
chebotnikoff2@yandex.ru
Частное учреждение дополнительного образования «Просвещение»
(Оренбург)

Б. Н. Головин писал: «Правильность речи — ее не единственное, но главное коммуникативное качество. < …> Нет правильности — не могут «сработать» другие коммуникативные качества — точность, логичность, уместность» [1, с. 40]. Под правильностью Б. Н. Головин понимал соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам [1, с. 40].

Анализ собранного фактического материала показывает, что правильность и точность в речевой практике вступают в далеко не однозначные отношения.

Целью настоящей статьи является установление соотношения понятий «правильность» и «точность» применительно к текстам разных функциональных стилей.

Для достижения поставленной цели мы, обратившись к словарям, осуществили попытку выявления точек соприкосновения названных понятий и черт их отличия.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» предлагаются следующие определения понятий, обозначенных терминами «правильность» и «точность»:

● правильность речи — следование нормам литературного языка в процессе речевого общения [3, с. 499];

● точность — характеристика содержания речи на основе соотношения речи и действительности (фактическая, предметная точность), речи и мышления (понятийная, смысловая точность) [3, с.717].

Обращение к синонимическим словарям позволило установить, что слова «правильность» и «точность», не только взаимосинонимичны, но и имеют общие члены в собственных синонимических рядах. В их числе: ***безошибочность, регулярность, уместность, адекватность, устойчивость, выверенность***. Такие совпадения демонстрируют если не абсолютную равнозначность анализируемых слов, то значительное сходство их семантики. При этом каждое имеет иуникальный синонимический ряд (см. таблицу 1).

Таблица 1

Правильность	**Точность**
постоянство	детерминированность
норма	текстуальность
образцовость	лапидарность
регулярность	афористичность
закономерность	обусловленность
одинаковость	оригинальность
грамматичность	обоснованность
систематичность	чеканность
единообразие	выразительность
консервативность	хлесткость
конкретность	меткость
предпочтительность	крылатость
неукоснительность	беспроигрышность

Сопоставительный анализ представленных в таблице 1 синонимических рядов показывает, что отдельные компонентыправого рядавступают в антонимические отношения с компонентамилевого: одинаковость — оригинальность; конкретность — крылатость;

систематичность — обусловленность; единообразие — выразительность; неукоснительность — обусловленность и др. Названные отношения достаточно определенно указывают на различие в значениях слов «правильность» и «точность».

Кроме этого, в каждом из синонимических рядов имеется слово, значение которого максимально разграничивает, дифференцирует понятия «правильность» и «точность». В ряду «правильность» таковым, в нашем представлении, является слово «консервативность», в ряду «точность» — «обусловленность».

Действительно, правильность консервативна. Она получает выражение в неукоснительном соблюдении норм литературного языка, неправильность — в отступлении от них.

Норма, как писал Б. Н. Головин, «действует достаточно жестко, она «задана» самой системой и структурой функционирующего языка, она объективна и обязательна для тех, кто говорит и пишет» [1, с.20]. Норма «предполагает определенное оценочное отношение: «так можно, а так нельзя; так говорят, а так не говорят; так правильно, а так неправильно» [1, с.18].

Мы, вслед за Б. Н. Головиным, под термином «норма» понимаем «исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака» [1, с. 40]. В представленном определении ключевым является слово «выбор», получающее в словаре С. И. Ожегова следующее толкование: «выбор − взять нужное, предпочитаемое из наличного, из того, из чего можно выбрать» [4, с. 90].

Очевидно, что каждый раз, отдавая предпочтение одному из потенциально возможных вариантов, говорящий (пишущий) оставляет нереализованными другие, отвергнутые нормой варианты [1, с. 40].

Вместе с тем речевая практика показывает, что ненормативный (отвергнутый) вариант может быть коммуникативно значим и ситуативно (текстуально) предпочтителен и носитель языка, владеющий литературной нормой, способен мотивированно уклониться от ее предписаний.

Таким образом, коммуникативная ситуация диктует правила и условия выбора, а владение языком, предполагающее способность носителя языка к диглоссии, позволяет выбрать наиболее точный для данной коммуникативной ситуации вариант языкового знака.

Ср.: Знаменитый металлург академик И. П. Бардин на вопрос о том, с каким ударением он произносит слово километр, ответил: «Когда как. На заседании Президиума Академии — киломЕтр, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, килОметр, а то подумают, что зазнался Бардин» [2].

Как видим, в данном случае выбор соответствующего варианта определяется не языковой нормой, а ситуацией − местом, временем, участниками коммуникации, т.е. экстралингвистическими факторами, и мотивируется стремлением говорящего «к социальной солидарности», о которой писал Э. Сэпир: «Он говорит как мы» равнозначно утверждению «Он один из наших» [6, с.35].

Таким образом, мы получаем соотношение «неправильно, но точно».

В случае игнорирования говорящим экстралингвистических показателей, использования в речевой практике исключительно нормативного или ненормативного варианта соотношение правильности и точности будет иным: «правильно, но неточно»; «неправильно и неточно». Из сказанного следует, что «точность» текстуальна, точность — это соответствие ситуативно (контекстуально) обусловленным факторам [3, с. 500], [10].

Безусловно, не только разговорная речь располагает возможностью уместного, целесообразного, адекватного, корректного, безошибочного, «правильного» отступления от жесткой языковой нормы [8], [9].

В художественных и публицистических текстах, рекламных слоганах нередки случаи намеренных нарушений нормативных предписаний, таких как: лексическая несочетаемость, грамматическая или логическая несогласованность частей и членов предложения, смешение стилей и др.

В числе наиболее часто встречающихся отступлений можно назвать: 1) анаколуф — отклонение от синтаксической нормы, представляющее собой контаминацию различных синтаксических моделей; 2) зевгму и силлепс (силлепсис) — паралогические стилистические фигуры, основанные на нарушении закона тождества и представляющие собой включение в перечислительный однородный ряд логически и/или грамматически разнородных или не однопорядковых элементов. Например, *Не спали*

только ***Маша, отопление и зима***. К. Г. Паустовский; *Сама Марья Алексеевна* ***сидит у камина в превосходнейшем расположении духа и светло-зеленом платье****, которое к ней идет* Ф.М. Достоевский; *Наступил всеобщий застой. Общее понижение спроса и* ***падение курса не коснулись одних только статских советников****,* ***пряники же, самовары и невесты стали падать в цене и залеживаться****. Не так обидно за пряники и самовары, как за невест.* А. П. Чехов и пр.

С точки зрения существующей нормы, ошибочным является соединение в качестве однородных членов несопоставимых понятий [5, с. 259]. Подобные отступления от предписаний нормы могут быть квалифицированы как речевой недочет − свидетельство речевой небрежности автора. Очевидно, что в том случае, если текст принадлежит автору, признанному мастеру художественного слова, в компетентности которого нет оснований сомневаться, мы наблюдаем не ошибочное, вступающее в противоречие с принятой нормой сочетание несопоставимых понятий, а эффектный (возможно, и эффективный) стилистический прием, целенаправленно использованный для активизации внимания читателя, создания комического эффекта, языковой игры, разговорной непринужденности, индивидуализации речи персонажа, спонтанности и эмоциональности; прием, свидетельствующий о легкости и свободе, с которой мастер, сознательно нарушая традицию, использует языковые ресурсы, расширяя их сочетаемостный потенциал.

Для научного и официально-делового стилей соотношение «неправильно, но точно» абсолютно неприемлемо. Язык науки и деловой документации предполагает нормативность и предметную, понятийную и стилистическую точность как в устной, так и письменной форме. «Важным условием культуры речи, − пишет С. И. Виноградов, —является стилистическая правильность. Она заключается, с одной стороны, в распределении языковых единиц по текстам в соответствии с их стилистической окраской и с другой, − в использовании в тексте только тех стилистически маркированных единиц, которые органичны для данного типа текста» [3, с.499]. Именно поэтому применительно к научному и официально-деловому стилям представляется уместным использование

термина «стандарт», который подразумевает соотношение «правильно и точно» и который с целью поддержания стилистического баланса и оформительского единообразия включает перечень обязательных для соблюдения правил.

Классификация норм и ошибок в названных стилях выстраивается в соответствии с уровнями языковой системы и включает фонетические, лексические, словообразовательные морфологические и синтаксические ошибки, а в письменной реализации − орфографические и пунктуационные.

Под термином «ошибка» мы понимаем непреднамеренные отклонения от действующих языковых норм.

Недостаточность или отсутствие необходимых фактических знаний порождает ошибочные, неточные высказывания, для которых характерно соотношение «неправильно и неточно»: *Он встречал 9 мая* ***с почетом и медалями****; Руководитель* ***отметил о важности*** *поставленной задачи; Не исполнив документ в указанный срок, у исполнителя возникли проблемы; Рождество я отмечал на даче* ***у коллеги по работе****; Человека называют современником, если он* ***мыслит в ногу со временем;*** *Простакова хотела* ***выдать в люди*** *своего Митрофанушку; Комедия Грибоедова* ***сыграла важное открытие;*** *Этот образ* ***воплощает в себе лучшие качества забитой религиозной женщины*** *царской России; Вася приносил ей свои игрушки, но они* ***не производили радости*** *на Марусю; Такое воспитание Илюши* ***отложило отпечаток*** *на всю его жизнь; Все время ее занимали* ***ухаживания за цветами; Гнет женщины*** *был двойной: во-первых, со стороны мужа, во-вторых, со стороны правительства; Растет его* ***самосознательность;*** *Она* ***была в бешенстве от радости;*** *В аудитории было* ***волнительно;*** *Вовка гладил Шарика по шерсти, виляя хвостом; Листья в лесу пахнут* ***ягодами, зеленью, природой и грибами****; Она из окна* ***на нас наблюдала****;* и др. [7].

На основании вышеизложенного приходим к заключению, что понятия правильность и точность − основополагающие понятия речевой культуры — находятся в сложных и неоднозначных отношениях, а именно: 1) «правильно и точно»; 2) «неправильно, но точно»; 3) «неправильно и неточно».

Установленные отношения позволяют наметить вектор, которому необходимо следовать при изучении русского языка, при обучении русскому языку, при формировании мобильной коммуникативной личности, способной не только неукоснительно следовать предписаниям языковой нормы, но и обдуманно и целенаправленно отступать от них.

Литература

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1980. − 335 с.
2. Крысин, Л.П. Языкова норма и речевая практика // Отечественные записки. М., 2005. № 2(23).
3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/ под ред Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др.М.: Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка /под ред. Н.Ю. Шведовой.19 изд., испр. М.: Русс. яз. 1987. — 750 с.
5. Розенталь, Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Изд-во «Книга».1971. — 304 с.
6. Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. − С. 232.
7. Чеботникова, Т.А. *Точность* как *коммуникативное качество* и *стилистическая категория* // Экология языка: сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. (г. Пенза, 17 апреля 2015.) / под ред. д.ф.н. Е.Н. Сердобинцевой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. — С. 33–39.
8. Чеботникова, Т.А. Культурно-речевая компетенция как фактор достижения вершин профессионализма // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2017. — С. 321–324.
9. Чеботникова, Т.А. Коммуникативно-речевая компетенция как средство повышения эффективности профессиональной деятельности//Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 9, № 3-2 (25). — С. 524–528.
10. Чеботникова, Т.А. Изменение значения слова в корпоративной культуре и повседневной речевой практике // Русский язык в поликультурном мире: сборник статей IV Международногосимпозиума (9-11 июня 2020 г.) /отв. ред. Г.Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. Симферополь: Издательский дом КФУ. 2020. — С. 308–311.

«ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МИР» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Л. А. Кузьмина
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

В последние годы появляются работы, в которых всё многообразие проявлений прецедентности определяется термином «прецедентный мир», в рамках которого объединяются разнообразные прецедентные феномены. Основой для выделения «прецедентного мира» может являться сфера искусства (литература, кино, политика) или выдающаяся личность, «создающая вокруг себя целый мир прецедентных имён, высказываний, текстов и ситуаций» [4, с. 42].

В данной работе анализируется «прецедентный мир», восходящий к творчеству Ф. М. Достоевского, — совокупность прецедентных феноменов, связанных между собой через личность писателя, художественное произведение, его персонажей и цитат, функционирующих в медиа. Важной особенностью прецедентных феноменов является «формирование нового смысла при каждом новом использовании» [3, с. 52]. Как отмечалось выше, компонентами «прецедентного мира» Ф. М. Достоевского являются имя самого писателя, художественные произведения (цитаты и имена героев), вступающие в ассоциативно-смысловое взаимодействие друг с другом.

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имён: «коннотативное употребление антропонимов позволяет использовать очень широкий спектр функций с помощью небольшого количества языковых средств» [1, с. 54].

В медиа прецедентный антропоним ***Раскольников*** подвергается трансформациям на разных уровнях. Зачастую имя персонажа заменяется словосочетанием «студент», «студент с топором»: *«Доктор, опер и* ***студент****»*. В статье с таким заголовком речь идёт о трёх сериалах, транслирующихся каналами «Первый» и «Россия» («Личная жизнь доктора Селивановой», «Ликвидация» и «Преступление и наказание» соответственно). Подобный приём используется и в следующем заголовке: *«Путин считает* ***«бабушку из Достоевского»*** *скромнее нынешних кредиторов».* Совершенно очевидно, что речь идёт о старухе-процентщице из «Преступления и

наказания», — субституция и изменение смысла за счёт использования стилистически окрашенного синонима.

Прагматический потенциал антропонима ***Раскольников*** позволяет всё чаще употреблять лексемы *«новый», «современный» Раскольников: «Мы — не тварь дрожащая и не пыль на ветру. Мы —* ***неораскольниковы****!!!»; «По классике. В Курганской области вынесли приговор* ***"новому Раскольникову"*** */ После совершения преступления молодой человек купил себе подержанный автомобиль и два пневматических пистолета».*

Имена персонажей русской классической литературы в качестве прецедентных имён не только становятся частью массовой культуры, но и входят в повседневную жизнь представителей русского лингвокультурного сообщества и поэтому активно функционируют в языке средств массовой информации, где благодаря контекстуальной обусловленности обретают новый смысл.

Довольно частым явлением оказывается употребление прецедентных имён лишь в самом явном значении, в котором фиксируется основное, часто негативное, свойство данного литературного персонажа. При этом не учитываются авторские мотивации при создании образа, т.е. происходит значительное упрощение в семантическом плане. Так, если речь в публикации идёт об убийце, то это, скорее всего, Раскольников: *«В Донецке* ***старушка погибла*** *от рук* ***«раскольникова»*** *в юбке»*; *«****Приморский Раскольников зарубил топором*** *пожилую женщину»*; *«****Ишимский Родион Раскольников*** *из-за долгов* ***убил старушку топором*** *и спрятал её тело в погребе»*; *«В Петербурге поймали* ***“раскольникова”****, который привязал ограбленную пенсионерку к батарее и пустил в квартиру кипяток»*.

Менее частотными являются случаи употребления имени Раскольникова в значении ‘раскаявшийся грешник’: *«Россия — это и есть вечный* ***"Раскольников"****,* ***распинающий себя на кресте собственного покаяния****. Мы — снова великие и нас все боятся».* Такое употребление более свойственно аналитической прессе.

Актуализация фоновых знаний о прецедентном имени или прецедентной ситуации может реализовываться с помощью прецедентных топонимов: *«Лимонов:* ***Петербург*** *для меня город, где молодые люди сражаются со старухами».*

Отметим, что в массовой культуре встречаются трансформации-«гибриды» (по модели *фамилия писателя + название произведения*), например, название питерской группы *«Достоевский Идиотъ»* — на наш взгляд, такая номинация едва ли представляется удачной с этической точки зрения.

На литературном портале «Стихи.ру» Автору Михаилу Битеву принадлежат строки *«Побоюсь казаться дерзким, / Но скажу я, чтоб ты знал. / Ты, хозяин, —* ***Достоевский!*** */ Как же ты меня* ***достал****!».* Там же находим строки Светланы Бабетты: *«и достойнейший* ***Достоевский достал*** */Господи! ведь я почти идиот / Чутьчуть не дотягиваю / Доброты во мне Нет»* (орфография и пунктуация автора сохранены). Данные контексты демонстрируют пример довольно распространённого в массовой культуре, особенно в молодёжном сленге, ироничного сочетания «Достоевский достал» — языковая игра на основе фонетического сближения фамилии писателя и глагола «достать» в значении *'сильно надоесть, довести до озлобления или утомить'*. Полагаем, что такую языковую игру вряд ли можно считать уместной, а сами контексты — образцом качественной поэзии.

Другим наиболее распространённым проявлением прецедентности в медиа являются прецедентные высказывания. Использование таких элементов стимулирует интерес читателя и выполняет контактоустанавливающую функцию, а также является средством аргументации, убеждения, воздействия и инструментом самовыражения, реализации творческого потенциала автора медиатекста.

Прецедентные высказывания могут быть каноническими и трансформированными, когда изменения производятся намеренно с целью достижения определённого результата и цели. Прецедентное высказывание *«"Тварь я дрожащая, или?" — или как не стать Наполеоном»* — название передачи цикла «Человек разумный» на «Радио Мария», в которой психолог Евгений Крашенинников размышляет на тему стремления к превосходству и комплекса неполноценности, уничижения и гордыни. Заголовок *«Тварь я дрожащая или право имею?»*, на первый взгляд, представлен в каноническом виде, однако в статье речь идёт об *авторском* праве — в данном случае содержание статьи актуализирует новый смысл выражения, чему способствует многозначность слова «*право»*.

Фраза «тварь дрожащая» является чрезвычайно распространённой в компьютерных играх: *«Не тварь дрожащая, а право имеет.* ***Игры про убийц****»;«Тварь я дрожащая или право имею»* — название видеоигры (жанр «иммерсив-сим», в котором игрок может разрешать задачи, как хочет), пользователь поясняет, что у персонажа «есть возможность решать, кому жить, кому остаться лишь в памяти, а кого стереть с лица земли навсегда».

Традиционно прецедентность воплощается в использовании мотивов литературного произведения в других видах искусства, например, кинематографе, театре, музыке и т.д. В частности, в текстах современной рок-поэзии часто встречаются прецедентные феномены. Майк Науменко (лидер группы «Зоопарк») в песне «Уездный город N» намеренно трансформирует традиционный образ литературного персонажа: *«Родион Романыч стоит на углу/, Напоминая собой Нотр-Дам/. Он точит топоры, он правит бритву/,* ***Он охочь до престарелых дам****».* Автор искажает образ Родиона Раскольникова, изменяя дифференциальные признаки антропонима и заставляя читателя произвести своеобразную переоценку культурных и этических ценностей.

Музыкант, лидер группы «Ленинград» Сергей Шнуров написал стихотворение, объектом иронии которого стал Санкт-Петербург и события, которые в нём происходят, — убийства, символическим обобщением которых становится преступление, совершённое Раскольниковым в романе:

Слышишь, ***Родя топорик свой точит****?*
Ветер свищет, как будто январь,
Как покойницы, бледные ночи.
Тварь дрожащая или не тварь?
И шатается стоя прохожий,
Как повешенный здесь декабрист.
Ветер лезет под самую кожу,
Город призраков, город убийств.

Кроме того, важным для прецедентного мира представляется взаимодействие прецедентных феноменов с теорией поликодовых-текстов как «когерентного целого, состоящего из нескольких семиотических кодов» — вербальной и невербальной прецедентности в демотиваторах и интернет-мемах [5, с. 73]. Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обусловливается общими тенденциями

интернет-коммуникации: сжатость текста, наличие возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты, оценочность. Популярность мемов является следствием их развлекательно-юмористического характера [2, с. 426]. Зачастую этому способствует буквализация прецедентных феноменов, положенных в основу мема или демотиватора. Например, фраза «тварь я дрожащая» часто актуализирует прямое значение лексемы «дрожать» — *'испытывать дрожь, трястись от холода'*, на что указывает контекст: *«Тварь я дрожащая, или* ***плед принесёте****?», «Тварь я дрожащая, или* ***отопление дадут****?», «Тварь я дрожащая, или* ***пуховик надену****?»*

В отличие от использования в художественной литературе, где прецедентные феномены служат средством раскрытия авторского замысла, в интернет-мемах они выполняют важную функцию создания интеллектуальной игры, так как для полного понимания мема необходимо понять, декодировать прецедентный феномен. Мемы, являясь элементами молодёжной субкультуры, отражают специфический юмор, часто имея провокационный оттенок, что способствует реализации аттрактивной функции.

Безусловно, в рамках отдельной статьи невозможно описать всё многообразие способов отражения в современных масс-медиа «прецедентного мира» такого классика русской литературы, как Достоевский. Однако необходимо выделить тенденцию к индивидуально-авторскому трансформированию как смысла, так и структуры прецедентного феномена, с одной стороны, и тенденцию к клишированию и стереотипизации некоторых трансформаций — с другой.

Литература

1. Будаев Э.В. Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании // Научный диалог. 2020. № 8. — С. 52–68.
2. Гладкая Н.В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-дискурса // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2017. Т. 21. № 2. — С. 424–437.
3. Кабанков А.И. Прецедентный мир В. Высоцкого в дискурсе новых медиа: семантико-аксиологический и регулятивный аспекты: дисс. … канд. филол. наук. Томск, 2017. — 225 с.
4. Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). — С. 41–46.
5. Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 66–78.

Научное издание

Материалы симпозиума

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Сборник научных статей
V Международного симпозиума
(8–12 июня 2021 г.)

Том I

Подписано в печать 28.05.2021 г.
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 20,58.
Тираж: 150 экз. Заказ № НИ/53.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru